

Михаил Иванович Мельтюхов

Советско-Польские войны

Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг.

Введение

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях или верный росс?*

А. С. Пушкин
"Клеветникам России", 1831 г.

Восточная Европа разделена невидимой границей, соответствующей изотерме января, которая проходит через Прибалтику, Западную Белоруссию и Украину до Черного моря. К востоку от этой линии преобладают морозные, сухие зимы, к западу — влажные и теплые. Соответственно, и климатические условия в этих регионах совершенно разные. Не случайно эта воздушная линия стала границей между двумя цивилизациями — «Западом» и «Россией», которые вышли на историческую арену соответственно в VIII и XIV веках¹. В культурном плане четким индикатором разных цивилизаций стало католическое и православное вероисповедания христианства. Как и любое другое биосферное образование, каждая цивилизация стремится к расширению своего ареала обитания. Конечно, это неосознанное стремление преломляется в сознании людей и получает те или иные рациональные (или иррациональные) объяснения. В то далекое время речь, как правило, шла о различных религиозных обоснованиях этой внешней экспансии.

Расширяя ареал своего обитания, «Западная» цивилизация к XIII в. охватила всю Центральную и Северную Европу, на Востоке шло завоевание Финляндии и Прибалтики, на Юго-Востоке продолжались крестовые походы, которые должны были привести к подчинению Византии и обладанию Восточным Средиземноморьем. На Пиренейском полуострове шла Реконкиста — отвоевание его у арабов. На Северо-Западе велась длительная борьба за подчинение Ирландии.

Становление «Российской» цивилизации в XIII — XIV веках проходило в сложной политической обстановке. Раскол бывшей Киевской Руси на удельные княжества и их дальнейшее дробление наряду со снижением активности огромных масс местного населения грозил Восточной Европе покорением западным соседом. Но в этот момент пришли монголы и политическая карта резко изменилась: в восточноевропейской степи возникла Золотая Орда — великая держава своего времени. И у руссов появился выбор. Как известно, Северо-Восточная Русь пошла на союз с Ордой, который по традиции того времени был обставлен как вассальная зависимость, а Юго-Западная Русь рвалась в Европу.

В то же время начался взлет истории Литовского княжества, которое сумело не только отразить натиск крестоносцев, но и подчинить себе центральные и южные земли бывшей Киевской Руси — Поднепровье и междуречье Припяти и Западной Двины (будущую Белоруссию). Возникло новое государство Великое княжество Литовское, ставшее не только своеобразным буфером между формирующейся Россией и Западом, но и ареной ожесточенной борьбы двух христианских церквей — католической и православной. В итоге в 1386 г. Кревская уния Литвы и Польши привела к тому, что подавляющая часть литовской знати сделала выбор в пользу католичества, а основная масса населения сохранила традиционное православие и постепенно оформилась в двух новых этносах — белоруссов и малороссов, живших в Польско-Литовском государстве. Тем самым Великое княжество Литовское оказалось частью «Западной» цивилизации — ее восточным форпостом.

Тем временем на Северо-Востоке Руси на основе смешения славян, угро-финнов и татар сформировался новый народ — великороссы (русские), создавшие свою собственную социально-политическую систему, построенную на основе отрицания принципа удельной власти — централизованное государство с центром в Москве. Формальное получение независимости в 1480 г. позволило России поставить вопрос о возвращении земель, принадлежавших Великому княжеству Литовскому и населенных православными. Это, в свою очередь, определило общий вектор отношений России и Польско-Литовского государства на века вперед. В 1492—1494, 1500—1503, 1507—1509, 1512—1522 гг. велись войны, в результате которых Россия возвратила себе Смоленскую, Черниговскую и Новгород-Северскую земли. В дальнейшем до 1562 г. неоднократно продлевалось соглашение о перемирии.

В XVI в. Россия приступила к подчинению восточных соседей, по-новому воссоздавая в центре Евразии утраченное распадом Монгольской империи единство. На западных рубежах была сделана попытка добиться выхода к Балтийскому морю и решить Крымский вопрос. Все это привело к конфликту с Польско-Литовским государством, которое само имело определенные виды и на Прибалтику, и на Крым. В итоге в Ливонской войне Россия и Польско-Литовское государство (с 1569 г. Речь Посполитая) стали соперниками. В это время Речь Посполитая находилась на подъеме и России пришлось уступить. В итоге 15 января 1582 г. был заключен мир в Яме Запольском, согласно которому Лифляндия и Курляндия отошли к Речи Посполитой, а Россия передала ей небольшие территории севернее Полоцка.

Начавшийся кризис в России в конце XVI в. был использован Речью Посполитой для усиления своего влияния на Востоке. От поддержки Лжедмитрия в 1609 г. Речь Посполитая перешла к открытой войне с Россией, прикрытой фактом приглашения королевича Владислава на русский престол Советом семи бояр в Москве. Лишь консолидация русского общества, нашедшего наконец-то основу для компромисса, позволило в 10-х гг. XVII в. завершить Смуту и отбиться от западных соседей. Однако по условиям Деулинского перемирия, заключенного 1 декабря 1618 г. на 14,5 лет, Речь Посполитая получила Смоленскую и Черниговскую земли. Оправившись от Смуты, Россия в 1632—1634 гг. попыталась вернуть Смоленск, но потерпела поражение. Правда, по Поляновскому миру от 4 июня 1634 г. польская сторона отказалась от притязаний на московский престол.

Однако сама Речь Посполитая переживала в XVII в. нелегкое время. Ее, также как и всю Западную цивилизацию, затронула Реформация, породившая невиданную ранее религиозную нетерпимость, которая чуть позже приобрела и социальную окраску. В Речи Посполитой, где жило много православных, именно они стали объектом этой нетерпимости. Понятно, что этнические, религиозные и социальные различия должны были рано или поздно ярко проявить себя, что и произошло. Уже в конце XVI в. на русских окраинах Речи Посполитой неоднократно вспыхивали восстания, но с 1647 г. началась национально-освободительная борьба русских украинцев под руководством Б. Хмельницкого. Общая ситуация, в которой оказалась Украина, зажатая между Речью Посполитой и Крымом, предопределила обращение за помощью к Москве. 8 января 1654 г. Переяславская Рада приняла решение о конфедерации Украины с Россией — началась новая Русско-польская война 1654—1667 гг. В итоге стороны согласились на компромисс, и по Андрусовскому перемирию 30 января 1667 г. Россия вернула Смоленск, Северскую землю, Левобережную Украину и Киев. 6 мая 1686 г. был заключен «Вечный мир», подтвердивший новую границу и передачу России Запорожья.

В конце XVII—XVIII в. Речь Посполитая стала слабым государством и служила буфером, ограждающим Россию с Запада. Как известно, значительная часть событий Северной войны 1700—1721 гг. прошла именно на территории союзной России Речи Посполитой. Хотя в Северной войне польский король Август II был союзником России, это не мешало польской элите самой претендовать на Курляндию и Лифляндию, отказываясь от гарантирования русских завоеваний и от признания императорского титула российского монарха. Естественно, что для России было важно, кто станет преемником Августа II. Основной задачей русской дипломатии было сохранение Речи Посполитой и блокирование любых попыток усиления королевской власти — слабый сосед всегда предпочтительнее сильного.

В борьбе за польский престол столкнулись С. Лещинский, ставленник Франции и Швеции, и Август III, ставленник России и Австрии. В 1733—1735 гг. Россия приняла активное участие в войне за Польское наследство, в ходе которой ей удалось оградить Речь Посполитую от влияния Франции. В итоге при помощи русской армии на польском престоле укрепился Август III, который был вынужден отказаться от претензий на Лифляндию и сохранить традиционное устройство Речи Посполитой. Высказанная в это же время Австрией, Пруссией и Швецией идея раздела Речи Посполитой не была поддержана Россией. В дальнейшем Российская империя предпочитала оказывать закулисное влияние на своего западного соседа. Лишь в 1770 г. эта политика была изменена.

Тем временем Российской империи удалось добиться признания за собой роли великой европейской державы. Если Северная война стала своеобразной заявкой России на этот статус, то по итогам Семилетней войны 1756—1763 гг. он был окончательно закреплён за ней.

После смерти Августа III с русской финансовой помощью на польский престол был возведен С. Понятовский — Екатерина II нуждалась в спокойном и послушном западном соседе для войны с Османской империей за выход к Черному морю. В 1768 г. Россия добилась, чтобы в Речи Посполитой не католики были уравнены в правах с католиками, но это не умиротворило страну. Барская конфедерация организовала борьбу с православным населением, которое тоже взялось за оружие. В условиях Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. барские конфедераты фактически действовали на стороне турок. Лишь в 1772 г. им было нанесено поражение под Краковом. Связанная войной с Турцией, Россия была поставлена перед выбором: либо уступить шантажу со стороны прусского короля, предложившего разделить Речь Посполитую, либо подвергнуться

нападению Франции и Австрии. 5 августа 1772 г. Пруссия, Австрия и Россия заключили договор о разделе Речи Посполитой. Пруссия получили Гданьское Поморье и Великопольшу (36 тыс. кв. км и 580 тыс. человек), Австрия — Малопольшу (83 тыс. кв. км и 2 650 тыс. человек), а Россия — территорию по восточным берегам Западной Двины и Днепра с городами Полоцк, Могилев и Витебск (92 тыс. кв. км и 1 300 тыс. человек). Влияние России в Речи Посполитой сохранилось.

В условиях войны революционной Франции с Пруссией и Австрией Россия постаралась недопустить реформирования Речи Посполитой, а 23 января 1793 г. Россия и Пруссия подписали второй договор о разделе Речи Посполитой. Пруссия получила Гданьск, Торунь и часть Великой Польши (58 тыс. кв. км), а Россия — Белоруссию и Правобережную Украину (250 тыс. кв. км). Эти события, а также революция во Франции вколыхнули часть польской элиты, и в 1794 г. в Речи Посполитой вспыхнуло восстание под предводительством Т. Костюшко, которое было подавлено русскими войсками. 24 октября 1795 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали соглашение об окончательном разделе Речи Посполитой. Россия получила Западную Белоруссию, Литву и Курляндию (120 тыс. кв. км), Австрия — Западную Украину и Краков (47 тыс. кв. км), а Пруссия — Центральную Польшу с Варшавой (48 тыс. кв. км). Тем самым Россия наконец-то вернула территории, захваченные Литвой и Польшей в XIII—XIV вв. Теперь граница цивилизаций почти полностью совпала с политическими границами в Восточной Европе.

Однако на этом решение польской проблемы не завершилось. В ходе наполеоновских войн в 1807 г. было восстановлено герцогство Варшавское, ставшее союзником Франции. Понятно, что Россия с недоверием восприняла эти действия Наполеона, но пока, будучи вынужденной заключить с Францией союзный договор, мирилась с ситуацией. По мере ухудшения русско-французских отношений Россия попыталась создать новый антифранцузский союз с Пруссией, Австрией и Польшей, но ничего из этого не вышло, и в ходе войны 1812 г. герцогство Варшавское, движимое в том числе и реваншистскими намерениями, стало противником России. В результате разгрома Наполеона и нового передела Европы на Венском конгрессе 1814—1815 гг. большая часть Центральной Польши была передана под власть Российской империи в качестве автономного Царства Польского². То есть Россия впервые получила часть территории «Западной» цивилизации, а не просто пограничные районы, как это было в Прибалтике и Финляндии.

Так завершилась первая попытка в борьбе за господство в Восточной Европе между Россией и Польско-Литовским государством. Однако как известно, ничего вечного нет, и после Первой мировой войны в условиях нового передела Европы Польша возродилась, а общий хаос в Восточной Европе вновь поставил вопрос о том, кто будет господствовать в регионе. Рассмотрению этой второй попытки в борьбе за влияние в Восточной Европе и посвящена данная книга. В ней подробно рассмотрены основные этапы советско-польских отношений 1918—1939 гг. с точки зрения борьбы сторон за статус «великой державы».

Сама по себе новая схватка за влияние в регионе была вполне закономерна. Как и любые другие государства, Польша и Советский Союз старались расширить зону своего влияния. К сожалению, в отечественной историографии никогда не признавалось это стремление Советского Союза, и в результате сложилась довольно оригинальная картина. Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно.

Однако отказ от такого идеологизированного подхода делает советскую внешнюю политику столь же понятной, как и политику любой другой страны. Рассмотрение международной ситуации в рамках историко-политологического анализа развития систем международных отношений показывает, что советское руководство в начале 1920-х гг. столкнулось со сложной, но довольно традиционной проблемой. В годы революции и Гражданской войны Советский Союз утратил завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство взяло на вооружение концепцию «мировой революции», совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики страны стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников.

Сложные советско-польские отношения 1918—1939 гг., начавшиеся и завершившиеся необъявленными войнами, инициатива которых исходила вначале от Варшавы, а затем от Москвы, изучались во второй половине XX века в советской историографии с учетом политической конъюнктуры. При этом все наиболее сложные темы, как правило, упоминались вскользь, а то и

просто замалчивались. Политические изменения 1980—1990-х гг. как в Польше, так и в СССР придали этим слабоизученным темам чисто политическое звучание, что сделало их скорее элементом политической борьбы, нежели объектом научного исследования. Однако за эти годы в научный оборот были введены многие недоступные ранее документы, а исчезновение жесткого моноидеологического давления позволило более всесторонне исследовать их. В отечественной историографии советско-польские отношения 1920-х — первой половины 1930-х гг. изучены гораздо лучше, чем отношения между двумя странами в конце 1930-х гг. Прежде всего это относится к исследованию событий сентября 1939 г. — первые работы на эту тему появились лишь недавно³. Поэтому одной из целей данного исследования является более подробное и систематическое описание Польской кампании Красной армии 1939 г. на основе доступных архивных документов.

В последние годы в российской литературе идет переоценка многих событий межвоенной истории XX века. В том числе этот процесс затронул и изучение советско-польских отношений. Однако к сожалению, нередко здесь основным мотивом служит не желание углубить наши знания о том периоде, а лишь стремление к огульному очернению советской внешней политики. Для этого, как правило, используются абстрактные моральные оценки, без учета конкретных исторических реалий и менталитета эпохи. Поэтому, на наш взгляд, следует попытаться непредвзято взглянуть на советско-польские отношения в их динамике через призму развития Версальской системы международных отношений и генезиса Второй мировой войны. Автор полагает, что каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику, но это вовсе не означает, что в оценке этой политики следует исходить только из политической конъюнктуры. Более того, именно далекая перспектива позволяет более объективно оценить прошедшие события. Кроме того, не следует разрывать цепь событий, что также искажает их восприятие. Именно поэтому, по нашему мнению, важно рассмотреть советско-польские отношения за 21 межвоенный год.

Таким образом, перед современной российской историографией стоит задача всестороннего изучения того пути, по которому удалось пройти Советскому Союзу от парии международного сообщества до второй сверхдержавы мира. Это позволит, с одной стороны, воздать должное нашим предкам, чьим потом и кровью был полит этот путь, а с другой стороны, даст современному российскому обществу определенные ориентиры на будущее. Конечно, решение этой задачи потребует длительных усилий и изучения развития международных отношений на разных уровнях. Составляющей частью этой проблемы являются двусторонние отношения Советского Союза с другими странами. Важное значение для советского руководства имели отношения с западными соседями, наиболее крупным из которых была Польша. Причем важность советско-польских отношений определялась тем, что именно Польша тоже стремилась достичь статуса «великой державы». То есть в данном случае речь идет о рассмотрении взаимоотношений двух соседних стран, стремившихся к одной цели.

Следует сразу же оговориться, что в данном исследовании речь не идет об обвинении или оправдании советской или польской внешней политики. Автор полагает, что и Польша, и Советский Союз отстаивали каждый свою собственную правду, какой бы надуманной она ни казалась нам ныне. Поэтому главной задачей работы стало выявление причин, предопределивших то развитие советско-польских отношений в 1918—1939 гг., которое развело наши страны по разные стороны политических баррикад, обрекло их на столкновение.

Часть первая

Хаос

(1917 — март 1921 г.)

В 1815 г. Польша вновь исчезла с политической карты Европы. Границы, установленные в Восточной Европе Венским конгрессом, просуществовали до 1914 г., когда начавшаяся Первая мировая война поставила вопрос о новом территориальном переделе. Уже 14 августа 1914 г. российское правительство заявило о стремлении объединить всех поляков в границах Царства Польского под скипетром российского императора. Со своей стороны Германия и Австро-Венгрия ограничились довольно общими декларациями о будущей свободе поляков без каких-либо конкретных обещаний. В ходе войны в составе германской, австро-венгерской, российской и французской армий были созданы национальные польские воинские части. После оккупации Царства Польского германскими и австро-венгерскими войсками в 1915 г. подавляющая часть польского населения оказалась под контролем Германии и Австро-Венгрии, которые 5 ноября 1916 г. провозгласили «самостоятельность» Царства Польского без указания его границ. В качестве органа управления в декабре 1916 г. был создан Временный Государственный совет. Ответной контрмерой России стало заявление 12 декабря 1916 г. о стремлении к созданию «свободной

Польши» из всех ее трех частей. В январе 1917 г. это заявление в целом было поддержано Англией, Францией и США.

Распад

Тем временем в феврале — марте 1917 г. политическая борьба либеральных партий и правительства в Петрограде завершилась отречением Николая II и созданием Временного правительства и системы Советов. Уже 14 (27) марта 1917 г. Петроградский совет декларировал право наций на самоопределение, которым может воспользоваться и Польша⁴. Естественно, что 17 (30) марта Временное правительство также заявило о необходимости создания польского независимого государства, находящегося в военном союзе с Россией. Правда, реализация этого заявления откладывалась до окончания войны и решений Учредительного собрания⁵. Как и многие другие абстрактные принципы, идея права наций на самоопределение не учитывала реальные сложности, связанные со смешанным расселением различных этнических групп в Восточной Европе. Однако в тот момент это была очень популярная идея. Правда, в Польше идея этнотерриториального размежевания с Россией была значительно менее популярна, нежели идея о восстановлении исторической справедливости путем воссоздания Речи Посполитой в границах 1772 г. Поэтому уже 6 апреля 1917 г. Временный Государственный совет заявил, что одобряет декларацию российского Временного правительства, но земли между Польшей и Россией должны стать предметом выяснения интересов между Варшавой и Петроградом, а не одностороннего решения Учредительного собрания⁶. Созданный 12 сентября 1917 г. в Варшаве вместо Временного Государственного совета Регентский совет подтвердил эту позицию, хотя в тот момент эти заявления являлись простой декларацией, поскольку территория Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией.

Тем временем широкая популяризация идеи национального самоопределения привела к усилению центробежных тенденций в России. 4 марта 1917 г. в Киеве была создана Центральная Рада, в которую вошли М. Грушевский, С. Петлюра и В. Винниченко, потребовавшая от Временного правительства самой широкой автономии Украины и четкого определения ее границ. Со своей стороны Временное правительство старалось оттянуть полное решение этих вопросов до созыва Учредительного собрания. Такая позиция Петрограда лишь радикализовала требования Киева, который летом 1917 г. занялся созданием своей национальной армии. Нарастание хаоса и обострение политической борьбы в России привели к тому, что 25 октября (7 ноября) 1917 г. Временное правительство было свергнуто. К власти пришли большевики и левые эсеры, создавшие новое правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК). Принятая 2 (15) ноября 1917 г. Декларация прав народов России, признававшая их право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства», видимо, подтолкнула Центральную Раду заявить 7 (20) ноября о создании Украинской народной республики (УНР) в рамках общероссийской федерации⁷. Тем временем СНК 8 (21) ноября обратился к воюющим странам с предложением о заключении мира без аннексий и контрибуций⁸. 15 декабря было заключено перемирие между Россией и странами Четверного союза⁹. 4 (17) декабря СНК признал УНР, указав в то же время на недопустимость дезорганизации фронта, разоружения русских войск и поддержки частей А.М. Каледина и потребовав прекратить в 48 часов подобные действия. В противном случае СНК считал бы Центральную Раду в состоянии «войны с Советской властью в России и на Украине»¹⁰. Собравшийся в Харькове I Всеукраинский съезд советов 12 (25) декабря провозгласил создание Украинской советской республики в составе общероссийской федерации. Начавшиеся 9 (22) декабря переговоры о мире в Брест-Литовске показали, что общие декларации об отказе от аннексий и контрибуций никого не интересуют¹¹. Делегация Четверного союза настаивала на передатке 150 тыс. кв. км российских западных земель. Столь откровенно аннексионистская программа вынуждала советское правительство тянуть время.

По требованию делегации Четверного союза 13 (26) декабря 1917 г. представители УНР были допущены на переговоры в Брест-Литовске. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) СНК предложил Центральной Раде начать переговоры об урегулировании отношений, которые так и не состоялись, поскольку Германия решила сыграть на противоречиях Петрограда и Киева. 11 (24) января 1918 г. УНР объявила о своей независимости, которая была тут же признана Германией. В итоге 9 февраля 1918 г. был подписан мирный договор УНР со странами Четверного союза, согласно которому Киев получал Холмщину, а Австро-Венгрия брала на себя обязательство подготовить к 31 июля 1918 г. проект выделения из состава Галиции ее восточной части, населенной украинцами, и присоединить ее в качестве коронной земли к Буковине. Со своей стороны УНР должна была в первой половине 1918 г. поставить в Германию и Австро-Венгрию 60 млн пудов хлеба, 2 750 тыс. пудов мяса, 400 млн штук яиц и другие сельскохозяйственные товары и промышленное сырье. Тем временем в Польше ширилось движение протеста против территориальных условий договора с УНР. В итоге 4 марта 1918 г. Центральная Рада заявила Регентскому совету о возможности пересмотра границ в будущем.

Заклучив договор с УНР, Германия 10 февраля выдвинула ультиматум о подписании советской делегацией предложенного ей мирного договора. В ответ глава делегации Л. Д. Троцкий заявил, что Россия мира не подпишет, а армию демобилизует. Советская делегация покинула Брест-Литовск. 18 февраля германские войска возобновили наступление и заняли Прибалтику. В итоге советскому правительству пришлось 3 марта 1918 г. подписать в Брест-Литовске мирный договор, предложенный ей странами Четверного союза. Согласно договору РСФСР признавала независимость Финляндии и УНР и должна была вывести свои войска с их территории, а также из Эстляндии и Лифляндии. Западная граница Советской России устанавливалась по линии Рига — Двинск — Друя — Дрисвяты — Михалишки — Дзевилишки — Докудова — р. Неман — р. Зельвянка — Пружаны — Видомль¹². Тем самым РСФСР отказывалась от прав на Польшу, что было благоприятно воспринято в Варшаве. Регентский совет при посредничестве Германии предложил Москве установить дипломатические отношения, но советское руководство 16 июня 1918 г. отказалось, поскольку не признавало Регентский совет представителем воли польского народа, рассматривая его лишь как административный орган, созданный оккупантами¹³. Антанта не признала Брестского договора, и 6 марта 1918 г. английские войска высадились в Мурманске, положив начало иностранной интервенции в Россию.

Расширение гражданской войны на Украине и неудачи войска УНР привели к тому, что Центральная Рада обратилась за поддержкой к Германии, которая незамедлительно направила свои войска на ее территорию. Как только выяснилось, что украинская Красная армия не может противостоять германским частям, которые быстро продвигались на восток, германские власти разогнали Центральную Раду и 26 апреля 1918 г. создали правительство во главе с гетманом П.П. Скоропадским. 29 августа 1918 г. в соответствии с требованиями Брестского договора советское правительство заявило об отмене всех соглашений о разделе Польши¹⁴.

По мере приближения конца Первой мировой войны советское правительство, желая получить из Варшавы более оперативную информацию, 29 октября 1918 г. предложило Регентскому Совету аккредитовать Ю. Мархлевского в качестве дипломатического представителя РСФСР в Польше¹⁵. Однако на этот раз Варшава, опасаясь усиления большевистского влияния, промолчала¹⁶. По мере ухудшения положения в Польше активизировалось социальное движение. Осенью 1918 г. в стране возникло около 120 Советов, кое-где появились и отряды Красной гвардии, крестьяне требовали проведения аграрной реформы. Все это вынуждало властьпридержащих лавировать.

Тем временем положение стран Четверного союза все более ухудшалось. 31 октября 1918 г. началась революция в Австро-Венгрии. Во Львове еще 18 октября был создан Украинский национальный совет во главе с Е. Петрушевичем, провозгласивший Западно-украинскую народную республику (ЗУНР), армия которой была создана на основе украинских воинских частей австро-венгерской армии. Соответственно активизировалось и польское национальное движение. 1 октября в Цешинском княжестве образовался Национальный польский совет, объявивший 30 октября о возвращении этой территории Польше¹⁷. 23 октября Регентский совет заявил о создании министерства иностранных дел и военного министерства во главе с Ю. Пилсудским, находившемся в это время в заключении в крепости Магдебурга в Германии. 25 октября в Кракове была создана Ликвидационная комиссия, взявшая на себя власть в Западной Галиции от имени польского государства. 27 октября Регентский совет объявил о создании польской армии с включением в ее состав всех польских военных формирований. 7 ноября в Люблине возникло «народное правительство», которое заявило о роспуске Регентского совета, провозгласило гражданские свободы, 8-часовой рабочий день, национализацию лесов, пожалованных и майоратных имений, создание самоуправлений и гражданской милиции. Все другие социальные требования откладывались до решений Законодательного сейма. Понимая, что власть ускользает из рук, Регентский совет добился от Германии освобождения Пилсудского, который 10 ноября прибыл в Варшаву. Переговоры с Регентским советом и Люблинским правительством привели к тому, что 14 ноября власть была передана Пилсудскому. 22 ноября он подписал декрет об организации высшей власти в Польской республике, согласно которому Пилсудский назначался «временным начальником государства», обладавшим полной законодательной и исполнительной властью. Фактически речь шла о создании диктатуры Пилсудского, прикрытой красивой должностью — в конце XVIII в. начальником государства был Т. Костюшко.

Переговоры и захваты

11 ноября 1918 г. Германия подписала перемирие в Компьене, согласно которому отказалась от Брестского договора. 13 ноября Москва также аннулировала этот договор¹⁸, что сделало его установления несуществующими. 16 ноября Пилсудский уведомил все страны, кроме РСФСР, о создании независимого польского государства. 26—28 ноября в ходе обмена нотами по вопросу о судьбе миссии Регентского совета, находящейся в Москве, советское правительство заявило о готовности установить дипломатические отношения с Польшей¹⁹. 4 декабря Варшава заявила, что до решения вопроса о миссии никакого обсуждения этой проблемы не будет. В ходе обмена

нотами в декабре 1918 г. советская сторона трижды предлагала устновить дипломатические отношения, но Польша под разными предлогами отказывалась от этих предложений²⁰. 2 января 1919 г. поляки расстреляли миссию Российского Красного Креста, что вызвало новый обмен нотами на этот раз с обвинениями со стороны РСФСР²¹. Таким образом, Москва признала Польшу и была готова нормализовать отношения с ней, но Варшава была озабочена определением своих границ. Как и большинство других политиков, Пилсудский был сторонником восстановления польской границы 1772 г. и считал, что чем дольше в России продолжается неразбериха, тем большие территории сможет контролировать Польша. Своеобразной программой максимум Пилсудского было создание ряда национальных государств на территории европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы. Это, по его мнению, позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию.

В ноябре 1918 г. германские войска стали отводиться с оккупированных территорий, что развязало руки всем заинтересованным сторонам. Красная армия двинулась на запад вслед за уходящими германскими частями. Уже 10 декабря 1918 г. она освободила Минск, 2 января 1919 г. — Мозырь, 6 января — Гомель, 13 января — Слоним, 25 января из Пинска были выбиты части УНР. К 13 февраля Красная армия занимала фронт Паневеж — Слоним — Береза Картузская — Иваново (Янов Полесский) — Сарны — Овруч. 1 декабря 1918 г. была провозглашена Литовская ССР, а 22 декабря РСФСР признала ее независимость²². Польское население Литвы и Белоруссии создало систему самообороны — Комитет защиты восточных окраин (КЗВО), который обратился за помощью к Варшаве. Это позволило Пилсудскому обосновать его экспансионистские планы лозунгом защиты поляков. 21 декабря в Вильно местные поляки создали Временную комиссию управления округом Северной Литвы, что, естественно, вызвало негативную реакцию как просоветских, так и националистических литовских властей. Для Варшавы этот шаг стал политическим прикрытием захвата Вильно: приказ об этом войска получили еще 19 декабря. 1 января 1919 г. польские части заняли Вильно, но 3 января к городу подошли части Красной армии и 6 января выбили из него поляков. 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская ССР. 3 февраля 1919 г. съезд Советов БССР высказался за федерацию с РСФСР. 10 февраля Москва вновь предложила Варшаве установить нормальные отношения²³. 16 февраля советские власти Литвы и Белоруссии предложили Польше договориться о границах, но Варшава промолчала²⁴. 27 февраля 1919 г. была создана Литовско-Белорусская ССР со столицей в Вильно²⁵.

В свою очередь, польские войска двинулись на восток и ликвидировали украинскую администрацию на Холмщине, в Бресте, Жабинке, Кобрине и Владимире-Вольнском. Уже 4 февраля 1919 г. поляки заняли Ковель, а 9 февраля — Брест. 5 февраля под давлением Франции было подписано германо-польское соглашение об эвакуации германских войск из Литвы и Белоруссии и их замены польскими войсками²⁶. 9—14 февраля германские войска пропустили польские части через свои порядки до линии р. Неман до Скиделя — р. Зельвянка — р. Ружанка — Пружаны — Кобрин. Затем поляки заняли Белосток, откуда ушли германские части. С февраля 1919 г. возник сплошной советско-польский фронт от р. Неман до р. Припять. 18 февраля 1918 г. под нажимом Франции было подписано германо-польское перемирие в Познани, что позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта 1919 г. польские части генерала С. Шептицкого заняли Слоним, 5 марта части генерала А. Листовского — Пинск²⁷. Советские войска были вынуждены отходить, поскольку 4 марта началось наступление войск Колчака на Восточном фронте и туда стали перебрасываться части с запада. Положение частей Западного фронта осложнилось.

Как указывал в своем донесении 11 апреля 1919 г. президенту В. Вильсону американский представитель при миссии государств Антанты в Польше генерал-майор Дж. Кернан, «хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше. Легкость, с которой им это удалось, доказывает, что полякам не противостояли хорошо организованные советские вооруженные силы. Я убежден, что наступательный воинственный крестовый поход, предпринятый из России, центра распространения пропаганды большевизма или советского движения, остановлен. Но он может быть снова вызван к жизни агрессивными действиями извне, а их можно ожидать как со стороны Польши, так и других государств»²⁸.

Однако пока основное внимание польского руководства привлекала ситуация на юго-востоке, где, как уже отмечалось, еще 9 ноября 1918 г. была провозглашена ЗУНР во главе с президентом Е. Петрушевичем, территория которой охватывала Восточную Галицию, Лемковщину, Закарпатье и Буковину. 1 ноября 1918 г. польское население Львова подняло восстание и захватило город. В это же время польские войска генерала В. Ивашкевича захватили восточную Холмщину и Подляшье, отошедшие по Брестскому миру к УНР. 9 ноября поляки выбили украинские части из Перемышля. С этого, собственно, и началась польско-украинская война. 3 января 1919 г. ЗУНР и

УНР объединились. К январю 1919 г. украинские части контролировали всю территорию Восточной Галиции, кроме Львова и железной дороги Львов — Перемышль. Попытки посредничества стран Антанты приводили лишь к кратким перемириям. Первой эту роль решила сыграть Англия. Однако январские переговоры показали, что позиции сторон совершенно несовместимы. Украинцы требовали границу по р. Сан, поляки настаивали на линии р. Стырь — Буск — Рогатин — Гнилая Липа — Ломница (то есть 2/3 Восточной Галиции и Западная Волынь оставались за Польшей). Англия предложила в качестве компромиса линию от Буга до Днестра с передачей Львова Польше. Понятно, что переговоры окончились безрезультатно и украинские части возобновили наступление на Львов. 22 февраля уже Франция потребовала заключения перемирия, но новые переговоры опять завершились безрезультатно²⁹. С ноября 1918 по апрель 1919 г. в Восточной Галиции действовало 60—80% польских войск. В середине марта 1919 г. в Польшу стала прибывать 70-тысячная армия генерала Ю. Галлера из Франции. 22 марта по требованию Антанты украинцы опять приостановили боевые действия, но переговоры вновь ни к чему не привели, поскольку Польша не была заинтересована в привлечении излишнего внимания Парижской мирной конференции к Галицийскому вопросу³⁰.

В Париже польские представители доказывали, что Восточная Галиция должна быть присоединена к Польше, а УНР не может быть признана. В условиях правовой неопределенности Польша стремилась захватить как можно больше территории, чтобы поставить Антанту перед свершившимся фактом. 20 апреля поляки начали наступление, что сделало украинцев более сговорчивыми, но Польша не выдвигала никаких требований. Хотя Англия предлагала объявить перемирие и дать возможность Парижской конференции обсудить Галицийский вопрос, Польша, опираясь на поддержку Франции, 14 мая нарастила силу удара, использовав для этого армию Галлера³¹. Вместе с тем игнорирование Варшавой всех предложений конференции привело к тому, что в конце мая Антанта усилила дипломатическое давление на Польшу. Кроме того, возникли опасения, что Германия откажется подписать Версальский договор, и было решено использовать польские войска для давления на Берлин³².

Однако успехи Красной армии на Украине и революция в Венгрии отвлекли Антанту от Галицийского вопроса. Стремление недопустить советские войска на соединение с венгерскими, которые в это время заняли восточную Словакию и находились в 20 с небольшим километрах от р. Сан, привело к тому, что было решено позволить Польше оккупировать Восточную Галицию, но при сохранении ее автономии. 25 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел Англии, Франции, Италии и США уполномочил Польшу оккупировать Восточную Галицию до р. Збруч. Вопрос о судьбе Восточной Галиции был отложен до плебисцита, который следовало провести позже. Это решение развязало Польше руки, и к 17 июля вся Восточная Галиция была оккупирована польскими войсками. 21 ноября 1919 г. Верховный совет Антанты предоставил Польше 25-летний мандат на управление Восточной Галицией, но 10 декабря Варшава заявила протест, сославшись на то, что Восточная Галиция является неотъемлемой частью страны. Хотя 22 декабря Антанта подтвердила свое решение³³, судьба Восточной Галиции была отложена на будущее³⁴. Кроме Польши на территорию ЗУНР претендовали Румыния, захватившая Буковину, и Чехословакия, требовавшая передачи ей Лемковщины и Закарпатья. Армия ЗУНР отошла на Украину, где в ноябре 1919 г. подчинилась А.И. Деникину, а после его разгрома — Красной армии.

16—24 марта 1919 г. в Москве проходили неофициальные советско-польские переговоры, в ходе которых польская миссия выставила следующие условия соглашения. От РСФСР требовалось, во-первых, не использовать Красную армию для поддержки революции в Польше; во-вторых, не создавать советского польского правительства и, в-третьих, предлагалось установить границу на основе самоопределения населения спорных территорий с выводом оттуда войск сторон³⁵. В целом Москва приняла эти условия, но Варшава так и не пошла на официальные переговоры, поскольку правительство Пилсудского стремилось захватить как можно больше территории. Тем самым новая польская власть пыталась решить сразу несколько проблем. Призыв в армию снижал высокий уровень безработицы и социального напряжения, оккупированные территории давали возможность получить материальные ресурсы и сплотить польское население на основе националистических лозунгов, отвлекая его от революции. Успехи Колчака на Восточном фронте делали победу Белой армии вполне реальной, и в этих условиях Польша опасалась, что Антанта поддержит территориальные требования России и стремилась захватить как можно больше.

К сожалению, подавляющее большинство конфликтов того времени в Восточной Европе изобиловало взаимным ожесточением и вопиющими проявлениями бесчеловечности. В этом отношении начавшееся с февраля 1919 г. продвижение польской армии на восток ни чем не отличалось от действий других вооруженных отрядов. Так, будущий министр иностранных дел Польши в 1930-е годы Ю. Бек рассказывал своему отцу Ю. Беку, вице-министру внутренних дел в правительстве Падеревского, как в конце 1918 г. после разведывательного задания в Румынии, Москве и Киеве он с товарищами по организации пробирался через «большевизированную Украину»: «В деревнях мы убивали всех поголовно и все сжигали при малейшем подозрении в

неискренности. Я собственноручно работал прикладом». Периодически предпринимались жестокие бомбардировки и артобстрелы не имевших гарнизонов городов. Объектами обстрела нередко становились медицинские учреждения, отмеченные опознавательными знаками. Занятие городов и населенных пунктов сопровождалось самочинными расправами военных с местными представителями советской власти, а также еврейскими погромами, выдававшимися за акты искоренения большевизма. Так, после занятия Пинска по приказу коменданта польского гарнизона на месте, без суда было расстреляно около 40 евреев, пришедших для молитвы, которых приняли за собрание большевиков. Был арестован медицинский персонал госпиталя и несколько санитаров расстреляны. Хотя эти факты получили широкую огласку, военное командование отказало гражданской администрации в допуске к документам. Преступление было оправдано нервным напряжением офицеров в боях с большевиками, а прямой его виновник — переведен в другое место с повышением.

Недаром появление польских войск в Литве и Белоруссии сразу же вызвало локальные восстания. Обострение антагонизма заставило Пилсудского в дальнейшем отказаться от поддержки белорусского национального движения. Несмотря на то что некоторые польские газеты еще в марте с возмущением писали о бесчинствах армии на востоке, захват Вильно был ознаменован растянувшейся на несколько недель вакханалией расправы над защитниками или просто сочувствующими советской власти людьми: арестами, отправкой в концлагеря, пытками и истязаниями в тюрьмах, расстрелами без суда, в том числе стариков, женщин и детей, еврейским погромом и массовыми грабежами. Местные жители оказывались совершенно беззащитными перед произволом и извращенными эксцессами армии страны, называвшей себя бастионом христианской цивилизации в борьбе против большевизма и вообще «восточного варварства». По свидетельству представителя польской администрации на оккупированных территориях — Гражданского управления Восточных земель (ГУВЗ) М. Коссаковского, убить или замучить большевика не считалось грехом. «В присутствии генерала Листовского (командующего оперативной группой в Полесье) застрелили мальчика лишь за то, что якобы недобро улыбался». Один офицер «десятками стрелял людей только за то, что были бедно одеты и выглядели, как большевики... были убиты около 20-ти изгнанников, прибывших из-за линии фронта... этих людей грабили, секли плетью из колючей проволоки, прижигали раскаленным железом для получения ложных признаний». Коссаковский был очевидцем следующего «опыта»: «кому-то в распоротый живот зашили живого кота и побились об заклад, кто первый подохнет, человек или кот».

Вся экспансионистская программа прикрывалась лозунгом создания федерации во главе с Польшей. 15 апреля Польша предложила Литве восстановить польско-литовскую унию, но это предложение не нашло поддержки в Каунасе. Тем не менее польское руководство планировало обставить захват Вильно как акцию, необходимую для свободного объединения Польши и Литвы. 19—21 апреля поляки под командованием генерала Рыдз-Смиглы выбили из Вильно части Красной армии, но создать польско-литовское правительство не удалось. Вместо него ГУВЗ установило на литовских землях власть военно-оккупационного характера. Таким образом, обещание Пилсудского, содержащееся в его воззвании «К жителям бывшего Великого Княжества Литовского», о том, что он хочет дать им «возможность разрешения внутренних, национальных и религиозных проблем по собственному усмотрению, без какого бы то ни было насилия или давления со стороны Польши», осталось невыполненным, что еще уменьшило шансы на соглашение с национальным литовским правительством. Страны Антанты не спешили узаконить польский захват³⁶.

В Белоруссии польские части 16 апреля заняли Лиду, 18 апреля — Новогрудок, а 19 апреля — Барановичи. До подписания Версальского договора Польша старалась не увлекаться наступлением на восток, но после 28 июня оно возобновилось. Сосредоточив 23 217 бойцов против 15 262 в советских частях³⁷, 1 июля поляки захватили Вилейку, 4 июля — Молодечно, а 7 июля — Лунинец. К 9 июля фронт в Белоруссии проходил по линии Шарковщина — Воропаево — оз. Нарочь — ст. Залесье — р. Березина (впадающая в Неман) — Воложин — Першай — Ивенец — Камень — Налибок — Колядино — Клецк — Ганцевичи — р. Ясельда — р. Припять. Во второй половине июля советские войска несколько раз пытались выбить противника из Вилейки и Молодечно, но успеха не достигли. Подтянув свежие части, поляки нанесли от Молодечно удар на Минск, который был ими занят 8 августа. Потеря этого важного транспортного узла и недостаток сил на растянутой линии фронта вынудили командование Западного фронта к концу августа отвести войска 16-й армии на

р. Березину. 29 августа поляки заняли Бобруйск, а 10 сентября — Борисов. В октябре — ноябре 1919 г. польские войска пытались прорваться вдоль р. Западная Двина на Витебск, но Красная армия удержала Полоцк, а наступление зимы свело активность войск сторон до уровня поисковых действий патрулей. На Волыни поляки 9 августа захватили Дубно и Кременец, 13 августа — Ровно. В ноябре 1919 г. польские части использовали отвод войск Деникина для продвижения на линию р. Уборть — Олевск — Новоград-Волынский — Проскурров — Каменец-Подольск. 3 января 1920 г. поляки вместе с латвийскими войсками заняли Двинск (Даугавпилс)³⁸.

Польское наступление привело к новым проблемам в дипломатических контактах с Москвой. Узнав о захвате Вильно, советская сторона потребовала отъезда из Москвы А. Венцковского, и неофициальные контакты были прерваны³⁹. Новые неофициальные контакты сторон имели место в июле в Беловеже, где Венцковский встречался с Мархлевским, который от имени Москвы предлагал Польше мирное соглашение, но получил отказ со ссылкой на сложное международное положение. Тем не менее стороны договорились о проведении Конференции обществ Красного Креста. Согласие Москвы было получено уже 17 августа⁴⁰.

Во время похода войск А.И. Деникина на Москву польское руководство заняло выжидательную позицию, поскольку победа в России «белых», не признававших за Польшей прав на западнобелорусские и западноукраинские земли, создала бы для Варшавы массу проблем. Кроме того, неурожай лета 1919 г. и ранняя зима поставила перед поляками вопрос, сможет ли Польша вообще воевать. Вместе с тем Пилсудский не мог принять предложений Москвы о заключении мира, так как в этом случае пришлось бы демобилизовать армию, что лишь подстегнуло бы общее недовольство в стране. С другой стороны, затянувшаяся война вызывала недовольство польского населения, в армии падала дисциплина, среди новобранцев росло дезертирство, и солдаты постепенно становились восприимчивыми к большевистской пропаганде. Все это вынудило польское руководство 4 сентября согласиться на проведение Конференции обществ Красного Креста, которая фактически вылилась в неофициальные переговоры с Москвой, проходившие 10 октября — 13 декабря 1919 г. на станции Микашевичи. 2 ноября было подписано соглашение о заложниках, согласно которому РСФСР освобождала и отправляла в Польшу арестованных поляков. 9 ноября было подписано соглашение об обмене гражданскими пленными, но польские войска не пропускали беженцев за линию фронта, не желая заниматься их обустройством. В итоге переговоры были прерваны польской стороной, когда стало ясно, что поход Деникина на Москву провалился⁴¹.

Стремясь снять с Варшавы ответственность за прекращение переговоров, 28 ноября 1919 г. помощник министра иностранных дел Скржинский в ответ на запрос в польском сейме заявил, что Польша готова к мирному соглашению с Советами, но Москва якобы никогда не предлагала Польше подобного соглашения, что она будто угрожала Польше вторжением и не желает удовлетворить «законные польские требования»⁴². Это заявление стало известно в Москве, и чтобы рассеять всякие недоразумения, которые могли затруднить установление мирных отношений между двумя странами, советское правительство 22 декабря 1919 г. направило Польше ноту, в которой снова предложило «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира»⁴³.

Тем временем 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты огласил Декларацию о временных восточных границах Польши, согласно которой границей стала линия этнографического преобладания польского населения от Восточной Пруссии до бывшей русско-австрийской границы на Буге. Относительно оккупированных Польшей земель на востоке в декларации не было сказано ни слова⁴⁴. Постепенно на Западе формировалась идея создания «санитарного кордона» на западных границах Советской России, воплощение которой требовало создания сильной Польши в качестве противовеса Германии и России. В этих условиях польское руководство попыталось сыграть на «угрозе большевизма», чтобы получить от Антанты материальную поддержку. Однако учитывая мирные предложения Москвы и разруху в России, Англия и США довольно скептически воспринимали эти польские заявления, что, впрочем, не мешало им оказывать Польше определенную поддержку военным снаряжением в обмен на проникновение в польскую экономику⁴⁵. Всего весной 1920 г. Англия, Франция и США поставили Польше 1 494 орудия, 2 800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 200 бронемашин, 800 грузовиков, 576 млн патронов, 10 млн снарядов, 4,5 тыс. повозок, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар обуви, средства связи и медикаменты⁴⁶.

Не дождавшись ответа, советское руководство 28 января 1920 г. обратилось к правительству Польши и польскому народу с заявлением, в котором указывалось, что политика РСФСР в отношении Польши исходит не из случайных временных военных или дипломатических комбинаций, а из незыблемого принципа национального самоопределения и что советское правительство безоговорочно признавало и признает независимость и суверенность Польской республики. Правительство РСФСР от своего имени и от имени правительства Советской Украины заявило, что в случае начала и во время переговоров Красная армия не переступит занимаемой ею линии фронта: Дрисса — Дисна — Полоцк — Борисов — местечко Паричи — станции Птичь и Белокоровичи — местечко Чуднов — местечко Пилявы — местечко Деражня — Бар. В заявлении выражалась надежда, что все спорные вопросы будут урегулированы мирным путем⁴⁷. Таким образом, Советская Россия стремилась разрешить спорные вопросы за столом переговоров и обеспечить благоприятные условия для окончательного разгрома «белых» армий.

В ответ на советское заявление от 28 января 1920 г. польская сторона заявила о необходимости обсудить его с Антантой. Правда, еще 26 января Англия заявила Варшаве, что не может рекомендовать Польше продолжать политику войны, поскольку РСФСР не представляет

военной угрозы для Европы. 2 февраля 1920 г. ВЦИК РСФСР принял обращение к польскому народу, снова повторив предложения о заключении мира с Польшей⁴⁸. 22 февраля УССР также предложила Польше заключить мирный договор, еще раз повторив свое предложение 6 марта⁴⁹. В этих условиях Верховный совет Антанты 24 февраля заявил, что если Польша выставит на переговорах с Москвой слишком чрезмерные требования, то Антанта не будет ей помогать, если Москва откажется от мира. Однако польское руководство, одержимое идеей восстановления границ 1772 г. и уверенное в военной бессилии Советской России, решило максимально затянуть дипломатические маневры, чтобы создать благоприятные условия для военных операций⁵⁰. Попытки польского руководства заручиться поддержкой стран Антанты, Латвии и Румынии ни к чему не привели, поскольку все они заняли выжидательную позицию в отношении польских намерений на Востоке⁵¹.

Цели польского руководства были довольно откровенно сформулированы в информационном документе для командного состава Волынского фронта, подготовленном по указанию Пилсудского 1 марта 1920 г. В нем отмечалось, что «глава государства и польское правительство стоят на позиции безусловного ослабления России... В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину. Ведущей идеей создания самостоятельной Украины является создание барьера между Польшей и Россией и переход Украины под польское влияние и обеспечение таким путем экспансии Польши как экономической — для создания себе рынка сбыта, так и политической»⁵².

В преддверии схватки

Пока польское правительство всячески уклонялось от ответа на советские мирные предложения, польское командование стремилось создать все условия, чтобы наступление в глубь Украины прошло без особых затруднений. Для того чтобы лишить советское командование возможности перебрасывать войска с севера на юг, было решено перерезать железную дорогу Орша — Жлобин — Коростень — Житомир, связывавшую Западный и Юго-Западный фронты. 5 марта 1920 г. польские войска генерала В. Сикорского начали наступление и 6 марта заняли Мозырь и Калинковичи. Противостоявшая им в Полесье 57-я стрелковая дивизия насчитывала всего 1 375 штыков при 25 легких орудиях, растянутых на 120-километровом фронте. Однако захват названных пунктов не решал основной задачи, поставленной противником, ибо главные резервы на Западный и Юго-Западный фронты шли в это время из центра страны и с Кавказского фронта. Продолжая наступление, поляки 8 марта захватили Речицу, но, получив подкрепления, в середине марта 57-я дивизия вернула город и отбросила противника к Калинковичам. В дальнейшем в течение месяца стороны вели в этом районе упорные бои, которые позволили польскому руководству начать шумиху в прессе о советском наступлении, угрожающем независимости Польши⁵³.

6 марта 1920 г. Москва обратилась к Варшаве с нотой, в которой указывалось, что польское правительство не только не ответило на мирные советские предложения, но допустило новые агрессивные действия. Советское правительство заявляло о том, что оно надеется получить ответ на свои предложения⁵⁴. В тот же день командование Юго-Западного фронта приказало 12-й и 14-й армиям активизировать свои действия и выйти на линию рр. Птичь, Уборть — Новоград-Волынский — Шепетовка — Проскуров — Солодовцы — Каменец-Подольск. Однако начавшиеся бои не дали существенных результатов, и 24 марта советским войскам на Украине было приказано перейти к обороне. Тем временем 10 марта Главное командование Красной армии рассмотрело варианты плана операции против польских войска. Главный удар следовало наносить войсками Западного фронта в направлении Игумен — Минск, а Юго-Западный фронт следовало усилить 1-й Конной армией, которую нужно было перебросить с Кавказа.

27 марта 1920 г. польский министр иностранных дел С. Патек сообщил в Москву о согласии польского правительства 10 апреля начать переговоры о мире. Местом переговоров назначался город Борисов, который находился в районе боевых действий и был занят польскими войсками⁵⁵. Предлагаемое Варшавой перемирие вокруг Борисова позволяло польскому командованию вести наступление на Украине и одновременно препятствовало Советской России начать ответные действия в Белоруссии. Поэтому советское правительство 28 марта предложило заключить общее перемирие и выбрать для переговоров любое другое место вдали от линии фронта. Польское правительство 1 апреля 1920 г. ответило отказом⁵⁶. На новые предложения Москвы от 2 апреля Варшава 7 апреля заявила, что либо переговоры начнутся 17 апреля в Борисове, либо их не будет вовсе⁵⁷. Тем самым стало очевидно, что польское предложение было лишь дипломатическим маневром, рассчитанным на заведомо неприемлемые для Советской страны условия⁵⁸. Таким образом, все попытки советского правительства установить мирные отношения и решить спорные вопросы путем переговоров закончились неудачей. Польское руководство расценило миролюбивые предложения Советского государства как признак его слабости и сделало ставку на военную силу.

Развернутая в польской прессе кампания с описанием советского наступления была подкреплена официальным заявлением Варшавы от 20 апреля, в котором Москва обвинялась в намеренном затягивании переговоров и в том, что она начала большое наступление против Польши. В ответ 23 апреля Москва, естественно, возложила ответственность за срыв переговоров на Польшу и предложила в качестве места переговоров Гродно или Белосток⁵⁹. Понятно, что польское руководство уже не собиралось как-либо реагировать на это предложение. В качестве союзника для похода на Восток присвоивший себе маршалское звание Пилсудский решил использовать С. Петлюру, вытесненного с Украины в оккупированную Польшей Восточную Галицию. Отчаянно нуждающийся в чьей-либо поддержке, Петлюра в подписанном в ночь на 22 апреля договоре с Пилсудским соглашался на передачу Волини Польше, которая гарантировала ему контроль над украинскими территориями до линии границы 1772 г. 24 апреля была подписана польско-украинская военная конвенция, согласно которой 2 украинские дивизии подчинялись верховному польскому командованию, а польские войска на Украине получали возможность снабжаться за счет союзника⁶⁰.

К сосредоточению сил на Украине и в Белоруссии польское командование приступило в конце 1919 г.⁶¹ Переброска войск и военных материалов производилась в строгой тайне. Так, под предлогом недостатка угля в Польше было приостановлено на две недели пассажирское железнодорожное сообщение, а весь транспорт был использован для военных перевозок. В январе и феврале 1920 г. на польский Восточный фронт прибыло 4 1/2 новых пехотных дивизий и 3 кавалерийские бригады, из них 3 пехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада были направлены на Украинский участок фронта. За зиму 1919—1920 гг. польская армия, находившаяся на советском фронте, была полностью укомплектована и хорошо оснащена. К апрелю 1920 г. польские вооруженные силы на Восточном фронте состояли из шести армий (см. таблицу 1), боевая численность которых определялась в 148,4 тыс. солдат и офицеров. На их вооружении было 4 157 пулеметов, 302 миномета, 894 артиллерийских орудия, 49 броневых автомобилей и 51 самолет, из которых в составе резервной 11-й пехотной дивизии находилось 4,4 тыс. бойцов и офицеров, 120 пулеметов, 56 орудий⁶².

Хотя в целом на фронте польские войска лишь незначительно превосходили Красную армию, но на Украине, где польское командование планировало нанести главный удар, ему удалось создать значительное превосходство над армиями Юго-Западного фронта (см. таблицу 3). Кроме того, следует помнить, что 13-я армия этого фронта вела бои против войск П.Н. Врангеля, сосредоточенных в Крыму.

Со своей стороны советское руководство, столкнувшись с невозможностью установить мирные отношения с Польшей, не могло не учитывать вероятность расширения военных действий. Еще в середине февраля 1920 г. начальник оперативного управления штаба Красной армии Б.М. Шапошников подготовил доклад с изложением плана возможной операции против Польши. Предполагая, что польские войска, вероятно, в союзе с Латвией, будут наступать в Белоруссии, Шапошников предлагал сосредоточить в составе Западного фронта 19 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий и нанести главный удар на Вильно — Лиду. Кроме того, предлагалось провести ряд вспомогательных ударов в Полесье и на Волини. Считалось, что этот план мог быть осуществлен после сосредоточения войск не ранее конца апреля 1920 г.⁶⁴ 23 февраля 1920 г. Реввоенсовет (РВС) Западного фронта направил на имя председателя Совета Обороны В.И. Ленина доклад, в котором командующий В.М. Гиттис и член РВС фронта Ю.С. Уншлихт приводили подробные данные о состоянии армий Западного фронта и группировке сил противника, сообщали об усилении польских войск. В докладе сообщалось о мерах, предпринимаемых командованием на случай польского наступления. РВС Западного фронта просил принять своевременно меры по усилению войск фронта, без чего «обстановка на западном фронте в случае перехода польских войск в наступление может быстро и резко серьезно осложниться...».

Советское руководство серьезно отнеслось к просьбе командования Западного фронта, однако оно не располагало боеготовыми резервами. Только после того, как в марте 1920 г. определилось окончательное поражение войск Деникина и Колчака, можно было приступить к увеличению сил на Западном фронте. Все войска, какие приходилось перебрасывать на польский фронт, находились в это время от театра военных действий за тысячи километров — в Сибири, на Урале, на Кавказе. Даже при хорошем состоянии транспорта на перевозку этих войск к фронту потребовалось бы значительное время. Однако состояние железных дорог во время Гражданской войны было исключительно тяжелым, поэтому в течение полутора месяцев (с 15 марта по 1 мая 1920 г.) на Западный фронт прибыло всего 3 дивизии двухбригадного состава, а на польский участок Юго-Западного фронта — только 1 стрелковая дивизия. Остальные войска к началу мая находились еще в пути.

17 апреля 1920 г. Пилсудский утвердил состав польских армий и групп, предназначенных действовать против советского Юго-Западного фронта, и отдал приказ о наступлении, ближайшей целью которого являлся захват Киева. Считалось, что именно на Украине сосредоточены основные

силы Красной армии, разгром которых позволит предпринять широкое наступление в Белоруссии. Польское командование для выхода к Киеву рассчитывало нанести правым флангом своей 3-й армии сильный удар в стык 12-й и 14-й советских армий, чтобы, прорвавшись к Житомиру, Радомыслу и Казатину, разобщить их, а группа Рыбака должна была прорвать фронт 12-й армии с севера и, развивая наступление на Овруч, Коростень и Малин, выйти в тыл 12-й армии, окружить и уничтожить ее. Считалось, что тем самым создадутся благоприятные условия для захвата Киева и разгрома 14-й армии. Для главного удара были выделены семь пехотных и одна кавалерийская дивизия, а на одесское направление — три пехотные дивизии и конница. Решающую роль в операции должна была играть вновь сформированная и наиболее многочисленная 3-я польская армия, командование которой взял на себя Пилсудский. Особую роль в этой операции польское командование отводило коннице, которая должна была прорваться в тыл советских войск и отрезать им пути отхода на восток⁶⁵.

Советским войскам Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров, член РВС Р.И. Берзин) предстояло выдержать натиск численно превосходящего, хорошо подготовленного противника. Кроме того, в тылу войск Юго-Западного фронта активно действовала вражеская агентура, стремившаяся ослабить боеспособность советских частей. Утром 23 апреля две галицийские бригады, занимавшие оборону на участке 14-й армии, подняли антисоветский мятеж⁶⁶. Для его ликвидации советское командование вынуждено было использовать все резервы 14-й и часть резервов 12-й армии. Кроме того, в тылу Юго-Западного фронта действовали различные повстанческие отряды от сельской самообороны до формирований, выступавших под политическими или националистическими лозунгами. Для борьбы с ними советскому командованию приходилось выделять значительные силы. Например, только из 12-й армии было послано 8 экспедиционных отрядов, в 150—200 человек каждый⁶⁷.

Поход на Киев

В этой сложной обстановке и началось наступление на Украине польских войск, которые на рассвете 25 апреля 1920 г. атаковали советские войска на широком фронте от Припяти до Днестра. Разгорелись ожесточенные бои. Главный удар противник наносил по 12-й армии, войска которой уже к вечеру 26 апреля утратили связь со штабом армии. Советские войска были вынуждены отходить, чтобы избежать разгрома. 26 апреля польские войска захватили Житомир, Коростень и Радомысль. К утру 27 апреля польская конница ворвалась в Малин и Казатин. Однако надежды противника на быстрый разгром Красной армии оказались несбыточными. Полякам не хватало сил для создания устойчивого фронта окружения, что позволяло советским войскам с боями отходить на восток. Так, окруженная в районе Коростеня 7-я стрелковая дивизия 12-й армии (начдив А.Г. Голиков, военком Ф. Ф. Рогалев), испытывавшая недостаток в продовольствии и боеприпасах, в течение трех дней самоотверженно сражалась в окружении, отходя от Коростеня на Малин. Дивизия не только выстояла и отразила все атаки противника, но и 28 апреля успешно вырвалась из окружения в районе Малина, вышла из кольца и вывезла с собой 30 эшелонов с войсковым имуществом и перешла в атаку. Части дивизии, отбросив противника, захватили пленных, 8 орудий и 23 пулемета. За эти бои 7-я стрелковая дивизия была награждена почетным революционным Красным знаменем.

В условиях прорыва фронта противником командование Юго-Западного фронта 27 апреля определило главную задачу — удержать Киевский район и путем обороны на широком фронте выиграть время до подхода 1-й Конной армии с Северного Кавказа, измотать противника, заставить его рассредоточить свои силы на огромном пространстве и тем самым создать выгодные условия для перехода советских войск в контрнаступление⁶⁸. Пока же 1 мая по приказу командования войска Юго-Западного фронта перешли к пассивной обороне⁶⁹. Этому способствовало и то, что 29 апреля — 3 мая польское наступление замедлилось, что, с одной стороны, обуславливалось необходимостью изменения группировки войск, а с другой — отражало колебания польского командования в вопросе выбора следующей цели: Киев или разгром 14-й армии. В итоге было принято решение добить советскую 12-ю армию на подступах к Киеву и занять город.

В ходе наступления на Киев противнику удалось рассечь на части и окружить 58-ю стрелковую дивизию 12-й армии, но, сорганизовавшись, части дивизии нанесли сильный удар по противнику и вышли из окружения. Соединившись с другими подразделениями 12-й армии, дивизия сдерживала противника на реках Тетерев, Здвиж, Ирпень и под Киевом. Отход частей 58-й дивизии прикрывал экипаж бронепоезда № 56, сдерживавший натиск 2 тыс. кавалеристов противника с 8 орудиями. В районе станции Коростень противнику удалось выйти в тыл бронепоезда и перекрыть железнодорожный путь сброшенным с рельсов маневровым паровозом. Однако после упорного боя экипажу бронепоезда удалось, оттеснив противника и расчистив путь, выйти из окружения.

Хотя противник продолжал продвигаться в глубь Украины, советские 12-я и 14-я армии, понесшие значительные потери, все же не были разгромлены и сохранили фронт. В ходе боев и частично от болезней польская армия, по официальным данным Главного командования Польши, потеряла в течение апреля 1920 г. 190 офицеров и 13,7 тыс. солдат⁷⁰. Упорное сопротивление

советских войск и отход их к Киеву и Одессе в расходящихся направлениях заставили ударную группировку противника расплыть свои силы, растягивая фронт наступления. Попытки поляков окружить 12-ю армию на пути к р. Тетерев оказались безуспешными. Тогда противник решил уничтожить ее в Киеве, наступление на который началось в ночь на 6 мая. Не имея сил для удержания города, 6 мая 1920 г. 12-я армия оставила Киев и отошла на восточный берег Днепра. 8—9 мая польские войска захватили плацдарм на левом берегу Днепра в районе Киева, а попытки 12-й армии отбросить противника за реку не удалась⁷¹. Одновременно противник продолжал теснить части 14-й армии, которые также оказывали упорное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки.

Контратаки 12-й армии на восточном берегу Днепра, сохранение устойчивого фронта советскими войсками, отсутствие у противника резервов для развития дальнейшего наступления и наступление войск Западного фронта в Белоруссии привели к постепенной стабилизации фронта, который сложился к 16 мая. Польскому командованию не удалось добиться решающих успехов и уничтожить по частям 12-ю и 14-ю армии. Польская ударная группа из-за больших потерь и распыления войск на широком фронте была значительно ослаблена. Как признал 15 мая Ю. Пилсудский, «мы ударили кулаком по воздуху — прошли большое расстояние, а живой силы противника не уничтожили»⁷². Собственно, также оценивает итог похода на Киев и французский исследователь Сен-Дизье: «Польские армии не уничтожили даже тех нескольких дивизий, которые им противостояли. Вместо того, чтобы начать наступление левым крылом непосредственно южнее Припяти и попытаться отрезать большевистские силы от мостов у Киева, наступление происходило почти фронтально, через Казатин и Бердичев, прямо на Киев. Советские отряды быстро оторвались и перешли на восточный берег Днепра... Польское наступление попало в пустое место, не причинив противнику серьезных потерь»⁷³. Войска Юго-Западного фронта в результате организованного отхода вышли из-под удара, что наряду с расширением линии фронта привело к срыву замысла противника, сковало его главные силы и позволило войскам Западного фронта подготовиться к наступлению⁷⁴.

В оккупированных районах Украины захватчики грабили население, сжигали целые деревни, расстреливали и вешали ни в чем не повинных граждан. Пленных красноармейцев подвергали пыткам и издевательствам. В городе Ровно оккупанты расстреляли более 3 тыс. мирных жителей. Грабеж Украины, прикрывавшийся ссылками на договор с Петлюрой о снабжении польских войск, сопровождался террором и насилием: телесные наказания крестьян при реквизициях, аресты и расстрелы советских служащих в городах, конфискации имущества и еврейские погромы. За отказ населения дать оккупантам продовольствие были полностью сожжены деревни Ивановцы, Куча, Собачи, Яблунька, Новая Гребля, Мельнички, Кирилловка и др. Жителей этих деревень расстреляли из пулеметов. В местечке Тетиево во время еврейского погрома было вырезано 4 тыс. человек. Из-за оперативной важности путей сообщения особенно пострадали местные железнодорожники. Многие из них были арестованы и расстреляны по обвинению в саботаже, другие — уволены, лишены жилья и имущества.

Украинские газеты писали о жертвах среди гражданского населения. «В Черкассы 4 мая доставлено 290 раненых из городов и местечек, занятых поляками, — говорилось в одном из сообщений, — женщины и дети. Есть дети в возрасте от года до двух лет... Раны нанесены холодным оружием». Правительства РСФСР и Советской Украины 29 мая 1920 г. обратились к правительствам Англии, Франции, США и Италии со специальной нотой, в которой выражали протест против бесчинств польских захватчиков. В ноте приводился ряд фактов, свидетельствовавших о варварском поведении польских оккупантов на Украине. Протестуя против насилий польских войск, советские правительства России и Украины отмечали, что правительства стран Антанты являются ответственными за нападение Польши на Советскую республику⁷⁵.

Начало широкого польского наступления на Украине и захват Киева привели к существенным изменениям в стратегии Советской России. Естественно, что польский фронт стал для Советской России основным, а война с Польшей — «центральной задачей»⁷⁶. Советское руководство предприняло ряд дипломатических и пропагандистских мер, чтобы показать, что страны Антанты покровительствуют Польше, и завоевать симпатии трудящихся в странах Запада⁷⁷. 23 мая были опубликованы тезисы ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи», в которых заявлялось, что война с Польшей стала важнейшим делом страны. Более того, события апреля — мая 1920 г. привели к определенному национальному сплочению в расколотой гражданской войной стране. Уже 1 мая генерал А.А. Брусилов обратился к советским властям с предложением о поддержке Красной армии в боях с Польшей. 2 мая РВСР решил создать при главкоме «особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции» во главе с Брусиловым⁷⁸. Началась запись бывших царских офицеров в Красную армию. Многие современники убедились, что именно большевистское руководство реально отстаивает интересы России, пусть и под новыми лозунгами.

В конце апреля 1920 г. в Реввоенсовете республики состоялось совещание, на котором обсуждался стратегический план военных действий Красной армии. После рассмотрения

различных вариантов был подготовлен окончательный проект плана кампании, который 28 апреля был одобрен Политбюро ЦК РКП(б). Предусматривалось, что главный удар нанесут войска Западного фронта в Белоруссии. Юго-Западный фронт должен был наносить вспомогательный удар в общем направлении Ровно — Брест. Планировалось, что тесное взаимодействие фронтов позволит решить основную задачу — разгромить главные силы противника на варшавском направлении. Для этого было решено укрепить Юго-Западный фронт дополнительными силами, в том числе перебросить сюда с Кавказа 1-ю Конную армию. Однако любые активные действия Красной армии лимитировались скоростью сосредоточения подкреплений. Организация переброски многотысячной армии с Северного Кавказа на Украину вызвала немало споров о способе ее передислокации: то ли по железной дороге, то ли в конном строю. На этот счет в Полевом штабе Реввоенсовета и в Главном командовании высказывались различные точки зрения.

Начальник Полевого штаба РВС Республики П.П. Лебедев и начальник оперативного управления штаба Б.М. Шапошников настаивали на том, чтобы 1-ю Конную армию перевезти на Украину по железной дороге. Командование 1-й Конной армии резко возражало против этого, опасаясь, что вследствие разрушенного состояния железнодорожного транспорта перевозка может сорваться. Кроме того, при перевозке по железной дороге возникали большие трудности со снабжением ее продовольствием и водой. В итоге споры были разрешены в пользу организации конного марша. Учитывая общую обстановку, советское командование решило не ждать сосредоточения войск на Украине и начать наступление в Белоруссии 14 мая 1920 г.

Майская операция Западного фронта

В результате принятых мер по усилению Западного фронта туда с 10 марта по 1 июня 1920 г. прибыло более 40 тыс. человек пополнения, из которых около 8 тыс. было влито в части 15-й армии, а около 18 тыс. человек — в 16-ю армию. Остальные были направлены в запасные части фронта. Для пополнения боевых частей было проведено сокращение тыловых учреждений Западного фронта на 5 тыс. человек. Дальность перевозок, а также плохое состояние железнодорожного транспорта затрудняли пополнение и снабжение войск Западного фронта, но все же удалось к 14 мая завершить переброску 29-й, 56-й, 4-й, 18-й стрелковых и 15-й кавалерийской дивизии. 6-я, 12-я и 21-я стрелковые дивизии вошли в состав Западного фронта уже после начала майского наступления⁷⁹. На польский фронт были направлены все основные силы военной авиации, которой в то время было не так уж много. К началу мая 1920 г. на Западный фронт прибыли 22 авиационных отряда и ожидалось прибытие еще 9.

К началу наступления были созданы запасы боеприпасов, которые позволяли выделить в среднем на каждого бойца 180 винтовочных патронов и до 400 снарядов на каждое орудие. На фронт было доставлено 10,4 тыс. пудов бензина для самолетов, которые из-за отсутствия горючего до этого использовались в крайних случаях. Далеко не все, что было выделено войскам фронта, успело прибыть до начала наступления. Так, нехватало обуви, белья и шинелей. Необеспеченность штабов и войск средствами связи в дальнейшем отразилось на ходе операции. В течение апреля удалось увеличить число лошадей в войсках и учреждениях фронта с 25,6 тыс. до 35 тыс., повозок — с 7,7 тыс. до 9,1 тыс. Но к началу наступления армейский транспорт еще не был полностью подготовлен к обеспечению крупной наступательной операции.

Первоначально оперативный план наступления войск Западного фронта предусматривал нанесение главного удара силами 16-й армии в направлении Игумен — Минск. Вспомогательный удар должна была наносить 15-я армия, действовавшая севернее 16-й армии. В соответствии с этим планом в районе 16-й армии были сосредоточены основные силы фронта. Сюда были подвезены все 40 тяжелых орудий артиллерии особого назначения, почти вся авиация и технические средства связи. В эту же армию направлялась основная часть прибывавшего пополнения. Однако реализация этого плана встречала ряд существенных трудностей. Войскам 16-й армии, действовавшим на направлении главного удара, нужно было начинать боевые действия с форсирования реки Березины, западный берег которой противник сильно укрепил. Отсутствие достаточных технических средств для переправы через Березину вызывало опасения в возможности быстрого наращивания сил на плацдарме, что привело бы к задержке в развитии наступления. Кроме того, противник на этом направлении имел возможность нанести по главной ударной группировке советских войск фланговые контрудары от Борисова и Бобруйска. Серьезным препятствием являлась также лесисто-болотистая местность и бездорожье. В этих условиях было бы весьма затруднительным передвижение артиллерии и транспорта.

29 апреля 1920 г. в командование Западным фронтом вступил М.Н. Тухачевский, заменивший В.М. Гиттиса. Зная о стратегических замыслах оперативного управления штаба РККА от февраля 1920 г. и о директиве командования Западного фронта от 14 апреля, в которой предусматривалось в случае перехода противника в наступление «нанести ему быстрый и энергичный контрудар левым флангом 15-й армии из полоцко-витебского района в направлении Докшицы — Молодечно»⁸⁰, новый командующий внес изменения в план операции. Главный удар должна была теперь наносить 15-я армия в общем направлении на Вильно, вспомогательный — 16-я

армия на минском направлении. Правофланговые части 15-й армии, выделенные в особую Северную группу под командованием Е.Н. Сергеева, должны были форсировать р. Двину в районе Дисна — Полоцк и в последующем нанести удар в тыл противника, в направлении станции Загатье⁸¹. Хотя этот вариант плана был более удачным, его изменение накануне наступления серьезно затруднило ход операции. Потребовалось провести значительную перегруппировку сил и средств из центра фронта на его правый фланг, что заняло довольно много времени. Затруднения с транспортом, а также отсутствие должного руководства со стороны штаба фронта привели к тому, что перегруппировка сил к назначенному сроку операции полностью не была завершена. К тому же план операции был рассчитан на ведение безостановочного наступления без каких-либо резервов. Накануне наступления командование фронтом издало приказ, в котором требовало от командующих армиями использовать в наступлении все дивизии, не выделяя ничего для армейского резерва⁸².

Короткий срок, отведенный на подготовку наступления Западного фронта, не позволил полностью сосредоточить все людские силы и материально-технические средства, предназначенные для этой операции. Однако, чтобы облегчить положение войск Юго-Западного фронта, необходимо было как можно быстрее перейти в наступление. Таким образом, недостатки в планировании и подготовке наступления командованием Западного фронта неизбежно должны были сказаться на ходе боевых действий.

О подготовке к наступлению на Западном фронте через войсковую и агентурную разведку стало известно польскому командованию, которое решило сорвать наступление Красной армии в Белоруссии. Первоначально польское командование предполагало нанести удар 1-й армией от Полоцка, а 4-й армией от Борисова на Витебск и Оршу. Но, получив от разведки сведения о подготовке наступления красных, 11 мая 1920 г. на совещании в Калинковичах Пилсудский приказал командующему 4-й польской армией подготовить контрудар силами трех пехотных дивизий на Жлобин. В случае успеха 4-я польская армия должна была овладеть Могилевым. Намечалось усилить эту армию 4-й пехотной дивизией Украинского фронта, которая получила приказ перейти в район 4-й армии. По словам Пилсудского, у него было намерение начать наступление 17 мая сразу на обоих флангах: со стороны Полесья силами 4-й армии и со стороны крайнего севера войсками 1-й армии. Однако все расчеты польского командования были сорваны начавшимся 14 мая наступлением Красной армии в Белоруссии⁸³.

К началу наступления войска Западного фронта (см. таблицу 4) располагались следующим образом. Северная группа войск занимала рубеж: Опочка — Дисна (западнее Полоцка) — Янополье (8 км северо-западнее Витебска). Южнее нее располагалась 15-я армия (командующий — А.И. Корк, член РВС — Н.С. Тихменев). Ее фронт проходил от Янополя до района 15 км юго-восточнее города Лепель. Далее по восточному берегу Березины действовали части 16-й армии (командующий — Н.В. Соллогуб, член РВС — А.Э. Дауман). Ее левый фланг находился в районе города Речицы. Судя по данным таблицы 6, советскому командованию удалось создать значительное превосходство в силах над противником. Теперь все зависело от умения командования фронтом организовать наступление.

Рано утром 14 мая 1920 г. 15-я армия и части Северной группы перешли в наступление. 16-я армия не смогла в этот день начать наступление, поскольку не завершила перегруппировку частей. Прикрываясь естественным препятствием, образуемым Березиной и ее притоками с их болотистой долиной, 8-я и 1-я польские пехотные дивизии оказали упорное сопротивление, особенно в районе Полоцка и Лепеля. Но удержаться противнику не удалось. После упорных боев его оборона была прорвана. Войска 15-й армии уже в первый день наступления продвинулись вперед на 6—20 км и освободили Лепель, в боях за который отличился 43-й полк 5-й стрелковой дивизии под командованием В.И. Чуйкова. Потерпев поражение, части противника начали отход на Свенцяны, Молодечно. К исходу 16 мая 1920 г. основные силы 15-й армии, наступавшие в северо-западном направлении, вышли на рубеж Дисна — Зябки. Маневрируя войсками в лесисто-болотистой местности, командование Западного фронта 17 мая изменило направления удара Северной группы с юго-западного на северо-западное, а 15-й армии — с северо-западного на юго-западное. В результате этого войска 15-й армии и Северной группы стали растекаться по фронту в трех направлениях, удаленных друг от друга на 50—70 км. Кроме того, за 5 дней фронт наступления 15-й армии расширился с 60 до 110 км.

Противник воспользовался замедлением темпа наступления советских войск и организовал планомерный отход своих частей и подтянул резервы. Польское командование использовало также и то обстоятельство, что 16-я армия перешла в наступление только 19 мая, когда сила ударов 15-й армии стала значительно ослабевать, а ее наступление выдыхаться. 16-я армия вела наступление всего двумя дивизиями, которые находились в 80 км от левофланговых частей 15-й армии. К исходу 23 мая советские войска захватили на западном берегу Березины плацдарм, имевший 40 км по фронту и 60 км в глубину, и освободили город Игумен. 24—26 мая польские части нанесли контрудар и отбросили части 8-й стрелковой дивизии за Березину. В то же время были отбиты попытки 21-й и 17-й стрелковых дивизий захватить плацдарм юго-восточнее

Борисова. Для развития успеха нужно было ввести свежие силы. Однако в это время ни в армиях, ни в распоряжении командования фронтом резервов не было. 21-я стрелковая дивизия вступила в бой только 26 мая, когда положение на Западном фронте значительно ухудшилось и она уже не могла существенно повлиять на обстановку.

Кроме того, из-за отсутствия связи между командованием и тыловыми учреждениями фронта и армий, а также вследствие недостатка обозов нарушилось регулярное снабжение боеприпасами. Тем временем польское командование спешно подтягивало резервы, усиливая свои войска перед Западным фронтом. Из центра страны было переброшено 1,5 дивизии и 2,5 с украинского участка фронта. Подход свежих сил позволил противнику уже к 30 мая 1920 г. остановить дальнейшее продвижение войск Западного фронта. За 17 дней наступления части 15-й армии продвинулись вперед только на 110—130 км.

Для восстановления утраченных позиций польское командование создало ударные группы войск. На свенцянском направлении сосредоточилась Резервная армия (8-я, 10-я, 11-я пехотные дивизии, бригада 5-й пехотной дивизии, 7-я резервная и 1-я кавалерийская бригады под командованием генерала К. Соснковского). В направлении Молодечно — Глубокое была подготовлена другая ударная группа в составе 3-й, 17-й, 1-й Литовско-белорусской пехотных дивизий и бригады 6-й пехотной дивизии. В районе Зембина расположилась третья ударная группа — 15-я пехотная дивизия и бригада 4-й пехотной дивизии под командованием генерала Л. Скерского. План польского командования состоял в том, чтобы ударом Резервной армии окружить войска 15-й армии, выдвинувшиеся в район Молодечно, и отбросить их в труднопроходимый район Верхней Березины. Контрудар войск противника начался 31 мая 1920 г. Части Западного фронта оказывали противнику ожесточенное сопротивление. Особенно отличились в этих боях войска Северной группы и правого фланга 15-й армии. Их упорство, стойкость и мужество сорвали замыслы врага — прорваться через боевые порядки и выйти в тыл главным силам 15-й армии⁸⁴. Как отмечал А. Пшибыльский, «задуманная операция на деле дала лишь частичные результаты. Резервная армия встретила решительное сопротивление правого крыла 15-й советской армии и Северной группы и не смогла вовремя выйти на тылы советских войск, сражавшихся у Молодечно»⁸⁵.

Польский план окружить и уничтожить войска 15-й армии провалился. Однако армии Западного фронта, оказавшись без резервов и боеприпасов, утомленные и к тому же плохо управляемые командованием и штабом фронта, были вынуждены под натиском превосходящих сил противника отходить с тяжелыми боями. Только части 15-й армии потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 12 132 человека⁸⁶. К 8 июня 1920 г. они были отброшены на 60—100 км до линии Узмены — Березино — р. Березина, где фронт стабилизировался. Таким образом, за время с 1 по 8 июня 1920 г. противник оттеснил части Западного фронта почти на их исходные рубежи. Лишь в районе Полоцка советские войска удержали плацдарм на левом берегу Западной Двины.

Так неудачно завершилась майская наступательная операция Западного фронта. Недооценив противника и переоценив свои силы, командование Западного фронта, поставленное перед необходимостью оказать поддержку войскам Юго-Западного фронта, предприняло наступление, не завершив подготовки и не организовав взаимодействия 15-й и 16-й армий. Из-за плохой организации связи управление войсками было потеряно, что привело к их распылению на разных направлениях. Все это позволило польским войскам не только избежать разгрома, но и контратаковать и отбросить части Западного фронта. Однако майское наступление Красной армии в Белоруссии все же имело определенное положительное значение. Удалось сорвать планы польского командования по наступлению в Белоруссии, а занятый советскими войсками район на левом берегу Западной Двины мог быть использован в качестве плацдарма для подготовки нового наступления Красной армии. Майское наступление советских войск в Белоруссии вынудило польское командование израсходовать значительную часть своих резервов и перебросить на север часть войск с Юго-Восточного фронта, что ослабляло его ударную группировку на Украине и заставило отказаться от новых операций на этом направлении. Все это облегчало войскам Юго-Западного фронта возможность перехода в наступление⁸⁷.

Контрудар на Украине

Как уже отмечалось, еще 26 апреля 1920 г. Политбюро решило перебросить на Юго-Западный фронт часть войск с Кавказского фронта и ускорить перевозку запасных частей⁸⁸. В мае 1920 г. Юго-Западный фронт получил более 41 тыс. человек пополнения. Одновременно на Юго-Западный фронт перебрасывалась с Северного Кавказа 1-я Конная армия (командующий С. М. Буденный, члены РВС армии К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко). Кавалерия совершила тысячекилометровый переход в конном строю по маршруту: Майкоп — Ростов-на-Дону — Екатеринослав — Умань. Во время перехода части 1-й Конной армии разгромили многие повстанческие и антисоветские отряды, действовавшие в тылу войск Юго-Западного фронта. 25 мая 1920 г. конница сосредоточилась в районе Умани. К этому времени она состояла из четырех кавалерийских дивизий и одного полка особого назначения и насчитывала свыше 16 тыс. бойцов,

304 пулемета и 48 артиллерийских орудий. 1-я Конная армия обладала большим боевым опытом, а ее появление на Юго-Западном фронте укрепляло наступательную ударную силу советских войск на Украине.

29 мая 1920 г. началась перевозка на Украину 25-й Чапаевской дивизии (командир И.С. Кутяков), которая являлась одной из сильнейших в Красной армии: в конце мая в ней насчитывалось более 10 тыс. штыков и 3 тыс. сабель, 364 станковых и 175 ручных пулеметов, 52 орудия⁸⁹. По своей численности она несколько не уступала в тот момент 12-й или 14-й армиям Юго-Западного фронта. В апреле 1920 г. на Юго-Западный фронт прибыла с Урала Башкирская кавалерийская бригада под командованием М. Муртазина и другие части. Кроме того, с 15 апреля по 3 августа 1920 г. на Юго-Западный фронт было направлено свыше 23 тыс. винтовок, 586 пулеметов, 59 орудий, более 10,5 тыс. шашек, 46 самолетов, около 36 млн винтовочных патронов и свыше 110 тыс. комплектов красноармейского обмундирования⁹⁰. Для очищения тыла Юго-Западного фронта от различных повстанческих отрядов и банд на пост начальника тыла фронта был назначен Ф. Э. Дзержинский. Прибывшие вместе с ним 1 400 чекистов и бойцов войск внутренней охраны вместе с партийными организациями и местным населением весной и летом 1920 г. смогли ликвидировать немало вражеской агентуры на территории Украинской Советской республики. Благодаря этому была обеспечена безопасность тыла Юго-Западного фронта, что явилось одним из важных условий успешного решения поставленных перед ним задач. 26 мая 1920 г. ЦК РКП(б) назначил И.В. Сталина членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Обстановка, которая сложилась для Красной армии в конце мая 1920 г. на польском участке Юго-Западного фронта, требовала скорейшего перехода в контрнаступление. Противник еще не смог прочно закрепиться на занятых позициях на Украине и не привел в порядок свои части, которые в ходе наступления на Киев понесли потери и устали. Более того, переброска нескольких дивизий с Украины в Белоруссию серьезно ослабляла группировку польских войск на Юго-Восточном фронте. Благоприятным для Красной армии было и то, что противник израсходовал для парирования удара Западного фронта значительную часть своих резервов.

План контрнаступления Юго-Западного фронта определился в первой половине мая 1920 г. Согласно директиве Главного командования от 8 мая войскам Юго-Западного фронта ставились следующие задачи. 12-я армия должна была освободить Киев. Для этого правофланговые части 12-й армии, собранные в кулак, должны были переправиться через р. Днепр и наступать в юго-западном направлении, выходя в тыл киевской группировке польских войск. С востока наступала на Киев 58-я стрелковая дивизия. 14-я армия, нанося главный удар на своем правом фланге, должна была поставить части противника под фланговый удар 1-й Конной армии, а левофланговыми частями сковать войска противника, действовавшие на одесском направлении. В этих условиях для 1-й Конной армии, по замыслу главкома, создавалась возможность, действуя в промежутке между киевской и одесской группировками польских войск, ударом во фланг и тыл разбить одну из этих группировок в зависимости от обстановки⁹¹. Разработка более детального плана контрнаступления Юго-Западного фронта проходила с участием главкома С. С. Каменева 12—15 мая в Харькове в штабе фронта. Было решено прорвать фронт польских войск на Украине 1-й Конной армией, сосредоточив первоначально усилия советских войск Юго-Западного фронта против киевской, а затем — против одесской группировки противника.

В соответствии с этим замыслом командование Юго-Западного фронта отдало 19 мая 1920 г. первый приказ войскам 14-й и 1-й Конной армии о группировке войск в предстоящем наступлении, Конной армии было приказано не позднее 24 мая развернуться на линии Тальное — Умань — Теплик⁹². 23 мая 1920 г. командование фронта подписало директиву, в которой говорилось, что «основная задача армий Юго-Западного фронта — разгром и уничтожение польской армии на Украине. Пользуясь разобщенностью названных выше групп противника и учитывая, что главные его силы стянуты в Киевский район, являющийся в то же время важнейшим в политическом отношении, решено нанести главный удар Киевской группе противника».

12-я армия (командующий — С. А. Меженинов, а с 10 июня 1920 г. — Г.К. Восканов, член РВС армии — С. И. Аралов) имела задачу, оставив прикрытие перед фронтом 3-й польской армии восточнее Киева, главными силами переправиться через р. Днепр севернее Киева и наступать в направлении на Тетерев и Бородянку, чтобы не допустить отхода 3-й польской армии на север и северо-запад, а затем совместно с 1-й Конной армией окружить ее войска в районе Киева. Фастовской группе войск (командующий начдив 45-й стрелковой дивизии И.Э. Якир) было приказано перейти в решительное наступление в направлении на Белую Церковь и Фастов. Кроме того, Фастовской группе была подчинена и Южная группа Днепровской флотилии под командованием П.И. Пашкина. На рассвете 27 мая 1920 г. 1-я Конная армия должна была перейти в решительное наступление, нанести удар в стык между киевской и одесской группировками польских войск и не позднее 1 июня занять Казатин и Бердичев, а в последующем, прикрывшись со стороны Старокопачинского и Шепетовки, нанести удар по тылу противника. На 14-ю армию (командующий И.П. Уборевич, члены РВС армии — Н.П. Горбунов, М.Л. Рухимович) возлагалось

обеспечение успеха 1-й Конной армии с юга и юго-запада и овладение не позднее 1 июля Винницей и Жмеринкой⁹³.

Советским войскам на Украине противостояли три польские армии и, кроме того, петлюровские части. В районе Киева располагалась 3-я польская армия. На фронте от Белой Церкви до Липовца действовала 2-я армия противника, расформированная 28 мая и передавшая свои части 3-й и 6-й армиям. В районе Липовец — Гайсин — р. Ольшенка до Днестра находилась 6-я армия, в состав которой, помимо польских частей, входила петлюровская армия и отряды атамана Куровского, действовавшие на фронте Пятигоры — Животово — Оратово — Лобачев. Кроме того, в Чернобыльском районе против правого фланга советской 12-й армии действовал отряд С. Булак-Балаховича.

Анализ соотношения сил противоборствующих сторон показывает, что, хотя советские войска в целом уступали противнику по численности более чем в полтора раза (78 тыс. штыков и сабель против 46,4 тыс.), они имели решающее превосходство в кавалерии. Кроме того, следует учитывать, что польские войска были растянуты по фронту в стремлении прикрыть так называемыми «кордонами» основные направления. Это значительно снижало их подвижность и оставляло польское командование на Украине практически без существенных резервов. Тогда как наличие в составе Юго-Западного фронта 1-й Конной армии, являвшейся по существу самой грозной маневренной ударной силой, способной решать крупные оперативные и стратегические задачи в наступлении, давало надежду на успех подготавливаемой наступательной операции Красной армии на Украине.

Контрнаступление советских войск Юго-Западного фронта назначалось на 26 мая 1920 г.⁹⁷ Однако в этот день перешли в наступление фактически только 14-я армия и Фастовская группа. 12-я армия к этому сроку еще не закончила перегруппировку своих войск и подготовку переправы через Днепр. Попытки небольших групп этой армии переправиться 27 мая через Днепр в районе Страхолесье (севернее Киева) оказались безуспешными. Противник с противоположного берега реки и с моторных лодок встретил группы советских бойцов сильным ружейно-пулеметным огнем. Подразделения 12-й армии вынуждены были прекратить переправу через Днепр и возвратиться в исходное положение. В последующие дни войска 12-й армии начали фронтальное наступление на Киев. Однако противник оказал ожесточенное сопротивление. Атаки советских войск оказались безуспешными. Боевые действия на участке Фастовской группы и 14-й армии с первого же дня приняли ожесточенный характер. Части Фастовской группы, стремительно атаковав противника, прорвали фронт в районе восточнее Белой Церкви. Однако поляки, собрав значительные силы, в ночь на 30 мая предприняли контратаку. Рассредоточенность войск Фастовской группы на широком фронте и отсутствие резервов привели к тому, что она не выдержала натиска и ко 2 июня была отеснена на исходные позиции. Не добилась существенных успехов в эти дни и 14-я армия.

26 мая 1920 г. начала выдвигаться на исходное положение 1-я Конная армия. На своем пути ей пришлось вести бои с повстанческими отрядами Куровского. Так, 28 мая 4-я кавалерийская дивизия в районе Пятигор разгромила так называемый Запорожский повстанческий полк. Были захвачены пленные, пулеметы и большое количество патронов. В этот же день развернулись бои советских конников с польскими войсками. Упорное сопротивление им оказала 13-я пехотная дивизия, располагавшаяся в районе Самгородок — Липовец. Уже к вечеру 28 мая бронепоезда 1-й Конной армии, отеснив вражеские бронепоезда, заняли станцию Липовец. Наступление 1-й Конной армии велось на фронте протяженностью 40 км. В первой линии действовали 4-я, 6-я и 11-я кавалерийские дивизии, во втором эшелоне — 14-я кавалерийская дивизия. 29 мая 4-я кавалерийская дивизия во главе с начдивом Д. Д. Коротчаевым и комиссаром В.И. Берловым атаковала конницу противника, принудив ее к отходу. Одновременно она выбила польские пехотные части из Ново-Фастова. Во второй половине дня части этой дивизии начали бой за местечко Дзиньков. Этот бой был очень упорным и затянулся до поздней ночи. В то же время на другом участке 6-я кавдивизия (начдив С. К. Тимошенко, комиссар П.В. Бахтуров) разгромила 2-й батальон 50-го полка и одну артиллерийскую батарею 13-й дивизии противника в районе между местечком Животовом и селом Вербовкой.

Бои продолжались и становились более упорными и ожесточенными. 30 мая противник ввел в сражение свежие части. Из-за того, что силы 1-й Конной армии рассредоточились на широком фронте и действия дивизий были слабо скоординированы, противнику удалось выбить советские войска из Ново-Фастова и города Липовца. Последующие попытки 1-й Конной армии прорвать оборону противника не увенчались успехом. Отдельные части 1-й Конной армии пытались лобовой атакой разгромить опорные пункты сопротивления противника в районе Погребич и Липовца. Здесь они понесли значительные потери, однако взять населенные пункты им так и не удалось.

Хотя развернувшиеся бои и не дали существенных результатов, но они позволили командованию фронтом и армиями более четко определить оборону противника и группировку его сил. Эти бои выявили и ряд существенных недостатков в организации и ведении наступления советских войск. Член РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталин 31 мая и 1 июня обратился к

председателю РВСР Л. Д. Троцкому с просьбой прислать фронту две стрелковые дивизии с Северного Кавказа⁹⁸. Однако Москва отклонила эту просьбу, и в телеграмме от 2 июня В.И. Ленин сообщал Сталину, что приняты меры по присылке пополнений Юго-Западному фронту. «Старайтесь подтянуть части и во что бы то ни стало продолжайте начатое наступление энергичнее», — подчеркивал Ленин и напоминал, что «по решению Политбюро наступление на Крым приостановлено впредь до новых решений Политбюро»⁹⁹.

Таким образом, от командования фронта требовалось, чтобы оно главные силы бросило для проведения киевской наступательной операции. Исходя из опыта наступательных боев в период с 26 мая по 3 июня 1920 г., Реввоенсовет Юго-Западного фронта наметил тактику прорыва обороны противника. Командующим армиями было приказано отказаться от лобовых атак вражеских укреплений, тщательно готовить каждую наступательную операцию, на важнейших направлениях действовать ударными группами. Еще 31 мая 1920 г. РВС Юго-Западного фронта дал указание командованию 12-й армии прекратить фронтальные атаки Киева, оставить против киевского плацдарма противника только 58-ю стрелковую дивизию. Все остальные силы армии свести в ударную группу для форсирования реки Днепр и прорыва фронта севернее Киева¹⁰⁰. Для обеспечения действий войск 12-й армии при форсировании Днепра Реввоенсовет фронта выделил северный отряд Днепровской флотилии, командиром которого был М.Г. Степанов, комиссаром — И. Данилов.

14-й армии было приказано собрать основные силы на своем правом фланге. 3 июня 1920 г. Сталин от имени РВС Юго-Западного фронта направил Буденному и Ворошилову специальную телеграмму, в которой указал на причины неудач частей 1-й Конной армии в районе Липовца и Погребищ в ходе боев с 30 мая по 2 июня. В телеграмме отмечалось, что эти бои показывают, что противник искусно сочетает маневренную войну с войной траншейной. В этих условиях Конной армии нельзя было обойтись без собственной пехоты, которая должна сковать противника с фронта, с тем чтобы кавалерийские части могли беспрепятственно совершать глубокие обходы укрепленных пунктов противника. Командованию 1-й Конной армии предписывалось отказаться от лобовых атак укрепленных пунктов кавалерийскими частями. Укрепленные места рекомендовалось обходить. В этот же день РВС Юго-Западного фронта своей директивой поставил 1-й Конной армии задачу прорвать фронта и разгромить киевскую группу войск противника. Было приказано выставить заслон в районе Липовец — Погребище, основными же силами прорвать фронт польских войск на линии Ново-Хвастов — Пустоваров, чтобы стремительным ударом захватить район Фастова и, действуя по тылам, разбить киевскую группировку противника¹⁰¹.

Для выполнения операции 1-я Конная армия была сосредоточена на участке в 10 км северовосточнее Ново-Фастова. Боевое построение 1-й Конной армии было многоэшелонным, что обеспечивало наращивание силы удара в ходе наступления. В первом эшелоне находилась 4-я кавалерийская дивизия, уступом за ее флангами — 14-я и 11-я кавдивизии и в третьем эшелоне — 6-я кавалерийская дивизия и особая кавбригада. В связи с тем что предстоявший рейд требовал быстроты передвижения частей, командование 1-й Конной армии 4 июня приказало разгрузить конные части от малоподвижных обозов и отправить их в тыл в район станции Поташ. Это движение обозов было воспринято польской разведкой как отвод в тыл всей 1-й Конной армии.

К вечеру 3 июня 1-я Конная армия заняла исходный рубеж для наступления. В эти дни стояла дождливая погода. Польское командование рассчитывало, что плохая погода помешает советским войскам начать военные действия. На рассвете 5 июня 1920 г. 1-я Конная армия перешла в наступление. Дождь и густой туман позволили советским конникам скрытно выйти на рубеж атаки и перейти в стремительное наступление. Когда же польские войска заметили советских бойцов, было уже поздно. Под ураганным огнем пулеметов и артиллерии красные конники, искусно сочетая бой в пешем и конном строю, преодолели проволочные заграждения противника и смяли его передовые части. Через два часа после начала атаки польский фронт был прорван в районе Сквир — Самгородок. В этих боях особенно отличились кавалеристы 14-й дивизии под командованием А.Я. Пархоменко.

Наступление советских войск было настолько стремительным, что к вечеру того же дня 1-я Конная армия прорвалась севернее и восточнее Казатина, разрушив в ряде мест железную дорогу Фастов — Казатин — Липовец, и вышла в тыл 3-й польской армии. В 18 часов 7 июня 4-я кавалерийская дивизия овладела Житомиром, уничтожив польский гарнизон и освободив из плена 7 тыс. красноармейцев, которые сразу же встали в строй. На станции были захвачены два вагона военного снаряжения. В этот же день 11-я кавалерийская дивизия заняла Бердичев. Кроме того, 1-я Конная армия разбила в районе Белополья польскую конную группу под командованием генерала Савицкого, прикрывавшую левый фланг 6-й польской армии. К 8 июня 1-я Конная армия окончательно сломала сопротивление войск противника, сосредоточенных в районе Казатина и Бердичева. Глубина прорыва 1-й Конной армии в тыл польских войск составила 120—140 км. Польский фронт на Украине оказался расколотым на две части. Потеряв управление своими

войсками, польский штаб во главе с Пилсудским, находившийся в Житомире, в спешке передислоцировался в Новоград-Волынский.

На Днестре советским войскам содействовала Днестровская военная флотилия, которая с захватом поляками Киева оказалась разьединенной: одни суда действовали севернее, другие южнее Киева. В связи с этим было решено разбить флотилию на две боевые группы: Североднестровскую и Южноднестровскую. Базой Южноднестровского отряда из 16 боевых и 14 вспомогательных судов был Екатеринослав. В соответствии с общим планом наступления войск Юго-Западного фронта Североднестровский отряд флотилии, отошедший на р. Сож, должен был участвовать в форсировании Днестра севернее Киева и поддерживать огнем артиллерии наступление ударной группы 12-й армии. Для этого отряду предстояло совершить переход с реки Сож на Днестр. Задача была исключительно трудной: вход в Днестр противник прикрывал сильным артиллерийским и пулеметным огнем в районе местечка Лоева, где разрушенный мост через Днестр загородил фарватер реки. Корабли должны были идти через узкий проход под мостом у самого берега, ежеминутно рискуя сесть на мель или натолкнуться на ледорезы. Однако другого пути в Днестр не было.

В ночь на 2 июня 1920 г. отряд из девяти судов, вооруженных артиллерией и пулеметами, двинулся к Днестру. Чтобы не создавать шума от колес, корабли шли малым ходом. Проходя под мостом, они были обстреляны обнаружившим их противником. Советские корабли повели ответный огонь. В результате весь отряд, за исключением одной канонерской лодки, преодолел лоевскую преграду, вышел в район Печки и принял участие в форсировании Днестра вместе с частями 12-й армии. В этих боях особенно отличились экипажи канонерских лодок «Малый», «Мстительный», «Геройский» и тральщика «Трал». По окончании переправы частей 12-й армии Северный отряд Днестровской флотилии перебросил по реке стрелковую бригаду на Сваромье в Вышгород, а 9 июня принял участие в боях за переправу через р. Ирпень. Все это позволило ударной группе 12-й армии в составе 7-й стрелковой дивизии и Башкирской кавалерийской бригады после ожесточенных боев 3 июня форсировать Днестр. Отразив контратаки противника, стремившегося сбросить в Днестр переправившиеся советские части, к 8 июня ударная группа 12-й армии вышла в район Дымера.

Не менее успешно действовала Южная группа Днестровской флотилии, которая вместе с приданным ей десантом (около 1 тыс. человек с 10 пулеметами и 2 пушками) после упорных боев 7 июня овладела городом Ржищев, а 10 июня выбила части противника из сильно укрепленного пункта Триполье. Это способствовало успешному наступлению Фастовской группы. В боях в районе Триполья, носивших особенно ожесточенный характер, образцы мужества и героизма проявили бойцы и командиры канонерских лодок «Губительный», «Могучий» и «Грозный». После прорыва вражеских укреплений в районе Триполья Южному отряду Днестровской флотилии открывался путь на Киев. С востока на Киев наступала 58-я стрелковая дивизия 12-й армии.

Выход частей 1-й Конной армии в глубокий тыл 3-й польской армии и успешное продвижение ударной группы 12-й армии создали благоприятные условия для полного окружения польских войск в районе Киева. Реввоенсовет Юго-Западного фронта 8 июня потребовал от 12-й армии занять район станций Бородянка и Ирша, с тем чтобы перерезать последнюю магистраль Киев — Коростень, по которой противник еще имел возможность отвести свои войска из района Киева. Одновременно Фастовская группа войск должна была пехотными частями не позднее 10 июня овладеть районом Фастов — Корнин, а кавалерийской бригадой под командованием Г.И. Котовского перерезать шоссе Киев — Житомир. 14-я армия должна была, подтянув в кратчайший срок 8-ю кавалерийскую дивизию, продолжать наступление в направлении Винница — Жмеринка¹⁰². Успешно развивалось и наступление Фастовской группы. Уже 8 июня в результате стремительной атаки бригада Котовского освободила город Сквир. Затем части Фастовской группы заняли города Белая Церковь и Фастов, отрезав тем самым пути отхода противника из района Киева на юг и юго-запад.

Выполняя поставленную задачу по окружению польских войск в районе Киева, советские войска усилили свой натиск. Ударная группа 12-й армии развернула наступление на широком фронте. Ломая сопротивление противника, ее части 11 июня с боями переправились через р. Припять и овладели местечком Чернобыль и станцией Ирша, захватив свыше 300 пленных и железнодорожный эшелон с грузом. В это время подошла 73-я бригада 25-й стрелковой дивизии, которая с ходу вступила в бой. Подход частей 25-й Чапаевской дивизии значительно усилил ударную группу 12-й армии.

Ожесточенные бои развернулись в это время и на участке 14-й армии. Ее части несколько раз атаковали противника, засевшего в городе Гайсин. Поляки прилагали все усилия, чтобы остановить наступление 14-й армии. Они неоднократно предпринимали контратаки. Бои в этом районе продолжались несколько дней, и утром 13 июня советские войска заняли Гайсин.

9 июня 1-я Конная армия начала наступление — на Киев, нанося удар с тыла по 3-й польской армии. В это время 12-я армия подходила к железной дороге Киев — Коростень в районе Бородянка — Тетерев; Фастовская группа заняла город Фастов, а 1-я Конная армия, выйдя в район

Корнин — Ходорков — Войтовцы, создала для 3-й армии угрозу окружения. Вместе с частями 1-й Конной армии в тыл противника вышла и кавалерийская бригада Г.И. Котовского, перерезав шоссе Киев — Житомир. Положение 3-й польской армии оказалось катастрофическим. Она вынуждена была поспешно отступать. В связи с тем что войска Фастовской группы заняли Фастов, а 3-я польская армия начала отход из района Киева, командование Юго-Западного фронта посчитало дальнейшее продвижение Конной армии на восток излишним. Полагая, что войск 12-й армии и Фастовской группы будет достаточно для разгрома 3-й польской армии, 10 июня РВС Юго-Западного фронта приказал 1-й Конной армии повернуть на запад и выйти в район Житомир — Казатин для дальнейшего удара по тылам 6-й польской армии¹⁰³.

В то время как советские конники вышли в тыл 3-й польской армии, части 12-й армии развернули наступление в районе Киева. 58-я стрелковая дивизия под командованием П.Е. Княгницкого, воспользовавшись отводом войск 3-й польской армии с восточного берега Днепра, в результате умело осуществленного маневра взяла в плен 350 человек и захватила большие трофеи. 12 июня дивизия во взаимодействии с десантом Южной группы Днепровской флотилии вступила в Киев. Тем временем польское командование стремилось вывести основные силы своей 3-й армии из-под угрозы окружения. Для этого оно перебросило в район станций Бородянка и Ирша из Белоруссии 6-ю и 9-ю пехотные дивизии и отряды Булак-Балаховича, находившиеся в Чернобыльском районе. В районе Бородянки польские войска столкнулись с 12-й армией. Разгорелся ожесточенный бой. Исключительное упорство, мужество и отвагу в этих боях проявили бойцы и командиры 25-й Чапаевской дивизии, сражавшиеся с превосходящими силами противника.

11 июня 1-я Конная армия заняла Коростышев, на следующий день — Житомир, временно оставленный ею во время рейда по тылам киевской группировки войск противника. Убедившись, что 3-я польская армия постепенно пробивается на северо-запад и, получив соответствующие указания главкома, РВС Юго-Западного фронта 11 июня отдал приказ 1-й Конной армии двумя кавалерийскими дивизиями нанести удар через Радомысль на Иршу, где в это время 75-я бригада 25-й дивизии сражалась с частями 3-й польской армии, стремившейся избежать разгрома. Затем 1-я Конная армия совместно с частями 12-й армии должна была развивать наступление на Коростень¹⁰⁴. Однако этот приказ поступил в штаб армии лишь 13 июня.

Стратегическая инициатива прочно перешла в руки советских войск, ближайшей целью которых было не допустить отхода 3-й польской армии на Коростень, отрезать ей путь к отступлению и нанести решающее поражение. 13 июня было решено расформировать Фастовскую группу. Ее 44-я дивизия вошла в состав 12-й армии, а 45-я дивизия была подчинена командованию 1-й Конной армии. В этот же день РВС Юго-Западного фронта вновь отдал приказ 1-й Конной армии, чтобы ее две дивизии форсированным маршем двинулись на Радомысль и Иршу. При этом командованию Конной армии указывалось на необходимость иметь в виду и дальнейшую задачу — наступление на Новоград-Волынский, Ровно¹⁰⁵.

В 23 часа 13 июня Реввоенсовет 1-й Конной армии отдал приказ: «В кратчайший срок овладеть районом железнодорожного узла Коростень, уничтожая группу противника, отступающую от Киева по Житомирскому шоссе и по железной дороге на Коростень». Одновременно 1-я Конная должна была удерживать за собой район Житомира. Для этого армия была разделена на две временные оперативные группы. Первая под командованием К.Е. Ворошилова в составе 4-й и 14-й дивизий должна была как можно быстрее занять Коростень. Вторая группа под командованием С. М. Буденного (6-я и 11-я дивизии) должна была занимать и удерживать район Житомира.

На рассвете 14 июня группа Ворошилова двинулась на Коростень. В полдень развернулись упорные бои, так как противник стремился любой ценой задержать советскую конницу. Утром 15 июня части 14-й кавалерийской дивизии овладели Радомыслем. В этот же день из перехваченного оперативного приказа командования 3-й польской армии командованию 1-й Конной стало известно об отходе польских войск из района Киева на Коростень. В приказе говорилось об организации движения частей 3-й польской армии тремя колоннами и указывались маршруты движения войск. Это облегчало выполнение задачи нашим войскам. Нужно было бросить подвижные части на перерез отступавшему противнику. Однако за 11—12 июня основные части 3-й польской армии уже отошли в район Радомысль — Ирша и устойчивость польской обороны возросла. Создавшаяся обстановка позволила противнику вывести свои основные силы на Коростень. Позже польский Генеральный штаб писал по поводу выхода из кольца своей 3-й армии: «Охваченная с севера III польская армия сумела выйти из критического положения беспрепятственно, почти нигде не встречая противодействия конницы Буденного». В итоге 3-й польской армии удалось избежать полного разгрома.

Тем не менее прорыв 1-й Конной армией фронта польских войск на Украине позволил советским войскам захватить стратегическую инициативу. 15 июня 1920 г. войска Юго-Западного фронта начали преследовать отходившие на запад войска противника¹⁰⁶. Поражение 3-й армии заставило польское командование с утра 13 июня начать отвод на запад 6-й армии. Советские войска, заняв Гайсин, начали преследовать отступавшие части. Особенно энергично действовала

8-я кавалерийская дивизия под командованием В.М. Примакова, входившая в состав 14-й армии. Она наносила врагу внезапные короткие удары по флангам и с тыла. 20 июня части 14-й армии овладели станциями Калиновка и Жмеринка. К 20 июня советские войска вышли на линию Житомир — Бердичев — Казатин — Винница.

Дальнейшей задачей 1-й Конной армии являлось наступление в направлении на Новоград-Волынский и Ровно с тем, чтобы, преследуя параллельным маршрутом 3-ю польскую армию, отрезать ее от р. Западный Буг. С утра 20 июня 1-я Конная армия перешла в наступление, но лишь через неделю ей удалось сломить упорное сопротивление противника по рекам Убороть и Случь. После двухдневных боев советские войска очистили правый берег реки Случь и 27 июня вступили в Новоград-Волынский. К вечеру 28 июня части 45-й дивизии овладели Ново-Мирополем. После ожесточенных боев 27—28 июня кавалерийская бригада Котовского овладела местечком Любар, прикрывавшим путь на Шепетовку. Тем временем 3-я стрелковая дивизия 12-й армии освободила Коростень. К 29 июня между 6-й (12-я, 13-я, 18-я пехотные дивизии и Украинская группа) и вновь созданной 2-й (3-я, 6-я пехотные дивизии, 10-я, 1-я резервная пехотные бригады) польскими армиями, прикрывавшими соответственно львовское и ровенское направления, образовался разрыв до 80 км.

Прорыв фронта противника на Украине и его постепенный отход на запад, в свою очередь, обнажили фланг польских войск Северо-Восточного фронта. Это привело к тому, что 18 июня начался отход польских частей, находившихся перед Мозырской группой Западного фронта в районе города Речицы. Используя успех войск Юго-Западного фронта, командующий войсками Мозырской группы Т. С. Хвесин приказал начать преследование противника. Советские войска форсировали Днепр и, развернув наступление на его правом берегу, в ночь на 29 июня освободили город Мозырь. Выход войск Западного фронта в этот район нарушал оборону польских войск, действовавших в Белоруссии. За проявленную инициативу Т. С. Хвесин был награжден орденом Красного Знамени. Развивая наступление, левифланговые дивизии Западного фронта к 30 июня вышли на рубеж железнодорожной линии Жлобин — Мозырь. Помимо Мозырской группы в наступление перешли и некоторые части 16-й армии¹⁰⁷.

Неудачи польской армии лишь подстегнули ее мстительный вандализм. Как сообщалось в советской ноте от 2 июня, направленной Англии, Франции, Италии, США, после того как во время майского наступления советского Западного фронта польские войска оставили Борисов, они с другого берега Березины подвергли его уничтожающему артиллерийскому обстрелу и превратили в груды дымящихся развалин. В огне погибли сотни людей, а 10 тыс. населения оказались под открытым небом¹⁰⁸. Не менее варварски вели себя польские части, отступавшие из Киева. В городе были выведены из строя электростанция, городская канализация, пассажирская и товарная станции. Правительства РСФСР и УССР указывали в обращенной к странам Антанты ноте от 11 июня, что «прекрасный собор Святого Владимира, эта не имеющая себе равных жемчужина русского религиозного зодчества и уникальный памятник с бесценными фресками Васнецова, был уничтожен поляками при отступлении только потому, что они желали выместить свою злобу, хотя бы на неодушевленных предметах...»¹⁰⁹

Появились претензии и с противоположной стороны. В июне ПОКК направил протест в Международную организацию Красного Креста по поводу того, что при отступлении Красной армии в Бердичеве, Житомире и Киеве были взяты заложники из гражданского населения и вывезены далеко в тыл, что при возвращении в Бердичев «красноармейцы выбрасывали из лазаретов Красного Креста всех больных и раненых, не щадя чести и жизни врачебного персонала». «Большевики пытаются пленных, — говорилось в документе, — чтобы получить от них военные сведения, поступая против азбучного понимания о правилах ведения войны». Но была ли свободна от подобных эксцессов польская армия, если в составе ее находились такие части, как отряд С. Булак-Балаховича, о котором один из польских офицеров писал в письме к жене: «Это человек без идеологии, бандит и убийца и такие же у него товарищи-подчиненные... Они не знают стыда и похожи на варваров. При мне бросали ему под ноги головы большевиков, отсеченные саблями... Я пил с ним всю нынешнюю ночь, а утром он со своей группой и я с полком пошли на дело. Избиение большевиков было страшное»¹¹⁰.

27 июня 1920 г. Реввоенсовет Юго-Западного фронта поставил новые задачи по дальнейшему развитию наступления. Части 12-й армии должны были вместе с 1-й Конной армией не позднее 3 июля овладеть районом Костополь — Ровно. 14-й армии ставилась задача к 29 июня занять Староконстантинов, Проскуров. Войска Юго-Западного фронта должны были рассечь войска противника на две части и отбросить их в Полесье и Румынию. В результате главные силы Красной армии получили бы возможность наступать на Люблин и Львов¹¹¹.

Тем временем 1-я Конная армия продолжала наступление на город Ровно, в ходе которого 2 июля 1920 г. произошло встречное сражение, закончившееся поражением польских войск. 3 июля советская конница освободила Острог и открыла путь на Ровно. 12-я армия, сломив сопротивление противника, 29 июня вышла в район Мозыря, а главными силами ко 2 июля — на р. Убороть. 14-я армия подходила к линии Острополь — Могилев-Подольский. Развивая

наступление, 1-я Конная армия 4 июля, разгромив при поддержке 12-й армии численно превосходящие силы противника, овладела важным опорным пунктом вражеского сопротивления — городом Ровно. Это создало угрозу прорыва советских войск через слабо прикрытую польскими войсками территорию на запад и вынудило польское командование начать отвод своих войск. 7 июля части 11-й кавдивизии заняли Дубно. Тем временем отходившая на запад 2-я польская армия, сосредоточив значительные силы, попыталась открыть себе путь через Ровно и разгромить 1-ю Конную армию. В результате атак 8—9 июля поляки вновь заняли Ровно, но обладавшие большей маневренностью советские 4-я, 6-я и 14-я кавалерийские дивизии нанесли концентрический контрудар и в 7 часов 10 июля выбили поляков из города.

Еще 2 июля командование Юго-Западного фронта, учитывая лесисто-болотистую местность между Ковелем и Брест-Литовском, предложило двинуть части 1-й Конной армии по линии Луцк — Владимир-Волынский — Холм — Луков. После утверждения 8 июля главкомом этих предложений, 11 июля 1920 г. командование Юго-Западным фронтом отдало приказ армиям фронта: для развития успеха 12-й армии наступать в направлении Ковель — Брест-Литовск. 1-я Конная армия должна была стремительно преследовать отступавшего противника, нанося главный удар в обход Брест-Литовского района в направлении Луцк — Грубешов — Люблин — Луков. 14-я армия, прикрывая операцию главной ударной группы со стороны Галиции, должна была наступать на Тернополь — Львов¹¹². Таким образом, основным операционным направлением Юго-Западного фронта было Брестское. Однако фактически Конная армия после овладения Ровно была вовлечена в бои против сильной польской группировки на направлении Дубно — Броды — Кременец и вынуждена была отклоняться к юго-западу.

В тесном взаимодействии с 1-й Конной армией успешно наступали и другие части фронта. Кавалерийская бригада Котовского, сломив сопротивление противника, к 4 июля освободила село Белополье. 60-я стрелковая дивизия 14-й армии прорвала фронт обороны 6-й польской армии восточнее Проскурова. 8-я кавалерийская дивизия, используя успех пехоты, стремительно вышла в тыл 6-й польской армии и в ночь на 4 июля выбила польские части из Проскурова и местечка Черный Остров. Вследствие этого было полностью дезорганизовано управление 6-й польской армией и нарушена ее связь с командованием фронта. Преследуя противника, войска Юго-Западного фронта к 10 июля вышли на рубеж Сарны — Ровно — Проскуров — Каменец-Подольск¹¹³.

Развивая наступление, армии Юго-Западного фронта в середине июля вступили на территорию Западной Украины. Успехи Юго-Западного фронта способствовали созданию выгодных условий для перехода в общее наступление войскам Западного фронта, поскольку для спасения своих войск на Украине польское командование бросило туда все резервы и сняло часть сил, расположенных в Белоруссии. Взаимодействие двух фронтов являлось важным условием достижения общей победы над войсками противника.

Советское наступление в Белоруссии

Тем временем советское командование принимало меры по усилению войск Западного фронта, который только в июне получил более 58 тыс. человек пополнения. В период подготовки решительного наступления в Белоруссии на фронт прибыло 8 стрелковых дивизий, 4 стрелковые бригады, 1 кавалерийская бригада и эскадрон. С учетом тыловых частей и учреждений численность войск Западного фронта возросла с 274 тыс. в мае до 347 тыс. в июне и до 447 тыс. в июле 1920 г. В составе фронта было около 20 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии (см. таблицу 10). С 15 апреля по 7 июня, на Западный фронт было отправлено 128,7 тыс. винтовок, свыше 2 тыс. пулеметов, 125,5 млн штук патронов, 243 орудия разных систем, 13 тыс. шашек, 91 самолет. За это же время войска фронта получили более 313 тыс. шинелей, 295 тыс. гимнастеров, 310 тыс. брюк, 175 тыс. телогреек, 605 тыс. пар обуви и других предметов военного снабжения. Еще 8 и 9 июня главком своими директивами потребовал от командования Западного фронта усилить активность своих войск и связать противника в Белоруссии, но в целом действия советских частей ограничились разведывательными поисками и налетами¹¹⁴.

К 4 июля 1920 г. на Западном фронте находилась следующая группировка войск: на фронте от города Опочки до озера Жадо протяженностью в 160 км располагалась 4-я армия (командующий — Е.Н. Сергеев, член РВС армии — В.И. Межлаук), созданная 18 июня из Северной группы. Южнее на фронте от озера Младо до озера Сшо (35 км) находилась 15-я армия (командующий — А.И. Кокк, член РВС армии — Н.С. Тихменев). От озера Сшо до озера Пелик (протяженность фронта 80 км) развертывались Южная группа войск 15-й армии, 9 июня переименованная в 3-ю армию (командующий — В.С. Лазаревич, член РВС армии — К.А. Мехоношин). На фронте от озера Пелик до Паричи (200 км) располагалась 16-я армия (командующий — Н.В. Соллогуб, член РВС армии — А.Э. Дауман). Наконец, на южном крыле Западного фронта находилась Мозырская группа (командующий Т. С. Хвесин), занимавшая фронт от Паричи до Мозыря включительно (80—100 км)¹¹⁵.

Таким образом, Западный фронт, с учетом 48-й стрелковой дивизии, находившейся на демаркационной линии с Латвией, имел 152 027 бойцов (108 632 штыков и 11 396 сабель), 2 913

пулеметов, 722 орудия, 14 бронепоездов, 30 бронемашин, 3 танка и 73 самолета. Войска противника насчитывали 75,3 тыс. бойцов с 464 орудиями¹¹⁶. Войскам 4-й, 15-й и 3-й советских армий, объединявшим 104,4 тыс. бойцов, противостояла 1-я польская армия (генерал Жигадлович) в 35,1 тыс. штыков и сабель. Против советской 16-й армии и Мозырской группы (47,6 тыс. бойцов) действовали 4-я польская армия (генерал С. Шептицкий) и Полесская группа (генерал В. Сикорский), имевшие 37,5 тыс. штыков и сабель. Таким образом, на направлении главного удара советские войска Западного фронта превосходили противника в 3 раза. В полосе же действия 16-й армии и Мозырской группы превосходство было не значительным. Польское командование, ожидавшее нового советского наступления в Белоруссии, предлагало отвести войска на линию Барановичи — Лида — Ораны — Вильно, но генерал Шептицкий считал, что следует все же попытаться остановить советское наступление на имеющейся линии фронта.

В основе советского плана лежала та же идея, что и в майском наступлении в Белоруссии, — упираясь правым флангом в Литву и Восточную Пруссию, отбросить войска противника к болотистому Полесью. Группировка и задачи армий были определены в директивах РВС Западного фронта от 30 июня и 2 июля 1920 г. 4-й армии было приказано главными силами нанести решающий удар из района севернее озера Белая Ельня. 3-й кавалерийский корпус имел задачу — выйти в тыл противника, действуя в направлении на Свенцяны. 15-я армия наносила главный удар на Глубокое, 3-я — на Докшицы — станция Парфьяново. На 16-ю армию возлагалась задача освобождения Минска. Мозырская группа должна была наступать на Глуск¹¹⁷.

На рассвете 4 июля войска Западного фронта перешли в наступление. Совместно с частями 33-й Кубанской стрелковой дивизии 15-й армии в составе ударной группировки впервые использовались 3 отремонтированных на Путиловском заводе трофейных танка «Рено». Наступление началось успешно. 4—7 июля правофланговые войска Западного фронта смяли фронт 1-й польской армии и нанесли ей тяжелые потери. Так называемая группа «Двина» этой армии была разгромлена, и ее остатки отошли на территорию Латвии, где были интернированы. Другая группа 1-й польской армии — группа генерала Л. Желиговского (10-я пехотная дивизия) отступила на линию старых германских окопов, на рубеж Двинск — озеро Нарочь — 20 км западнее Молодечно — Барановичи — Пинск и далее по западному берегу реки Стоход. Потерпела серьезное поражение и третья группа 1-й польской армии под командованием генерала Енджеевского (7-я резервная бригада и пехотная бригада 5-й дивизии). Успех был так значителен, что уже к концу первого дня наступления войска правого крыла Западного фронта продвинулись на 15—20 км. Польское командование, не имея возможности остановить наступление Красной армии в Белоруссии, вынуждено было отдать 5 июля приказ об отходе в общем направлении на город Лида.

Советские войска решительно преследовали противника, но полностью окружить 1-ю польскую армию им не удалось, и прежде всего потому, что при планировании операции командование Западного фронта допустило серьезные просчеты. Группировка советских войск, которая должна была совершить стремительный обход фланга 1-й польской армии (3-й кавкорпус и 4-я армия), была значительно слабее группировки советских войск, наносивших фронтальный удар (15-я армия). Поэтому выдвижение обходящей группы проходило медленнее скользящей группы, что и позволило противнику избежать окружения, а 6 июля даже оторваться от замедлившихся наступление советских частей. Поражение и начавшийся отход 1-й польской армии резко ухудшили положение 4-й польской армии и создали выгодные условия для наступления частей 16-й армии и Мозырской группы советских войск.

16-я армия наступала непосредственно на Минск. Главный удар она наносила силами трех дивизий из имевшихся пяти. Им предстояло форсировать р. Березину юго-восточнее города Борисова на участке от устья реки Равы до устья реки Клевы (ширина фронта 35 км). Наиболее сильной в боевом отношении в составе ударной группировки 16-й армии была 27-я Омская стрелковая дивизия (командир В.К. Путна). Она имела около 8 тыс. штыков и сабель, 260 пулеметов и 34 орудия. Дивизия обладала большим боевым опытом: она сражалась с чехословацким корпусом в 1918 г. и участвовала в боях с колчаковцами до полного их разгрома.

В 2 часа ночи 7 июля 1920 г. 16-я армия перешла в наступление. Уже к 5 часам утра передовые части ударной группы переправились через Березину. Завязались упорные бои. Противник начал отступать. 9 июля Красная армия освободила город Игумен. Бои приблизились непосредственно к Минску, который противник опоясал полукольцом окопов с проволочными заграждениями. 27-я дивизия должна была обойти город с севера и юга. Наступление на Минск началось на рассвете 11 июля. Противник оказывал ожесточенное сопротивление, которое было сломлено частями 27-й и 17-й стрелковых дивизий. К полудню город был полностью очищен от польских войск. С разгромом основных сил 1-й польской армии и освобождением Минска завершился первый этап наступления советских войск Западного фронта. В этих боях, проходивших с 4 по 11 июля, Красная армия прорвала фронт противника и нанесла ему серьезные потери. На всем фронте польские войска вынуждены были отходить на Запад. С 12 июля начался

новый этап в наступлении частей Западного фронта, преследовавших отходившие польские войска. Основные силы, сосредоточенные на правом фланге, должны были наступать, прикрываясь территорией Литвы и Восточной Пруссии и нависая над флангом противника, чтобы не дать ему закрепиться на удобном для обороны рубеже¹¹⁸.

Командование польской армии стремилось найти силы и средства, чтобы остановить наступление советских войск. 9 июля Пилсудский приказал войскам удерживать фронт по линии Вильно — германские окопы — Лунинец — р. Стырь и р. Збруч. Его план сводился к тому, чтобы закрепиться на севере по линии старых германских окопов и затем нанести контрудар по войскам советского Западного фронта из района Бреста. Отходя на старые германские окопы, противник рассчитывал упорной обороной измотать и обескровить советские войска и вновь перейти в наступление. Этому плану не суждено было осуществиться. Линия германских окопов, вырытых в 2—3 ряда, соединенных между собою ходами сообщения, с большим количеством бетонированных убежищ и гнездами для пулеметов, уже в середине июля была прорвана армиями Западного фронта. 15 июля Пилсудский приказал отвести войска на линию Пинск — Огинский канал — р. Шара — р. Неман до Гродно. С целью задержать советское наступление, чтобы дать возможность войскам 1-й польской армии выйти из-под удара, 4-я польская армия должна была нанести удар на север во фланг наступающим частям Западного фронта, но этот маневр не удался.

14 июля 3-й кавкорпус и 164-я стрелковая бригада после 6-часового боя заняли Вильно. Это событие активизировало литовские войска, выступившие против частей 2-й Литовско-белорусской пехотной дивизии, которая стала отходить к Лиде. Попытка согласования действий советских и литовских войск из-за нежелания литовского руководства вылилась в 4-дневные бесплодные переговоры. В итоге было решено, что Красная армия не будет крупными силами переходить линии Новые Троки — Ораны — Меречь — Августов¹¹⁹. 17 июля войска 15-й армии вошли в Лиду, 19 июля 3-й кавкорпус неожиданно для противника ворвался в Гродно, выбив небольшой польских гарнизон, а войска 16-й армии освободили Барановичи. 23 июля Мозырская группа заняла Пинск. Тем временем продвигаясь на Запад, 1-я Конная армия после занятия Ровно оказалась втянута в бои в районе Дубно — Кременец. В боях 18—21 июля советским конникам удалось продвинуться в направлении Львова, что позволило и войскам 14-й армии ускорить наступление¹²⁰.

Выбор

В условиях развала польского фронта на Востоке в Варшаве 1 июля был создан Совет обороны государства в составе Пилсудского, маршала сейма, премьер-министра, трех членов правительства, 10 депутатов от различных парламентских партий и 3 представителей военного командования. 5 июля Совет обороны решил обратиться к Антанте с просьбой о содействии в мирных переговорах. В ходе переговоров с представителями Антанты в Спа 9—10 июля было решено, что ее посредничество обуславливается следующими условиями: поляки отойдут на «линию Керзона», откажутся от претензий на литовские земли и согласятся на проведение в Лондоне мирной конференции представителей РСФСР, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Восточной Галиции. Кроме того, Польша обязывалась принять решение Антанты по вопросам ее границ с Литвой, Чехословакией и Германией и о будущем Восточной Галиции. В случае отказа Москвы от предложений Антанты, она поддержит Польшу военными материалами. Польское руководство было вынуждено согласиться на эти условия, но попыталось отстоять свои интересы в Вильно и Восточной Галиции. В итоге переговоров было решено, что Москве будет предложено остановить войска в 50 км от линии Гродно — Брест-Литовск — Буг, Вильно признавался литовским городом, а в Восточной Галиции линией перемирия должна была стать линия фронта¹²¹. Польское командование надеялось использовать перемирие как передышку для приведения войск в порядок¹²².

11 июля 1920 г. советским представителям в Англии была передана нота лорда Керзона с требованием остановить наступление на линии Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг — восточнее Грубешова — Крылов — западнее Равы-Русской — восточнее Перемышля до Карпат. Советские войска должны были остановиться в 50 км восточнее этой линии, а в Восточной Галиции на достигнутой к моменту перемирия линии фронта. Окончательно вопросы разграничения территорий в Восточной Европе следовало решить на международной конференции в Лондоне. В случае продолжения наступления советских войск в Польшу, Англии и ее союзники поддержат Польшу «всеми средствами, имеющимися в их распоряжении». Кроме того, предлагалось заключить перемирие с Врангелем, войска которого вели бои в Северной Таврии. На размышления Москве давалось 7 дней и сообщалось, что Польша согласна на эти условия¹²³.

13—16 июля советское руководство обсуждало английскую ноту. Мнения в советском руководстве разделились. Довольно осторожную позицию занял глава НКВД Чичерин, предлагавший принять это предложение, выйти на «линию Керзона», на которой следовало вести переговоры с Польшей, подтянув тылы и дав отдых войскам. В случае необходимости можно было

с этой линии начать новое наступление. Глава советской дипломатии предлагал выставить встречные условия — начало мирных советско-польских переговоров, сокращение польской армии и выдача ею полученного от союзников военного снаряжения. То, что «линия Керзона» исключала из состава Польши Восточную Галицию, было воспринято в Москве как признание ее прав на эту территорию. Л. Б. Каменев считал возможным пойти на перемирие, но с гарантиями ослабления Польши. Поскольку Восточная Галиция не признается польской территорией, то ее следует занять войсками, пока идут дипломатические маневры. Л. Д. Троцкий полагал, что можно пойти на перемирие с Польшей, но не с Врангелем, поскольку это внутренний вопрос России. И.Т. Смилга считал необходимым продолжать войну с Польшей до ее советизации или получения достаточных гарантий прочного мира. По мнению Мархлевского, можно было бы предложить Польше в обмен на мир районы Холма и Белостока¹²⁴ .

Более осторожную позицию занимал Сталин, который еще 24 июня заявил харьковской газете «Коммунист», воздав должное успехам Юго-Западного фронта, что «было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено». Предстоят еще серьезные сражения, «поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное для дела самодовольство, которое оказалось у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве»... В самой категорической форме я должен заявить, что без напряжения всех сил в тылу и на фронте мы не сможем выйти победителями. Без этого нам не одолеть врагов с Запада. Это особенно подчеркивается наступлением войск Врангеля, явившимся, как «гром с ясного неба», и принявшим угрожающие размеры»¹²⁵ .

11 июля уже в «Правде» Сталин вновь, отметив важные успехи Юго-Западного фронта, подчеркнул, что, хотя «наши успехи на антипольских фронтах несомненны..., но было бы недостойным бахвальством думать, что с поляками в основе уже покончено, что нам остается лишь проделать «марш на Варшаву». Это бахвальство... неуместно не только потому, что у Польши имеются резервы, которые она несомненно бросит на фронт..., но и прежде всего потому, что в тылу наших войск появился новый союзник Польши — Врангель, который грозит взорвать с тыла плоды наших побед над поляками... Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована»¹²⁶ .

Оценка ситуации военным командованием, изложенная в записке от 15 июля, была довольно оптимистичной¹²⁷ , что наряду с политическими расчетами и общим подъемом, вызванным победами на фронте, привело к отказу от принятия английских условий. Расчеты советского руководства сводились к тому, что, поскольку противник слаб, то сильный удар приведет к его окончательному краху и позволит разрушить всю Версальскую систему, не учитывавшую советских интересов. В итоге 16 июля Пленум ЦК РКП(б) решил отклонить ноту Керзона, но при этом не отказываться от переговоров с Польшей и ускорить наступление, чтобы «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов»¹²⁸ . 17 июля Москва официально ответила Лондону, что согласна на переговоры с Варшавой, но без посредников¹²⁹ . В ответ Англия 20 июля заявила, что в случае советского наступления отменит торговые переговоры с РСФСР. Тем временем II конгресс Коминтерна, проходивший в Москве 19 июля — 7 августа, обратился к трудящимся Западной Европы с призывом поддержать РСФСР в войне с Польшей¹³⁰ .

17 июля председатель РВСР Л. Д. Троцкий в своей директиве, указав, что правительства Антанты опасаются подрыва Версальской системы в результате побед Красной армии и стремятся вовлечь в войну Румынию, доводил до сведения главкома, что «правительство сочло необходимым отвергнуть английское посредничество». Поэтому «необходимо принять меры к тому, чтобы всесторонне обеспечить наше быстрое и энергичное продвижение вперед на плечах отступающих польских белогвардейских войск». «Преподать твердые оперативные указания командованию Западного и Юго-Западного фронтов в отношении дальнейшего непрерывного развития операции как до границы, намеченной Антантой, так и за пределами этой границы в случае, если бы силой обстоятельств мы оказались вынужденными временно перейти эту границу»¹³¹ . 20 июля главком приказал войскам фронтов «продолжать энергичное развитие операций..., не ограничивая таковых границей, указанной в ноте лорда Керзона»¹³² . В этот момент военное командование Красной армии, Реввоенсовет республики и главнокомандующий вооруженными силами республики, а также командование Западного фронта, явно переоценив успехи, достигнутые Красной армией, и степень поражения войск противника, допустили ряд просчетов.

19 июля 1920 г. член Реввоенсовета Западного фронта И.Т. Смилга сообщал в Реввоенсовет республики о том, что левый фланг польских войск разбит совершенно. 21 июля 1920 г. главком С. С. Каменев срочно прибыл в Минск, в штаб Западного фронта. Ознакомившись на месте по докладом командования фронтом с обстановкой, он отдал в ночь на 22 июля директиву занять войсками Западного фронта Варшаву не позднее 12 августа¹³³ . 23 июля 1920 г. главком послал

из Смоленска на имя заместителя председателя РВСР Э.М. Скиянского телеграмму, в которой сообщал о своем впечатлении об обстановке на Западном фронте: «Самое существенное — это высокий подъем настроения в частях, гарантирующий возможность и дальше продвигаться, не уменьшая энергии. 16 числа занято Гродно, а вчера Слоним. Оба эти успеха свидетельствуют, что линия р.р. Немана и Шара прорваны и теперь у противника нет на пути их отхода рубежей, на которых они могли бы рассчитывать задержать нас. Не исключена возможность закончить задачу в трехнедельный срок»¹³⁴.

Эта телеграмма свидетельствовала, что главком после докладов РВС Западного фронта по существу считал польскую армию неспособной к дальнейшему сопротивлению. Такая оценка была ошибочной. В условиях чрезмерно оптимистических расчетов на скорую победу советское командование стало пересматривать свои дальнейшие планы. Именно в это время идея концентрического удара войсками Западного и Юго-Западного фронтов на Варшаву уступила место эксцентрическому удару на Варшаву и Львов. Исходя из того, что войска Западного фронта продолжали стремительное наступление, не встречая при этом серьезного сопротивления противника, Реввоенсовет Юго-Западного фронта 22 июля 1920 г. направил главкому телеграмму, в которой предлагалось перенести главный удар войск фронта с брестского направления на львовское, то есть в пределы Галиции. Командование Юго-Западного фронта, как писал позднее А.И. Егоров, считало важным в политическом плане освобождение столицы Восточной Галиции — Львова и намеревалось в дальнейшем оказать поддержку войскам наступающего на Варшаву Западного фронта «ударом через Львов в тыл Варшаве». Перенесение направления главного удара в сторону Галиции, по мнению РВС Юго-Западного фронта, диктовалось также опасностью выступления на стороне Польши Румынии¹³⁵.

Имевшиеся в главном командовании опасения относительно возможного вмешательства Румынии привели к появлению идеи усиления действий войск Юго-Западного фронта в Восточной Галиции. В этой ситуации вполне понятно появление директивы главкома от 21 июля, поставившей перед Юго-Западным фронтом задачу занять к 4 августа районы Ковель — Владимир-Волынский, а остальными силами, в том числе и 1-й Конной армией, разгромить 6-ю польскую и Украинскую армии, оттеснив их на юг к границам Румынии, тем более что командование фронта само предлагало подобный вариант, который был 23 июля утвержден С. С. Каменевым¹³⁶. При этом главком был убежден, что Западный фронт в августе 1920 г. один, без помощи Юго-Западного фронта, может сломить сопротивление противника на Висле и занять Варшаву. Более того, Каменев считал, как он писал об этом 21 июля в РВС республики, что для выполнения этой задачи вполне достаточно будет трех армий Западного фронта (4-й, 3-й и 15-й), если Польша не получит существенной поддержки, помимо выступления Румынии и Латвии¹³⁷. Эти три армии в общей сложности в то время имели немногим более 80 тыс. бойцов. 16-ю же армию главком планировал вывести в резерв на случай, если на помощь Польше выступит Латвия. Кстати сказать, 19 июля Тухачевский, исходя из вероятных сложностей при прорыве линии германских окопов, также предложил отклонить действия 1-й Конной на юго-запад¹³⁸.

23 июля командование Юго-Западного фронта поставило войскам следующую задачу: 12-я армия, создав заслон в направлении Брест-Литовска, должна была наступать в направлении Холм — Красник — Аннополь, 1-я Конная армия —

не позднее 29 июля занять Львов, а 14-я армия — наступать от

р. Збруч в общем направлении Тарнополь — Перемышляны — Городок¹³⁹. Таким образом, действия Юго-Западного фронта должны были отныне направляться не на содействие войскам Западного фронта, который наносил главный удар на варшавском направлении, а на решение по существу самостоятельной задачи, связанной с ликвидацией войск противника на львовском направлении и освобождением Галиции. При этом ударные группировки Западного и Юго-Западного фронтов должны были действовать в значительном отрыве друг от друга. Изменение направления главного удара войск Юго-Западного фронта накануне решающих боев, от которых зависел исход Советско-польской войны в целом, противоречило реальной обстановке. Поэтому трудно не согласиться с мнением В.А. Меликова о том, что 21—23 июля «главком... допустил ошибку стратегической важности»¹⁴⁰. А обстановка была такой, что на отдельных, наиболее важных направлениях бои затягивались на несколько дней и сопротивление польских войск все более и более усиливалось.

Новым стратегическим решением советского Главного командования способствовало и то, что 22 июля Польша предложила РСФСР договориться о «немедленном перемирии и открытии мирных переговоров»¹⁴¹. Уже 23 июля Москва сообщила Варшаве, что главное командование Красной армии получило распоряжение «немедленно начать с польским военным командованием переговоры в целях заключения перемирия и подготовки будущего мира между обеими странами»¹⁴². Одновременно в 18.35 23 июля главком потребовал от войск Западного фронта еще ускорить наступление на Варшаву¹⁴³. 30 июля Каменев вновь требовал от войск «наступление на польском фронте вести с прежним напряжением и энергией,... дабы в кратчайшее время абсолютно уничтожить польскую армию»¹⁴⁴. В этих условиях командование советского

Западного фронта всякими уловками затягивало согласование процедуры перехода польской военной делегацией линии фронта, оттянув его до 30 июля¹⁴⁵. Как ни странно, эта затяжка вовсе не вызвала раздражения в Варшаве, поскольку польское командование не спешило заключать какое-либо соглашение под давлением большевиков. Его вполне устраивало временное перемирие в худшем случае по «линии Керзона», но никакого вмешательства во внутренние дела Варшавы допускать не собиралась¹⁴⁶.

Для расширения социальной базы польское правительство еще 15 июля добилось одобрения Сеймом принципов аграрной реформы. 24 июля в Варшаве было создано правительство национальной обороны с участием всех политических сил, а 25 июля в Польшу прибыла англо-французская военная миссия и начали прибывать военные грузы с Запада. 27 июля Пилсудский отдал директиву, требовавшую от войск удерживать фронт по линии р. Западный Буг — Остров — Граево (или Остроленка — Омудев) и организовать контрудар от Брест-Литовска на север и от Острова на восток¹⁴⁷. В этих условиях польское руководство также не спешило начинать переговоры и прибывшие 1 августа в Барановичи польские делегаты не имели полномочий от правительства на ведение переговоров о мире, а лишь полномочия от военного командования на ведение переговоров о перемирии. Советская же сторона была заинтересована в одновременном заключении соглашений о перемирии и прелиминарного договора. Поэтому 2 августа она потребовала от польской делегации получить соответствующие полномочия и с 4 августа начать переговоры в Минске. Но польская делегация отказалась и вернулась за линию фронта¹⁴⁸.

Польская пропаганда всячески подчеркивала «самоотверженную борьбу польских войск с нашествием большевиков», что должно было не только укрепить польский тыл, но и способствовать получению военных материалов от Антанты, в которых Варшава очень нуждалась. С целью поддержания порядка в армии, деморализованной поражениями, и борьбы с дезертирством польское руководство 24 июля ввело чрезвычайные и полевые суды. Тем временем 24 июля, после трех дней напряженных боев, советские войска Западного фронта прорвали линию Гродно — р. Неман — р. Шара — Слоним. Форсировав Неман и Шару, 25 июля советские войска вступили в город Волковыск, 27 июля — в Осовец и Пружаны, 29 июля — в Ломжу, а 30 июля был занят Кобрин. 1 августа Красная армия вступила в Брест, 3 августа советские войска заняли Остров, а 6 августа — Остроленку. Вместе с тем бои начала августа показали, что польское сопротивление усилилось, и в течение недели войска 16-й армии и Мозырской группы не могли форсировать р. Западный Буг.

30 июля в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши (Польревком) в составе Ю. Мархлевского, Ф. Дзержинского, Ф. Кона и Э. Прухняка, для обеспечения деятельности которого Москва выделила 1 млрд руб. Задачей Польревкома являлась подготовка советизации Польши, но нехватка подходящих кадров и слабое знание местных условий привело к тому, что население в массе осталось безучастным к его начинаниям. Особенно повредила имиджу Польревкома попытка решения аграрного вопроса по российскому образцу: тогда как польские крестьяне стремились получить помещичью землю в личную собственность, на ней стали создавать социалистические хозяйства¹⁴⁹. На Украине еще 8 июля был создан Галицийский революционный комитет (Галревком), в который вошли В. Затонский, М. Баран, Ф. Конар, И. Немоловский, К. Литвинович и др. Работа Галревкома велась под общим лозунгом изгнания поляков, и 1 августа в Тарнополе была провозглашена государственная самостоятельность Восточной Галиции с задачей установления советской власти¹⁵⁰. Однако в целом население, хотя и радовалось уходу поляков, разделилось по вопросу об ориентации на Европу или Москву. В любом случае успех в деятельности обоих ревкомов был тесно связан с ситуацией на фронте.

На Львов и Варшаву

На Юго-Западном фронте 1-я Конная армия, развивая наступление на Львов, 26 июля овладела Бродами, а к 28 июля на широком фронте с боями форсировала р. Стырь, заняла Буск и вышла к р. Западный Буг. Севернее войска 12-й армии, форсировав рр. Стырь и Стоход, подходили к Ковелю. На юге 14-я армия прорвала польскую оборону на р. Збруч и 26 июля овладела Тарнополем. Однако относительно медленное продвижение 12-й и 14-й армий привело к тому, что фланги 1-й Конной оказались неприкрытыми и, воспользовавшись этим, 2-я и 6-я польские армии 29 июля нанесли контрудар на Броды. Завязались ожесточенные бои, в ходе которых 1-я Конная армия была вынуждена отойти на восток, чтобы избежать окружения. 3 августа поляки вернули Броды и Радзивилы¹⁵¹. На следующий день 12-я советская армия вступила в Ковель, а 14-я армия вышла к р. Стрыпа. В это время польское командование приступило к выполнению своего плана отражения наступления советского Западного фронта на Варшаву, о чем будет подробнее сказано ниже, и начало снимать войска с львовского направления. Измотанные в предыдущих боях советские кавалерийские части получили передышку. В этот момент советское командование все же решило усилить с юга войска Западного фронта и 11 августа главком своей директивой предложил вывести 1-ю Конную армию из боя и направить ее на Замостье¹⁵². К сожалению, по техническим причинам штаб Юго-Западного фронта не смог расшифровать этот приказ до второй половины 13 августа, когда 1-я Конная уже перешла в

наступление на Львов. 13 августа главком издал повторный приказ, а 1-я Конная 14 августа вновь заняла Броды, 15 августа — Буск. Понятно, что в условиях, когда советские войска рвались к Львову, рассчитывая взять его со дня на день, командование 1-й Конной не спешило выполнить приказ главкома, который, кстати, также не видел острой необходимости в переброске кавалерии на Западный фронт¹⁵³. Прорвав оборону противника на

р. Западный Буг, 17 августа 1-я Конная штурмовала Львов, но полякам удалось удержать город. Лишь после этого 1-я Конная, еще 14 августа формально переданная в состав Западного фронта, стала выводиться из боя, и 19 августа наступление на Львов завершилось.

Ход событий на советско-польском фронте во второй половине июля 1920 г. показал, что борьба на фронтах стала более напряженной. Объяснялось это тем, что пополнение частей польской армии свежими войсками позволило повысить их боеспособность. Хотя с 1 июля по 16 августа польские войска потеряли до 80 тыс. бойцов (56%), но в начале августа в их ряды влились 60 тыс. человек. К тому же в это время польская армия действовала вблизи своих баз. В то время как польская армия усиливалась с помощью Антанты, непрерывно и стремительно наступавшие советские войска устали. Они все более и более отрывались от своих тылов. В связи с тем, что железные дороги, станции, водоканалы взрывались при отступлении польскими войсками, подвоз пополнений, боеприпасов и продовольствия для наступавших советских войск был очень затруднен. Части Красной армии в ходе наступления понесли потери и, естественно, ослабли. Поступавшие в июле и в начале августа 1920 г. донесения с фронтов от передовых советских частей свидетельствовали об утомлении войск, о том, что они нуждаются в людских пополнениях, в боеприпасах и вооружении. В итоге уже на рубеже р. Западный Буг сопротивление польских войск резко возросло.

Пока польские войска сдерживали советское наступление на рубеже Западного Буга, польское командование с участием французской миссии генерала Вейгана разработало новый план военных действий. Основная идея этого плана, утвержденного 6 августа 1920 г. Пилсудским, заключалась в следующем: 1) сковать советские войска на юге, прикрывая Львов и Дрогобычский нефтяной бассейн; 2) на севере не допустить обхода вдоль германской границы, а также ослабить удар частей Красной армии путем отражения их атак на предместных укреплениях на восточном берегу Вислы; 3) в центре — наступательная задача: быстрое сосредоточение на нижнем Вепше маневренной армии, которая затем ударила бы во фланг и тыл войскам Западного фронта, атакующим Варшаву, и разбила бы их. Таким образом, польское командование, планируя укрепление и защиту Варшавы, одновременно готовило удар южнее — на люблинском участке, в тыл и фланг главным силам Западного фронта, которые наступали в обход Варшавы с северо-востока. Южный участок фронта в период боев за Варшаву стал рассматриваться противником как второстепенный, имевший задачей главным образом прикрытие Львова и нефтяного бассейна Галиции.

В соответствии с этим планом польские войска были разделены на три фронта: Северный, Средний и Южный. Северным фронтом командовал генерал Ю. Галлер. В его составе находились три армии, из которых 5-я армия (генерал Сикорский) должна была обороняться на Нареве, 1-я армия (генерал Ф. Латиник) — на подступах к Варшаве, 2-я армия (генерал Б. Рой) получила задачу обороняться на левом берегу Вислы на рубеже Гура-Кальвария — Конвенице.

Средний фронт под командованием генерала Рыдз-Смиглы (с 14 августа — Пилсудского) составлял маневренную группу войск. Главной ударной силой этого фронта была 4-я армия (генерал Л. Скерский), сосредоточенная в районе Демблин — Люблин. Основным направлением ее действий был Минск-Мазовецкий (Ново-Минск). Правее сосредоточивалась ударная группа 3-й армии под командованием генерала Рыдз-Смиглы (1-я и 3-я пехотные дивизии легионеров, 4-я кавбригада и кавбригада майора Яворского). Южнее разворачивались остальные части 3-й армии (генерал Зелинский), которые должны были прежде всего обеспечить фланги и тылы района сосредоточения ударной группы, а затем, оставив конницу для прикрытия, наступать в северо-восточном направлении.

Южный фронт под командованием генерала В. Ивашкевича в составе 6-й армии (генерал Еджейевский) и петлюровской Украинской армии должен был прикрывать Восточную Галицию¹⁵⁴.

Согласно плану, из 23 польских дивизий 20 предназначались для Варшавской операции. На этом участке сосредоточивалась большая часть кавалерии. Боевой состав польских войск, выделенных для сражения на Висле, насчитывал 107,9 тыс. штыков и сабель. На вооружении войск находилось 1 834 пулемета, 108 тяжелых и 526 легких орудий. Кроме того, они имели свыше 70 танков¹⁵⁵. 3 польские дивизии (6-я армия) и так называемая «Украинская армия» предназначались для обороны в районе Львова. В ходе развернувшихся боев под Варшавой в августе 1920 г. Антанта спешно направила через Румынию для польской армии около 600 орудий, которые по прибытии были немедленно введены в бой. Получение такого количества орудий оказало польским войскам существенную помощь в сражении на Висле. Польское руководство приступило к реализации своего плана контрудара и ужесточило меры по поддержанию

дисциплины в армии, где наряду с пропагандой защиты отечества широко применялись военно-полевые суды, а 14 августа были введены заградительные отряды с пулеметами для остановки отступающих частей¹⁵⁶.

Выполнение принятого 6 августа плана было связано для противника с большими трудностями и риском. Его успех зависел прежде всего от того, насколько польским войскам удастся оторваться от преследовавших их советских армий и организованно занять намеченные им районы. Особую трудность представляло сосредоточение на Вепше частей польской 4-й армии, которой предстояло совершить движение почти вдоль фронта. Пилсудский позже писал: «14-я, 16-я и 21-я дивизии 4-й армии, находившиеся еще 6 и даже 7 августа в горячих боях на Буге, должны были не только оторваться от противника, но проделать еще рискованный, почти фланговый марш для достижения района за Вепшем... Какой-нибудь случай, более сильный натиск со стороны противника в том или ином месте... ставили весь маневр под знак вопроса, не давая никакой уверенности, что ударная группа, которой я решил командовать лично, соберется своевременно и в назначенном мною составе»¹⁵⁷.

Осуществлению этого маневра противника способствовало то, что в районе Брест-Литовск — Холм оказались лишь слабые советские силы Мозырской группы и правофланговая дивизия 12-й армии, которые были неспособны на быстрое наступление. Таким образом, нарушение взаимодействия Западного и Юго-Западного фронтов привело к распылению сил советских войск на различных, не связанных между собой направлениях и облегчило условия противнику для подготовки сильного контрудара во фланг и тыл войскам Западного фронта.

В то время как войска противника к моменту сражения на Висле значительно усилились и окрепли, войска Западного фронта оказались ослабленными. В ходе боев они понесли большие потери, тыловые части отстали на 200—400 км, в связи с чем нарушился подвоз боеприпасов и продовольствия. Войска не получали пополнений. Все это привело к тому, что к началу решающего сражения на р. Висле соотношение сил резко изменилось в пользу противника. Но опасность назревала не только на западе. Она усиливалась и там, где действовали войска Врангеля. 2 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о создании самостоятельного Южного фронта для борьбы против белогвардейских армий Врангеля.

5 августа 1920 г. был созван пленум ЦК РКП(б), который обсудил положение на фронтах. Было принято решение продолжать наступление Красной армии, чтобы окончательно сломить сопротивление Польши, поддерживаемой Антантой. В этот ответственный завершающий этап войны необходимо было объединить все советские силы для решения главной задачи — ликвидации сопротивления варшавской группировки противника. Пленум ЦК одобрил принятое Реввоенсоветом Республики решение о передаче 12-й, 1-й Конной и 14-й армий Западному фронту.

Тем временем польское руководство 4 августа решило еще раз попытаться начать переговоры с Москвой. 6 августа Англия вновь предложила РСФСР пойти на перемирие, но Москва ответила отказом, сославшись на стремление к двусторонним советско-польским переговорам о перемирии и мире, о согласии на которые ею было заявлено 7 августа. Советская сторона в ответ на польское обращение предложила начать переговоры в Минске с 11 августа. Однако активные действия войск Врангеля на юге все сильнее беспокоили советское руководство, тем более что 10 августа Франция признала его де-факто «правителем Юга России». В этих условиях скорейшее завершение польской кампании было в интересах Москвы, поскольку позволило бы перебросить войска против Врангеля. Пытаясь оказать косвенное влияние на Польшу через Англию, Москва 9 августа сообщила Лондону советские условия мирного соглашения с Варшавой, которые были утверждены Политбюро ЦК РКП(б) 31 июля и включали сокращение польской армии до 50 тыс. человек, свертывание военной промышленности, передачу России излишков вооружения и запрет на его ввоз из-за границы. Кроме того, польскому правительству предлагалось наделить землей семьи, пострадавшие от войны, и создать рабочую милицию. Со своей стороны Москва обязывалась отвести войска с польского фронта и соглашалась на границу по «линии Керзона» с некоторыми отступлениями в пользу Польши в районе Белостока и Холма¹⁵⁸.

Англия довольно спокойно восприняла эти советские предложения (тем более что о требовании создать рабочую милицию ей не было сообщено), но они никак не повлияли на ее деятельность в отношении Варшавы. Поскольку для оказания помощи Польше странам Антанты нужно было время, они советовали Варшаве начать переговоры и затянуть их как можно дольше. Тем временем воюющие стороны достигли соглашения о переходе польской делегацией линии фронта на шоссе Мендзыжец — Седльце в 20.00 9 августа, но в назначенное время польские делегаты не прибыли. На следующий день в занятом Красной армией Седльце чиновники польского МИД, оказавшиеся среди пленных, сообщили советской стороне о готовности польской делегации перейти фронт 14 августа. 11 августа в Варшаве был утвержден состав польской делегации, которой поручалось заключить перемирие и заявить, что вопросы о принадлежности Гродно и Вильно должны решаться между Польшей и Литвой. Утром 14 августа польская делегация выехала из Варшавы и пересекла линию фронта¹⁵⁹.

В начале августа Советское правительство снова заявило, что оно признает независимость и этнографические границы Польши и что действия Красной армии не преследуют никаких захватнических целей. «Наступление советских войск является чисто военной операцией, не наносящей ущерба будущему мирному договору и не посягающей на независимость и неприкосновенность Польского государства в его этнографических границах, причем переговоры начнутся, как только для их ведения вернуться польские делегаты»¹⁶⁰.

В этих условиях перед Главным командованием Красной армии стояла задача — окончательно сломить сопротивление главных сил противника и обеспечить окончание войны с Польшей. В этот момент требовалась исключительная осмотрительность, четкость планирования операции и принятие всех мер обеспечения ударной группировки, которая должна была вести наступление на варшавском направлении. В первую очередь следовало незамедлительно подтянуть на ивангородское направление 1-ю Конную армию, направить основные усилия 12-й армии на оказание помощи Западному фронту, организовать четкое взаимодействие в период всей Варшавской операции. Еще 3 августа 1920 г. главком направил на имя Реввоенсовета Юго-Западного фронта директиву, в которой указывалось на возможность передачи в ближайшее время 12-й армии и 1-й Конной в распоряжение Западного фронта для объединения всех советских войск, наступающих к Висле, под единым командованием¹⁶¹. Однако в директиве не было сказано ни слова о необходимости изменения задач этих армий. Более того, в тот же день главком в новой телеграмме командованию Юго-Западного фронта интересовался, что сделано для прикрытия 1-й Конной с севера, и требовал ускорить выдвижение 12-й армии на Владимир-Волынский¹⁶².

6 августа на основе решения пленума ЦК РКП(б) об объединении всех армий в составе Западного фронта главком отдал директиву командованию Юго-Западного фронта о подготовке к передаче вместе с 12-й и 1-й Конной армиями в состав Западного фронта и 14-й армии¹⁶³. В этот же день главком приказал командованию Юго-Западного фронта сменить пехотными частями 1-ю Конную и вывести ее в резерв для отдыха и подготовки к новому, решительному удару. Но ни в одном документе Каменев не приказал прекратить Львовскую операцию. К 10 августа 1-я Конная была выведена в резерв, а с утра 13 августа вновь возобновила по приказу командования фронта наступление на Львов. Как уже говорилось, директива главкома от 11 августа о передаче 1-й Конной и 12-й армий в состав Западного фронта была зашифрована с ошибками, что сделало ее расшифровку невозможной и потребовало нового обращения в Москву о ее перешифровке, которая была произведена в середине дня 13 августа¹⁶⁴. 12 августа РВС Юго-Западного фронта поставил 1-й Конной армии задачу овладеть Львовом и выйти на р. Сан и обратился в Москву с просьбой оставить 1-ю Конную в составе фронта¹⁶⁵. Тем временем кавалерия вновь втянулась в бои за Львов, о чем командование фронта и сообщило в Москву 13 августа¹⁶⁶. Для содействия Мозырской группе выделялись лишь войска 12-й армии, которая в то же время обеспечивала с севера удар 1-й Конной на Львов.

Между тем в это время командование Западного фронта разрабатывало план наступления на Варшаву. Войска этого фронта насчитывали около 101,3 тыс. штыков и сабель, несколько уступая противнику по численности. По направлениям соотношение сил сторон было следующим. На варшавском и новогеоргиевском направлениях противник имел около 69 тыс. штыков и сабель, а советские войска (4-я, 15-я, 3-я и 16-я армии) — 95,1 тыс. штыков и сабель. На ивангородском направлении, где польское командование готовилось нанести контрудар, было 38 тыс. штыков и сабель, а противостоявшие им войска Мозырской группы насчитывали только 6,1 тыс. штыков. Вышедшие к Висле советские части были крайне утомленными и малочисленными. В некоторых дивизиях осталось не более 500 бойцов. Многие полки в сущности превратились в роты. По словам участников этих боев, пехоты в некоторых полках хватало только для использования ее в качестве прикрытия пулеметов и орудий. В войсках не хватало патронов и винтовок, не было артиллерийских снарядов.

7 августа главком указал Тухачевскому, что 16-я армия слаба, а Юго-Западный фронт наступает южнее, поэтому следует учитывать угрозу со стороны Ивангорода (Демблина)¹⁶⁷. 10 августа командование Западного фронта отдало приказ войскам о наступлении на Варшаву. Все четыре армии фронта: 4-я, 15-я, 3-я и 16-я, а также 3-й кавалерийский корпус должны были наступать в обход Варшавы с севера¹⁶⁸. 10 августа в ходе переговоров по прямому проводу Каменев указал Тухачевскому, что «главную массу ваших сил вы пустили севернее Буга по отношению к пустому пространству, а с главной массой [противника] пришлось драться только 16 вашей армии», в итоге главные силы противника будут встречены лишь на Висле, тогда как их можно было бы «потрепать» на линии Буга. Однако Тухачевский полагал, что «главные силы противника находятся не южнее, а севернее Буга», но ускользают от ударов. Командующий фронтом считал, что «противник, по всем признакам, не желает давать генерального сражения, имея в тылу Вислу». В заключение разговора Каменев заявил, что «если вы так категорически настаиваете, что главные силы поляков севернее Буга, с чем я никак не могу согласиться по имеющимся в штабе данным, но, считая, что вы более детально в этом вопросе ознакомлены,

предоставляю вам свободу действий, но ставлю задачу скорейшего разгрома польских сил без увлечения глубокой стратегией, так как в этом отношении опасаясь, что у нас не будет времени необходимого для такого рода решений»¹⁶⁹. Тем самым главком по существу выпустил из своих рук управление этой исключительно важной операцией, от успеха которой в значительной мере зависел исход всей войны.

Вероятно, мы теперь уже никогда не узнаем причин столь пассивной позиции главкома по отношению к командующему Западным фронтом, однако некоторые соображения высказать все же можно. Во-первых, следует помнить, что схожая ситуация уже возникала в начале 1920 г. в ходе наступления Кавказского фронта, которым тогда командовал Тухачевский. Ослушавшись прямого приказа главкома, Тухачевский смог выиграть сражение на подступах к Ростову-на-Дону, как будто подтвердив свое военное дарование. Во-вторых, следует учитывать личные взаимоотношения в высшем военном командовании Красной армии, где Тухачевский считался ставленником Троцкого, а портить отношения с всесильным председателем РВСР и членом Политбюро ЦК РКП(б) Каменеву было вовсе не с руки. В-третьих же, вспомним, что Тухачевский уже был членом РКП(б), тогда как Каменев оставался беспартийным военным специалистом¹⁷⁰. Кроме того, советское командование все еще находилось в плену оптимистических расчетов на скорую победу. Все это, вместе взятое, видимо, и предопределило вышеуказанную пассивность главкома, приведшую в итоге к поражению под Варшавой.

«Чудо на Висле»

К 11 августа войска Западного фронта вышли на линию Цеханув — Пултуск — Вышкув — Седлец — Лукув — Коцк. На фронте южнее Варшавы протяженностью 160 км оставалась слабая Мозырская группа. Между тем накануне штаб Западного фронта из захваченного польского приказа узнал о подготовке противником контрудара из района Ивангорода. Так, в ночь на 13 августа Тухачевский по прямому проводу сообщал Каменеву, что «по перехваченному приказу 3 армия [противника] собирается перейти в наступление и даже опрокинула одну бригаду Хвесина. В общем южнее Холма еще придется много действовать» и просил ускорить передачу в состав Западного фронта 12-ю и 1-ю Конную армии¹⁷¹. Однако никаких контрмер командование фронтом не предусмотрело, видимо, пребывая в приятной уверенности, что противник не сможет предпринять ничего серьезного. Здесь следует отметить, что именно 12 августа советское руководство стало налаживать конкретные связи с Германией, не пропускавшей военные грузы из Франции в Польшу, рассчитывая закупить у Берлина оружие, снаряжение и продовольствие¹⁷². Казалось бы, все подтверждало оптимистические ожидания Москвы.

Со своей стороны главком еще 11 августа отдал командованию Юго-Западного фронта директиву, в которой указывалось, что Западный фронт приступает к нанесению решительного удара с целью овладения Варшавским районом. Ввиду этого предлагалось временно отказаться от немедленного овладения Львовским районом и направить для поддержки Западному фронту возможно больше сил для удара примерно на Люблин — Ново-Александрия. В директиве указывалось, что 12-я армия главными силами должна наносить удар в общем направлении на Люблин, а 1-я Конная армия должна выйти в район Замостье — Томашов — Грубешов. Главком считал необходимым скорейшую передачу сперва 12-й, а затем и 1-й Конной армии в непосредственное подчинение командующему Западным фронтом. В директиве сообщалось, что Тухачевский указывал срок передачи 12-й армии 13 августа, а 1-й Конной — числа 15-го. Таким образом, только теперь впервые главком ставил новые задачи 12-й и 1-й Конной армиям. Как уже отмечалось, по техническим причинам указанный документ был расшифрован в штабе Юго-Западного фронта только 13 августа. В этот же день главком направил Юго-Западному фронту новый приказ, в котором говорилось: «Для развития решительного наступления Западного фронта приказываю: 1) с 12 час. 14 августа командую передать в оперативное подчинение командзупу XII и 1 Конную армию без 8 кав. дивизии с разграничительной линией, установленной в настоящее время между 1 Конной и XIV армиями»¹⁷³.

Но, как позднее показали Б.М. Шапошников и А.И. Егоров, эти приказы безнадежно запоздали — их следовало отдать и начать реализовывать еще 5—6 августа. Время было упущено, и хотя Реввоенсовет Юго-Западного фронта 14 августа отдал соответствующую директиву командованию 12-й и 1-й Конной армий¹⁷⁴, но, как показали дальнейшие события, командование конармии и после этого не отказалось от мысли занять Львов. Тем более что приказ Западного фронта от 15 августа, требовавший перебросить конармию в район Владимира-Волынского, был передан без подписи члена РВС фронта, что позволило не выполнять этот неправильно оформленный документ¹⁷⁵. На повторный приказ от 17 августа Буденный ответил, что «армия в данный момент для новой перегруппировки выйти из боя не может»¹⁷⁶. 1-я Конная армия продолжала вплоть до 19 августа затяжные, тяжелые бои в районе Львова. Таким образом, в момент решающих боев Красной армии за Варшаву 12-я армия и особенно 1-я Конная армия, являвшаяся мощной ударной маневренной силой, оказались далеко в стороне от главного участка боев и фактически не могли оказать необходимой помощи войскам Западного фронта. В данном случае, по справедливому мнению В.А. Меликова, сказалось прежде всего «отсутствие твердого стратегического пути и до

крайности противоречивая линия стратегического поведения Главного командования (особенно в период с 22-го июля по 18-е августа)»¹⁷⁷ .

Сражение на Висле началось 13 августа 1920 г. По мере приближения советских войск к Висле и столице Польши сопротивление польских войск возрастало. Противник пытался, используя водные преграды, задержать дальнейшее продвижение советских войск и привести свои части в порядок, с тем чтобы в последующем перейти в контрнаступление. 13 августа 21-я и 27-я советские дивизии овладели сильным опорным пунктом противника — городом Радзимином, находящимся в 23 км от Варшавы. Прорыв в районе Радзимины создал непосредственную угрозу Варшаве. В связи с этим генерал Галлер приказал ускорить начало контрудара 5-й польской армии и ударной группировки на р. Вепше. Подбросив две свежие дивизии из резерва, польское командование предприняло 14 августа яростные контратаки, пытаясь восстановить положение в районе Радзимины. Советские войска отражали натиск противника и даже в отдельных местах продвигались вперед. Советская 3-я армия во взаимодействии с левым флангом 15-й армии в этот день овладела двумя фортами крепости Модлина. В боях под Радзимином у советских войск наглядно проявилась нехватка боеприпасов и особенно снарядов. Не случайно еще вечером 13 августа начдив-27 В.К. Путьна предложил командарму-16, «прикрывшись заслонами, отойти обратно к Бугу», поскольку считал, что «лучше уйти из-под Варшавы не разгромленными и по своему почину, чем отступить по принуждению со стороны противника и разбитыми»¹⁷⁸ . Конечно, это предложение было отклонено.

14 августа перешла в наступление 5-я польская армия. Севернее Варшавы ее кавалерийская группа в 10 утра 15 августа ворвалась в Цеханув, где находился штаб 4-й советской армии. Беспорядочное отступление штаба армии привело к утрате им связи как со своими войсками, так и со штабом фронта, в результате весь правый фланг остался без управления. Получив сведения о действиях противника севернее Варшавы, командование Западным фронтом приказало войскам 4-й и 15-й советских армий разбить вклинившегося между ними противника, но неорганизованные контрудары не принесли результатов, хотя части 4-й армии имели возможность выйти в тыл польским войскам севернее Варшавы. 14 августа по приказу Троцкого главком потребовал от войск Западного фронта занять Данцигский коридор, отрезав Польшу от военных поставок Антанты¹⁷⁹ . В ходе боев на подступах к Варшаве 14—15 августа советские войска все еще вели ожесточенные бои за Радзимины, в конце концов занятый противником, а 8-я стрелковая дивизия 16-й армии прорвалась к Висле у Гуры-Кальварии, но чувствовалось, что эти успехи достигались уже на пределе их сил. В 14.35 15 августа командование Западного фронта отдало приказ о перегруппировке 1-й Конной армии в район Устилуг — Владимир-Вольнский за 4 перехода. Однако подписанный лишь Тухачевским приказ вызвал переписку между штабами о его подтверждении¹⁸⁰ . В тот же день командование фронта, получив от 12-й армии сведения о сосредоточении сил противника за р. Вепш, приказало 16-й армии сдвинуть фронт на юг, но время уже было упущено. Вести с фронта свидетельствовали, что инициатива начинает медленно переходить к противнику¹⁸¹ .

16 августа началось наступление польских войск на фронте Цеханув — Люблин. На рассвете этого дня с реки Вепш перешла в наступление ударная группа Пилсудского, которая без особых усилий прорвала слабый фронт Мозырской группы и стала быстро продвигаться на северо-восток. Получив сведения об активизации противника на фронте Мозырской группы, ее командование и командование 16-й армии первоначально решили, что речь идет всего лишь о небольшом контрударе. В этой обстановке польские войска получили важный для их операции выигрыш во времени и продолжили быстрое продвижение к Брест-Литовску, стремясь отрезать и прижать к германской границе все армии Западного фронта. Осознав опасность с юга, советское командование решило создать оборону по рр. Липовец и Западный Буг, однако на перегруппировку войск требовалось время, а резервов в тылу фронта не было. Уже утром 19 августа поляки выбили слабые части Мозырской группы из Брест-Литовска. Попытка перегруппировать войска 16-й армии также не удалась, поскольку противник опережал советские части при выходе на любые пригодные для обороны рубежи. 20 августа польские войска вышли на линию Брест-Литовск — Высоко-Литовск — рр. Нарев и Западный Буг, охватив с юга основные силы Западного фронта. Следует также учесть, что все это время польское командование имело возможность перехватывать и читать радиogramмы советского командования, что, безусловно, облегчало действия Войска Польского.

В этих условиях 17 августа командование Западным фронтом отдало приказ о перегруппировке войск к востоку (слово «отступление» так и не было произнесено), что фактически означало начало отступления советских войск с целью выхода из-под удара¹⁸² . Правда, еще 18 августа главком надеялся на взятие Варшавы и создание у Брест-Литовска тыловой группы из 48-й и 55-й стрелковых дивизий. Однако расстройство тыла и особенно железнодорожного сообщения сводили все эти надежды на нет. Фронту требовалось всего 67 паровозов, но их не было. Отход советских войск от Варшавы проходил в постоянно ухудшающейся для них обстановке. Уже 22 августа части 15-й армии отошли к Ломже, но атаки

противника вынудили советские войска отходить на северо-восток к Граево и Августову. В самом тяжелом положении оказались войска 4-й армии, наиболее далеко продвинувшейся на запад. 22 августа 4-я армия все еще находилась в районе Млавы, где прорвалась через фронт 18-й пехотной дивизии противника. Тем временем 22 августа 8-я польская дивизия заняла Остроленку, а 23 августа 1-я, 21-я пехотные дивизии и 4-я кавбригада выбили советские войска из Белостока. В этих условиях 4-й советской армии удалось к 25 августа пробиться до Кольно, где 15-я и 8-я польские дивизии окончательно преградили им путь на восток. Исчерпав возможность сопротивления, 18-я, 53-я, 12-я стрелковые дивизии 4-й армии и основные силы 33-й и 4-я стрелковые дивизии 15-й армии 25 августа перешли германскую границу и были интернированы. Части 3-го кавкорпуса до 26 августа старались пробиться на восток, но, исчерпав боеприпасы, тоже отошли в Восточную Пруссию. Польские войска в боях за Варшаву потеряли 4,5 тыс. человек убитыми, 10 тыс. пропавшими без вести и 22 тыс. ранеными, взяв в плен более 60 тыс. красноармейцев¹⁸³. Польское командование сразу же по освобождении северо-восточных районов страны приступило к расследованию деятельности лиц, сотрудничавших с Красной армией: для их наказания широко применялись военно-полевые суды, заключение в крепость и в концентрационные лагеря¹⁸⁴.

В изменившейся обстановке 17 августа в Минске начались советско-польские переговоры¹⁸⁵. Сразу же выяснилось, что польская делегация была уполномочена вести переговоры лишь с РСФСР, тогда как с советской стороны действовала единая российско-украинская делегация. Решение этого процедурного вопроса затянулось. Первоначально стороны спорили о принципах и правах на территории, находящиеся между Польшей и Россией, выжидая развития событий на фронте. Советская сторона настаивала на границе по линии Керзона, а польская — на линии упомянутой в советском заявлении от 28 января 1920 г. Тем временем 19 августа советская сторона выставила польской делегации свои условия мирного соглашения. РСФСР и УССР подтверждали независимость Польши, а в качестве границы предлагали «линию Керзона» с некоторыми отступлениями в пользу Польши в районе Белостока и Холма. От Варшавы требовалось в течение месяца сократить армию до 50 тыс. человек, создать рабочую милицию, передать излишнее вооружение Красной армии и прекратить его производство. Польше запрещалось пропускать через свою территорию враждебные РСФСР силы и получать военную помощь из-за рубежа. Прекратить боевые действия предлагалось через 72 часа после подписания перемирия. За это время войска сторон должны были быть отведены на «линию Керзона»: Красная армия размещалась на этой линии, а польские войска — в 50 км к западу от нее. В нейтральной полосе сохранялась юрисдикция польской гражданской администрации под контролем смешанной советско-польской комиссии. Польша должна была возвратить награбленное имущество, восстановить мосты, дороги и т.п. и безвозмездно наделить землей семьи, пострадавшие от войны. Со своей стороны советская сторона обязывалась после завершения демобилизации польских войск оставить на границе с Польшей не более 200 тыс. военнослужащих¹⁸⁶.

Поражение Красной армии под Варшавой и подготовка нового польского наступления на восток до линии русско-германского фронта 1915 г., одобренного правительством 27 августа, привели к тому, что переговоры не продвинулись ни на шаг. 28 августа польское правительство решило усилить пропаганду с показом несправедливости «линии Керзона», но даже страны Антанты высказались в том смысле, что именно эта линия должна быть основой восточной границы Польши. Более того, Варшаве было заявлено, что Вильно должен быть сохранен за Литвой. В определенной степени подобная позиция Запада была обусловлена тем, что Антанта сделала ставку на Врангеля, который в обмен на ее поддержку признавал царские долги, предоставлял Западу право эксплуатации железных дорог в Европейской России, взимание таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей, получение всех излишков хлеба на Украине и Кубани, 3/4 нефти и бензина и 1/4 добычи донбасского угля¹⁸⁷. Понятно, что подобное соглашение делало очевидным, что «Белое дело» было формой иностранного закабаления страны. Вместе с тем все попытки координации действий между Польшей, Петлюрой и Врангелем при посредничестве Антанты ни к чему не привели. Тем не менее ожесточенные бои в Северной Таврии, развернувшиеся с 12 августа, постепенно привлекали все большее внимание Москвы. Особенно это стало очевидным после поражения под Варшавой, поэтому советская сторона старалась побыстрее завершить переговоры с Польшей достижением мирного соглашения.

Понятно, что в условиях успешного наступления польская делегация не спешила с ответом. Тем временем командование Западного фронта обвинило польскую делегацию в срыве заключения мирного соглашения и ведении разведывательной деятельности. Естественно, глава польской делегации заявил, что «делегация вынуждена отказаться от дальнейших переговоров»¹⁸⁸. Лишь вмешательство Москвы, которая все еще надеялась, что, несмотря на поражение под Варшавой, удастся принудить Польшу к соглашению и тем самым завершить, как теперь уже стало очевидно, безуспешный польский поход, позволило сгладить ситуацию после

официальных извинений советской стороны¹⁸⁹. 23 августа польская делегация дала отрицательный ответ на все советские предложения. Дальнейшая неделя не принесла прогресса на переговорах. В итоге 2 сентября стороны согласились перенести переговоры в Ригу, и их делегации покинули Минск.

На восток

Тем временем к 25 августа фронт стабилизировался по линии Августов — Липск — Кузница — Вислочь — Беловеж — Жабинка — Опалин. Еще 19 августа, когда войска Западного фронта уже отступили от Варшавы, из-под Львова стала отводиться 1-я Конная армия. Однако почувствовав ослабление натиска советских войск, противник предпринял ряд контратак, и 21—24 августа соединениям конармии пришлось поддерживать своих соседей¹⁹⁰. Не добавила ясности и директива Троцкого от 20 августа, требовавшая «энергичного и немедленного содействия конной армии Западному фронту», но обращавшая «особое внимание Реввоенсовета армии на то, чтобы занятие самого Львова не отразилось на сроке выполнения этих приказов»¹⁹¹. Тем самым вместо четкого приказа о прекращении атаки Львова Москва вновь ограничилась расплывчатым приказом. Не говоря уже о том, что теперь переброска 1-й Конной армии была уже не нужна. Более того, 25 августа 1-я Конная армия была по приказу главкома брошена в рейд на Замостье, не имевший ни смысла, ни цели.

Хотя город был взят, длительные дожди, усталость личного состава, нехватка боеприпасов и активные действия противника, стремившегося окружить армию, привели к тому, что в ночь на 31 августа советские войска отошли на восток. В резко изменившейся стратегической обстановке действия 1-й Конной уже не могли сыграть существенной роли¹⁹². Стратегическая инициатива перешла к польским войскам. Однако в начале сентября на фронте установилось некоторое затишье: стороны приводили в порядок и перегруппировывали войска. Советский Западный фронт к 1 сентября состоял из 6 армий, 18 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий, 1 стрелковой и 4 кавалерийских бригад (см. таблицу 13). Всего в этих войсках насчитывалось 78 221 бойцов пехоты и 17 478 бойцов кавалерии, 1 987 пулеметов и 459 орудий. Штаб фронта полагал, что у противника имеется 102 тыс. штыков и 18 930 сабель, 2 535 пулеметов и 820 орудий¹⁹³. Управление 4-й армии, потерявшее практически все свои войска, возглавило войска Мозырской группы, управлению которой были подчинены остатки войск 4-й армии, ставших резервной группой фронта.

Хотя командование Западного фронта проиграло Варшавское сражение, оно считало, что войска могут еще раз попытаться взять столицу Польши. Возникла идея бросить войска 12-й, 14-й и 1-й Конной армий на Львов и оттеснить противника до линии Любачув — Самбор, что должно было оттянуть на юг прикрывавшие варшавское направление польские войска. Тем временем пополнившиеся и отдохнувшие войска правого крыла Западного фронта смогут перейти в наступление и вместе с войсками южной группы разбить врага под Варшавой. Однако эти идеи не нашли поддержки у главкома, который был против нового втягивания 1-й Конной в бои за Львов и 5 сентября потребовал оставить ее в районе Грубешова для удара на Люблин¹⁹⁴. Если же учесть, что к 4 сентября в 1-й Конной имелось всего около 8 тыс. вооруженных всадников, измотанных в предыдущих боях, то нельзя не признать осторожность главкома вполне оправданной. Тем более что затишье на фронте было относительным. 1—6 сентября польские войска оттеснили советские части 12-й армии к востоку от р. Западный Буг южнее Брест-Литовска. Попытки 4-й и 12-й армий восстановить положение не дали результатов. Более того, отходить на восток стали и части 4-й армии и 12 сентября польские войска взяли Кобрин и Ковель. Тем самым противнику удалось разобщить 4-ю и 12-ю армии, смежные фланги которых оказались в труднопроходимом Полесье. 14 сентября поляки выбили советские части из Владимира-Волынского, а 16 сентября заняли Луцк. 12-я армия, не имея возможности остановить противника, с боями отходила на восток к рр. Стырь и Стоход, обнажая северный фланг 14-й армии, на фронте которой противник себя проявлял слабо. 18 сентября поляки заняли Ровно и Тернополь.

Тем временем в Белоруссии 14 сентября польские войска начали теснить войска 16-й армии на Волковыск и 19 сентября заняли Пружаны. Севернее Гродно литовские части еще 3 сентября отбросили поляков к Сувалкам, что, впрочем, не помешало тем провести несколько атак против советской 3-й армии 20 сентября. 21 сентября 12-я и 1-я Конная армии вновь были переданы в Юго-Западный фронт, из состава которого были выделены войска, ведущие борьбу с Врангелем, ликвидация которого стала основной задачей Красной армии¹⁹⁵. В это время командование Западного фронте все еще не теряло надежды на переход в наступление, но главное командование предложило подождать¹⁹⁶. 24 сентября 2-я польская армия, оттеснив литовские войска, форсировала Неман севернее Гродно, обойдя правый фланг 3-й советской армии. В тот же день главное командование поставило войскам Западного фронта задачу сдерживать противника западнее р. Шара. Юго-Западный фронт тоже получил приказ обороняться и ждать подхода резервов после освобождения Крыма, куда была перебросена 1-я Конная армия. В крайнем случае войска фронта могли отойти до линии Коростень — Житомир — Бердичев — Жмеринка¹⁹⁷.

Попытки командования Западным фронтом наладить взаимодействие с литовским командованием вновь оказались тщетными, поскольку стороны пытались использовать друг друга против поляков. К утру 25 сентября 3-я армия отошла за Неман, сохранив плацдармы на его западном берегу, и попыталась создать новый фронт против Друскеники, занятого поляками. Однако советские дивизии не могли вовремя завершить чрезмерно большие переходы, и полякам удалось зайти в глубокий тыл 3-й армии к Лиде. В этих условиях в 20.45 25 сентября командование фронтом отдало приказ об отходе войск 3-й армии к Лиде, а войск 15-й и 16-й армий — на р. Шару¹⁹⁸. Плохо организованные марши стали причиной того, что советским дивизиям 3-й армии пришлось зачастую пробиваться через заслоны польских частей. Опередив отходившие советские войска, поляки 28 сентября заняли Лиду, что вынудило советское командование отводить 3-ю армию южнее города. Бои в ходе маршей постепенно ослабляли части 3-й армии, правый фланг который поляки постоянно обходили по литовской территории. Поэтому 28 сентября командование фронтом приказало отвести войска на линию старых германских окопов¹⁹⁹. Тем временем 23 сентября польские части заняли Волковыск, но были выбиты из города частями 27-й советской дивизии, которая 26 сентября оставила его в связи с общим отходом на р. Шара. В тот же день 16-я армия оставила Барановичи. В результате фронт 4-й армии оказался наиболее выдвинутым на запад, чем воспользовался Булак-Балахович, отряд которого 26 сентября прорвался к Пинску и захватил город. Находившийся там штаб 4-й армии в панике бежал и утратил управление своими войсками, что, впрочем, не помешало им организованно отойти к р. Ясельда²⁰⁰.

На Украине командование Юго-Западного фронта, учитывая, что войска 12-й армии уже отошли на восток, 17 сентября приказало отвести и части 14-й армии на рр. Иква и Серет²⁰¹. Позднее 14-я армия отошла на р. Збруч, а к 24 сентября вышла на линию Староконстантинов — Проскуров — Старая Ушица. К 25 сентября войска 12-й армии закрепились на р. Горынь, но сил для обороны не хватало, и к 30 сентября она отошла к рр. Уборть и Случ. 3 октября командование Западного фронта предложило главкому разрешить отвести войска на линию оз. Нарочь — Сморгонь — Молодечно — Красное — Изяслав — Самохваловичи — Романово — р. Случ к 5 октября. В ответ на это предложение главком резонно указал, что отвод войск на эту линию затруднит советской делегации ведение переговоров в Риге, поэтому следует удержать максимально возможную территорию²⁰². Тогда командование Западного и Юго-Западного фронтов решило немного потеснить противника²⁰³, но поляки, упредив советские атаки, вновь по литовской территории обошли правый фланг 3-й армии, вынудив ее отойти к р. Западная Двина²⁰⁴. 15 октября поляки заняли Минск, но 17-го оставили город, отойдя к линии границы. С 24.00 18 октября боевые действия прекратились и войска сторон стали разводиться в соответствии с прелиминарным договором²⁰⁵.

К 20 октября Юго-Западный фронт удерживал линию рр. Уборть и Случь — Сальница — Литин — Межиров — Носовецкая — р. Мурафа. У Несвижа петлюровские части пытались захватить территорию, на которой можно было бы провозгласить независимость УНР. 12 ноября они захватили город Литин, но в течение недели к 21 ноября были выбиты из него и отошли в Польшу за р. Збруч. В Полесье 6 ноября активизировался отряд Булак-Балаховича, насчитывавший до 8 тыс. штыков и 3 тыс. сабель, 150 пулеметов и 36 орудий, который 10 ноября захватил Мозырь, а 11-го — Калинковичи. 17 ноября советские части смогли отстоять от Булак-Балаховича Речицу и освободить Калинковичи. 20 ноября советские войска вступили в Мозырь, но окружить и уничтожить отряд Булак-Балаховича не удалось, и 22 ноября он перешел польскую границу²⁰⁶.

Компромисс

Тем временем в Варшаве 11 сентября решался вопрос о составе и полномочиях делегации на переговорах с Москвой в Риге. Основным вопросом был, естественно, вопрос о границе. Польские военные настаивали на получении линии по Днепру, но в итоге было решено ограничиться линией перемирия по р. Збруч — р. Ствига — восточнее Ровно — Луница — Барановичей. Делегация получила право двигать эту линию на восток, заключать перемирие и прелиминарный договор и вести переговоры с РСФСР и УССР. Вместе с тем Варшава не могла не прислушаться к советам Парижа и не спешила достигнуть соглашения. 12 сентября в Ригу прибыла советская, а 19 сентября — польская делегации. 21 сентября стороны начали переговоры²⁰⁷, которые проходили на фоне наступления польских войск на Волыни и в Белоруссии. Поскольку оказалось, что советские войска не в состоянии изменить ситуацию на польском фронте, а на юге продолжались ожесточенные бои с войсками Врангеля, Москва была вынуждена искать компромисс. 23 сентября от имени ВЦИК было заявлено, что РСФСР согласна на границу по линии р. Шара — Огинский канал — р. Ясельда — р. Стырь и далее по границе Восточной Галиции, но мир должен быть заключен в течение 10 дней (до 5 октября)²⁰⁸. 28 сентября польской делегации был передан советский проект прелиминарного договора и предложена граница по линии от устья р. Свислочь — Рудня — Беловеж — Каменец-Литовск — Брест-Литовск — Пиша — Любомль — Владимир-Волынский — Грибовица и далее по бывшей австро-русской границе до Днестра²⁰⁹. Поскольку было необходимо усилить войска, действовавшие против Врангеля, Москва стремилась поскорее завершить дело мирным соглашением, но польская сторона не спешила. 1 октября Варшава

посчитала советские предложения неприемлимыми, но решила добиваться перемирия, поскольку зимняя кампания польской армии была не нужна.

2 октября польская делегация в Риге выдвинула свои предложения о границе, линия которой должна была проходить по р. Збруч — Ровно — Сарны — Лунинец — западнее Минска — Вилейка — Дисна и отрезать Литву от РСФСР. Советская делегация настаивала на своем предложении от 28 сентября. Понятно, что столь расходящиеся предложения было бы чрезвычайно трудно примирить, а в условиях дальнейшего отступления Красной армии длительный спор был не в интересах Москвы, и 4 августа было решено уступить. 5 октября польской делегации было заявлено о согласии советской стороны с ее предложением о линии границы. При этом советская делегация выставила следующие условия: 1) Подписать договор до 8 октября, 2) Польша признавала право РСФСР на транзит через свою территорию в Литву и Германию и 3) Отказаться от включения в договор положений об уплате Польше суммы в золоте по титулу активного участия польских земель в экономической жизни Российской империи, заменив его упоминанием о том, что расчет будет произведен. Польская делегация ответила согласием, но потребовала подписать протокол о согласии РСФСР выплатить Польше определенную сумму в золоте и предоставить ей концессии в счет выплат. После получения согласия Москвы и согласования документов 12 октября в 19.30 был подписан прелиминарный мир между Польшей и РСФСР с УССР.

Стороны признали взаимную независимость, стремление к невмешательству во внутренние дела, отказ от поддержки враждебных друг другу действий и отказались от взаимных финансовых претензий, кроме признания участия Польши в экономической жизни Российской империи и в ее золотом запасе. Польше должны были быть переданы культурные и исторические ценности, эвакуированные из Царства Польского как до, так и во время Первой мировой войны. Было подписано также соглашение о перемирии, которое вступало в силу с 18 октября 1920 г.²¹⁰ Все эти соглашения были ратифицированы УССР 20 октября, Польшей — 22 октября, а РСФСР — 23 октября. Договор вступил в силу после обмена ратификационными грамотами, состоявшегося 2 ноября в Либаве (Лиенае). Польские войска были отведены на демаркационную линию, а советские части вступили в Минск, Слуцк, Проскуров и Каменец-Подольский. В целом, согласно польской статистике, Польша получила западнобелорусские земли с населением в 3 987 тыс. человек, из которых около 3 млн составляли белоруссы, и западноукраинские территории примерно с 10 млн населения, из которого почти половина были украинцами. Правда, с учетом того, что польские статистики записывали поляками всех лиц католического и униатского вероисповедания, доля этнического польского населения на этих «восточных окраинах» составляла всего лишь около 10%²¹¹.

Помимо переговоров с Москвой поляки с 30 сентября вели переговоры и с Литвой, с которой 7 октября было подписано соглашение о демаркационной линии, оставлявшей Вильнюс Литве. Эта уступка объяснялась опасениями Варшавы перед Лигой Наций, откликнувшейся на жалобу Литвы относительно действий польских войск на ее территории. Чтобы все-таки получить Вильнюс, польское руководство инсценировало «мятеж» в армии, и 9 октября «взбунтовавшаяся» дивизия генерала Желиговского захватила город. Официально Варшава не отказалась от ранее подписанного соглашения, что, впрочем, не помешало ей включить Вильнюс в состав Польши.

Отказ польского руководства от поддержки Врангеля и Петлюры в обмен на получение территорий на Востоке позволил советскому руководству перебросить основные силы Красной армии на юг и к 16 ноября 1920 г. разгромить врангелевские войска и завершить Гражданскую войну в Европейской части страны. Однако еще предстояло добиться подписания Польшей окончательного мирного договора. Естественно, что подписанный прелиминарный договор стороны старались выполнять на основе взаимности. Так, Москве довольно долго пришлось убеждать Варшаву выполнить положение соглашения о прекращении поддержки военных отрядов Булак-Балаховича, Савинкова и Петлюры, которые продолжали базироваться на польской территории. Формально польское руководство издало приказы о прекращении сотрудничества с этими формированиями и их выводе в течение 2 недель за границу Польши. Но реальное выполнение этих приказов началось лишь после того, как эти отряды были выбиты с советской территории в 20-х числах ноября. Более того, в приграничных с БССР районах Литвы, оккупированных Польшей, к декабрю 1920 г. была сосредоточена 59-тысячная армия генерала Желиговского, который, как уже отмечалось, еще в октябре был официально объявлен Варшавой «мятежником».

Понятно, что это создавало определенную нервозность в Москве и не способствовало ведению возобновившихся 17 ноября переговоров в Риге²¹². Советская сторона неоднократно требовала разоружения белогвардейских отрядов и отвода в тыл армии Желиговского²¹³. В самой польской армии нарастали демобилизационные настроения, а в некоторых частях даже возникали Солдатские советы, впрочем, довольно быстро разогнанные командованием. Кроме того, польское военное командование требовало от политического руководства не отводить войска с фронта и оказывало поддержку антисоветским формированиям. Уже 14 ноября советская

сторона заявила Польше, что она будет неукоснительно выполнять все условия соглашения, чего требует и от Варшавы. В этих условиях польское руководство наконец-то смогло разоружить белогвардейские формирования, не препятствуя, впрочем, части петлюровских отрядов уйти в Румынию, откуда они совершали налеты на территорию УССР. В ходе переговоров в Риге польская сторона, естественно, отводила все упреки советской делегации в невыполнении соглашений. Основным вопросом переговоров на этот раз стало экономическо-финансовое соглашение. Польская делегация старалась получить от советской стороны как можно больше, а советская делегация, естественно, не спешила идти на уступки Варшаве. В это время Польша пыталась добиться помощи от Франции, но Париж был занят собственными делами.

За участие Польши в экономической жизни Российской империи польская делегация потребовала 300 млн золотом, а советская сторона была согласна выплатить 30 млн. Польша требовала также передачи ей 2 тыс. паровозов и большого числа вагонов, кроме угнанных в период войны 255 паровозов, 435 пассажирских и 8 859 товарных вагонов. Также польская делегация выдвинула и новые территориальные требования на Украине: Проскуров, Каменец-Подольский, Ново-Константинов и Новоушицк. Понятно, что подобные требования лишь осложняли переговоры и создавали возможность их срыва. Если же учесть, что в это время в прессе довольно много писалось об организации Антантой нового похода на Советскую Россию, Польша с помощью Англии и Франции перевооружала свою армию и 21 февраля 1921 г. заключила военный союз с Францией, направленный против Германии и РСФСР, понятно, что Москве приходилось идти на определенные уступки. Несмотря на то что Франция в целом поддерживала польскую политику затягивания переговоров, она не признала восточную границу Польши. Стремление Парижа создать единый антисоветский кордон между Балтийским и Черным морями натолкнулось на нежелание Прибалтийских стран сблизиться с Польшей из-за неясности перспектив ее отношений с РСФСР. Столь же осторожно отнеслись к предложению о военном союзе с Польшей и в Бухаресте. Лишь 3 марта 1921 г. Румыния заявила о согласии на заключение оборонительной военной конвенции с Польшей.

Несмотря на все эти трудности, переговоры в Риге продолжались. 24 февраля стороны подписали протокол о продлении перемирия до обмена ратификационными грамотами мирного договора, соглашения о репатриации и смешанной пограничной комиссии²¹⁴. Польская делегация согласилась на предложенные Москвой 30 млн рублей золотом, но потребовала 12 тыс. кв. км. В итоге удалось достичь компромисса, и Варшаве было передано около 3 тыс. кв. км в Полесье и на берегу р. Западная Двина. Стороны согласились на передачу Польше 300 паровозов, 435 пассажирских и 8 100 товарных вагонов. Кроме того, постепенно менялось и внешнеполитическое положение РСФСР. 26 февраля 1921 г. Советская Россия подписала договор о дружбе с Персией, 28 февраля — с Афганистаном. 16 марта были подписаны торговый договор с Англией и договор о дружбе с Турцией. Вместе с тем у Москвы хватало и трудностей, связанных с внутренним положением страны, выходящей из состояния Гражданской войны. С другой стороны, польский Сейм в феврале потребовал от правительства заключить мирный договор с восточным соседом. Итогом советско-польских переговоров стал Рижский мирный договор, подписанный в 20.30 18 марта 1921 г.

Стороны обязались уважать государственный суверенитет друг друга, не создавать и не поддерживать организаций, борющихся с другой стороной. Была предусмотрена процедура оптации граждан. Советская сторона обязалась выплатить Польше 30 млн рублей золотом в монетах или слитках и передать железнодорожный состав и другое имущество на 18 245 тыс. рублей золотом. Польша освобождалась от долгов Российской империи, и предусматривались переговоры об экономическом соглашении. Между сторонами были установлены дипломатические отношения²¹⁵. Договор был ратифицирован ВЦИК РСФСР 14 апреля, польским Сеймом — 15 апреля, а ЦИК УССР — 17 апреля 1921 г. 30 апреля после обмена ратификационными грамотами в Минске договор вступил в силу²¹⁶. Советско-польская война закончилась.

К сожалению, до сих пор не ясны потери сторон в войне 1919—1920 гг. Согласно польским данным, польская армия только с апреля по октябрь 1920 г. потеряла 184 246 человек, правда, о каких потерях идет речь, не уточняется²¹⁷. Потери Красной армии неизвестны. Известно лишь, что за время войны польские войска взяли в плен более 146 тыс. человек, содержание которых в Польше было очень далеко от каких-либо гуманитарных стандартов. Особым издевательствам подвергались коммунисты или заподозренные в принадлежности к ним, а пленные красноармейцы-немцы вообще расстреливались на месте. Но даже и простые пленные зачастую становились жертвами произвола польских военных властей. Широко было распространено ограбление пленных, издевательства над пленными женщинами. Видимо, подобное отношение к советским военнопленным явилось в значительной степени результатом многолетней пропаганды «вины» России перед Польшей. Все это привело к тому, что около 60 тыс. советских военнопленных умерли в польских лагерях. К 21 ноября 1921 г. из Польши вернулись 75 699 бывших военнопленных (932 человека отказались возвращаться), а из Германии — 40 986 интернированных. Польских пленных в Советской России было около 60 тыс. (видимо, это число

включает также гражданских пленнх, заложников и интернированных лиц) и их содержание не преследовало цели уничтожить или унижить их. Наоборот, подавляющее большинство пленнх рассматривалось как «братья по классу» и какие-либо репрессии в отношении них были просто немыслимы. Политическая работа в лагерях военнопленнх преследовала цель развить у них «классовое» сознание. Конечно, нельзя отрицать, что в условиях боевых действий имели место отдельные эксцессы в отношении пленнх, особенно офицеров, но советское командование стремилось пресекать их и наказывать виновных. На содержании пленнх в РСФСР, безусловно, сказывалась общая экономическая разруха. По окончании войны в Польшу вернулось 27 598 бывших военнопленнх, а около 2 тыс. осталось в РСФСР²¹⁸.

Часть вторая

На встречных курсах
(март 1921 — август 1939 г.)

Подписание Рижского мирного договора привело к установлению восточной границы Польши, но определение остальных границ страны на этом не завершилось. Граница с Германией была установлена Версальским мирным договором, но неразграниченными оставались районы на юге Восточной Пруссии (Мазуры) и в Верхней Силезии, в которых предусматривалось провести плебисциты. Состоявшийся 18 июля 1920 г. плебисцит в Мазурах показал, что польское население не спешит объединяться с воюющим государством, и эта территория осталась в составе Германии. В Верхней Силезии обстановка была довольно напряженной, и в январе 1920 г. туда были введены международные войска Англии, Франции и Италии для поддержания порядка. Тем не менее в августе 1920 г. поляки, составлявшие большую часть населения сельских районов, подняли восстание и создали польскую администрацию. Однако по настоянию Антанты, восстание было свернуто, и в качестве компромисса была создана полиция на паритетных началах из немцев и поляков. В конце концов, 20 марта 1921 г. в Верхней Силезии состоялся плебисцит, в ходе которого население территории восточнее реки Одер высказалось за присоединение к Польше. Несмотря на этот результат голосования, Англия и Италия, стремившиеся ослабить французского союзника, настаивали на передаче Польше лишь половины этой территории.

Это решение привело к тому, что 2 мая 1921 г. на предприятиях Верхней Силезии поляки начали забастовки, а на следующий день вновь вспыхнуло восстание. Официально Польша не вмешивалась в события, но частным порядком немало польских военных участвовало в них. Естественно, страны Антанты потребовали прекратить беспорядки, и хотя восставшие заняли почти всю территорию, население которой высказалось за объединение с Польшей, кроме крупных городов, им пришлось прекратить наступление. В середине июня было достигнуто перемирие между немцами и поляками, а в конце месяца из Верхней Силезии под давлением Антанты начался вывод польских и немецких вооруженных отрядов. 20 октября 1921 г. Конференция послов Антанты решила передать Польше 1/3 территории Верхней Силезии, но находившиеся на ней предприятия оставались за их владельцами (преимущественно немцами), а для товаров этих предприятий был установлен пятилетний беспошлинный ввоз в Германию. Со своей стороны Польша создавала на переданной территории особый сейм — орган местного самоуправления.

Столь же напряженно решался вопрос о принадлежности Цешиньского (Тешинского) княжества, на которое претендовали Чехословакия и Польша. В январе 1920 г. там проходили столкновения чехословацких и польских войск, прекратившиеся после вмешательства Антанты. В итоге 28 июля 1920 г. Конференция послов решила разделить эту территорию примерно пополам. Сам город Тешин был передан Чехословакии, получившей и часть польского населения. Как уже отмечалось, граница Польши с Литвой по сути являлась демаркационной линией, разделявшей польские и литовские войска.

Реализация Рижского договора

В советско-польских отношениях первой половины 1920-х годов основными вопросами были реализация установлений Рижского договора и закрепление на международной арене. При этом положение Польши и Советских республик было различным. Польша являлась общепризнанным государством, состоявшим в союзе с Францией, хотя и имевшим различные пограничные проблемы. Тогда как Советские республики были признаны всего лишь де-факто, поэтому для них было важно любое дипломатическое соглашение, делающее их полноправными участниками международных отношений. Кроме того, было совершенно ясно, что граничившие с Советскими республиками страны скорее пойдут по пути полного их признания. Вполне понятно, что отношениям с Польшей — крупнейшим западным соседом — были особенно важны. Польское руководство прекрасно понимало выгоды своего положения и старалось использовать их для некоторой ревизии Рижского договора. Прежде всего, Варшава старалась не спешить с реализацией установлений договора, поскольку ей, кроме всего прочего, приходилось учитывать мнение стран Антанты в отношении контактов с Москвой.

Все это привело к тому, что даже решение самого простого вопроса об установлении дипломатических отношений между Польшей и Советскими республиками (статья 24 договора) потребовало значительного времени. Прежде всего, Варшава предложила ограничиться взаимным назначением поверенных в делах или поддерживать дипотношения через дипломатов, аккредитованных в Латвии. Понятно, что Москву не устраивало подобное решение четко оговоренного в договоре вопроса. 19 и 25 мая РСФСР обращалась к Польше с предложением реализовать статью 24 Рижского договора и разрешить Л. М. Карахану в начале июня прибыть в Варшаву в качестве полномочного представителя²¹⁹. 4 июня Польша ответила, что примет советского полпреда тогда, когда польский дипломат прибудет в Москву. Польская пресса развернула кампанию по обсуждению положительных и отрицательных сторон нормализации отношений с восточным соседом. Хотя Т. Филипович был назначен польским послом в Москве еще 1 июля, к месту службы он прибыл лишь 4 августа, накануне в Варшаву прибыл Карахан²²⁰. С УССР дипломатические отношения были установлены лишь 6 октября, когда польские дипломаты прибыли в Харьков, а украинские — в Варшаву.

Важным вопросом двусторонних отношений была проблема репатриации военнопленных и гражданских лиц. Для ее решения были созданы две смешанные советско-польские комиссии, и уже в марте 1921 г. началась репатриация военнопленных. Правда, обе стороны имели друг к другу определенные претензии: советская сторона требовала смягчить режим в польских лагерях для советских военнопленных, а польская была недовольна тем, что возвращающиеся польские военнопленные, как и репатрианты, были в значительной степени носителями большевистских идей. В итоге польская сторона, стремясь замедлить репатриацию, чтобы успеть профильтровать возвращающихся, отказалась от расширения сети пропускных пунктов на границе, и репатриация затянулась до осени 1923 г.²²¹

Немало проблем сторонам доставила демаркация границы. 2 мая 1921 г. в Минске начала работу смешанная пограничная комиссия, но до конца июля польская сторона фактически саботировала ее работу. Когда же стороны перешли к конкретной демаркации, то Польша потребовала отодвинуть границу на восток в некоторых местах на 1—2, а то и 30 км. В итоге только в ноябре 1922 г. граница была проведена на местности и передана административным и пограничным властям сторон, а полностью работа пограничной комиссии завершилась лишь в августе 1924 г.²²²

Но самым болезненным для обоих государств вопросом было выполнение статьи 5 Рижского договора, предусматривавшей отказ сторон от поддержки враждебных друг другу организаций на своей территории. Осенью 1920 г. в Польше было интернировано около 35 тыс. военнослужащих из отрядов С. Булак-Балаховича, Б. Перемыкина, Б. Савинкова, С. Петлюры. Однако в лагерях для интернированных сохранялись военные структуры и велись военные занятия, то есть речь шла не столько об интернированных, сколько о временно разоруженных военных отрядах. Если же учесть, что их офицеры не разоружались, а вооружение складировалось рядом с лагерями, то вполне понятно беспокойство советской стороны. Кроме того, политические организации УНР и белогвардейцев вполне легально действовали в Польше, а советские протесты приводили лишь к тому, что одни организации закрывались, а вместо них возникали другие. Большое внимание советская сторона уделяла прекращению деятельности петлюровского правительства, центром действия которого был Тарнов. Петлюровские войска под руководством Ю. Тютюнника в сотрудничестве с польской разведкой вели заброску на территорию УССР шпионов и бандформирований²²³.

Весной 1921 г. польский генштаб помог Тютюннику подготовить план операции с целью захвата Каменец-Подольска и последующего наступления на север Правобережной Украины, а с территории Румынии генерал Гуляй-Гуленко должен был наступать на Одессу²²⁴. Однако советские чекисты арестовали несколько курьеров и петлюровских групп в приграничье, и операция была отложена. РСФСР и УССР 11 и 16 апреля 1921 г. протестовали против сохранения в Польше всех этих антисоветских организаций²²⁵. Естественно, Варшава 19 и 29 апреля отрицала свою поддержку. 4 июля Москва потребовала от Варшавы выслать из Польши наиболее известных деятелей белой эмиграции²²⁶. Понятно, что Польша высказала контрпретензии, а Москва приостановила работу смешанной специальной комиссии до тех пор, пока из Польши не вышлют главных русских белогвардейцев и их деятельность не будет прекращена.

В своих отношениях с Советскими республиками Польша опиралась на поддержку Франции и в меньшей степени Англии, которые не признавали их де-юре, рассчитывая на скорое свержение Советской власти. Соответственно, страны Антанты поддерживали и финансировали различные антибольшевистские организации и формирования, находившиеся в странах Восточной Европы. Со своей стороны Польша была заинтересована в длительном ослаблении восточных соседей и поэтому тоже оказывала определенную поддержку белогвардейским организациям, но при этом свержение власти большевиков не слишком интересовало польское руководство, так как в случае прихода к власти «белых» речь скорее всего пошла бы о воссоздании «единой и неделимой России». Тем самым под вопрос ставилась бы польская восточная граница, а Антанта получила

бы более важного союзника в Восточной Европе, нежели Польша. Пока же существовали Советские республики никакой альтернативы союзу с Польшей у Антанты не было. Поэтому, хотя далеко не всякие внешнеполитические действия Варшавы одобрялись Западом, ему приходилось мириться с ними. Так, Польша получила Восточную Галицию и Виленщину. Правда, Англия и Франция осудили польский захват Вильно, но вместе с тем отложили юридическое признание Литвы до урегулирования польско-литовского конфликта.

Понятно, что ощущая столь существенную поддержку, Польша могла проявлять значительную внешнеполитическую активность в Восточной Европе, стремясь обрести статус великой державы. В этих условиях польское руководство не спешило реализовывать установления Рижского договора, тем более что летом 1921 г. в Советской России начался голод и возникла надежда, что власть большевиков падет. В этот момент Антанта решила подтолкнуть события. 3 сентября 1921 г. Франция предложила Польше направить РСФСР ультиматум, в случае отклонения которого следовало начать войну. Со своей стороны Париж также обещал направить в Москву ультиматум и склонить к этому Румынию. Однако советская дипломатия, узнав об этих намерениях, предала их гласности²²⁷. Естественно, что Польша и Франция заявили о том, что никаких предложений не было. Правда, это не помешало Польше поинтересоваться у Германии, какие уступки в верхнесилезском вопросе позволят Варшаве рассчитывать на нейтралитет Берлина в случае новой советско-польской войны²²⁸. 5 сентября Польша закрыла восточную границу, стянув туда дополнительные силы жандармерии. Со своей стороны Москва 9 сентября вновь потребовала от Варшавы прекратить помощь белогвардейцам²²⁹.

14 сентября Польша направила РСФСР вербальную ноту с указанием на невыполнение Рижского договора. От Москвы требовалось до 1 октября освободить и доставить к границе всех польских заложников и пленных; передать Польше золото и драгоценности, причитавшиеся ей по договору; немедленно начать работу реэвакуационной и специальной смешанных комиссий. В противном случае Варшава угрожала разрывом дипломатических отношений. 17 сентября Москва заявила о согласии до 1 октября внести первый взнос золота и приступить к работе реэвакуационной комиссии, если Польша к этому же времени удалит со своей территории наиболее известных лидеров белогвардейцев и накажет виновных в их поддержке. На следующий день советской стороне была передана польская нота, подтверждавшая вышеуказанные требования и уведомлявшая о готовности Польши сообщить о мерах, принятых против перехода границы нежелательными элементами²³⁰. Работники советского полпредства оказались под демонстративным надзором польской полиции, а обстановка на советско-польской границе обострилась.

Стремясь избежать нарастания конфронтации, РСФСР 22 сентября предложила конкретную программу мер нормализации отношений на основе обоюдного выполнения установлений Рижского договора. Москва указала, что многие польские требования уже выполнены, а остальное будет выполнено на взаимной основе. Советская сторона вновь настаивала на удалении из Польши лиц, причастных к налетам на советскую территорию, аресте и осуждении тех, кто участвовал в этих инцидентах, переводе лагерей для интернированных подальше от советской границы, увольнении казаков-эмигрантов из польской пограничной охраны и предлагала провести совместное расследование фактов поддержки савинковцев и петлюровцев польскими военными. Срок выполнения этих мер было предложено отодвинуть на 5 октября²³¹. Опубликование этого ответа в прессе привело к тому, что Румыния отказалась от намерения выставить свои претензии.

В то же время 15 сентября Англия обвинила РСФСР в нарушении договора от 16 марта 1921 г., но после получения 27 сентября советского ответа признала, что все обвинения основывались на недостоверных источниках. С претензиями к РСФСР выступили также Финляндия и Эстония²³². Понятно, что в Москве опасались возникновения войны, но внутренние проблемы ее западных соседей и твердая, хотя и конструктивная, позиция советской дипломатии позволили найти компромисс. Уже 26 сентября Польша заявила о готовности обсудить советские предложения²³³. В итоге переговоров 7 октября был подписан советско-польский протокол об урегулировании взаимных претензий. Было решено, что не позднее 8 октября из Польши уедут Б. Савинков, Д. Ярославцев, Д. Одинец, А. Дикгоф-Деренталь и А. Рудин, а не позднее 20 октября — А. Мялков, Ю. Тютюнник, М. Павленко-Омельянович, А. Зелинский и С. Булак-Балахович. С 8 октября должны начать свою работу реэвакуационная и специальная комиссии, а РСФСР начнет проведение реэвакуации имущества и культурных ценностей в Польшу, и до 20 октября передаст первый взнос за железнодорожное имущество. Со своей стороны Польша сообщит советской стороне текст приказа по армии относительно выполнения статьи 5 Рижского договора, а рабочие отряды из интернированных будут переведены из приграничных районов вглубь страны²³⁴.

Уже 10 октября РСФСР передала Польше первый взнос золота и драгоценностей, но Варшава не спешила с высылкой белогвардейцев, и лишь после двукратных напоминаний и приостановки работы комиссий 30 октября вышеуказанные лица покинули Польшу²³⁵. 1 ноября Польше был передан взнос за железнодорожный подвижной состав, а 15 ноября реэвакуационная комиссия решила начать передачу Польше архивов, эвакуированных в 1915 г. Тем не менее не достача в

желающих повоевать не было. В конце сентября 1921 г. финские иррегулярные части вторглись в Советскую Карелию, рассчитывая захватить ее и присоединить к Финляндии. Бои в Карелии продолжались до начала марта 1922 г. Естественно, Польша предложила Финляндии свою помощь, но, поскольку в Карелии действовали формально негосударственные отряды, в Хельсинки отклонили это предложение.

Тем временем в ночь на 29 октября 1921 г. почти 2-тысячный отряд петлюровцев под командованием Палия перешел у Гусятина р. Збруч и вторгся на территорию УССР. В тот же день Москва сделала представление Польше, а 31 октября потребовала прекратить помощь боевикам. К 19—20 ноября Красная армия вытеснила петлюровский отряд обратно на польскую территорию, а в Польше они были вновь интернированы. Напряженную борьбу советские власти вели с организацией Б. Савинкова, которая при поддержке польской разведки занималась созданием террористическо-диверсионных групп. На границе постоянно происходили стычки, а в начале июля 1921 г. границу пересекли несколько вооруженных отрядов и законспирированные отряды подняли восстание в Белоруссии²³⁶. Со своей стороны Польша упрекала советские власти в поддержке повстанческих отрядов, действовавших в Западной Белоруссии²³⁷. Конечно, Москва отвергла эти упреки, тем более что они не подкреплялись какими-либо документальными данными. Однако как ныне известно, советские спецслужбы проводили операции по так называемой «активной разведке», с одной стороны, стремясь ликвидировать белогвардейские бандформирования, а с другой, — поддержать национально-освободительное движение белорусского и украинского населения на территории Польши. Лишь в феврале 1925 г. эти операции были свернуты²³⁸.

Основной внешнеполитической целью Польши было создание военно-политического блока в Восточной Европе под своим руководством. Польское руководство полагало, что создание подобного союза позволит, с одной стороны, оказывать влияние на Советские республики, а с другой — повлиять на Англию и Францию и добиться для Польши статуса великой державы. Определенный толчок этим намерениям дало решение Антанты от 6 января 1922 г. созвать в Генуе международную конференцию для рассмотрения вопросов экономического возрождения Европы. Хотя РСФСР и была приглашена на конференцию, это вовсе не означало ее юридического признания. Тем самым не признавались и заключенные ею договоры. В этих условиях Польша оказалась в ситуации, когда международное сообщество не признавало ее восточных границ и на нее могла быть возложена часть долгов Российской империи. Поэтому Варшава решила надавить на РСФСР и достичь соглашения с Эстонией, Латвией и Финляндией, которые оказались в схожей ситуации.

Получив 4 декабря 1921 г. польское предложение о начале торговых переговоров, Москва 14 декабря ответила согласием²³⁹. Начавшиеся 10 марта переговоры в Варшаве показали, что Польша использует торговые переговоры для достижения политических целей. Варшава требовала, чтобы РСФСР отказалась от поддержки Литвы, прекратила антиверсальскую пропаганду, и не желала расширять транзит в Германию и Австрию. Понятно, что переговоры были прерваны, а попытки Варшавы сыграть на противоречиях Москвы и Киева не удалась²⁴⁰. 13 марта в Варшаве открылась конференция Эстонии, Латвии и Польши, стремившихся согласовать свою позицию накануне Генуэзской конференции. 17 марта был подписан Варшавский договор, согласно которому его участники подтверждали свои договоры с РСФСР, обещали не заключать договоров, направленных друг против друга, решать споры мирным путем и сохранять благожелательный нейтралитет и консультироваться в случае «неспровоцированного нападения» с Востока. Также была достигнута договоренность о координации дипломатических действий в Москве, тем самым Польша получила определенную возможность влиять на внешнюю политику прибалтийских стран²⁴¹. Варшавский договор мог бы стать основой Балтийского союза, но Финляндия его не ратифицировала.

Чтобы соблюсти приличия, участники конференции в конце ее работы пригласили советского представителя принять в ней участие, но Москва благоразумно отказалась, не желая создавать впечатления, что принятые решения согласованы с ней²⁴². 16 марта РСФСР предложила участникам конференции в Варшаве прибыть 22 марта в Москву для обсуждения общих вопросов накануне Генуэзской конференции, но Польша и прибалтийские страны, демонстрировавшие свою независимость, предложили в качестве места совещания Ригу. В ходе конференции в Риге 29—30 марта 1922 г. было достигнуто соглашение о желательности согласованных действий делегаций РСФСР, Польши, Латвии и Эстонии в Генуе и взаимной гарантии договоров между ними. Стороны призвали к признанию РСФСР де-юре. Речь также шла о желательности улучшить железнодорожное сообщение и передать охрану границ регулярным войскам или пограничной охране, что позволило бы устранить из приграничной полосы вооруженные банды²⁴³. Но негативная реакция Франции заставила Польшу 6 апреля заявить, что все достигнутые договоренности являются лишь обменом мнениями, не имеющим обязательной силы²⁴⁴.

В Генуе польская делегация заняла профранцузскую позицию и вместе со странами Малой Антанты выступила против признания РСФСР де-юре. Вслед за Англией и Францией Польша осудила советско-германский договор в Рапалло, а польская пресса подняла шум по поводу

советско-германского военного союза и подготовки нападения на Польшу. Естественно, Москва 24 апреля резонно указала Польше, что ее действия нарушают Рижские договор и соглашение, согласно которым следовало способствовать признанию РСФСР де-юре²⁴⁵. Со своей стороны Польша пыталась таким путем добиться признания Англией и Францией своей восточной границы и получить репарации от Германии. Однако ни одна из этих целей достигнута не была. Более того, когда в беседе с английским министром финансов Н. Чемберленом польский представитель заявил, что сильная Польша отвечает интересам Англии, он услышал в ответ, что это не так. Главное, чтобы Германия имела возможность для экспансии на Восток, а сильная Польша будет этому мешать²⁴⁶. Конечно, в условиях, когда Германия не представляла собой никакой заметной силы в Европе, подобная внешнеполитическая конструкция вряд ли могла быть всерьез воспринята в Варшаве.

12 июня 1922 г. Москва предложила Польше и своим северо-западным соседям созвать конференцию для обсуждения вопроса о пропорциональном сокращении вооруженных сил. Естественно, это предложение не вызвало энтузиазма в Варшаве. Польское руководство заявило 9 июля о готовности участвовать, но лишь после завершения аналогичных совещаний в Лиге Наций, что в скором времени вряд ли было возможно²⁴⁷. Тем не менее широкая пропаганда советского предложения и позиция Румынии и прибалтийских стран привели к тому, что в августе в Таллине прошли консультации военных экспертов, которые предложили, чтобы Польша, Латвия, Эстония и Финляндия вместе имели бы такие же вооруженные силы, как и РСФСР, то есть речь шла бы о сокращении именно советских вооруженных сил. В конце концов, после различных проволочек Польша 29 августа согласилась принять участие в Московской конференции по разоружению²⁴⁸. 2 декабря 1922 г. в Москву прибыли делегации от Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. Польша представляла также интересы своего союзника Румынии, которая отказалась от прямого участия в конференции из-за нерешенного Бессарабского вопроса. Советская делегация предложила сократить вооруженные силы на 25%, но Польша настаивала на моральном разоружении и предложила подписать договор о ненападении и арбитраже. Когда же текст договора о ненападении был согласован, выяснилось, что Польша и прибалтийские страны не хотят отказываться от соглашений, противоречивших предполагаемому договору о ненападении. В итоге, как и большинство подобных мероприятий, Московская конференция по разоружению 12 декабря завершилась безрезультатно²⁴⁹.

Во второй половине 1922 г. Москва неоднократно поднимала перед Варшавой вопрос о торговом договоре, но Польша, ссылаясь на непризнание советской монополии внешней торговли, уклонялась от переговоров. Со своей стороны Варшава требовала выполнения Москвой финансовых обязательств по Рижскому договору. Тем не менее 19 сентября 1922 г. начались переговоры о почтово-телеграфной конвенции, которая была подписана 23 мая 1923 г. Осенью 1922 г. возобновили работу реэвакуационная и смешанная комиссии. События 1923 г. в Германии привели к тому, что Польша провела мобилизацию 800 тыс. резервистов. Тем самым польская армия могла быть использована либо для помощи Франции против Германии, либо для недопущения советской помощи Германии. Варшава неоднократно заявляла о своей готовности поддержать Францию, если Париж попросит ее об этом. Со своей стороны Советский Союз предложил Польше, Чехословакии, Эстонии, Латвии и Литве сохранять нейтралитет и заявил, что не потерпит их военных действий против Германии²⁵⁰.

Пока великие державы были заняты германскими проблемами, Польша попыталась решить Литовский вопрос. Здесь помимо вопроса о Вильно существовал вопрос о принадлежности Мемеля (Клайпеды), отторгнутого от Германии по Версальскому договору и переданного под управление Лиги Наций. 22 декабря 1922 г. РСФСР потребовала учета своих интересов при решении этого вопроса, но Лига Наций проигнорировала это заявление, хотя было решено учесть интересы Польши. Не ожидая решения Лиги Наций, литовские иррегулярные отряды 13—15 января 1923 г. заняли Мемель (Клайпеду), что, естественно, вызвало резкое негодование Варшавы. Используя решение Совета Лиги Наций от 3 февраля 1923 г. о разделе нейтральной зоны на польско-литовской демаркационной линии, установленной Лигой Наций 30 ноября и 17 декабря 1920 г., Польша 13—17 февраля ввела туда свои войска и заняла железную дорогу Вильнюс — Гродно. Произошли столкновения между литовскими и польскими отрядами. Конференция послов Антанты предложила провести польско-литовскую границу по демаркационной линии, фактически легализовав польский захват Виленщины. Понятно, что Литва заявила протест. 16 февраля Конференция послов решила передать Мемель (Клайпеду) Литве, но при предоставлении Польше определенных прав пользования портом. 17 февраля Москва напомнила Польше, что привлечение третьих стран для решения польско-литовского конфликта противоречит Рижскому договору, поэтому им следует договориться между собой, а СССР предлагает посреднические услуги. Конечно, Польша заявила, что Москва неправильно трактует статью 3 договора и вмешивается не в свои дела²⁵¹.

Одновременно Польша попыталась активизировать сближение со странами Прибалтики, используя для этого экономические вопросы, обсуждавшиеся на конференциях в марте и июле

1923 г. Однако оказалось, что прибалтийские государства гораздо больше заинтересованы в реальном решении экономических проблем региона, а не в антисоветских выпадах. Более того, Эстония даже предложила приглашать на такие конференции СССР, что вызвало резко негативную реакцию Польши, которая намеревалась оказывать определяющее влияние на политику прибалтийских стран в отношении Москвы. Понятно, что СССР всячески стремился к нормализации своих отношений с Прибалтикой, что являлось действенной контрмерой польским внешнеполитическим усилиям. Со своей стороны Польша, получив 23 июля советскую ноту, уведомлявшую ее об образовании СССР, 31 августа потребовала от Москвы подтвердить все ранее заключенные договоры (хотя об этом было сказано в советской ноте), открыть в Харькове, Тифлисе и Минске отделения польской дипломатической миссии и отодвинуть срок завершения репатриации и оптации поляков с Дальнего Востока и из Закавказья на 30 апреля 1924 г. Естественно, эти требования вызвали негативную реакцию советской стороны, которая 13 сентября указала, что польские требования неуместны, а договоры продолжают действовать. В итоге 13 декабря 1923 г. Польша заявила, что признает образование СССР и готова поддерживать с его правительством дипломатические отношения. В ответ Москва разрешила Варшаве открыть генеральные консульства в Харькове и Минске²⁵².

В то же время советская сторона вновь попыталась наладить экономические отношения с Варшавой, но польская позиция оставалась непреклонной, и новый раунд переговоров завершился безрезультатно. Польское правительство не посчиталось с тем, что польские бизнесмены стремились выйти на советский рынок, и из политических соображений занимало непримиримую позицию. Тем не менее 30 июля на паритетных началах было образовано «Русско-польское АО» (Росполь), занимавшееся организацией торговли между СССР и Польшей и за ее пределами. В 1923—1925 гг. на советско-польской границе имели место новые инциденты с бандформированиями, действовавшими с территории Польши²⁵³, и СССР приостановил отправку в Польшу золота и драгоценностей. 18 июня Варшава потребовала возобновления передачи ценностей, но Москва, в свою очередь, предложила ей возместить ущерб от набегов. Польская сторона бойкотировала Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве, на которую были приглашены как польские фирмы, так и члены польского правительства. Более того, польская сторона старалась препятствовать советскому транзиту в Германию, где продолжались беспорядки, рассматривая его как поддержку боеспособности Берлина. В октябре 1923 г. СССР вел переговоры с Польшей и прибалтийскими странами по вопросу о транзите и нейтралитете в отношении Германии, но дальше общих разговоров Варшава не пошла. Одновременно Польша предупреждала Англию и Францию о советской угрозе, но подобные заявления не воспринимались на Западе всерьез.

Тем временем продолжались советско-польские переговоры о решении финансовых вопросов Рижского договора. Польская сторона выставила претензии на 75 млн рублей за эвакуированные материальные ценности в 1915 г., правда, значительная часть польских требований не была надлежащим образом документирована. Тем не менее советская сторона, заинтересованная в сохранении нормальных отношений, нередко шла на уступки, что, впрочем, не мешало Польше использовать все эти трудности в антисоветской агитации. С декабря 1921 г. по 1 июня 1924 г. Польше было передано оборудование 28 заводов и много разрозненного оборудования, эвакуированного с ее территории в годы Первой мировой войны. Одновременно смешанная расчетная комиссия рассматривала вопрос о частных финансовых претензиях польских граждан. В конце концов советская сторона согласилась выплатить по этим претензиям 1 081 120 185 польских марок (2 195 золотых рублей, или 1 114 долларов), но Варшава отказалась, и вопрос был надолго отложен. Кроме того, Польша стремилась получить более 6 млн рублей золотом за эвакуированный скот и 15 млн золотых рублей за эвакуированные непромышленные товары частных лиц. Естественно, что Москва уклонилась от выплаты столь завышенных сумм. Одновременно происходила передача Польше культурных ценностей (архивы, библиотеки, музеи и т.п.), вывезенных из Польши с конца XVIII века. В итоге 25 августа 1924 г. было подписано советско-польское соглашение о реэвакуации и компенсации имущества²⁵⁴, а 2 декабря 1924 г. СССР передал Польше 102 913 долларов, что означало разрешение основных проблем материального характера. Передача основной части культурных ценностей завершилась соглашением от 16 ноября 1927 г., по которому стороны решили продолжать эту работу без каких-либо временных ограничений. СССР остался должен Польше 30 млн золотых рублей — этих денег у Москвы просто не было. Поскольку золотой запас пополнялся благодаря расширению внешней торговли, советская сторона указала, что сама Польша, отказываясь от заключения торгового договора, не позволяет ускорить выплату этих средств. Все это позволило Москве не спешить с погашением данного платежа²⁵⁵.

Важное значение в советско-польских отношениях играл вопрос о выполнении польской стороной постановлений Рижского договора относительно предоставления культурных прав белоруссам и украинцам в восточных районах страны. 17 декабря 1920 г. польский сейм принял закон о наделении землей солдат, отличившихся в советско-польской войне, и до конца 1922 г. в

восточных районах Польши землю получило около 25 тыс. семей. Эти переселенцы (осадники) рассматривались польским руководством в качестве опоры будущей полонизации окраин. Вместо закрывавшихся национальных школ открывались польские. Понятно, что местное население негативно отнеслось к полонизации, и постепенно в восточных районах Польши формировалось национальное движение, более заметное в Восточной Галиции. 15 марта 1923 г. Конференция послов Антанты признала де-факто границы Польши с Литвой и СССР, закрепив в ее составе Восточную Галицию и Виленщину. Это вызвало протест Москвы и Киева, заявивших о непризнании ими этого решения²⁵⁶.

10 мая 1924 г. СССР обратил внимание Польши на то, что «преследования национальных меньшинств приняли массовый и систематический характер», и привел конкретные факты насилия польских властей над населением восточных окраин. Естественно, Варшава отклонила эти претензии, объявив их вмешательством во внутренние дела Польши²⁵⁷. 12 августа в ходе переговоров с Англией советская сторона вновь заявила о необходимости предоставления населению Восточной Галиции права на самоопределение²⁵⁸. Польская сторона 23 августа заявила Москве, что никакого вопроса о Восточной Галиции не существует, и усилила карательные меры против белорусского и украинского населения²⁵⁹. Естественно, СССР 5 сентября подтвердил неизменность своей позиции в вопросе о решении судьбы Восточной Галиции, а 9 сентября опроверг высказанные в интервью польского военного министра В. Сикорского обвинения СССР в организации «бандитских нападений на нашей восточной границе»²⁶⁰.

В ответ польская сторона 16 сентября заявила, что согласно Рижскому договору обе стороны отказались от «всяких прав и притязаний на земли» по обе стороны границы, и поэтому советская сторона не имеет права делать замечания по вопросу о Восточной Галиции, которая является территорией Польши²⁶¹. 22 сентября Москва указала, что ее заявления относятся не к фактической принадлежности территории Восточной Галиции, а к той форме, в которой этот вопрос был решен без участия СССР и без учета мнения самого населения этой территории, что было в свое время обещано странами Антанты. Что касается упреков Варшавы во вмешательстве во внутренние дела Польши, на это было справедливо заявлено, что поддержка польским представителем в Лиге Наций грузинского эмигрантского правительства в обстановке мятежа в Грузии и является прямым вмешательством во внутренние дела СССР²⁶².

Москва и Варшава в международных отношениях конца 1920-х гг.

В 1924 г. ситуация вокруг СССР изменилась. 1 февраля Англия признала СССР де-юре, вслед за ней на официальное признание СССР пошли Италия и другие страны. 24 апреля Польша подписала с СССР о прямом железнодорожном сообщении, в котором был решен вопрос о тарифах. 18 июля 1924 г. была подписана консульская конвенция, согласно которой Польша получила право создать консульства в Ленинграде, Киеве, Хабаровске и Тифлисе, а СССР — в Лодзи, Гданьске и Львове, правда, ратификация конвенции состоялась лишь 27 марта 1926 г. 31 июля 1924 г. была окончательно согласована линия границы, а в первой половине года в основном завершилась репатриация и оптация поляков, всего в Польшу выехало около 1,1 млн человек. Подписанная еще 24 мая 1923 г. почтово-телеграфная конвенция была ратифицирована лишь в феврале 1925 г., поскольку Польша опасалась большевистской пропаганды.

Экономический кризис в Польше привел к росту инфляции, и для стабилизации валюты польское руководство решило обратиться за займом к Франции, но Париж в займе отказал. Тогда Варшава обратилась к Англии и заявила о сотрудничестве с Лондоном и поддержке его политики в Восточной Европе. В итоге в феврале 1924 г. был подписан англо-польский торговый договор, который позволил английским фирмам проникнуть в польскую экономику. Но займа Англия Польше так и не дала. В итоге лавирования между Англией и Францией в 1924—1926 гг. Варшава получила 300 млн франков из 400 млн военного займа. 2 ноября 1924 г. был подписан франко-польский договор об активизации разведработы в Германии, подтверждении границ Польши и поставках французского вооружения. Франция обещала поддержку в создании польских ВМС, а Варшава со своей стороны была вынуждена пойти на экономические уступки. В итоге отрицательное сальдо в торговле Польши с Францией возросло с 19,9 млн злотых в 1924 г. до 72,6 млн в 1925 г.

В январе 1925 г. Германия предложила Англии и Франции гарантировать свои границы на западе, а Польше — вернуть Поморье, но при этом ей предоставлялось право торговли в портах Балтийского моря и одна железная дорога к ним. В этих условиях Польша обратилась за поддержкой к Англии и Франции, но они проигнорировали ее просьбы. Убедившись в готовности Англии и Франции к компромиссу на западе, Германия усилила пропаганду идеи ревизии восточных границ, а в июле 1925 г. объявила бойкот польской торговле, что болезненно ударило по Польше, во внешней торговле которой на Германию приходилось 37% импорта и 50% экспорта. Для Германии же Польша не являлась важным торговым партнером: на нее приходилось всего 4,8% германского экспорта и 5,3% импорта. Игнорируя жалобы Польши, Англия и Франция подписали с Германией Рейнский гарантийный пакт, вызвав недовольство тех союзников Парижа в

Восточной Европе, чьи границы не были гарантированы. Более того, по итогам решений в Локарно Польша лишилась гарантии автоматической помощи со стороны Франции в силу франко-польского военного союза, направленного в том числе и против Германии. Теперь Франция смогла бы помочь Польше в случае ее конфликта с Германией лишь после того, как страны-гаранты Рейнского пакта подтвердили бы, что действия Германии нарушают этот договор, а этого вполне могло и не произойти.

29 сентября 1925 г. советская сторона предлагала Польше сближение на антигерманской основе, но Варшава уклонилась от этого предложения²⁶³. Наоборот, польское руководство решило найти компромисс с Германией и в Локарно заключило с ней арбитражное соглашение, под действие которого, тем не менее не попадали вопросы границ. Польские претензии на постоянное членство в Совете Лиги Наций также оказались неудовлетворенными, поскольку против этого выступила Англия. Тем временем Берлин, продолжая игру на противоречиях Запада и Востока, заключил 12 октября 1925 г. с Москвой торговый договор (согласно которому Германия выделяла кредит СССР), а 24 апреля 1926 г. — договор о ненападении и нейтралитете. Эти шаги Германии привели к тому, что Англия и Франция, хотя и осудили советско-германские договоренности, пошли на предоставление Берлину места постоянного члена Совета Лиги Наций, тогда как Польша стала лишь непостоянным членом Совета²⁶⁴. Для Москвы же советско-германский договор, как и аналогичное соглашение с Литвой, стал формой ответа на стремление Польши блокироваться с Прибалтийскими странами²⁶⁵.

В разгар Рурского кризиса Англия и Франция вновь активизировали свою политику, направленную на создание польско-прибалтийского союза, но противоречия стран региона оказались слишком велики, а Германия и СССР умело противодействовали этим намерениям. В итоге к осени 1925 г. позиция Лондона также изменилась, и вопрос вновь был отложен. Поэтому, когда в ноябре — декабре 1925 г. Латвия озвучила идею создания «Северного Локарно» на основе объединения Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии, ни Москва, ни Берлин, ни даже Лондон не поддержали эти намерения. Для СССР было нежелательно иметь на своих западных и северо-западных границах единый военно-политический блок, для Германии возникла угроза реализации ее реваншистских намерений, а интересам Англии противоречило создание политической ситуации, которая бы препятствовала германской экспансии в восточном направлении. Понятно, что в этих условиях идея «Северного Локарно» тихо умерла в коридорах европейской дипломатии. Тем временем в декабре 1925 г. Польша предложила Швеции заключить гарантийный договор, но Стокгольм отклонил это предложение.

26 марта 1926 г. был подтвержден польско-румынский договор о взаимопомощи 1921 г., теперь стороны согласились, что договор будет направлен не только против СССР, но также против Германии и Венгрии. Учитывая польское стремление создать единый блок на советских западных границах, Москва, в свою очередь, постаралась наладить отношения с Германией и Литвой, заключив с ними договоры о нейтралитете 24 апреля и 28 сентября 1926 г., что вызвало недовольство Варшавы²⁶⁶. 11—15 мая 1926 г. в Польше в результате переворота к власти пришел Ю. Пилсудский. Эти события, вопреки распространявшимся в прессе слухам, не вызвали откровенно негативной реакции Москвы. Тем временем заметно ухудшились англо-советские отношения. В феврале 1927 г. Англия обвинила СССР во вмешательстве в ее внутренние дела и разжигании революции в Китае. 12 мая в Лондоне полиция произвела обыск в помещении «Аркуса», а 27 мая Лондон объявил о разрыве дипломатических отношений с Москвой. Хотя Польша и одобрила этот шаг Англии, польское руководство сообщило в Лондон, что не может последовать ее примеру, поскольку имеет слишком протяженную границу с СССР и не имеет гарантий границ с Германией. Понятно, что в Москве польские дипломаты заявляли о неизменности дружественных отношений со своим восточным соседом²⁶⁷. Тем более что еще с февраля 1926 г. стороны обсуждали предложенный советской стороной договор о ненападении. В ходе переговоров польская сторона попыталась увязать будущий договор с Москвой с аналогичными соглашениями СССР со странами Прибалтики и Румынией, что, естественно, вызвало в советском руководстве опасения в создании под эгидой Польши военно-политического блока на границах СССР²⁶⁸. Советско-латвийские переговоры привели к парафированию договора о нейтралитете (март 1927 г.), но под давлением Польши, заявившей о необходимости проведения согласованной политики в отношении СССР, Рига отказалась от его подписания²⁶⁹.

7 июня 1927 г. на вокзале в Варшаве белогвардеец Б. Коверда застрелил советского полпреда в Польше П.Л. Войкова. Вероятно, это покушение было организовано английской разведкой, во всяком случае во время суда над Ковердой Лондон просил Варшаву ограничиться пожизненным заключением. Со своей стороны СССР потребовал от Польши всесторонне расследовать это преступление, допустить советского уполномоченного к следствию и принять меры против террористических и бандитских организаций, существовавших на территории Польши. Естественно, Варшава, располагавшая сведениями о подготовке покушения, отвергла советские требования²⁷⁰, и в итоге польский суд приговорил «террориста-одиночку» к пожизненному заключению и просил президента Польши смягчить этот срок до 15 лет. Понятно, что советско-

польские отношения ухудшились. 14—15 июня на совещании министров иностранных дел стран — участниц Локарнского соглашения и Японии в Женеве речь шла о возможном советском ультиматуме Польше и мерах помощи Варшаве через Лигу Наций. В СССР сторонники Л. Д. Троцкого заявляли о необходимости жестких действий против Польши. Так, на XV съезде ВКП(б) Х. Раковский предлагал «ответить достойным революционным отпором», в том числе и войной²⁷¹. Но советское руководство благоразумно ограничилось дипломатическими протестами с требованиями ликвидировать на территории Польши белогвардейские организации²⁷².

Но пример оказался заразительным. 2 сентября в Варшаве белогвардеец П. Трайкович покушался на советского дипкурьера Шлессера, но был застрелен его напарником И. Гусевым. Польская пресса обвинила советских дипломатических работников в слишком резких действиях. В этих условиях советско-польские переговоры о договоре о ненападении были в сентябре 1927 г. прекращены польской стороной. Тем временем с лета 1926 г. вновь обострился польско-литовский конфликт. Осенью 1927 г. Польша усилила антилитовскую пропаганду и попыталась заручиться поддержкой Англии и Франции в случае военных действий против Литвы. Со своей стороны литовская дипломатия обратилась 15 октября в Лигу Наций с жалобой на Польшу, а 27 ноября СССР заявил Польше о недопустимости развязывания войны в Восточной Европе и призвал польскую сторону к миролюбию. Схожую позицию заняла и Германия. Поскольку Лига Наций также выступила за сохранение мира, польское руководство решило смягчить свою позицию. Литве Москва также посоветовала прекратить состояние войны с Польшей²⁷³. 10 декабря 1927 г. после переговоров в Женеве было достигнуто польско-литовское соглашение о прекращении состояния войны, продолжавшегося с 1920 г.²⁷⁴

4 мая 1928 г. в Варшаве было совершено покушение на советского торгпреда А.С. Лизарева, что вызвало новую дипломатическую переписку относительно белогвардейских организаций в Польше²⁷⁵. 6 сентября 1928 г. СССР присоединился к пакту Бриана-Келлога и единственный из всех стран-участниц ратифицировал его до конца года. 29 декабря Москва предложила Польше и Литве подписать протокол о досрочном вводе в действие этого договора. Но Варшава предложила расширить список участников будущего соглашения за счет привлечения Румынии, Латвии и Эстонии. Узнав об этом, Литва отказалась участвовать в многостороннем соглашении. В конце концов 1 февраля 1929 г. Москва приняла польское предложение, и 9 февраля СССР, Польша, Румыния, Латвия и Эстония подписали Московский протокол о досрочном введении в действие договора Бриана-Келлога. 27 февраля к протоколу присоединилась Турция, 3 апреля — Иран, а 4 апреля — Литва²⁷⁶. В итоге влияние Польши в регионе возросло, западные соседи СССР получили возможность продемонстрировать свою солидарность, а советско-литовские отношения охладели²⁷⁷.

Тем временем немалые изменения произошли в германо-польских отношениях. Торговые переговоры между Германией и Польшей неоднократно прерывались и вновь возобновлялись на фоне таможенной войны. Однако любые предложения об улучшении экономических отношений с СССР встречали отпор польского руководства, ссылавшегося на возможность негативной реакции Германии. В июле 1928 г. Англия заявила Польше, что не будет возражать, если Берлин и Варшава договорятся об изменении границы. 31 октября 1929 г. было подписано германо-польское Ликвидационное соглашение, которым стороны отказались от финансовых претензий по итогам Первой мировой войны²⁷⁸.

Кроме того, Польша попыталась увязать с планом Юнга возложенную на нее Версальским договором сумму репараций в 2 млрд франков, чтобы ликвидировать этот долг, но Германия с одобрения Франции выступила против. 11 марта 1930 г. германский рейхстаг ратифицировал Ликвидационное соглашение, в тот же день был подписан германо-польский торговый договор, который так никогда и не вступил в силу. Войска западных стран, размещенные в Верхней Силезии с 1920 г., были эвакуированы летом 1930 г. одновременно с выводом войск из Рейнской демилитаризованной зоны. Летом 1930 г. германо-польские отношения вновь ухудшились, пресса обеих сторон активно критиковала друг друга, на границе имели место инциденты. Все это привело к активному обсуждению проблемы восточных германских границ в мировой прессе, которая в целом склонялась к тому, что именно из-за «польского коридора» может вспыхнуть новая война. В ходе предвыборной кампании в рейхстаг германские правые политические партии откровенно заявляли, что восточная граница является временной, а утраченные по Версальскому миру земли на востоке должны быть возвращены. Естественно, Польша заявляла протесты в связи с подобными высказываниями германских официальных лиц, польская общественность организовывала демонстрации, а кое-где и выступления против немецкого меньшинства. Все протесты Берлина отклонялись Варшавой со ссылкой на германские действия.

На фоне этой напряженной обстановки польское руководство спокойно отнеслось к успеху на выборах НСДАП, которая в большей степени вела антикоммунистическую, нежели реваншистскую, пропаганду. Поэтому, по мнению Варшавы, усиление влияния нацистов являлось своеобразной гарантией как против расширения советско-германского сотрудничества, всегда болезненно воспринимавшегося в Польше, так и против немедленной ревизии германо-польской границы. Тем

временем, по настоянию Англии 12 января 1931 г. был ликвидирован союзнический Военный комитет в Версале, осуществлявший контроль за выполнением Германией военных ограничений Версальского договора. Тем самым и так не очень жесткий контроль был фактически устранен, что облегчало Германии подготовку к воссозданию вооруженных сил. 19 марта 1931 г. Германия и Австрия заключили соглашение о таможенном союзе, что было с опасением воспринято в Польше, но с одобрением — в деловых кругах западных стран, рассматривавшего этот процесс как начало объединения Европы. Попытки Варшавы добиться поддержки со стороны Англии и Франции в течение 1931 г. показали, что эти страны более склонны к соглашению с Германией, которая продолжала антипольскую кампанию в прессе.

С ноября 1930 г. Польша попыталась создать видимость переговоров с СССР о заключении договора о ненападении и широко использовала это в своих отношениях с третьими странами, в том числе и с Германией, стремясь ухудшить германо-советские отношения. Толчком к этому послужили доверительные беседы советского полпреда в Варшаве В.А. Антонова-Овсеенко, предпринятые по его собственной инициативе, с руководством польского МИДа²⁷⁹. 5 января 1931 г. Москва указала Варшаве на необоснованность сведений о новых польских предложениях СССР, а 6 января об этом сообщалось в Заявлении ТАСС²⁸⁰. 29 января советская сторона вновь указала на необоснованность польской версии и поинтересовалась, не изменилось ли отношение Польши к советскому предложению²⁸¹. Но неизменная позиция Варшавы сделала переговоры невозможными. Летом 1931 г., когда стало ясно, что не за горами заключение франко-советских договоров о ненападении и торговле, польскому руководству пришлось задуматься о расширении своего влияния в Восточной Европе. 10 августа был парафирован франко-советский договор о ненападении²⁸², и Париж решил, что следует склонить к подобному соглашению и Польшу. 23 августа под давлением Франции Польша передала советской стороне документ, в котором были повторены советские предложения 1926 г. и польские ответы на них²⁸³. СССР не удовлетворяла такая позиция Варшавы, но, так как Франция 23 сентября заявила, что подписание советско-французского договору обуславливается достижением советско-польского соглашения, Москва предложила Парижу убедить Польшу снять наиболее необоснованные возражения²⁸⁴. Вместе с тем советская сторона указала на невозможность связать оба договора.

Тем временем франко-германские переговоры завершились неудачно, и французское руководство решило продолжить сближение с СССР. Польше было рекомендовано взять за основу согласованный текст франко-советского договора²⁸⁵. Однако советско-польские контакты показали, что Варшава вновь пытается связать советско-польский договор с аналогичными соглашениями СССР и его западных соседей²⁸⁶. В декабре 1931 г. Латвия и Финляндия предложили СССР возобновить переговоры о заключении договоров о ненападении. Переговоры велись в конструктивном ключе и без всяких ссылок на позицию Польши. В итоге уже 21 января 1932 г. был подписан договор с Финляндией, а 5 февраля — с Латвией²⁸⁷. Переговоры же с Румынией зашли в тупик из-за нерешенного Бессарабского вопроса. В этих условиях Польша была вынуждена смягчить свою позицию, и 25 января 1932 г. советско-польский договор был парафирован²⁸⁸. Однако на этот раз на ход переговоров оказало влияние некоторое охлаждение Франции к подписанию соглашения с СССР, что немедленно вызвало аналогичную реакцию в Варшаве. Правда, обострение германо-польских отношений и ситуации в Данциге, в условиях, когда Англия, Франция и Италия оказывали давление на Польшу, пытаясь склонить ее к уступкам, а также политика прибалтийских стран вынуждали Варшаву к получению гарантии от войны на востоке.

Ухудшение германо-польских отношений к концу 1931 г. привело к тому, что 21 декабря Польша повысила таможенные пошлины на германские товары, и естественно, что 23 января 1932 г. тоже сделала и Германия в отношении польских товаров. В ответ Польша провела ряд мероприятий по усилению своих войск на границе с Данцигом, Восточной Пруссией и Силезией. В течение 1932 г. в Женеве шла конференция по разоружению, которая в итоге свелась к поиску формулы, позволявшей Германии получить равные права на вооружение. В ходе конференции Польша старалась получить гарантии своих границ с Германией, но эта цель так и не была достигнута. В июне 1932 г. на совещании представителей генеральных штабов Малой Антанты и Польши последняя взяла на себя обязательство выставить в случае войны 60 дивизий против СССР. Одновременно программа полонизации стала активно проводиться в местах проживания германского меньшинства. Тем временем сенат вольного города Данцига отказался продлить конвенцию о разрешении польскому флоту пользоваться портом как своим собственным. Польское руководство решило продемонстрировать силу, и 15 июня 1932 г. на рейд Данцига вошел польский эскадренный миноносец «Вихер», имевший приказ открыть огонь в случае нападения или оскорбления польского флага. Руководство Данцига обратилось с жалобой в Лигу Наций, которая осудила действия Польши.

25 июля 1932 г. Германия присоединилась к подписанному в Лозанне англо-французскому «Пакту доверия». В этих условиях, стараясь подчеркнуть свою независимую внешнюю политику, польское руководство 25 июля подписало с СССР договор о ненападении, который был

ратифицирован Польшей 26, а СССР 27 ноября после подписания 23 ноября советско-польской конвенции о согласительной процедуре. После обмена ратификационными грамотами 23 декабря 1932 г. советско-польский договор вступил в силу. Одновременно Варшава попыталась наладить контакты с Германией, но Берлин не проявил к этому интереса, и осенью 1932 г. германо-польские отношения вновь ухудшились. 11 декабря 1932 г. Англия, Франция, Италия, США и Германия достигли соглашения о равноправии последней в сфере вооружений²⁸⁹. Хотя Германия постепенно модернизировала вооруженные силы, польская армия намного превосходила германскую, что давало германскому руководству отличный предлог требовать довооружения. В этих условиях Польша, опасаясь окончательной утраты французской поддержки, решила нормализовать отношения с Германией.

Важным побудительным мотивом новой внешнеполитической стратегии Варшавы стало и ухудшение советско-германских отношений, связанное с приходом к власти в Германии А. Гитлера²⁹⁰. Естественно, польское руководство решило попытаться сыграть на германо-советских противоречиях, не понимая, что в этом случае ей придется делать выбор. Не исключено, что к новой политике в отношении Берлина Варшаву подталкивало и обострение обстановки на Дальнем Востоке, где возникла угроза советско-японской войны. Вместе с тем польское руководство считало, что, соглашаясь на нормализацию отношений с Германией, ей следует продемонстрировать силу. Поэтому, когда 16 февраля 1933 г. данцигский сенат принял решение о ликвидации специальной портовой полиции, в ночь на 6 марта польский десант занял Вестерплатте. Однако жалоба Германии в Лигу Наций заставила Варшаву отступить²⁹¹. Недели спустя в столицах великих держав Европы началось обсуждение предложенного Б. Муссолини «Пакта четырех». Естественно, что Польша и другие восточноевропейские союзники Франции не поддержали идею подобного соглашения²⁹². Однако скоро выяснилось, что малые страны не имеют реальных рычагов влияния, и постепенно критика «Пакта четырех» с их стороны затихла. На волне этой критики в Праге возникла идея привлечь Польшу в состав Малой Антанты, но Варшава считала, что важнее получить Тешин, принадлежавший Чехословакии.

Понятно, что в Берлине с опасением восприняли угрозу единого франко-польско-советского фронта, и германское руководство решило пойти на компромисс с Варшавой, которая уже неоднократно демонстрировала свою готовность к нормализации отношений. 23 марта 1933 г. Польша и СССР сообщили друг другу об отрицательном отношении к «Пакту четырех». Свое недовольство Польша высказала также Англии и Франции, но не Германии, с которой было решено достичь соглашения. Одновременно Польша попыталась оказать нажим на Германию (события в Данциге, демонстрации в Польше и слухи о готовности к совместной франко-польской превентивной военной акции против Германии), которая получила прекрасную возможность сослаться на эти действия для обоснования необходимости довооружения. Тем временем СССР поддержал и расширил французский план обеспечения безопасности в Европе и внес на рассмотрение конференции по разоружению конвенцию об определении агрессора (нападающей стороны). 9 апреля СССР предложил Польше принять участие в конференции для подписания конвенции об определении агрессии, но Варшава, в целом одобрявшая эту идею, предложила Москве сначала урегулировать свои отношения с Румынией.

В мае 1933 г. Польша начала активный зондаж Германии на предмет нормализации отношений, нашедший определенный отклик в Берлине. Однако на международной конференции в Лондоне германский представитель вновь поднял вопрос о ревизии германской границы на востоке, а 7 июня был парафирован «Пакт четырех»²⁹³. Тем временем советская пресса поддержала позицию Польши относительно германо-польской границы и осудила германские реваншистские призывы. Одновременно страны Малой Антанты поддержали советскую идею об определении агрессии на конференции по разоружению, а в июле Чехословакия предложила Москве подписать договор о ненападении с Малой Антантой. 24 июня Румыния также заявила о готовности подписать конвенцию об определении агрессии.

В этих условиях Польше пришлось согласиться на советское предложение, но Варшава выступила за подписание региональной конвенции, а не открытой для подписания всех желающих. Тем самым польское руководство демонстрировало свою независимость и пыталось оказать давление на Германию, фактически поддерживая ее опасения относительно подписания открытого документа. Кроме того, Варшава выступила против участия в конвенции стран Малой Антанты, поскольку это могло задеть интересы Венгрии и Италии, с которыми у Польши были хорошие отношения. В итоге 3 июля СССР, Польша, Эстония, Латвия, Румыния, Турция, Персия и Афганистан подписали региональный протокол, а 4 июля СССР, Чехословакия, Румыния, Югославия и Турция подписали открытую конвенцию об определении агрессии²⁹⁴. Тем временем началась нормализация германо-польских отношений по экономическим вопросам и относительно Данцига. Понятно, что многие наблюдатели расценили это как начало германо-польского сотрудничества²⁹⁵. В июле Польшу посетил заведующий Бюро международной информации ЦК ВКП(б) К. Радек, сделавший по итогам поездки вывод о том, что имеется «реальная возможность дальнейшего нашего сближения с Польшей, хотя процесс этого сближения может носить затяжной

и противоречивый характер»²⁹⁶. Опираясь на эти оценки, советская сторона предложила Польше дальнейшее сближение, но Варшава промолчала, лишь усилив опасения Москвы относительно возможной германо-польской дружбы.

15 июля в Риме был подписан Пакт согласия и сотрудничества между Англией, Францией, Италией и Германией («Пакт четырех»)²⁹⁷. Попытки СССР указать Польше на наличие угрозы со стороны Германии отметились польским руководством, которое полагало, что нацисты смогут порвать с традиционной антипольской политикой Берлина. В Варшаве считали, что Германия еще долго не сможет восстановить свой военный потенциал и будет вынуждена удовлетвориться поглощением Австрии. В сентябре 1933 г. начались германо-польские переговоры о прекращении таможенной войны. 19 октября Германия вышла из Лиги Наций²⁹⁸ и заявила о готовности подписать пакты о ненападении со всеми желающими. Понятно, что в этих условиях Берлин был заинтересован в соглашении со своим восточным соседом, которое позволило бы нанести удар по системе французских союзов в Восточной Европе и продемонстрировать свое миролюбие²⁹⁹.

1 сентября 1933 г. князь Сапега в публичной лекции о международном положении критиковал подписанную с СССР конвенцию об определении агрессора и утверждал, что главной целью польской внешней политики должно стать германо-польское соглашение. По его мнению, для Польши выгоден аншлюс, поскольку это снимет давление германского национализма на польские границы и переключит внимание германской политики в сторону Балкан. «Перед нами встал вопрос, будем ли мы форпостом Европы, расширяющейся в восточном направлении, или мы будем барьером, преграждающим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер, и наша страна превратится в поле битвы, на котором будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы подготовиться к этой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии...»³⁰⁰. Хотя формально мнение князя оставалось мнением частного лица, однако озвученные им идеи разделялись определенной частью польской элиты.

«Равновесие» в политике Польши

Выход Германии из конференции по разоружению и Лиги Наций привел к ее международной изоляции, что рассматривалось Польшей как благоприятный момент для достижения соглашения. Польское руководство вновь решило показать свою силу и способность к самостоятельной политике. Уведомив Берлин в отсутствие намерений участвовать в каких-либо санкциях против него, Варшава получила германские заверения в желании нормализовать отношения. 15 ноября между польским послом в Берлине Ю. Липским и Гитлером была достигнута устная договоренность об отказе от применения силы, которая, по мнению рейхсканцлера, могла быть позднее преобразована в договор. 16 ноября было опубликовано германо-польское коммюнике, в котором обе стороны обязались не «прибегать к насилию для разрешения существующих между ними споров». Сообщая 16 ноября советской стороне о нормализации отношений с Германией, польский представитель высказался в том смысле, что отношения с СССР завершены договором о ненападении, а с Германией только начинают развиваться³⁰¹. Если же учесть, что и польская, и германская пресса создавали впечатление о наличии каких-то неоглашенных договоренностей, понятно, что в Москве это было воспринято с опасением. Конечно, Варшава не собиралась в данный момент ухудшать отношения с СССР, и 23 ноября министр иностранных дел Ю. Бек высказал советскому полпреду в Варшаве Антонову-Овсеенко пожелание о координации политики обеих стран в Прибалтике³⁰².

Советская дипломатия решила получить дополнительные сведения о намерениях Польши в отношении Германии, поэтому когда 14 декабря Польша предложила СССР расширить контакты, Москва положительно отреагировала на это, запросила Польшу о ее отношении к планам довооружения Германии и предложила подписать декларацию о заинтересованности в неприкосновенности Прибалтики³⁰³. Тем временем Франция предложила СССР договор о взаимопомощи, и 19 декабря Москва инициировала идею многостороннего договора, которая не вызвала восторга в Варшаве, сославшейся на необходимость информирования прибалтийских стран. Польше было передано приглашение Беку посетить СССР³⁰⁴. Сведения о советско-польских контактах относительно гарантии Прибалтике вызвали негативную реакцию в Берлине, поэтому Германия пригрозила прервать начавшиеся 27 ноября переговоры с Польшей о договоре о ненападении. Естественно, 9 января 1934 г. Варшава завершила Берлин, что без его согласия она не пойдет на подписание декларации по Прибалтике. Поэтому все советские предложения о скорейшем подписании прибалтийской декларации не были поддержаны польской стороной. 11 января Польша официально уведомила Москву о переговорах с Германией и предложила отложить подписание декларации на время визита Бека в Москву в середине февраля³⁰⁵.

Польское руководство полагало, что соглашение с Германией, которое рассматривалось им в качестве выравнивания западного крена Локарнских соглашений, коренным образом изменит положение страны в Европе. 26 января 1934 г. была подписана германо-польская декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы³⁰⁶. Стороны объявили о мире и дружбе, была

свернута таможенная война и взаимная критика в прессе. В Варшаве этот документ был воспринят как основа безопасности страны и средство интенсификации великодержавных устремлений Польши. Германии удалось добиться, чтобы вопрос о границе в декларации был обойден молчанием, а попытки СССР объяснить Польше, что ее провели, естественно, не увенчались успехом. Поскольку сама декларация была очень лаконичным документом, в прессе сразу же возникли слухи о том, что к ней имеется некое секретное приложение³⁰⁷. Германско-польское соглашение вызвало опасения у их соседей, но получило одобрение Англии и Италии. Соглашение исключало Польшу из любых систем коллективной безопасности что, естественно, было на руку Германии³⁰⁸.

1 и 3 февраля Польша окончательно отказалась от подписания вместе с СССР декларации по Прибалтике³⁰⁹. Во время визита Бека в Москву 13—15 февраля 1934 г. было достигнуто соглашение о преобразовании дипломатических представительств в посольства и стороны согласились на продление срока действия договора о ненападении³¹⁰. В ходе начавшихся 25 марта переговоров польская сторона предложила продлить договор на 2 года с последующим многократным продлением, а советская сторона предложила 10-летний срок. В ответ Варшава захотела связать этот вопрос с продлением аналогичных договоров СССР со странами Прибалтики и заключением советско-румынского договора. Тогда Москва передала это предложение Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, которые через несколько дней выразили свое согласие³¹¹, вынудив Польшу 31 марта сделать тоже. Попытки Польши увязать продление договора о ненападении с признанием СССР Виленщины частью Польши не нашли поддержки в Москве, а соглашения со странами Прибалтики 4 апреля явились ударом по престижу Варшавы и подтолкнули ее 5 мая подписать протокол о продлении договора до 31 декабря 1945 г.³¹²

Тем самым Москва получила подтверждение, что у Польши нет тайного соглашения с Германией относительно территорий на востоке, поскольку договор подтверждал статью 3 Рижского договора об отсутствии территориальных претензий. Однако среди польских военных преобладало мнение о том, что СССР более сильный враг, нежели Германия³¹³. Франция довольно сдержанно отнеслась к германско-польскому соглашению, и Париж решил активизировать идею Восточного пакта. Начавшееся осенью 1933 г. обсуждение идеи Восточного пакта между Парижем и Москвой привело весной 1934 г. к появлению проекта соглашения, предусматривавшего заключение договора между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией и странами Прибалтики и советско-французского договора о взаимопомощи, связанного с Восточным пактом и Локкарнскими соглашениями. Предполагалось, что Франция оказала бы СССР помощь в случае нападения на него кого-либо из участников Восточного пакта, а советская помощь Франции осуществлялась в случае нападения на нее кого-либо из участников Локкарнских соглашений. Для Франции осуществление этого проекта было обусловлено вступлением СССР в Лигу Наций, а Москва считала обязательным участие в соглашении Франции и Польши. Однако французские зондажи Польши на предмет ее участия в проектируемом соглашении показали, что польское руководство осторожно относится к многосторонним соглашениям и опасается усиления международного влияния СССР.

Начавшиеся 19—26 мая 1934 г. франко-польские переговоры об участии Варшавы в Восточном пакте показали, что союзник Франции ведет собственную дипломатическую игру³¹⁴. Сначала польское руководство предложило включить в будущее соглашения Румынию, затем выступило против участия в нем Чехословакии, а в конце концов обязательным условием участия Польши в Восточном пакте стало участие в нем Германии. Выдвигая подобное условие, Варшава была прекрасно информирована, что Берлин не собирается участвовать в соглашении, то есть речь шла о хорошо оформленном отказе. Более того, Польша была не только против привлечения СССР к каким-либо многосторонним соглашениям в Европе, но и даже против его вступления в Лигу Наций. В данном случае сказались опасения Варшавы, что именно СССР займет освободившееся после ухода Германии из Лиги Наций место постоянного члена Совета этой организации, на которое претендовала Польша. Кроме того, польское руководство опасалось, что СССР поставит в Лиге Наций вопрос о национальных меньшинствах в Польше, и международное влияние СССР существенно возрастет, что еще больше затруднит достижение Польшей статуса великой державы. В частности, Варшава опасалась, что потеряет шансы на сплочение стран Восточной Европы под своим влиянием и ее ценность союзника в глазах Франции резко снизится.

С другой стороны, польское руководство летом 1934 г. надеялось, что у СССР возникнут трудности в отношениях с Японией, что позволило бы Варшаве занять более жесткую позицию в отношении своего восточного соседа. Понятно, что в этих условиях Москва надеялась с помощью Восточного пакта нейтрализовать Францию, Германию и Польшу, обеспечив спокойствие своих западных границ. В целом переговоры о Восточном пакте летом — осенью 1934 г. показали, что против этого соглашения выступили Англия, Германия и Польша, которые негативно восприняли эту идею. Германское руководство опасалось, что подобное соглашение сделает невозможным экспансию, а польское — утратить возможности стать великой державой из-за усиления влияния СССР в Европе. В итоге явно негативная позиция Польши в отношении Восточного пакта породила

волну слухов о секретном германо-польском сотрудничестве. Более того, подобная позиция Польши стала для Англии удобным прикрытием ее негативного отношения к этому соглашению.

Особенно Варшаву раздражало предусматривавшееся проектом соглашения право прохода войск других стран-участниц через свою территорию, которым в определенных условиях могла бы воспользоваться и Красная армия. Накануне приема СССР в Лигу Наций Польша решила показать свою значимость, хотя дипломатический нажим Англии и Франции и лишил ее возможности открыто выступить против. 4 сентября Варшава потребовала от Москвы до 7 сентября подтвердить все советско-польские договоры. Естественно, СССР не спешил выполнить эту «просьбу», хотя и ответил согласием. Позднее Польша потребовала вместо обмена нотами опубликовать коммюнике в прессе. Понятно, что чем большую спешку выказывала Варшава, тем невозмутимее вела себя Москва. В итоге вечером 10 сентября стороны согласились обменяться соответствующими нотами после приема СССР в члены Лиги Наций, и Польша заявила о возможности поддержать кандидатуру СССР³¹⁵.

18 сентября польский министр иностранных дел заявил в Лиге Наций об отказе Варшавы сотрудничать с ней в деле охраны прав меньшинств до введения подобной системы для всех стран — членов этой организации. За этим заявлением скрывалось опасение Варшавы, что Москва может поставить вопрос о правах белорусского и украинского населения Польши. Многочисленные наблюдатели расценили этот шаг Польши как прогерманский и антисоветский. 18 сентября СССР был принят в члены Лиги Наций. Тем временем переговоры о Восточном пакте окончательно зашли в тупик, поскольку ни Германия, ни Польша не согласились участвовать в этом объединении. Убийство 9 октября 1934 г. в Марселе министра иностранных дел Франции и активного сторонника Восточного пакта Л. Барту привело к тому, что отныне для Парижа эта идея стала лишь средством давления на Берлин с целью принудить его к соглашению с Францией. 1 ноября дипломатические представительства Германии и Польши были взаимно преобразованы в посольства, что, по мнению наблюдателей, было еще одним шагом на пути к их сближению. Тем временем вялотекущие франко-польские переговоры о Восточном пакте показали, что без участия Германии Польша не согласится подписать это соглашение.

Стараясь подчеркнуть свое ведущее положение в Восточной Европе, Польша осенью 1934 г. попыталась вновь надавить на Литву с целью добиться восстановления дипломатических отношений, что рассматривалось польским руководством как признание Литвой существующей польско-литовской границы. Одновременно ухудшились и польско-чехословацкие отношения. Понятно, что все эти действия Варшавы получали неизменное одобрение Берлина, всячески подчеркивавшего новое состояние германо-польских отношений.

В ходе посещения 27—31 января 1935 г. Герингом Польши³¹⁶ Варшава еще раз подтвердила свою неуступчивую позицию по проблеме Восточного пакта. Тем более что стало известно о попытках Англии вновь возродить «Пакт четырех»; это породило в Польше надежды на ее возможное приглашение в это соглашение. Англия предложила дополнить Восточный пакт «военной конвенцией», что позволяло Германии довооружиться. В этих условиях Польша спокойно восприняла германские заявления 10—16 марта 1935 г. об отказе от выполнения военных ограничений Версальского договора³¹⁷. Это односторонний шаг Германии в итоге привел к подписанию советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. Со своей стороны Польша в мае 1935 г. уведомила Францию, чтобы та не рассчитывала на автоматическую поддержку Варшавой советско-французского договора о взаимопомощи. Смерть Ю. Пилсудского 12 мая 1935 г. породила в Берлине опасения в том, что новое польское руководство вновь вернется к профранцузской политике, но уже 2—4 июля министр иностранных дел Польши Ю. Бек заверил Гитлера, что Варшава продолжит «линию 26 января 1934 г.»³¹⁸ Хотя внутри Германии реваншистская пропаганда никогда не прекращалась, польское руководство воспринимало ее преимущественно как уступку нацистского руководства консервативным кругам германского общества. 24 ноября стороны подписали торговый договор, предоставив друг другу режим наибольшего благоприятствования. Все время германское руководство напоминало Варшаве, что именно антисоветизм является надежной основой германо-польской дружбы, тем самым Германия добивалась невозможности польско-советского сближения.

Подписание договоров о ненападении с СССР и Германией позволяло, по мнению польского руководства, занять более жесткую позицию по ряду международных проблем, демонстрируя свои великодержавные устремления. Развитие событий во второй половине 1930-х годов показало, что позиция Польши, как правило, была ближе к позиции Германии и резко расходилась с позицией СССР. Особенно наглядно это проявилось в ходе обсуждения идеи Восточного пакта, в реакции Варшавы на известие о заключении 2 мая советско-французского и 16 мая советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, а также в отношении Гражданской войны в Испании³¹⁹. Причем в первом случае именно позиция Польши стала одной из причин того, что Франция отказалась от заключения военной конвенции с СССР. В январе 1936 г. французское военное министерство констатировало, что «военный союз с Польшей несовместим с русским военным союзом. Нужно выбирать»³²⁰. Как известно, Париж выбрал Варшаву, а не Москву.

В феврале 1936 г. Польшу посетил министр Третьего рейха Г. Франк, в очередной раз продемонстрировавший германо-польскую дружбу. Занятие германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны и нарушение Локарнских договоренностей не вызвало у Польши никаких возражений, тем более что Франция не предприняла никаких контрмер. Предложив Англии, Франции, Бельгии и Италии заключить договоры о ненападении на 25 лет, Германия ссылаясь на аналогичное соглашение с Польшей 1934 г. Отказ от Локарнских соглашений ликвидировал и договор о гарантиях между Францией и Польшей, а также германо-польский арбитражный договор, замененный соглашением от 26 января 1934 г. 24 июля 1936 г. Германия ввела двухлетний срок службы в армии, а Польша решила добиваться франко-германо-польского соглашения.

В отношениях с Германией Польша поддерживала ее антикоммунистическую деятельность и благосклонно оценила создание Антикоминтерновского пакта. И хотя Варшава уклонилась от предложений вступить в этот пакт и установить более тесные связи с Германией на антисоветской основе, ее отказ был обусловлен традиционным стремлением сохранить возможность дальнейшего лавирования с целью достижения статуса великой державы³²¹. Основой великодержавной политики Польша считала создание союза с Румынией, Югославией, Венгрией и Италией, опираясь на который Варшава рассчитывала продолжать «политику равновесия» в отношении Берлина и Москвы. Понятно, что Германия и СССР по разным причинам противодействовали этим устремлениям Польши, пытаясь в то же время использовать некоторые дипломатические шаги Варшавы в своих интересах. Польское руководство считало главным препятствием для реализации плана «Третьей Европы» Чехословакию и приложила немало усилий для изоляции ее внутри Малой Антанты. Кроме того, польская дипломатия поддерживала те действия Югославии и Румынии, которые вели к отходу от французской системы союзов и к налаживанию контактов с Венгрией. Но до конца 1930-х годов эти устремления Польши так и не были полностью реализованы.

Со своей стороны Германия, приступая к ревизии территориальных установлений Версальского договора, была заинтересована в нейтралитете Англии и Польши. Поэтому в 1936—1937 гг. Берлин неоднократно демонстрировал Варшаве свое расположение. 5 ноября 1937 г. была подписана германо-польская декларация об отношении к национальным меньшинствам, которая формально означала урегулирование важной проблемы двусторонних отношений. В то же время Берлин уверял Варшаву, что статус Данцига останется неизменным, как и сохранение всех прав Польши в «свободном городе». Все это расценивалось в Варшаве как явное подтверждение стремления Германии к дальнейшей нормализации отношений с Польшей, которое могло привести как минимум к благожелательному нейтралитету Польши, а как максимум — к германо-польскому союзу. Кроме того, Германия активизировала антикоммунистическую и антисоветскую риторику, которая встречала вполне благожелательный прием в Варшаве, хотя дальше общих разговоров дело пока не шло.

По пути экспансии

Вместе с тем следует помнить, что польское руководство совершенно неправильно оценивало ситуацию в Германии, считая, что нацистский режим слаб и не представляет серьезной угрозы. Поэтому Варшава, еще 14 января 1938 г. поставленная Берлином в известность о готовящемся аншлюсе, спокойно отреагировала на события 11—12 марта 1938 г., расценив их как «внутреннее дело Австрии». Как и другие европейские страны, Польша не предприняла никаких действий, молчаливо признав расширение территории Третьего рейха³²². Более того, усиление ревизионистских настроений в международной политике Варшава попыталась использовать в своих интересах. 11 марта 1938 г. на литовско-польской демаркационной линии был обнаружен труп польского солдата. 13 марта Польша возложила ответственность за это на Литву и отклонила ее предложение о создании смешанной комиссии для расследования инцидента. Польская сторона намекала Каунасу, что ожидает восстановления дипломатических отношений, что, по мнению польского руководства, стало бы основой признания Литвой существующей границы и включения Виленщины в состав Польши. В польской прессе была развернута кампания с призывами проучить Литву и организовать поход на Каунас.

Естественно, Германия и СССР решили высказать свое мнение. 16 марта германская сторона уведомила Варшаву, что ее интересы в Литве ограничиваются лишь Мемелем (Клайпедой), а в остальном Польше предоставляется полная свобода рук. Правда, германское руководство предприняло ряд мер, которые позволяли бы в случае польско-литовской войны оккупировать Мемель и некоторые другие территории Литвы. Литве Германия посоветовала принять польский ультиматум, а Польшу просили своевременно информировать Берлин о дальнейших шагах в отношении Каунаса. Вечером 16 марта М.М. Литвинов пригласил к себе польского посла в Москве В. Гжибовского и заявил ему, что СССР заинтересован в разрешении польско-литовского спора «исключительно мирным путем и что насильственные действия могут создать опасность на всем востоке Европы»³²³. В ночь на 17 марта Литве был предъявлен польский ультиматум с требованием восстановить дипломатические отношения. Согласие Каунаса должно было быть

выражено в течение 48 часов, а аккредитация дипломатов состоится до 31 марта, в противном случае Варшава угрожала применить силу. 18 марта Москва посоветовала Каунасу «уступить насилию», поскольку «международная общественность не поймет литовского отказа». 18 марта советская сторона еще раз указала Польше, что заинтересована в сохранении независимости Литвы и выступает против развязывания войны. В условиях, когда Франция также просила Польшу не доводить дело до войны, польская сторона несколько смягчила условия своего ультиматума³²⁴.

В отечественной историографии эти события оцениваются противоречиво. В.Я. Сиполс считает, что от захвата Польшей Литвы «спасло только энергичное вмешательство СССР»³²⁵. С. З. Случ, напротив, полагает, что от СССР «никакой поддержки Литва в тот момент не получила»³²⁶. Видимо, как это часто бывает, оба мнения являются крайними оценками сложившейся ситуации. Представляется, что утверждение об отсутствии поддержки Советским Союзом Литвы было бы справедливо, если советская дипломатия вообще никак не отреагировала бы на события вокруг Литвы. С другой стороны, советское вмешательство и не могло быть чрезмерно энергичным, ибо это означало бы прямое втягивание СССР в польско-литовский конфликт. Это, в свою очередь, непременно привело бы к ухудшению и так не простых советско-польских отношений и лишь подтолкнуло бы Варшаву в объятия Берлина, чего Москва в любом случае стремилась избежать. Если же учесть, что в это время СССР активно участвовал в Гражданской войне в Испании, а Англия и Франция никак не отреагировали на аншлюс Австрии и демонстрировали «невмешательство» в испанскую войну, в которой широко участвовали Германия и Италия, совершенно очевидно, что никаких других действий, кроме ясных, но достаточно спокойных дипломатических заявлений о своих интересах на юге Прибалтики советская сторона просто не могла себе позволить. Как, впрочем, не могла позволить себе и промолчать. Вполне возможно, что такая позиция Москвы была оценена в Варшаве и Берлине как весьма ограниченная возможность повлиять на развитие событий в Восточной Европе³²⁷, но основой этой оценки послужили не столько действия СССР в польско-литовском конфликте, сколько в гораздо большей степени общеевропейская ситуация и позиция Англии и Франции в отношении СССР.

Как известно, после аншлюса Австрии германское руководство полагало, что настало время для решения Чехословацкого вопроса. Используя наличие немецкого национального меньшинства в приграничных районах Чехословакии, Германия в октябре 1933 г. организовала там «Отечественный фронт судетских немцев» (ОФСН) во главе с К. Генлейном, которому предстояло стать главным инструментом в актуализации чехословацкого вопроса. По указанию Берлина, полученному еще в конце марта, на съезде ОФСН в Карловых Варах 23—24 апреля 1938 г. были выдвинуты требования к чехословацкому правительству преобразовать государство на федеральных началах, разрешить свободную пропаганду немецкого мировоззрения (нацизма), разорвать договор о взаимопомощи с СССР и подчинить внешнюю политику Чехословакии Германии. Тем самым под лозунгом права наций на самоопределение был дан толчок чехословацкому кризису.

События, приведшие к Мюнхенскому соглашению, достаточно хорошо изучены³²⁸, поэтому здесь следует остановиться лишь на тех из них, которые касаются нашей темы. Как известно, определяющим фактором развития международных отношений в Европе были отношения между Англией, Францией, Германией и Италией. Именно Англия стала той силой, которая попыталась модернизировать Версальскую систему путем создания нового баланса сил в континентальной Европе. Результатом этой английской политики стало попустительство любым действиям Германии, начиная с ее ухода из Лиги Наций в октябре 1933 г. Нежелая способствовать созданию предложенной Францией системы коллективной безопасности в Европе, Лондон фактически поддержал непримиримую позицию Польши и Германии в отношении Восточного пакта. Даже, когда в марте 1935 г. Германия открыто нарушила военные ограничения Версальского договора, Англия, хотя и осудила эти ее действия, пошла на двусторонние переговоры по военно-морским проблемам, в итоге которых Германия получила легальную возможность создать военно-морской флот. Главным побудительным мотивом английского руководства было недопущение углубления кризиса в Европе, что должно было позволить Англии сохранить ее международное влияние.

Расчитывая на создание соглашения великих держав Европы под своей эгидой, Англия опасалась, что крах фашистского режима в Италии и нацистского режима в Германии приведет к большевизации этих стран и тем самым резко усилит угрозу позициям Лондона. Поэтому, несмотря на иногда довольно резкую риторику относительно действий Италии и Германии, Англия старалась держать все двери открытыми для соглашения с ними. Именно этим объясняется тот факт, что, когда вермахт занял Рейнскую зону, Лондон всячески удерживал Париж от каких-либо контрмер. В ходе обсуждения этого вопроса в Совете Лиги Наций 14—19 марта 1936 г. было решено воздержаться от каких-либо действий. Советское предложение от 17 марта о готовности поддержать любые действия Лиги Наций³²⁹, естественно, осталось без ответа. Если же учесть, что 16 февраля к власти в Испании пришел Народный фронт, воспринимавшийся консервативным

английским руководством чуть ли не как большевизация страны, то позиция Англии будет вполне логичной. Антикоммунистическая риторика Берлина находила благосклонных слушателей на берегах Темзы. Поэтому, когда в Испании 18 июля 1936 г. началась гражданская война и республиканскому правительству пришлось практически заново создавать сухопутную армию, именно Англия под предлогом опасности войны с Германией и Италией оказывала давление на Францию, чтобы та не продавала Мадриду оружие.

Запугивая Францию угрозой своего нейтралитета в случае обострения франко-итальянских и франко-германских отношений, Лондон добился от Парижа поддержки своей политики «невмешательства» в испанские события. Понятно, что итало-германская помощь Франко не была ни для кого секретом, как, впрочем, и то, что Англия и Франция закрывают глаза на это откровенное нарушение политики «невмешательства». Однако когда в октябре 1936 г. СССР заявил о своей поддержке Мадрида, это вовсе не улучшило его отношений с Англией и Францией. Продолжая политику «невмешательства», западные страны обычно ссылались на угрозу войны с Германией и Италией и на свою военную слабость. Это, впрочем, не помешало им, когда в августе — сентябре 1937 г. «неизвестные» (итальянские) подводные лодки напали на английские суда недалеко от Испании, проявить твердость. На конференции средиземноморских стран и СССР в Нионе 14 сентября было решено топить все подводные лодки, которые не обозначат своей национальной принадлежности по первому требованию. И инциденты с «неизвестными» подводными лодками, как по команде, прекратились. Все это лишний раз свидетельствует, что только одной угрозы со стороны Англии и Франции было бы достаточно, чтобы привести в чувство и Рим, и Берлин. Однако жесткая позиция в отношении Германии создавала угрозу краха нацистского режима, что было, по мнению английского руководства, гораздо более серьезной угрозой, нежели германская экспансия, которую вполне можно было направить в восточном направлении.

В этот момент идея втянуть СССР в войну с Германией или Японией стала в Лондоне буквально идефикс. Например, в ходе Брюссельской конференции, посвященной событиям в Китае, Советскому Союзу было предложено провести мобилизацию и предпринять воздушные налеты на Токио, тогда как Англия и США собирались ограничиться военно-морской демонстрацией. Сама же Англия отказалась ограничить экспорт военных материалов в Японию, поскольку это ударило бы по карману очень влиятельных людей. Не случайно в ходе контактов с германским руководством 19 ноября 1937 г. лорд-председатель Королевского тайного совета Англии Э. Галифакс, а 2 декабря английский министр иностранных дел А. Иден уведомили Берлин, что Лондон не против ревизии границ в Восточной Европе, но считает непереносимым условием недопущение войны. Французское руководство фактически поддержало эту английскую позицию³³⁰. Тем самым Берлину указывали на возможность соглашения с Западом, или, как заявил 21 февраля 1938 г. английский премьер-министр Н. Чемберлен, «мир в Европе должен зависеть от позиции главных держав Германии, Италии, Франции и нашей собственной»³³¹. Иными словами, Германия получила карт-бланш на любые действия в Восточной Европе, не приводящие к открытой войне. Естественно, что в этих условиях германское руководство решило активизировать свою внешнюю политику в отношении соседей. Как известно, захват Австрии Германией не встретил каких-либо возражений в Англии и Франции, хотя и был прямым нарушением Версальского и Сен-Жерменского договоров, под которыми стояли их подписи.

Понятно, что подобная позиция Англии и Франции лишь раззадорила Германию, и было решено перейти к решению Чехословацкого вопроса. Еще в конце 1936 г. Берлин предлагал Праге договор о вечном мире и праве Германии на поддержку соотечественников в Судетах, но чехословацкое руководство отклонило это предложение. В ходе аншлюса Германия заверила Чехословакию, что ей ничто не угрожает. Тем более что 14 марта 1938 г. Франция заявила, что в случае нападения на Чехословакию она поддержит ее. 24 марта Англия также наметнула Берлину, что в случае французского вмешательства будет вынуждена поддержать Париж. Вместе с тем советское предложение от 17 марта о созыве конференции для обсуждения создавшегося положения было отклонено Англией. Поэтому после того, как стало ясно, что западные державы молча признали факт устранения Австрии с политической карты Европы, античешская пропаганда, начавшаяся в Германии еще весной 1937 г., резко активизировалась. В Судетах ОФСН развернул шумную кампанию борьбы за права нацменьшинств.

Военное планирование операции против Чехословакии началось в Германии как минимум с лета 1935 г. Как отмечалось в директиве «О единой подготовке вооруженных сил к войне» от 24 июня 1937 г., вермахт должен быть готов к тому, чтобы «быстро, внезапно, собрав в кулак всю свою мощь, осуществить вторжение в Чехословакию и чтобы при этом на Западе оставался только минимум сил в качестве тылового прикрытия этой наступательной операции. Цель и задача этой операции... должна состоять в следующем: разгромив вооруженные силы противника и овладев Богемией и Моравией, заблаговременно и на весь период войны ликвидировать угрозу нападения Чехословакии с тыла, чтобы развязать себе руки для ведения войны на Западе и отнять у русской авиации важнейшую часть ее операционной базы, которая могла бы располагаться на территории

Чехословакии»³³². То есть первоначально война с Чехословакией рассматривалась германским руководством как составная часть конфликта Германии с Францией и СССР. Однако по мере уточнения позиций Англии и Франции происходила конкретизация германских военных планов.

Уже 7 декабря 1937 г. германское командование констатировало, что «процесс изменения внешнеполитической обстановки все более отодвигает на задний план» действия против Франции, «повышая вероятность применения вермахта» для изолированного решения чехословацкой проблемы³³³. Чуть позже, 21 декабря, вермахт получил уточненный план операции «Грюн». Теперь считалось, что, как только вооруженные силы Германии будут готовы к войне, а на западной границе будут созданы укрепления, способные сдержать французское наступление, возникнет благоприятная обстановка для разгрома Чехословакии. «Если благоприятная для нас обстановка не возникнет, или если она будет развиваться в нашу пользу медленно, тогда осуществление нами плана «Грюн» должно быть отложено еще на несколько лет. Но если вследствие опасений Англии перед всеобщей европейской войной, ее незаинтересованности в делах Центральной Европы, или в результате конфликта, который может вспыхнуть между Италией и Францией на Средиземном море, возникнет ситуация, при которой против Германии никто, кроме России, не выступит на стороне Чехословакии, то план «Грюн» будет приведен в действие еще до того, как Германия достигнет полной готовности к войне»³³⁴.

Совершенно очевидно, что подобные изменения в оценках внешнеполитической ситуации стали результатом англо-германских и франко-германских контактов в ноябре 1937 г. Спустя 4 месяца германское военно-политическое руководство решило, что эти благоприятные для разгрома Чехословакии условия возникли, и 21 апреля 1938 г. на совещании Гитлера и начальника штаба Верховного командования вермахта (ОКВ) генерала В. Кейтеля речь шла уже о конкретном планировании операции «Грюн». Через месяц, 20 мая, военные представили Гитлеру проект плана операции, который был им утвержден с некоторыми изменениями 30 мая 1938 г. Вермахт должен был быть готов к операции не позднее 1 октября 1938 г.³³⁵ Хотя в директиве громко заявлялось, что «моим непоколебимым решением является разбить Чехословакию в ближайшем будущем путем проведения военной кампании», но уже 18 июня в новом проекте директивы вермахту Гитлер отмечал: решение о начале операции «я приму... лишь в случае, если буду твердо убежден, как это имело место при занятии демилитаризованной зоны и при вступлении войск в Австрию, что Франция не выступит против нас и это не повлечет за собой вмешательства Англии»³³⁶. То есть германское руководство прекрасно понимало, что его действия в Чехословацком вопросе полностью зависят от позиции западных держав.

Весной 1938 г. Англия и Франция заняли прогерманскую позицию, потребовав от Праги договориться с Генлейном. Основной целью Англии было заплатить Чехословакией за соглашение с Германией, а заодно разрушить систему французских союзов в Восточной Европе и изолировать Советский Союз. Для этого Англия стремилась создать у Праги впечатление, что уступки ОФСН позволят ей получить поддержку на Западе. Кроме того, следовало объяснить чехословацкому руководству, что советская помощь невозможна, а главное, нежелательна. Собственно, подобная позиция не вызывала в Праге каких-либо возражений. Как заявил 7 мая 1938 г. в беседе с британским послом в Праге Б. Ньютоном президент Э. Бенеш, он давно хотел достичь соглашения с Германией, однако при условии сохранения Чехословакией отношений с Западом. По его мнению, «отношения Чехословакии с Россией всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия будет всегда следовать за Западной Европой, и будет всегда связана с ней, и никогда не будет связана с Восточной Европой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться лишь при посредстве Запада и с его согласия»³³⁷.

Однако выраженная Прагой готовность к уступкам вовсе не устраивала берлинских покровителей Генлейна, и 15—21 мая ОФСН организовал инциденты в приграничных районах. Со своей стороны германская пресса подняла шумиху относительно преследований соотечественников в Чехословакии, появились слухи о сосредоточении вермахта на южных границах Третьего рейха. Опасаясь германского вторжения, Прага объявила частичную мобилизацию, что позволило увеличить армию со 195 тыс. до 371 тыс. человек. Англия и Франция были вынуждены 21—22 мая заявить Германии, что ей следует проявить терпение и не ввергать Европу в войну, которая неизбежно возникнет в случае ее нападения на Чехословакию, поскольку западные союзники поддержат Прагу. Одновременно от Праги потребовали демобилизовать войска и достичь соглашения с Генлейном. Для оказания влияния на чехословацкое руководство 21 июня Праге в качестве посредника на переговорах с ОФСН был предложен лорд Ренсимен. В итоге переговоров, которые фактически были цепью уступок чехословацкого правительства, Генлейну 5 сентября удалось добиться согласия Праги на все его требования. Это вызвало недовольство в Берлине, поскольку создавалось впечатление, что Судетский вопрос будет решен в рамках Чехословакии. Поэтому в Остраве был спровоцирован инцидент ОФСН с полицией, что позволило Генлейну приостановить переговоры с Прагой. Тем временем английская пресса на все

лады расписывала важность сохранения мира путем решения национального вопроса судетских немцев, подготавливая общественное мнение к изменению границ Чехословакии.

Приступая к реализации своей экспансионистской программы в отношении Чехословакии, Германия была заинтересована в привлечении и других стран в качестве союзников или соучастников ее раздела. В данном случае такими странами могли стать Польша и Венгрия, отношения которых с Чехословакией были далеки от дружеских. Венгеро-чехословацкие отношения определялись тем, что Чехословакия как участник Малой Антанты была гарантом Трианонского договора, определявшим положение Венгрии после Первой мировой войны, а также наличием в Словакии венгерского нацменьшинства. Польско-чехословацкие отношения в межвоенные годы развивались очень непросто. Еще в ходе территориального передела Восточной Европы после Первой мировой войны, как уже отмечалось, интересы Варшавы и Праги столкнулись при решении вопроса о Тешинской Силезии. Поскольку в итоге Антанта решила этот вопрос в пользу Чехословакии, польское руководство затаило обиду. Кроме того, Варшава видела в Чехословакии главное препятствие тому, чтобы именно Польша заняла ведущее положение в Восточной Европе и добилась статуса великой державы. Именно в пику Праге Варшава поддерживала хорошие отношения с Будапештом. Особенно наглядно польско-чехословацкие проблемы проявились в 1930-е годы в условиях нарастания кризиса Версальской системы.

Еще осенью 1932 г. Прага предложила Варшаве подписать политический и подготовить военный договор, что, естественно, вызвало одобрение Франции, но польская сторона промолчала. Еще раз Чехословакия предлагала Польше переговоры в период обсуждения вопроса о «Пакте четырех», но и в этот раз Варшава предпочла нормализовать свои отношения с Берлином, а не с Прагой. Правда, чехословацкая сторона тоже не спешила идти дальше общих разговоров. В ноябре 1933 г. уже Варшава предложила Праге военное соглашение, но все так и закончилось на уровне зондажа. В начале 1934 г. польская пресса развернула кампанию в связи с 15-летием событий в Тешине, что, естественно, вызвало озабоченность чехословацкого руководства, подозревавшего, что существует тайная договоренность о германо-польском сотрудничестве. Осенью 1934 г. в Польше были проведены военные маневры, на которых отработывались действия в случае распада Чехословакии или ее капитуляции перед Германией. Недовольство польского руководства, которое постоянно опасалось угрозы своим позициям в Восточной Европе, привело к тому, что Чехословакия признала Советский Союз де-юре и устоявила с ним дипломатические отношения.

Польша настоятельно отнеслась к сообщениям о советско-чехословацких переговорах о договоре о взаимопомощи. 7 мая 1935 г. Прага уведомила Варшаву: «а) в ближайшее время будет заключен договор о взаимной помощи с Советской Россией; б) он идентичен с франко-советским договором, и с чехословацкой стороны намерено поступали так, чтобы это не затронуло Польшу, т.е. чтобы договор ни в чем не был обращен против Польши». Оговорка о вводе в действие советско-чехословацкого договора о взаимопомощи только после того, как помощь Чехословакии окажет Франция, была внесена чехословацкой стороной, которая опасалась, что Польша, будучи союзником Франции, может оказаться в состоянии войны с СССР. 3 августа 1935 г. на заседании исполкома Чешской национально-социалистической партии Э. Бенеш сообщил, что отклонил советское предложение о гарантиях при нападении Польши на Чехословакию³³⁸. Но ни эти сообщения, ни попытки Франции стать посредником в отношениях между ее союзниками не изменили позицию польского руководства. Во второй половине 1935 г. польско-чехословацкие отношения еще больше охладели: в мае чехословацкий посол в Варшаве, а в октябре польский посол в Праге отправились «в отпуск». Нарастание межнациональных проблем в Чехословакии воспринималось польским руководством как признак ее слабости. Понятно, что Германия всячески убеждала Польшу, что, заключив договор с СССР, Чехословакия стала его вассалом и рассадником коммунизма. В этих условиях 13 ноября 1935 г. польские дипломаты в Праге получили задачу собирать античешские материалы.

В период занятия вермахтом Рейнской демилитаризованной зоны Польша и Чехословакия были готовы поддержать Францию, но пассивная позиция Парижа заставила его восточноевропейских союзников задуматься о будущем. Польское руководство решило продолжать лавирование между великими державами, а чехословацкое руководство — ориентироваться на Францию. Со своей стороны Париж попытался добиться отставки Бека с поста министра иностранных дел и побудить Варшаву к расширению сотрудничества с Москвой и Прагой. Однако ни одна из этих целей достигнута не была, а все попытки Чехословакии при посредничестве Франции добиться сближения с Польшей наткнулись на стену молчания. Единственное, чего удалось добиться Франции, было возвращение из «отпусков» послов сторон. Во взаимных отношениях Прага и Варшава руководствовались совершенно разными интересами. Чехословакия была заинтересована всего лишь в нормальных и добрососедских отношениях с Польшей, тогда как Варшава желала получить Тешин, добиться независимости Словакии и передачи Закарпатья Венгрии. Понятно, что интересы сторон были несовместимы. По мере снижения французского влияния в Восточной Европе росло влияние Германии. Осенью 1936 г.

Прага зондировала Берлин на предмет антикоминтерновского соглашения. Со своей стороны Варшава в декабре 1937 г. заявила Франции, что Чехословакия является плацдармом коммунистической деятельности против Польши, и отказалась от французского посредничества.

По разные стороны баррикад

В этих условиях Германия полагала, что захват Чехословакии приведет к тому, что Польша останется нейтральной в случае германо-французского столкновения. Естественно, Берлин всячески старался использовать античехословацкий комплекс Варшавы. Прибывший с визитом в Берлин Бек 14 января 1938 г. согласился с планами устранения Чехословакии, а 16 февраля он был уведомлен, что после Австрии настанет черед Чехословакии. В феврале в Варшаву с визитом прибыл глава Венгрии М. Хорти, что явилось польско-венгерской античехословацкой демонстрацией. Понятно, что Польша не собиралась безучастно взирать на развитие событий, поэтому, когда 23 февраля в Варшаву прибыл Геринг, Бек просил его согласовывать с Польшей дальнейшие шаги в отношении Праги. Зная о приготовлениях Германии к решению чехословацкого вопроса, Польша дала своим дипломатам в Праге задание установить контакты с судетскими немцами и активизировать деятельность польского меньшинства в Чехословакии. То есть с февраля 1938 г. речь пошла о создании единого германо-польско-венгерского античехословацкого фронта. Польское руководство полагало, что в результате распада Чехословакии оно сможет усилить свое влияние на Словакию. В марте Варшава потребовала от Праги прекратить коммунистическую деятельность, направленную против Польши. 26 марта в Тешине был создан Союз поляков, целью которого было добиться для поляков такого же положения в Чехословакии, как и для немцев.

29 апреля 1938 г. Прага предложила Варшаве нормализовать экономические отношения, но Польша отказалась. 4 мая Чехословакия уведомила Польшу, что новое законодательство о нацменьшинствах будет распространяться и на польское население. Со своей стороны польское руководство заняло уклончивую позицию и стало лавировать между Германией и Англией с Францией. 12 мая СССР заявил о готовности поддержать Чехословакию при условии прохода Красной армии через Польшу или Румынию, которые, естественно, заявили о своем негативном отношении к этому варианту развития событий. В отношении Германии Польша заняла довольно благожелательную позицию, заявив, что в случае франко-германского столкновения останется нейтральной и не будет выполнять франко-польский договор, поскольку он предусматривает лишь оборону от Германии, а не нападение на нее. Кроме того, Польша категорически отказывалась поддержать Чехословакию и тем более Советский Союз. В то же время Прага вновь попыталась наладить диалог с Варшавой, известив ее 25 мая об ограничении деятельности коммунистического движения.

22—27 мая в ответ на запрос Франции о позиции Польши в случае нападения Германии на Чехословакию Варшава заявила, что не станет вмешиваться. Если же Прагу поддержат Лондон и Париж, то Варшава прежде всего проанализирует ситуацию, поскольку не брала на себя обязательств помогать Западу. Однако Польша не пропустит через свою территорию Красную армию или советские ВВС для оказания помощи Чехословакии и требует одновременного решения вопроса о Судетах и Тешине. Кроме того, польская сторона упрекнула Францию за вмешательство в польско-литовский конфликт³³⁹. Тем не менее в конце мая польское руководство решило, что если Чехословакия будет выдана Германии, то Польша потребует передачи ей Тешина, а если возникнет европейская война, то Польша дистанцируется от Германии. 5 июня СССР запросил Францию о ее реакции в случае советского удара по Польше, если она нападет на Чехословакию, но внятного ответа из Парижа так и не было получено. Стараясь обеспечить свою внешнюю торговлю, которая теперь переориентировалась в основном на польские железные дороги, Прага в начале июня предложила Варшаве 5 млрд злотых в качестве кредита для закупки сырья и военных материалов. Однако польское руководство посчитало, что территориальные приобретения предпочтительней, и польская пресса активизировала античешскую кампанию. В июле Польша усилила давление на Чехословакию, требуя недопускать деятельности Коминтерна на ее территории, что вынудило Прагу оправдываться. Вместе с тем Польша старалась внушить Англии, что без Варшавы решить чехословацкий вопрос не удастся, и через миссию Ренсимена доводила свои требования до сведения Праги.

По мере того как позиция Англии и Франции в отношении Чехословакии становилась все яснее, польско-германское сотрудничество набирало темп. 11 августа Польша уведомила Германию, что не пропустит Красную армию через свою территорию, а также воздействует на Румынию, но настаивает на создании общей польско-венгерской границы³⁴⁰. 24 августа до сведения Берлина было доведено мнение польского руководства, согласно которому Закарпатье и Словакия должны были быть переданы Венгрии, Тешин — Польше, а все остальное — Германии. Подобная позиция Варшавы произвела впечатление на Англию, которая в сентябре стала чаще заявлять о необходимости решения Тешинского вопроса. За этим без труда угадывалось стремление Лондона оторвать Варшаву от Берлина. В свою очередь, эта английская позиция

активизировала польский нажим на Прагу. Уже 15 сентября Варшава решила требовать от Англии распространения плебисцита на Тешин. Тем самым Польша поддержала позицию Германии на переговорах Гитлера с Чемберленом.

11 сентября Англия заявила, что в случае войны она и Франция поддержат Чехословакию, но если Германия не допустит войны, то она получит все, что хочет. Со своей стороны Гитлер, выступая 12 сентября на партийном съезде в Нюрнберге, заявил, что хочет жить в мире с Англией, Францией и Польшей, но будет вынужден поддержать судетских немцев, если их притеснение не прекратится. 13—14 сентября ОФСН попытался захватить власть в приграничных районах. В ответ на это Прага ввела там военное положение и выступления ОФСН были подавлены. В ходе беспорядков погибли 11 немцев и 16 чехов и были ранены 14 немцев и 61 чех³⁴¹. На фоне этих событий 13 сентября Чемберлен предложил Гитлеру встречу и 15 сентября прибыл в Берхтесгаден. В ходе переговоров Гитлер потребовал аннексии приграничных районов Чехии. 17 сентября было объявлено о формировании «Добровольческого корпуса судетских немцев», организовавшего 140 инцидентов на границе с Чехословакией, в ходе которых были убиты 95 чехов, захвачено на чехословацкой территории и вывезено в Германию 2,6 тыс. человек, потери корпуса составили 49 человек³⁴².

19 сентября Англия и Франция потребовали от Чехословакии передать Германии районы с более чем 50% немецким населением. Со своей стороны Лондон обещал предоставить Праге международные гарантии при условии ее отказа от существующих договоров с Францией и СССР³⁴³. 20 сентября Чехословакия согласилась с англо-французскими требованиями, но предложила оформить их арбитражем на основе германо-чехословацкого договора 1925 г.³⁴⁴ В ночь на 21 сентября Добровольческий корпус захватил город Аш, а отряды СС и СА — Эгер. В 19.00 21 сентября Польша потребовала от Чехословакии передать ей Тешин. Спешка Варшавы объяснялась стремлением не оказаться в стороне от возможного сближения Англии, Франции, Германии и Италии, а также нежеланием просить Тешин у Германии. В польских требованиях никакого срока указано не было, чтобы не раздражать Запад и Германию. Кроме того, польские дипломаты в Париже и Лондоне настаивали на равном подходе к решению судетской и тешинской проблем.

Получив польский ультиматум, Прага попыталась оказать давление на Варшаву с помощью Москвы, которую попросила о поддержке³⁴⁵. Вместе с тем уже вечером 22 сентября Чехословакия уведомила Польшу о согласии передать ей Тешин. Около 4 утра 23 сентября советская сторона обратила внимание польского представителя в Москве на то, что в случае вторжения польских войск в Чехословакию СССР денонсирует пакт о ненападении от 1932 г.³⁴⁶ Понятно, что в условиях, когда дело явно шло к разделу Чехословакии, Варшава ответила, что «меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения»³⁴⁷. По сути, это был совет не лезть не в свое дело. Польская пропаганда продолжала упрекать Чехословакию в том, что она стала коминтерновским плацдармом, а современный кризис — результат не германской агрессии, а слабости Чехословакии. Широко популяризировались слова Пилсудского о том, что «искусственно и уродливо созданная Чехо-Словацкая республика не только не является основой европейского равновесия, наоборот, является его слабым звеном»³⁴⁸.

22 сентября Чемберлен прибыл в Годесберг к Гитлеру и предложил передать Германии территории с 65% немецкого населения с правом выбора гражданства и компенсации за имущество. Гитлер потребовал передать Германии эти территории до 28 сентября и удовлетворить претензии Польши и Венгрии. 24—26 сентября Англия и Франция вели переговоры о возможной реакции на германские требования. Тем временем Прага попыталась начать переговоры с Польшей, но стороны действовали с оглядкой на великие державы, и все остановилось на стадии зондажей. В Польше был создан Добровольческий корпус для освобождения Тешина, и в ночь на 26 сентября польский отряд совершил налет на город Фриштадт. Естественно, что польская пресса захлебывалась протестами против организованных чехословаками инцидентов. На запрос Берлина 27 сентября о позиции Польши в случае войны Варшава не ответила, но заявила, что «никогда не будет сотрудничать с Советским Союзом, поскольку он вмешивается в европейские дела. Это непреклонная линия польской политики»³⁴⁹. Сравнение германских и польских претензий на чехословацкие территории 28 сентября показало, что обе стороны претендуют на город Богумин. В итоге Германия заявила о согласии уступить город полякам, но окончательное решение должна была принять конференция в Мюнхене.

27 сентября Гитлер предложил Англии гарантировать независимость той территории, которая останется у Чехословакии после передачи приграничных районов Германии. 28 сентября Англия предложила провести международную конференцию. Польша надеялась, что ее наконец-то пригласят в Мюнхен, но Англия отклонила эту идею, сославшись на то, что Варшава и Прага уже обо всем договорились. Узнав об этом, Варшава 29 сентября потребовала от Праги ответа на ноту от 27 сентября, которой она требовала передачи ей Тешина и проведения плебисцита в районах

проживания поляков в Чехословакии. Прага вновь ответила принципиальным согласием, но стремление Варшавы решить все проблемы в период Мюнхенской конференции провалились. Тем временем 29—30 сентября в ходе конференции Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене было выработано соглашение по чехословацкому вопросу, удовлетворившее все претензии Третьего рейха. Было решено передать Германии приграничные районы Чехословакии до 10 октября. Право населения передаваемых районов на оптацию было провозглашено, но не выполнялось. Провозглашенные международные гарантии так и не были оформлены, поскольку Англия уклонилась от этого³⁵⁰.

Одновременно 30 сентября Англия и Германия подписали соглашение о ненападении и консультации. Кроме того, Англия просила Германию и Италию поддержать идею о том, чтобы дать Франции возможность достичь перемирия в Испании. То есть фактически речь шла о признании Франко, хотя Лондон и Париж имели дипломатические отношения с Мадридом. Понятно, что Гитлер не стал возражать. Своей подписью под Мюнхенским соглашением Франция нарушала франко-чехословацкий договор от 21 января 1924 г. и Локарнский договор от 16 октября 1925 г. В результате «отступничество Франции, о котором теперь было объявлено во всеуслышание, заставило малые страны вернуться к Гитлеру в надежде не все потерять»³⁵¹. Кроме того, было признано право Польши и Венгрии на территориальное урегулирование с Чехословакией.

Со своей стороны Чехословакия предложила Польше в течение двух месяцев согласовать вопросы о передаче территорий. Тогда Варшава 30 сентября направила в Прагу ультиматум с требованием принять польские условия до 12.00 1 октября и выполнить их в течение 10 дней, при этом Тешин должен был быть занят польскими войсками в первой половине дня 2 октября. Хотя Англия и Франция заявили Польше протест, они надавили на Прагу, склоняя ее к соглашению. Со своей стороны Германия на польский запрос о ее позиции в случае польско-чехословацкой войны 1 октября ответила, что займет сочувствующую позицию, а если вмешается СССР, то позиция Германии будет «значительно дальше сочувствующей»³⁵². Или, как сообщил в Варшаву польский посол в Берлине, по мнению Геринга, «в случае осложнения с Россией Польша может рассчитывать на самую эффективную помощь со стороны Германии»³⁵³. 1 октября чехословацкие войска начали отводиться от границы, и район Тешина (80 тыс. поляков и 120 тыс. чехословаков) был передан Польше, которая тем самым увеличила производственные мощности тяжелой промышленности почти на 50%³⁵⁴. В угаре успехов Варшава 29 ноября потребовала передачи ей ряда территорий в Карпатах, что подтолкнуло словацких сепаратистов к сближению с Германией. Понятно, что польская пресса заявляла о большой дипломатической победе министра Бека и превозносила Мюнхенское соглашение как основу мира для Европы. Однако в результате всех этих событий Польша лишилась естественного союзника против Германии и ослабила свой южный фланг, а попытка получить территорию Моравской Остравы и Витковиц натолкнулась на категорический отказ Германии.

В последние годы в отечественной историографии появились работы, авторы которых поставили под сомнение готовность и желание советского руководства выполнить советско-чехословацкий договор 1935 г. и прийти на помощь Чехословакии. Так, Д. Г. Наджафов полагает, что «нерешительность проявляли как западные страны, так и Советский Союз»³⁵⁵. По мнению же С. З. Случа, целью советского руководства летом 1938 г. «было убедить мир, с одной стороны, в готовности СССР придти на помощь Чехословакии, а с другой стороны, в невозможности осуществить эту помощь в силу различных, преимущественно якобы не зависящих от Советского Союза причин»³⁵⁶. К таким причинам он относит, в частности, проблему прохода Красной армии на помощь Чехословакии через территорию Польши или Румынии³⁵⁷. Таким образом, уже давно известные тезисы апологетов «умиротворения» Германии за счет ее восточных соседей теперь озвучены и в российской историографии.

Прежде чем высказать собственное мнение, следует рассмотреть позицию СССР в ходе чехословацкого кризиса. Советское руководство прекрасно понимало, что решение этой проблемы зависит от позиции Англии и Франции, которые, как уже отмечалось, вовсе не были обрадованы советским вмешательством в Гражданскую войну в Испании. Как известно, основной внешнеполитической целью англо-французской политики было стремление направить германскую экспансию на Восток, и именно эта идея стала определяющей для западных держав. Казалось бы, открытая германская экспансия в Европе затрагивала интересы Лондона и Парижа, но их руководство полагало, что уступки Германии окупят себя и угроза западным странам будет устранена в результате германо-советского столкновения. Сделав ставку на соглашение с Германией, Англия и Франция всячески уклонялись от любых советских предложений, которые могли привести к ухудшению их отношений с Берлином.

Подтверждением этому служит хронология советских дипломатических шагов в отношении Англии и Франции весной — летом 1938 г. 14 марта 1938 г. СССР предложил Франции провести консультации по ситуации, сложившейся после аншлюса Австрии, но получил отказ. 15—16 марта советская сторона заявила чехословацкому посланнику и представителям зарубежной прессы, что

«выполнит свои союзнические обязательства»³⁵⁸. Как уже отмечалось, 17 марта СССР заявил, что готов «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии» и предложил провести конференцию заинтересованных стран³⁵⁹. 24 марта последовал ответ из Лондона, что подобная конференция «в настоящее время невозможна»³⁶⁰. 23 апреля чехословацкий посланник в Москве сообщал в Прагу о совещании в Кремле, на котором было решено, что «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией» помочь Чехословакии³⁶¹. Напомним, что советско-чехословацкий договор вступал в силу лишь в случае, если Франция окажет помощь Чехословакии. 26 апреля председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин заявил, что Москва может помочь Праге и без Франции³⁶². 13 мая Москва предложила Парижу начать военные переговоры, но Франция уклонилась от этого³⁶³. В середине мая Сталин заявил руководителю компартии Чехословакии К. Готвальду для передачи Бенешу, что СССР окажет помощь даже без Франции, если Чехословакия будет сражаться и попросит о помощи.

В любом случае это была вполне ясная и недвусмысленная позиция, в отличие, например, от позиции Франции, чей министр иностранных дел Ж. Бонне еще 30 апреля открыто заявил германскому послу, что «любое соглашение лучше, чем мировая война, в случае которой погибнет вся Европа и как победитель, так и побежденный станут жертвой мирового коммунизма»³⁶⁴. Кроме того, не следует забывать, что еще в марте 1938 г. было достигнуто советско-чехословацкое соглашение о поставках в Чехословакию 60 советских бомбардировщиков СБ, которые также уже производились чехословацкими авиационными заводами по лицензии, как В-71365. Тем не менее Прага, как известно, заняла достаточно осторожную позицию в отношении военных контактов с СССР и в конце апреля уведомила Париж, что не станет заключать военную конвенцию с СССР до того, как это сделает Франция. Когда 22 августа Германия заявила СССР, что нападение на Чехословакию возможно лишь в случае чехословацких провокаций, советская сторона ответила, что агрессором в любом случае будет Германия, и СССР поможет своему союзнику³⁶⁶. Этот ответ был доведен до сведения Англии, Франции и Чехословакии и широко освещался в прессе.

В конце августа СССР заявил Англии, что в случае выступления западных стран в защиту Чехословакии Москва выполнит свои союзнические обязательства³⁶⁷. Однако Лондон всеми силами старался избежать войны, и 30 августа было решено, что при определенных условиях Чемберлен нанесет визит в Германию, а Англия окажет сдерживающее влияние на Францию даже в случае германского нападения на Чехословакию. В целом эту английскую позицию одобрили и Париж, и Вашингтон. 2 сентября Франция впервые официально запросила СССР о его позиции в случае нападения на Чехословакию. Москва ответила, что выполнит свои союзнические обязательства, и предложила начать переговоры с генеральными штабами Франции и Чехословакии, созвать англо-франко-советскую конференцию и обсудить Чехословацкий вопрос в Лиге Наций³⁶⁸. Обо всем этом было сообщено Англии и Чехословакии, но английская пресса продолжала утверждать, что о советских намерениях ничего не известно. Понятно, что это советское предложение об обсуждении чехословацкого вопроса в Лиге Наций вызвало недовольство Англии, поскольку это означало бы привлечь к его обсуждению Советский Союз и другие страны, чего, по мнению Лондона, следовало всячески избегать. Ни у кого тогда не вызвало сомнения, что Совет Лиги Наций решит вопрос в пользу жертвы агрессии, а это привело бы к тому, что ее члены были бы обязаны оказать помощь Чехословакии, в том числе и пропустить Красную армию через свою территорию (Польша и Румыния). Именно поэтому Англия и Франция постарались недопустить обсуждения этого вопроса в Женеве.

В ходе Чехословацкого кризиса Англия всячески раздувала слухи о трудностях в СССР и слабости Красной армии. 23 сентября Англия запросила СССР о его позиции в случае войны, но, получив ответ о готовности выполнить советско-чехословацкий договор, утратила интерес к мнению Москвы³⁶⁹. Столь же уклончивую позицию заняла и Франция, которая, будучи формально союзником СССР, в ответ на его предложения обсудить возможные военные меры по выполнению договора о взаимопомощи, упрекнула Москву в желании разжечь войну в Европе. 11 сентября советская сторона вновь напомнила Франции о своих предложениях от 2 сентября, но французский министр иностранных дел Боннэ, ссылаясь на позицию Англии, уклонился от советских предложений³⁷⁰. Более того, он утаил все эти предложения от своих коллег по кабинету министров. Понятно, что когда Румыния 6, 11 и 15 сентября заявляла Франции, что она готова закрыть глаза на пролет советских самолетов через свое воздушное пространство, Париж просто промолчал³⁷¹. Со своей стороны французский главнокомандующий генерал М. Гамелен 12 или 13 сентября сообщил советскому военному атташе о планах наступления в Германии, в ответ на что его собеседник заявил, что если Польша поддержит Германию, то Красная армия ее разобьет³⁷². 28 сентября Франция просила СССР не нападать на Польшу, не предупредив заранее Париж.

Столь же осторожно в отношении Советского Союза вела себя и Прага, которая лишь 19 сентября, после получения англо-французских требований, впервые официально запросила

Москву о ее позиции в случае нападения Германии. Уже вечером 20 сентября из Москвы был получен ответ, что СССР выполнит свои обязательства³⁷³. Утром 21 сентября СССР опубликовал свои ответы на запрос Франции от 2 сентября и Чехословакии от 19 сентября. 21 и 23 сентября советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов в ходе ассамблеи Лиги Наций заявлял о готовности оказать помощь Чехословакии³⁷⁴. Когда Прага обратилась к Москве с просьбой повлиять на Польшу, СССР 23 сентября заявил Польше, что ее действия против Чехословакии приведут к денонсации советско-польского договора о ненападении. Тем не менее даже в конце сентября чехословацкое правительство не желало просить Советский Союз о помощи³⁷⁵. 29 сентября Гамелен предложил Праге посредничество для изучения вопроса о советской военной помощи, но та отказалась, поскольку опасались, что в случае советского вмешательства Англия и Франция поддержат Германию. Как будто все это время они поддерживали Прагу!

Таким образом, за 6 месяцев СССР 10 раз официально заявлял о своей готовности оказать поддержку Чехословакии. Кроме того, 4 раза об этом конфиденциально сообщалось Франции, 4 раза — Чехословакии и 3 раза — Англии. Советская сторона трижды предлагала провести переговоры генеральных штабов Франции и один раз Англии, однако никакого ответа получено не было³⁷⁶. Лишь 29 сентября Англия сообщила Советскому Союзу, что его не пригласили на конференцию в Мюнхен потому, что Гитлер и Муссолини отказались бы сидеть рядом с советским представителем³⁷⁷. Естественно, Москва 2 и 4 октября 1938 г. заявила, что «ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о свершившихся фактах. К конференции в Мюнхене и ее решениям... советское правительство никакого отношения не имело, и не имеет»³⁷⁸.

Приведенные факты показывают, что Советский Союз отнюдь не занимал пассивную позицию и не прятался за какие-либо выдуманные причины. Прежде всего совершенно очевидно стремление советского руководства действовать в рамках концепции коллективной безопасности, что отвечало не только советским интересам, но и тем международным нормам, которые декларировались в то время ведущими мировыми державами. Поэтому не понятно, как можно возлагать ответственность за капитуляцию западных держав в Мюнхене на Советский Союз, чьи союзники (Франция и Чехословакия) просто отказались обсуждать с ним проблему реализации союзнических обязательств. Для этого изобретались различные отговорки, начиная от сомнений в способности Красной армии осуществлять крупные операции за пределами своих границ до стремления недопустить возникновения войны, результатом которой станет победа большевизма в Европе. Однако все эти отговорки не могли скрыть того факта, что западные державы заранее согласились выдать Чехословакию Германии, а все их действия в апреле — сентябре 1938 г. служили лишь для прикрытия этой цели. По мере развития событий советское руководство лишь убеждалось в том, что западные державы не станут сдерживать Германию.

В конце сентября 1938 г. ситуация обострилась и возникла угроза, что Чехословакия не капитулирует, а будет воевать. Поэтому заинтересованные страны провели следующие военные меры. Шантажируя западные государства угрозой войны, Германия в сентябре 1938 г. сосредоточила войска у границ Чехословакии. 16—18 сентября началось сосредоточение пяти армий для осуществления плана «Грюн». В Верхней Силезии была развернута 2-я армия (командующий — генерал-полковник Г. фон Рунштедт) в составе 2-го и 8-го армейских корпусов (8-я, 12-я, 28-я, 30-я, 32-я пехотные, 3-я танковая, 3-я легкопехотная и 16-я, 30-я, 70-я, 72-я ландверные дивизии). Западнее развернулись соединения отдельного 4-го армейского корпуса (4-я и 14-я пехотные дивизии). В Саксонии сосредоточились войска 8-й армии (командующий — генерал-полковник Ф. фон Бок) в составе 3-го армейского корпуса (3-я, 18-я и 23-я пехотные дивизии). В Баварии была развернута 10-я армия (командующий — генерал В. фон Рейхенау) в составе 13-го армейского, 14-го моторизованного и 16-го танкового корпусов (10-я, 17-я, 24-я пехотные, 2-я, 13-я, 20-я моторизованные, 1-я танковая и 1-я легкопехотная дивизии). В Южной Баварии и Верхней Австрии сосредоточились соединения 12-й армии (командующий — генерал В. фон Лееб) в составе 5-го и 7-го армейских корпусов (5-я, 7-я, 9-я, 25-я, 27-я, 45-я пехотные, 1-я горнопехотная дивизии). Кроме того, в состав этой армии предполагалось перебросить еще две пехотные дивизии. В Нижней Австрии развернулась 14-я армия (командующий — генерал В. Лист) в составе 17-го, 18-го армейских и 19-го танкового корпуса (44-я пехотная, 29 моторизованная, 2-я, 3-я горнопехотные, 2-я танковая, 4-я легкопехотная дивизии).

Для прикрытия границы с Францией германское командование развернуло три армии. Границу с Бельгией прикрывала 5-я армия (командующий — генерал Г. Линдеман) в составе 6-го армейского корпуса (26-я пехотная, 41-я, 57-я, 92-я ландверные дивизии). Между Мозелем и Рейном развернулись войска 1-й армии (командующий — генерал Л. Бек) в составе 12-го армейского корпуса (33-я, 34-я, 36-я пехотные, 11-я, 26-я, 84-я ландверные дивизии). Вдоль берега Рейна сосредоточились войска 7-й армии (командующий — генерал Х. фон Лётцен) в составе части управления 5-го армейского корпуса (35-я пехотная, 14-я, 45-я, 97-я ландверные дивизии). Если же учесть, что ландверные дивизии представляли собой слабовооруженные и обеспеченные минимумом автотранспорта соединения с солдатами старших возрастов, то реально на западной

границе имелось всего 5 активных дивизий. На восточных границах в Восточной Пруссии развернулись войска 3-й армии (командующий — генерал К. Кюхлер) в составе 1-го армейского корпуса (1-я, 11-я, 21-я пехотные, 61-я резервная, две ландверные дивизии и 1-я кавбригада). В Померании сосредоточились войска 4-й армии (командующий — генерал-полковник К. фон Хаммерштейн-Экворд) в составе 1-й и 99-й ландверных дивизий³⁷⁹.

В это время вермахт располагал ограниченными запасами вооружения. Так, на 1 апреля 1938 г. в сухопутных войсках Германии насчитывалось 15 213 орудий и минометов и 1 983 танка (из них 1 468 Т-I, 443 Т-II, 42 Т-III и 30 Т-IV)³⁸¹. Вермахт располагал 51 дивизией и 1 кавбригадой, да еще летом 1938 г. были созданы 8 резервных дивизий³⁸². Численность самолетного парка ВВС показана в таблице 14, где первая цифра дает представление об общем количестве, а цифра в скобках — о боеготовых самолетах. Люфтваффе располагали к 1 августа 1 433 полностью и 1 145 частично боеготовыми экипажами, а к 26 сентября эти цифры возросли соответственно до 2 444 и 1 064. Общая мобилизация в вермахте не проводилась, поскольку было решено использовать для действий против Чехословакии лишь кадровые соединения мирного времени, пополненные резервистами до штатов военного времени. Все эти мероприятия проводились под видом «учебных сборов». Согласно плану операции «Грюн» предполагалось наносить главный удар силами 2-й и 14-й армий с целью рассечь Чехословакию и окружить основные силы чехословацкой армии в Чехии.

С 23 сентября началась мобилизация в Чехословакии и к 29 сентября чехословацкая армия была развернута вдоль границы. В Северной, Западной и Южной Чехии находились войска 1-й армии в составе 1-го и 2-го корпусов (2-я, 3-я, 5-я, 17-я, 18-я пехотные дивизии, 1-я, 3-я, 4-я группы пехоты). В Северной Моравии сосредоточились войска 2-й армии в составе 4-го корпуса (7-я, 8-я пехотные дивизии). Вдоль южной границы Словакии были развернуты соединения 3-й армии в составе 7-го корпуса (10-я, 11-я, 3-я легкая пехотные дивизия, 3-я кавалерийская, 3-я моторизованная бригады). В Южной Моравии сосредоточились войска 4-й армии в составе 3-го, 5-го и 6-го корпусов (6-я, 19-я, 20-я пехотные, 2-я, 4-я легкие пехотные, 14-я моторизованная дивизии, 2-я, 4-я кавалерийские, 2-я, 4-я моторизованные бригады и 2-я группа пехоты). Кроме того, в резерве находились 4-я, 9-я, 12-я, 13-я, 15-я, 16-я, 21-я, 22-я, 1-я легкая пехотные дивизии, 1-я кавалерийская, 1-я моторизованная бригады³⁸³. В случае войны войска должны были совместно с отмобилизованной погранохраной, опираясь на пограничные укрепления, отразить германское вторжение. В случае же прорыва обороны предполагалось отводить войска в Словакию, затягивая боевые действия и ожидая помощи союзников. Вооруженные силы Чехословакии насчитывали почти 2 млн человек и имели на вооружении 5 700 орудий и минометов, 1 514 самолетов, 348 танков, 70 танкеток и 75 бронемашин. На границе было сооружено 8 крепостей, 725 тяжелых дотов и 8 774 легких дзота³⁸⁴.

В сентябре на Волыни прошли крупные маневры польской армии, в которых участвовало 5 пехотных дивизий, 1 импровизированная кавдивизия, 1 мотобригада и 1 бригада легких бомбардировщиков. Тем самым Варшава демонстрировала готовность остановить Красную армию, если она попытается пройти через польскую территорию на помощь Чехословакии. Под прикрытием этих маневров польские войска стали стягиваться к Тешину. На границе с Чехословакией поляки развернули отдельную оперативную группу «Шлёнск» под командованием генерала В. Бортновского в составе 4-й, 21-й и 23-й пехотных дивизий, Великопольской и 10-й моторизованной кавалерийских бригад. К 1 октября 1938 г. эта группировка насчитывала 35 966 человек, 270 орудий, 103 танка, 9 бронемашин и 103 самолета³⁸⁵.

3 сентября во Франции было призвано 300 тыс. резервистов, 4 сентября отменены отпуска в гарнизонах на восточной границе, 5 сентября линия Мажино была полностью укомплектована техническими частями. Вечером 22 сентября 6 французских дивизий были выдвинуты на границу Германии. В ночь на 24 сентября были призваны еще 600 тыс. резервистов и переброшено к границе 14 дивизий. К 28 сентября во французские войска были мобилизованы 1,5 млн человек, а на границе Германии развернуто 37 пехотных дивизий, 13 кавалерийских бригад и 29 танковых полков. Всего во французской армии насчитывалось более 1 275 танков. Вооруженные силы Англии располагали 20 дивизиями и 2 бригадами (около 400 тыс. человек), 375 танками и 1 759 самолетами первой линии³⁸⁶.

Военные мероприятия в связи с Чехословацким кризисом начали проводиться в Советском Союзе с лета 1938 г. 26 июня 1938 г. советское руководство приняло решение о реорганизации военно-территориальных структур Красной армии и формировании 6 армейских групп в Белорусском (БВО) и Киевском (КВО) военных округах. Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля 1938 г. БВО был переименован в особый военный округ (БОВО), и в его составе были сформированы Витебская армейская группа (АГ) (на базе управления 4-го стрелкового корпуса), в которую входили войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей, и Бобруйская АГ (на базе управления 5-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей³⁸⁷. Согласно приказу наркома обороны № 0152 от 26 июля 1938 г., КВО был переименован в особый военный округ (КОВО), и в

его составе были сформированы Житомирская АГ (на базе управления 8-го стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Житомирской областей, Винницкая АГ (на базе управления 17-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, Одесская АГ (на базе управления 6-го стрелкового корпуса), в которую входили войска, расположенные в Николаевской области и Молдавской АССР, и Кавалерийская АГ в составе 2-го и 4-го кавкорпусов. Эти управления являлись закамуфлированной формой обычного армейского управления³⁸⁸.

Кроме того, 28 июля нарком обороны отдал приказ № 0154 об образовании Орловского (ОрВО) и Калининского (КалВО) военных округов. Первый создавался на территориях Орловской, Курской и Воронежской областей, а второй — Калининской и Ярославской областей. Формирование управлений округов, создававшихся на базе 10-го и 2-го стрелковых корпусов, должно было завершиться к 1 сентября 1938 г.³⁸⁹ 16 августа нарком обороны издал приказ № 0038, согласно которому требовалось «младший командный, начальствующий и рядовой состав саперных батальонов стрелковых корпусов (одного ЛВО, трех БОВО, четырех КОВО) и саперных батальонов стрелковых дивизий (четыре БОВО и десяти КОВО), подлежащих увольнению осенью этого года, уволить 15.12.38 г. Кроме того, призвать на специальные учебные сборы указанных частей вневойсковиков по числу приписного состава, сроком на три месяца»³⁹⁰.

В период сентябрьского кризиса были приняты более серьезные меры³⁹¹. 21 сентября 1938 г. Военный совет КОВО получил директиву наркома обороны К.Е. Ворошилова о приведении в боевую готовность и сосредоточении войск у границы с Польшей с целью проведения «крупных учений». В районе Проскурова следовало сосредоточить Винницкую армейскую группу (командующий — комдив П.С. Иванов) в составе 17-го стрелкового корпуса (72-я, 96-я и 97-я стрелковые дивизии), а также 23-й и 26-й отдельных танковых бригад, 25-го танкового корпуса (4-я и 5-я танковые и 1-я мотострелковая бригады), 4-го кавалерийского корпуса (9-я, 32-я и 34-я кавалерийские дивизии), трех полков истребительной и четырех полков бомбардировочной авиации. Всю подготовку к действиям было приказано закончить к 23 сентября.

Житомирская армейская группа (командующий — комдив Ф. Н. Ремизов) — 8-й и 15-й стрелковые (7-я, 44-я, 45-я, 46-я, 60-я, 81-я и 87-я стрелковые дивизии), 2-й кавалерийский (3-я, 5-я и 14-я кавалерийские дивизии) корпуса — в это время проводила учения по плану командующего округом, в районе, прилегающем к местам ее постоянного расквартирования. Директивой наркома обороны ей было приказано к 23—24 сентября закончить эти учения сосредоточением всех сил в районе Новоград-Волынский, Шепетовка. В целях пополнения стрелковых дивизий и двух авиационных баз было дано указание призвать приписной командный и рядовой состав из расчета по 8 тыс. человек на дивизию, а на авиабазы — до полного их боевого укомплектования.

21 сентября 2-я авиационная армия особого назначения (АОН) получила указание Генерального штаба о перебазировании своих боевых сил на территорию КОВО в районы Белой Церкви и Умани для участия в проводимых мероприятиях. В тот же день специальной директивой наркома обороны на КОВО было возложено обеспечение ее горючим и боеприпасами.

Утром 22 сентября штаб КОВО донес в Генеральный штаб, что в 4 часа утра директива наркома обороны была доведена до всех войск, и они приступили к выполнению поставленных задач. Оперативная группа штаба округа во главе с командующим войсками командармом 1 ранга С. К. Тимошенко передислоцировалась из Киева в Проскуров, откуда была организована связь со всеми подчиненными войсками и с Москвой. Для поддержания более надежной связи с Генеральным штабом из Москвы в Проскуров была срочно направлена специальная аппаратура с обслуживающим ее персоналом.

23 сентября Военный совет БОВО получил директиву наркома обороны о приведении в боевую готовность и выдвижении к государственной границе войск Витебской армейской группы (командующий — комдив Ф. И. Кузнецов) в составе 4-го стрелкового корпуса (5-я и 50-я стрелковые дивизии и 18-я танковая бригада), Лепельской группы войск (27-й стрелковой, 24-й кавалерийской дивизий и 16-й танковой бригады) и Бобруйской армейской группы (командующий — комбриг В.И. Чуйков), включавшей 16-й стрелковый (2-я, 13-я, 100-я стрелковые дивизии, 21-я танковая бригада) и 3-й кавалерийский (4-я, 7-я и 36-я кавалерийские дивизии) корпуса. В 10.55 24 сентября штаб БОВО доложил в Генеральный штаб о начале выполнения поставленных в ней задач.

23 сентября КалВО также получил директиву наркома обороны о выдвижении к государственной границе 67-й стрелковой дивизии. Для прикрытия и поддержки войск приказывалось привлечь истребительную и бомбардировочную авиацию, причем истребительная и скоростная бомбардировочная авиация перебазировалась на передовые аэродромы по указанию командования округов, а тяжелая бомбардировочная авиация должна была действовать из районов постоянной дислокации, используя для временной посадки аэродромы, расположенные ближе к государственной границе. Перелеты авиации было приказано начать с утра 24 сентября.

Кроме того, с 21 сентября в западных округах приводились в боевую готовность тыловые части авиации, вся система ПВО и войска укрепленных районов. По распоряжению Генерального штаба было установлено круглосуточное дежурство в штабах и на узлах связи КалВО, БОВО и КОВО на случай немедленного приема и доклада командованию дальнейших приказов и распоряжений. В общей сложности в боевую готовность были приведены: 1 танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 3 отдельные танковые бригады, 7 укрепленных районов, 12 авиационных бригад, а также склады, базы и другие части боевого и тылового обеспечения. Кроме того, в ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО и МВО была подготовлена к действиям вся система противовоздушной обороны — 2 корпуса, 1 дивизия, 2 бригады и 16 полков ПВО, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также ряд отдельных зенитно-артиллерийских дивизионов.

Утром 24 сентября соединения приграничных округов были подняты по боевой тревоге на учения. Вместе с мероприятиями, направленными на повышение боевой готовности войск, в частях и соединениях западных приграничных округов проводилась активная политическая работа: проводились беседы о положении в Чехословакии, о традициях советско-чехословацкой дружбы, раскрывалась агрессивная сущность германского фашизма. В войсках и штабах изучался опыт боевых действий советских войск у озера Хасан. Все направлялось на то, чтобы войска, приведенные в полную боевую готовность и развернутые непосредственно у государственной границы, могли в любой момент по сигналу советского правительства начать действовать.

Все эти меры дали свои плоды. В ходе учений значительно возрос моральный дух войск, резко снизилось количество отрицательных настроений. Общую ненависть вызывали германские и польские фашисты. Как заявляли красноармейцы в/ч 5077 Тарасов и Мещанов: «Скорее бы выступить против фашистской Польши, пусть только последует приказ нашей партии и Великого Сталина, мы сотрем с лица земли фашистских гадов». По мнению солдата той же части Щербаква, «наши дальневосточные товарищи проучили японских самураев, как хочется нам на Западе проявить такое же геройство и отвагу». Схожие мысли высказывал боец в/ч 5711 Толкачев: «Чехословацкий народ не хочет войны, но им угрожает германский фашизм, вместе с англо-французской буржуазией, мы можем показать, как надо воевать, также, как наши дальневосточные товарищи показали у озера Хасан». Выступая на митинге, командир отделения 5-й кавдивизии Тугай заявил: «Мы готовы, ждем Ваших (Сталина) приказов громить фашистскую сволочь, и если в годы гражданской войны не пришлось занять Варшаву через измену врагов народа, то теперь мы ее возьмем»³⁹².

25 сентября 1938 г. нарком обороны СССР телеграфировал в Париж для передачи французским военным властям: «Наше командование приняло пока следующие, предупредительные меры: 1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.

2. Части соответственно пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, — то они у нас в полной готовности»³⁹³. Эта информация 28 сентября была передана французскому военному атташе в СССР Паласу. Об этом же, как и о многих других мероприятиях, было немедленно сообщено чехословацкому правительству³⁹⁴.

Накануне Мюнхенской конференции Советский Союз предпринял новые меры по повышению мобилизационной и оперативной готовности своих вооруженных сил. 27 сентября Генеральный штаб предупредил военные советы всех округов, кроме Дальневосточного и Забайкальского, о немедленной подготовке документации для проведения призыва приписного состава людей, лошадей и транспорта из народного хозяйства. 28 сентября ЛВО, БОВО, КОВО, ХВО, ОрВО, КалВО, МВО, ПриВО, УрВО, СКВО и ЗакВО получили телеграмму начальника Генштаба с приказанием «красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять»³⁹⁵. 29 сентября Военные советы КОВО, БОВО, ЛВО и КалВО получили директиву о приведении в боевую готовность дополнительно еще 17 стрелковых дивизий, управлений 2 танковых корпусов и корпусных частей, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады, 34 авиационные базы. Для их пополнения проводилась мобилизация необходимого количества приписного состава на 20-дневные сборы³⁹⁶.

В тот же день Военные советы ХВО, ОрВО, СКВО, ПриВО и УрВО получили телеграммы с указанием в двухдневный срок призвать по 250—275 человек приписного командного и политического состава во все имеющиеся у них дивизии. Эти указания распространялись затем и на МВО. Кроме войск западных приграничных военных округов, выдвинутых к государственной границе, мобилизационными мероприятиями были затронуты еще 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационные базы. В Красную армию было призвано из запаса 328,7 тыс. человек, задержано увольнение из армии сержантов и рядовых, отслуживших установленные сроки. Особенно усиливался личным составом, транспортом и боевой авиацией КОВО, в котором на сборы приписного состава явилось к 2 октября 108 528 человек³⁹⁷. Всего в Красной армии насчитывалось 18 664 танка и 2 741

бронемашина, из которых 3 609 танков и 294 бронемашины находились в войсках БОВО, а 3 644 танка и 249 бронемашин — в войсках КОВО³⁹⁸ .

28 сентября нарком обороны докладывал советскому правительству о готовности направить в Чехословакию 16-ю (56-й и 54-й среднебомбардировочные авиаполки) и 58-ю (21-й, 31-й истребительные авиаполки) авиационные бригады БОВО, 10-ю (33-й среднебомбардировочный авиаполк) и 69-ю (17-й, 43-й истребительные авиаполки) авиационные бригады КОВО и 60-й среднебомбардировочный авиаполк ХВО в составе 548 боевых самолетов³⁹⁹ . Всего же авиационная группировка КалВО, БОВО и КОВО с учетом 2-й АОН насчитывала к 1 октября 1938 г. 2 690 самолетов⁴⁰⁰ .

Таким образом, советское правительство не только неоднократно четко заявляло о своей позиции в условиях Чехословацкого кризиса, но и предприняло соответствующие военные меры по подготовке к оказанию помощи Чехословакии. С учетом всего вышесказанного мнение С. З. Случа о том, что эти военные приготовления не могут служить свидетельством «желания Кремля оказать помощь» своему союзнику, представляется совершенно необоснованным. Формулируя подобное мнение, С. З. Случу следовало бы точно определить, какие именно действия СССР были бы таким подтверждением. Сам С. З. Случ полагает, что «без предварительного решения целого комплекса кардинальных вопросов, связанных с проходом войск через территорию сопредельных государств (Польши и Румынии), или как минимум разрешения на использование их воздушного пространства для осуществления авиационной поддержки Чехословакии, без координации действий генеральных штабов и т.д., эти шаги советского руководства оставались всего лишь демонстративными акциями»⁴⁰¹ . Подобное утверждение выглядит по меньшей мере странно.

Как уже было показано, именно Франция и Чехословакия отказались от военных переговоров, а Англия и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии через Лигу Наций. Почему же ответственность за все это возлагается на советское руководство? Если принять точку зрения С. З. Случа, то Москве можно было вообще не предпринимать никаких военных мер, поскольку все эти «кардинальные вопросы» не были решены. Тем не менее советское руководство посчитало себя обязанным подготовиться на случай возникновения войны в Европе, что, несмотря ни на какие сомнения, все же служит решающим свидетельством его готовности поддержать своих союзников в войне с Германией. Вместе с тем в Кремле вовсе не собирались очертя голову бросаться в войну без учета общей политической ситуации. Одно дело участвовать в войне двух блоков европейских государств, а совершенно другое — воевать с Германией, пользуясь как минимум нейтралитетом Англии и Франции. Такой опыт у СССР уже имелся по событиям в Испании и повторять его в общеевропейском масштабе в Москве явно не спешили.

К сожалению, документы советского военного командования по проблемам чехословацкого кризиса все еще неизвестны. Ныне доступен лишь документ от 24 марта 1938 г., согласно которому «складывающаяся политическая обстановка в Европе и на Дальнем Востоке как наиболее вероятных противников выдвигает фашистский блок — Германию, Италию, поддержанных Японией и Польшей. Эти государства ставят своей целью доведение политических отношений с СССР до вооруженного столкновения. Однако в данное время Германия и Италия еще не обеспечили себе позиции свободных рук против СССР, а Япония ведет напряженную войну с Китаем... Польша находится в орбите фашистского блока, пытаясь сохранить видимую самостоятельность своей внешней политики. Сильно колеблющаяся политика Англии и Франции позволяет фашистскому блоку в Европе найти договоренность в случае войны его с Советским Союзом, чтобы большую часть сил потратить против СССР. Эта же политика Англии и Франции определяет собой политику и характер военного положения в Финляндии, Эстонии и Латвии, Румынии, а равно в Турции и Болгарии. Возможно, что перечисленные государства сохранят нейтралитет, выжидая результата первых столкновений, но не исключается и их прямое участие в войне на стороне фашистского блока... Таким образом, Советскому Союзу нужно быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии и Польши и частично против Италии с возможным присоединением к ним лимитрофов и на Востоке против Японии»⁴⁰² . Таким образом, в Москве прекрасно понимали, что именно от позиции Англии и Франции зависит развитие военно-политической ситуации в Европе.

В любом случае осенью 1938 г. Франция, Чехословакия и СССР обладали вооруженными силами, способными нанести поражение Германии. Причем следует учитывать, что кризис носил преимущественно политический характер и твердой позиции Англии и Франции вполне было достаточно для того чтобы остановить Германию. Если же говорить о чисто военной стороне проблемы, то следует помнить, что угроза войны была со стороны Германии явным блефом. Как признавал после войны генерал А. Йодль, «нечего было и думать, что с 5 боевыми и 7 резервными дивизиями мы могли удержать западные укрепления, представлявшие собой всего лишь обширный строительный участок, имея против себя сотню французских дивизий. С военной точки зрения это было невозможно»⁴⁰³ .

По свидетельству генерала В. Кейтеля, «мы были страшно рады, что дело не дошло до военных операций, ибо на протяжении всего подготовительного периода мы всегда считали, что средства, которыми мы располагаем для наступления на пограничные укрепления Чехословакии, недостаточны. С чисто военной точки зрения мы были недостаточно сильны, чтобы предпринять наступление, связанное с прорывом пограничных укреплений: у нас не было технических средств для такого наступления»⁴⁰⁴. Генерал считал, что «если бы Даладье и Чемберлен заявили в Мюнхене: «Мы выступим», мы ни в коем случае не приняли бы военных мер», поскольку «к этому времени, мы не осуществили никаких стратегических или тактических приготовлений»⁴⁰⁵. Вступление германских войск в Чехословакию в октябре 1938 г. показало, что они были совершенно не готовы к серьезным боям. В районе Карловых Вар Гитлер и генерал Рейхенау смогли осмотреть чешские укрепления. Убедившись в их отменном качестве, Гитлер справедливо заявил, что «прочность бетона не играет никакой роли, если слаба сила воли»⁴⁰⁶.

Выбор стратегии

Как только завершилась реализация Мюнхенского соглашения, Германия 24 октября 1938 г. предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора» на основе сотрудничества в рамках Антикоминтерновского пакта. Варшаве предлагалось согласиться с включением Данцига в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Германия была готова продлить на 25 лет соглашение от 1934 г. и гарантировать существующие германо-польские границы. Тем самым Германия решила бы для себя задачу тылового прикрытия с Востока (в том числе и от СССР) в предвидении окончательной оккупации Чехословакии, частично ревизовала бы свою восточную границу, установленную в 1919 г., и значительно упрочила бы свои позиции в Восточной Европе⁴⁰⁷. В это же время в Варшаве разрабатывались планы совместного с Румынией решения «украинского вопроса» путем отторжения Украинской ССР от Советского Союза и активизации антисоветской политики в Закавказье. Любили польские руководители порассуждать и о слабости Советской России⁴⁰⁸.

Со своей стороны Москва всячески стремилась расколоть складывавшийся в ходе чехословацкого кризиса германо-польский тандем. 8 октября польскому послу в Москве было заявлено, что СССР не отказывается «от мирного сотрудничества с любым государством»⁴⁰⁹. Получив этот намек, Польша, продолжавшая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 20—22 октября начала зондаж СССР на предмет нормализации советско-польских отношений, обострившихся в период Чехословацкого кризиса летом 1938 г. 4 ноября Москва предложила подписать коммюнике о нормализации отношений, которое после консультаций и было подписано 27 ноября. Подготовка этого коммюнике породила в Москве надежды на то, что «в случае нужды Польша протянет руку за помощью и к Советскому Союзу»⁴¹⁰. Конечно, в данном случае советская сторона под влиянием момента выдавала желаемое за действительное, так как Польша ни при каких обстоятельствах не собиралась обращаться за помощью к СССР. Это стало очевидно сразу же после подписания советско-польского коммюнике.

Если Москва старалась создать впечатление об антигерманской направленности этого документа, то Варшава преследовала прямо противоположную цель⁴¹¹. Уже 28 ноября Польша уведомила Германию, что эта декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем. Вместе с тем польское руководство опасалось, что слишком тесное сближение с Германией может привести к утрате возможности проведения независимой внешней политики, поэтому, несмотря на неоднократные обсуждения германских предложений в октябре 1938 — январе 1939 г., Берлин так и не получил желаемого ответа, хотя, видимо, по мнению Гитлера, первоначально достижение согласия Варшавы считалось почти решенным делом⁴¹². Хотя в Варшаве при определенных условиях не исключалось создание германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью, позиция Польши осложнялась наличием германо-польских проблем. Кроме того, сама Германия пока не ставила своей целью войну с СССР, а, готовясь к захвату Чехословакии, была заинтересована в нейтрализации Польши и невмешательстве Англии и Франции, для воздействия на которые вновь использовалась антисоветская риторика. Не случайно Берлин санкционировал кампанию в прессе относительно планов создания «Великой Украины» под германским протекторатом, что было с пониманием встречено в Лондоне и Париже. Этой же цели способствовала франко-германская декларация о ненападении и консультации от 6 декабря 1938 г. и предпринятые в январе 1939 г. новые попытки добиться положительного ответа Варшавы на германские предложения.

Польское руководство было согласно на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Германии, но не желало становиться сателитом Берлина. Неуступчивость Польши привела к тому, что германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁴¹³. Визит Бека в Берлин 5—6

января 1939 г. показал польскому руководству, что неприемлимые для него германские условия являются стратегической линией Берлина. Пока формально переговоры были отложены. В итоге Варшава решила вновь прибегнуть к тактике лавирования на международной арене, не учитывая, что ситуация в Европе существенно изменилась. Начавшиеся еще в декабре 1938 г. зондажи на предмет заключения торгового договора с СССР переросли в январе 1939 г. в переговоры, завершившиеся 19 февраля подписанием первого в истории советско-польского торгового договора⁴¹⁴. Видимо, в этот момент обе стороны решили продемонстрировать определенный уровень контактов и, хотя не все экономические вопросы были согласованы, документ все же был подписан. Однако по мере нарастания трудностей в германо-польских отношениях и Москва, и Варшава стали склоняться к отказу от демонстрации сотрудничества.

Тем временем Англия и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими изменений на континенте, чтобы на этой основе консолидировать европейские великие державы. Англо-германские и франко-германские отношения были несколько омрачены ноябрьскими еврейскими погромами в Германии и появившимися в январе 1939 г. слухами о подготовке германского удара по Голландии. Все это вынуждало Англию и Францию координировать свою политику, ускорить модернизацию своих вооруженных сил, поддерживать контакты с СССР и одновременно добиваться всеобъемлющего соглашения с Германией в духе Мюнхена. Как показали секретные экономические англо-германские переговоры в октябре 1938 — марте 1939 г., перспектива широкого экономического соглашения двух стран была вполне реальной. Особенно наглядно это проявилось в ходе экономических переговоров в Дюссельдорфе 15—16 марта 1939 г., окончившихся подписанием картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией, что было поддержано Англией. Лондон и Париж в принципе не исключали признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению английского руководства, это открывало перспективу для дальнейшего движения к всеобъемлющему соглашению Англии, Франции, Германии и Италии⁴¹⁵.

Исходя из этих общих соображений и продолжая политику балансирования между Западом и Востоком, германское руководство с осени 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря 1938 г. без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил СССР возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита министра иностранных дел Польши Ю. Бека в Германию 5—6 января 1939 г., советская сторона 11 января согласилась начать экономические переговоры, а на следующий день Гитлер несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась оказать давление на Англию, Францию и Польшу, вынудив их к уступкам, намеками на возможность дальнейшего развития контактов с СССР⁴¹⁶.

Подписав соглашение с Англией о поставках угля, Германия 20 января уведомила СССР о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в английскую печать. Не желая раздражать Англию и Польшу, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Естественно, СССР остался недоволен тем, что Германия оглядывается на Англию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «соглашения четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы. Политическая ситуация продолжала меняться. 2 января 1939 г. Польша установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, что было с настороженностью воспринято в Москве⁴¹⁷. Однако визит германского министра иностранных дел И. фон Риббентропа в Варшаву 26 января 1939 г. показал, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией⁴¹⁸.

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Англии и Франции, что было невозможно без демонстрации силы или даже нанесения поражения этим странам. К марту 1939 г. германскому руководству стало очевидно, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Достижение этой цели требовало новых политических действий. Окончательное устранение Чехословакии позволяло Германии продемонстрировать свою силу восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, которая была бы вынуждена принять германские предложения, к экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии. Возвращение Мемеля (Клайпеды) привело бы к контролю Германии над Литвой и усилению германского влияния в Прибалтике. Тем самым был бы обеспечен тыл для войны на Западе, которая рассматривалась

в Берлине как первый этап в деле обеспечения германской гегемонии в Европе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁴¹⁹.

СССР, Польша и политический кризис 1939 г.

В середине марта 1939 г. США, СССР, Англия и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехословакии, но державы — участники Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия. 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а президент Чехословакии Э. Гаха выехал в Берлин, где в ходе «переговоров» дал согласие на политическое переустройство своей страны. 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения Лондон и Париж ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» английский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Англия, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу⁴²⁰.

Слухи об угрозе германского нападения на Румынию подтолкнули Англию к активизации своей политики в Восточной Европе, и 18 марта она запросила СССР, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского удара по Румынии. В свою очередь, эти страны запросили Англию о ее намерениях, а СССР предложил созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения ситуации. 21 марта Англия выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Обсуждение этого предложения Лондона выявило, что Польша и Румыния не хотят подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь, Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши⁴²¹. Англия столкнулась с проблемой, как обеспечить привлечение СССР к решению вопросов европейской политики, что ранее неизменно отвергалось ею, в условиях, когда многие страны, чье мнение Лондон старался учитывать, не одобряли заигрывания с Москвой. В итоге к концу марта вопрос о декларации отпал, а вышеуказанная проблема была вновь отложена на будущее⁴²².

Тем временем 21 марта Германия потребовала от Литвы передать ей Клайпедскую (Мемельскую) область. Все надежды Каунаса на поддержку Англии, Франции и Польши оказались напрасными. Польша не собиралась ухудшать отношений с Германией, хотя была бы не прочь в будущем еще продвинуть свои границы на запад, а Англия была озабочена слухами о скором германском ударе по Польше и возможном германо-польском сближении⁴²³. В итоге 23 марта в Клайпеду (Мемель) вступили германские войска.

Одновременно 21 марта Германия вновь предложила Польше решить вопрос о передаче Данцига и о «польском коридоре» в обмен на присоединение к Антикоминтерновскому пакту с перспективой антисоветских действий⁴²⁴. Для переговоров в Берлин был приглашен Бек⁴²⁵. В ходе германо-польских контактов из Берлина раздавались предложения обменять «польский коридор» на Литву и Латвию⁴²⁶. Ожидая ответа из Варшавы, германское руководство все еще надеялось для достижения своей цели ограничиться дипломатическим давлением. Тем временем 23 марта было подписано германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившее влияние Германии в этой стране, а Польша заявила Англии об отказе от подписания совместной с СССР декларации, но предложила Лондону соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии, и провела частичную мобилизацию, которая затронула 9-ю, 20-ю, 26-ю, 30-ю пехотные дивизии и Новогрудскую кавбригаду⁴²⁷.

В 10 утра 24 марта начальник 2-го отдела польского генштаба передал советскому военному атташе официальное сообщение: «В связи с событиями в Европе польское командование приняло соответствующие меры к усилению военной готовности армии и страны. Это усиление армии следует рассматривать как мероприятия к обеспечению своих границ. Все эти мероприятия ни в коем случае не направлены против СССР»⁴²⁸.

25 марта Гитлер заявил главному сухопутных войск генерал-полковнику В. фон Браухичу, что, хотя он не собирается в ближайшее время «решать польский вопрос», его следует разработать. Не желая быть младшим партнером Третьего рейха, 26 марта Польша окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу, чем сорвала осуществление там нацистского путча. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса. Тем временем пытаясь недопустить перехода Польши в лагерь Германии, добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия пошла на односторонние гарантии независимости Польши. Вопреки просьбам Варшавы о сохранении их в тайне, 31 марта гарантии были опубликованы, но при этом Англия не

отказалась от содействия германо-польскому урегулированию. Тем не менее Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой.

Эти английские гарантии подтолкнули Германию продемонстрировать их никчемность, Польшу — к дальнейшей неуступчивости в отношении соседей, Советскому Союзу вновь продемонстрировали его «второсортность», а проблема поддержки Румынии не была решена. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии⁴²⁹. Тем временем в ходе начавшихся 27 марта военных переговоров Англия и Франция договорились, что в случае войны Англия пошлет во Францию первоначально 2 дивизии, через 11 месяцев — еще 2 дивизии, а через 18 месяцев 2 танковые дивизии. Варианты помощи Польше даже не рассматривались. Основным способом военных действий западных союзников должна была стать оборона и экономическая блокада Германии. Действия ВВС ограничивались только военными объектами. Исходя из этих планов, Англия и Франция были заинтересованы в затягивании войны в Восточной Европе, что связало бы германскую инициативу и позволило бы им лучше подготовиться к войне⁴³⁰.

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». 4—6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укрепления мира»⁴³¹. 4 апреля в Москве было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором указывалось, что вопреки заявлениям французских газет СССР не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»⁴³². Тем временем дипломатическое давление Германии на Польшу нарастало. 5 апреля из Варшавы в «отпуск» был отозван германский посол, все переговоры были свернуты, но, по мнению германского руководства, у Польши следовало поддерживать впечатление, что все еще можно «исправить». Одновременно началось конкретное военное планирование, задачи которого были определены «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», утвержденной Гитлером 11 апреля. Теперь германское руководство было озабочено локализацией будущего конфликта. 13 апреля Франция подтвердила франко-польский договор 1921 г.⁴³³

1 апреля Москва уведомила Лондон, что, поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерен ли СССР впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»⁴³⁴. 4 апреля, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»⁴³⁵. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции Литвинов отметил, что Англия и Франция стремятся получить от СССР одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?»⁴³⁶ Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, поскольку они могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность⁴³⁷.

17 апреля Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР⁴³⁸. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., правда, было заявлено, что Берлин готов к переговорам о новом соглашении. 30 апреля германская сторона неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Германия будет вынуждена наладить отношения с Москвой⁴³⁹. Оказавшись перед фактом краха всей своей внешнеполитической концепции и учитывая давление общественного мнения, Бек 5 мая, выступая в Сейме, заявил о готовности к равноправным переговорам с Германией. Фактически этот ответ на выступление Гитлера означал новый отказ Варшавы от германских предложений, поскольку они содержали «недостаточные компенсации»⁴⁴⁰. Понятно, что это выступление было негативно воспринято в Берлине, где был сделан вывод о том, что Польшу не удастся разложить изнутри, как Чехословакию. Вместе с тем до сведения Германии было доведено, что выступление Бека — «это только дипломатическая игра», т.к. Польша не может согласиться на передачу Данцига Германии, иначе правительство потеряет власть над страной. Более того, англо-французские гарантии вовсе не меняют польскую политику в отношении Германии. «Если бы Польша... вступила в соглашение с Советским Союзом, то тогда и только тогда имелись бы основания для утверждения об изменении внешней политики. Но Польша отказывалась участвовать в такой комбинации в прошлом и продолжает делать это теперь». Просто в данный момент Бек, стараясь удержаться у власти, не мог открыто продолжать политику сотрудничества с Германией⁴⁴¹.

Естественно, Москва тщательно отслеживала развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Англия, СССР старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем советское руководство негативно оценивало нежелание Польши взаимодействовать с СССР в коллективных действиях против агрессии⁴⁴². Понятно, что СССР, стремившийся вернуться в Европу в качестве великой державы, гораздо большее внимание уделял начавшимся в середине апреля 1939 г. переговорам с Англией и Францией о договоре о взаимопомощи и контактам с Германией, играя на противоречиях которых можно было, по мнению советского руководства, обеспечить свои интересы. Во всей этой дипломатической игре не последняя роль отводилась позиции Польши. Эти англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские контакты весны — лета 1939 г. неоднократно и с разной степенью подробностей описывались в исследованиях⁴⁴³, что позволяет здесь ограничиться упоминанием лишь основных событий в связи с проблемами германо-польских и советско-польских отношений.

Уже в апреле 1939 г. советская сторона вновь получила подтверждение того, что Польша не готова сотрудничать со своим восточным соседом на антигерманской основе⁴⁴⁴. Вместе с тем в ходе беседы 4 апреля с Литвиновым польский посол в Москве Гжибовский высказал мысль, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР». В ответ Литвинов вполне здраво заметил, что «она может обратиться, когда уже будет поздно», и для СССР «вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»⁴⁴⁵. Тем самым польскому послу давали понять, что советская помощь не может быть предоставлена автоматически, этот вопрос следует заранее согласовать. Информировав советскую сторону о политике Польши, Гжибовский 22 апреля сообщил, что польская сторона отклонила германские предложения и «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику. Было также заявлено, что, Польша, как и СССР, заинтересована в независимости Прибалтийских стран⁴⁴⁶. После денонсации Германией германо-польского соглашения 1934 г. Литвинов 29 апреля постарался предостеречь польскую сторону от уступок Берлину. Кроме того, советская сторона указала на антисоветскую направленность польско-румынского союзного договора⁴⁴⁷.

Смена Литвинова на посту наркома иностранных дел В.М. Молотовым была положительно воспринята не только в Берлине, но и в Варшаве. Уже 8 мая Молотов вызвал Гжибовского и, ознакомив с советскими предложениями Англии и Франции, задал ему вопрос, «что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений». В ходе беседы выяснилось, что польская сторона выступает против того, «чтобы англо-польское соглашение истолковывалось как направленное исключительно против Германии». Предложение же «о придании польско-румынскому договору 1926 г. общего характера, направленного против всякой агрессии, или же об аннулировании этого договора» вызвало упреки Гжибовского относительно «навязывания чужой воли»⁴⁴⁸. Кроме того, следует учесть, что еще 18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым Польша вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Англию, чтобы та не пошла на соглашение с СССР без учета интересов Варшавы⁴⁴⁹. Даже после расторжения Германией германо-польской декларации Польша подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к СССР не изменилось⁴⁵⁰.

В этом контексте вполне понятно заявление Молотова, что для СССР неприемлемо «такое положение, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР»⁴⁵¹. Тем самым мнение С. З. Случа, что «вне зависимости от взаимоотношений с Польшей, сохранение ее государственной независимости и территориальной целостности, несомненно, отвечало национально-государственным интересам Советского Союза»⁴⁵² представляется необоснованным. Вряд ли при решении столь сложного вопроса следует абстрагироваться от реалий советско-польских отношений межвоенного двадцатилетия и противоречащих друг другу внешнеполитических целей Варшавы и Москвы. В любом случае безусловная поддержка как минимум недружественно настроенного соседа вряд ли отвечала национально-государственным интересам СССР, как, впрочем, и любой другой державы в подобном положении.

Тем временем Бек выразил желание встретиться с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным, возвращавшимся через Варшаву из поездки в Балканские страны. Сообщая Потемкину о согласии советской стороны выполнить эту просьбу Бека, Молотов указал, что «главное для нас — узнать, как у Польши обстоят дела с Германией. Можете намекнуть, что СССР может помочь в случае, если поляки захотят»⁴⁵³. Однако новые советско-польские контакты показали, что Варшава не собирается менять свою политику в отношении Москвы. Уже 11 мая польская сторона заявила СССР, что не поручала Франции вести с кем-либо переговоры о гарантиях Польши и «не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Конечно,

это было пустой отговоркой, ведь имея договор с Францией и стараясь заключить договор с Англией, Польша полагала, что сможет оказать им «практическую помощь»! Вместе с тем Варшава была не против заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи, но не желала получать какие-либо гарантии от СССР. Однако польский посол старался создать впечатление, что в будущем политика Польши может и измениться⁴⁵⁴.

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР⁴⁵⁵. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании германско-польских отношений, в которых в 20-х числах мая возникла видимость готовности Варшавы к соглашению. Понятно, что Н.И. Шаронов, назначенный на вакантный с ноября 1937 г. пост посла в Варшаве, в беседе с Бекем 25 мая и 2 июня убедился в том, что Польша согласится только на почетные предложения со стороны Германии, но на уступки, затрагивающие ее независимость, она не пойдет. Со своей стороны Шаронов, предостерегая Польшу от уступок Германии, вновь напомнил о готовности договориться о размерах советской помощи⁴⁵⁶. 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией⁴⁵⁷. Советская сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»⁴⁵⁸, а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлимые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от подписания такого документа. 14—19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция старалась избежать принятия на себя твердых обязательств, но вынуждена была обещать поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Правда, из соглашения была изъята фраза об «автоматическом оказании военной помощи всеми родами войск». Подписание соглашения было отложено до заключения политического договора. Англо-польские переговоры 23—30 мая привели к тому, что Лондон обещал предоставить Варшаве 1 300 боевых самолетов для польских ВВС и предпринять воздушные бомбардировки Германии в случае войны. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще⁴⁵⁹. Более того, уже 20—25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии⁴⁶⁰. 27 мая Англия обратилась к Польше с просьбой в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия⁴⁶¹.

Очередные англо-французские военные переговоры показали, что союзники знают о наступательных намерениях Германии на Востоке, но не знают, как долго может затянуться война в Польше. Англо-французское руководство опасалось германских ВВС, сведения о которых были чрезмерно завышенными, и считало, что союзники не готовы к войне с Германией, а поэтому было бы лучше, чтобы война в Польше продолжалась как можно дольше. Хотя английские военные сделали вывод о том, что гарантии провоцируют Германию на вторжение в Польшу, никакой помощи ей предложено не было. Естественно, Варшаву об этом не уведомили⁴⁶². Посетивший 17—19 июля Варшаву английский генерал Э. Айронсайд убедился в том, что из-за Данцига польское руководство сразу войны не начнет, а обратится к Англии и Франции, но в случае начала войны Польша не сможет долгое время сопротивляться германскому наступлению. Эти выводы не изменили позицию Лондона в отношении Варшавы, но, вероятно, подтолкнули к согласию на военные переговоры с Москвой.

7 мая был парафирован, а 22 мая подписан «Стальной пакт» между Германией и Италией. 23 мая, выступая перед военными, Гитлер четко обозначил основную проблему германской внешней политики — стремление вернуться в число «могущественных государств», для чего требовалось расширить «жизненное пространство», что было невозможно «без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность». Германии было необходимо создать продовольственную базу на Востоке Европы на случай дальнейшей борьбы с Западом. С этой проблемой был тесно связан вопрос о позиции Польши, которая сближалась с Западом, не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Фактически признав ошибочность ставки на соглашение с Польшей и ее вовлечение в Антикоминтерновский пакт, Гитлер заявил, что поэтому следует «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Англии и Франции. Далее Гитлер сделал обзор возможных дипломатических комбинаций и высказал общие соображения на случай войны с Западом, в которых в общем виде была сформулирована программа достижения Германией гегемонии в Европе⁴⁶³. С этого момента главной целью германской внешней политики стало достижение изоляции Польши.

В июне в ходе очередных англо-французских военных переговоров было решено, что союзники не будут помогать Польше, постараются удержать Италию от вступления в войну и не станут

предпринимать контрударов по Германии. В ходе англо-польских переговоров выяснилось, что Англия не станет поставлять в Польшу новейшую технику, а просимый Варшавой кредит был урезан с 50 до 8 млн фунтов стерлингов. Позиция Англии сводилась к тому, что Польша не получит помощи, но, когда война будет выиграна, ей возместят ущерб⁴⁶⁴.

6 июня Франция сообщила СССР, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии» и «надеется на расширение торговли с СССР»⁴⁶⁵. 9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергшемуся нападению, даже без согласия этого последнего мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР»⁴⁶⁶. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе советско-польских торговых переговоров Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения⁴⁶⁷. Убедившись в нежелании Варшавы идти на соглашение с Москвой, советская сторона вновь вернулась к своей традиционной политике, направленной на недопущение германо-польского сближения. Хотя, конечно, основное внимание СССР в это время уделял контактам с Англией, Францией и Германией. В ходе тайных и явных англо-германских контактов весной — летом 1939 г. Лондон пытался достичь соглашения с Германией, которое позволило бы консолидировать Европу, а Берлин старался получить гарантии невмешательства Англии в дела Восточной Европы. Естественно, СССР внимательно следил за маневрами Лондона и Берлина и старался своими контрмерами недопустить нового англо-германского соглашения, справедливо рассценивая его как главную угрозу своим интересам.

Весной — летом 1939 г. Англия и Франция вновь старались найти приемлимую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с СССР. Однако было совершенно очевидно, что они не горели желанием иметь Москву в качестве равноправного партнера — это полностью противоречило их внешнеполитической стратегии. Не случайно в конце июля Англия довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»⁴⁶⁸. Понятно, что в этих условиях, как показали переговоры в Москве, Англия и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля фактически провалились.

Однако открытое признание этого факта лишило бы Англию и СССР средства давления на Германию, поэтому 23 июля Лондон и Париж согласились на предложенные советской стороной военные переговоры. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»⁴⁶⁹. Относительно Польши в инструкциях отмечалось, что «непосредственная помощь Польше со стороны британских и французских сил почти невозможна», но «поляки не желают вступать в непосредственные отношения с Россией в мирное время с целью подготовки сотрудничества во время войны; они утверждают, что это явилось бы провокацией по отношению к Германии. Мы рассматриваем это как предлог, поскольку настоящая причина заключается в том, что они опасаются быть вынужденными согласиться на использование русских войск в Польше. Они боятся, что не смогут в дальнейшем избавиться от этих войск и помешать «коммунизации» польских крестьян... Совершенно очевидно, что если и можно будет побудить поляков принять русские воздушные силы и материалы, то во всяком случае они не желают иметь русских солдат на своей территории»⁴⁷⁰.

Все еще надеясь достичь договоренности с Германией, английское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁴⁷¹. Не случайно французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а английская делегация вообще не имела письменных полномочий⁴⁷². Таким образом для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые было желательно затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях англо-французского руководства, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего следовало выяснить полномочия сторон «на подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Англии, Франции и СССР в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной армии⁴⁷³. Понятно, что в этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем Варшава получила из Рима сведения о том, что Германия пытается запугать Польшу, но до 1942—1943 гг. войны не будет, и Бек полагал, что любые действия Германии — «это блеф Гитлера, он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»⁴⁷⁴. Поэтому Варшава решила предпринять экономическое давление на Данциг и ввела 1 августа экономические санкции. В ответ 4 августа данцигские власти потребовали на 2/3 сократить польскую таможенную стражу и убрать польские таможи с границы Данцига и Восточной Пруссии до 19.00 6 августа. В тот же день Польша заявила, что любые действия против польских служащих будут рассматриваться как акт насилия со всеми вытекающими отсюда последствиями. В итоге президент данцигского сената был вынужден уступить и заявить, что все эти события были спровоцированы «безответственными элементами». Понятно, что Варшава увидела в этом подтверждение правильности своей твердой линии, а пресса заговорила о поражении Гитлера⁴⁷⁵. 9 августа Германия предупредила Польшу, что дальнейшее ее вмешательство в дела Данцига приведет к ухудшению германо-польских отношений. Со своей стороны Польша заявила, что отвергает любое вмешательство Германии в польско-данцигские отношения и будет в дальнейшем расценивать его как акт агрессии⁴⁷⁶. Учитывая, что в это же время шли активные англо-германские зондажи на предмет достижения всеобъемлющего соглашения, вполне понятно, что события в Данциге лишь подтолкнули Берлин к игре мускулами и вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультироваться⁴⁷⁷.

В ходе военных переговоров в Москве советская сторона подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразной лакмусовой бумажкой намерений западных партнеров. Хотя Англия и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к проблеме пропуска советских войск на свою территорию, было решено еще раз запросить Варшаву и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры с СССР. 18 августа на запрос Боннэ польский посол в Париже Ю. Лукаевич ответил, что «Бек никогда не позволит русским войскам занять те территории, которые мы у них забрали в 1921 г. Пустили бы вы, французы, немцев в Эльзас-Лотарингию?» На замечание Боннэ, что угроза столкновения с Германией делает «для вас необходимой помощь Советов», Лукаевич заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!» Тем не менее он обещал передать запрос в Варшаву. В свою очередь, Бек 19 августа заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь». Кроме того, Польша никого не уполномочивала обсуждать «вопрос использования части нашей территории иностранными войсками»⁴⁷⁸.

По свидетельству Лукаевича, несмотря на столь неконструктивную позицию Варшавы, «наш решительный отказ пропустить советские войска через Виленщину и Восточную Малопольшу (Галицию. — М.М.) в течение этих нескольких дней не был ни предметом горячих дискуссий, ни предметом серьезных предупреждений со стороны каких-либо влиятельных французских деятелей. Он не был ни для кого неожиданным. Все наиболее видные политики знали это — если не со времени переговоров о Восточном пакте, то по крайней мере с лета 1938 г.» Тем более не было никаких попыток «оказать на нас давление»⁴⁷⁹. Даже накануне заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа Польша вновь заявила, что «наша принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений»⁴⁸⁰. Маршал Э. Рыдз-Смиглы также подтвердил, что «независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁴⁸¹.

В это время Англия и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18—20 августа Польша, категорически отвергавшая сотрудничество с СССР, была

готова к переговорам с Германией для обсуждения германских условий территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Англию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись⁴⁸². Со своей стороны Лондон и Париж отказались от давления на Варшаву относительно вопроса о проходе Красной армии на польскую территорию. В свою очередь, Москва была озабочена тем, что для Англии «Польша — форпост против СССР. Англия воевать не будет, и Польше не поможет»⁴⁸³.

Прелюдия войны

В августе 1939 г. вопрос о выяснении позиции Англии и СССР в случае войны с Польшей вступил для Германии в решающую фазу. 2—3 августа Германия активно зондировала Москву, 7 августа — Лондон, 10 августа — Москву, 11 августа — Лондон, 14—15 августа — Москву. 21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве — Риббентропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с СССР, 22 августа Гитлер отменил полет Геринга, хотя об этом в Лондон было сообщено только 24 августа. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. Выбор Гитлера можно объяснить рядом факторов. Во-первых, германское командование было уверено, что вермахт в состоянии разгромить Польшу, даже если ее поддержат Англия и Франция. Тогда как выступление СССР на стороне антигерманской коалиции означало катастрофу. Во-вторых, соглашение с Москвой должно было локализовать германо-польскую войну, удержать Англию и Францию от вмешательства и дать Германии возможность противостоять вероятной экономической блокаде западных держав. В-третьих, не последнюю роль играл и субъективный момент: Англия слишком часто шла на уступки Германии, и в Берлине, видимо, в определенной степени привыкли к этому. СССР же, напротив, был слишком неуступчивым, и выраженную Москвой готовность к соглашению следовало использовать без промедления. Кроме того, это окончательно похоронило бы и так не слишком успешные англо-франко-советские военные переговоры.

22 августа Гитлер вновь выступил перед военными. Обрисовав общее политическое положение, он сделал вывод, что обстановка благоприятствует Германии, вмешательство Англии и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, они не смогут помочь Польше, а с СССР будет заключен договор, что также снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад. При этом следовало быстро разгромить польские войска, поскольку «уничтожение Польши остается на первом плане, даже если начнется война на Западе»⁴⁸⁴. Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал «договор (с СССР) как разумную сделку. По отношению к Сталину, конечно, надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте со Сталиным шанс на выключение Англии из конфликта с Польшей»⁴⁸⁵. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа.

22 августа в Данциг прибыл с визитом вежливости германский учебный корабль «Шлезвиг-Гольштейн», а на следующий день гауляйтер Данцига был провозглашен главой города, что было нарушением статуса свободного города, но с протестом выступила лишь Польша, тогда как члены Лиги Наций промолчали. 23 августа Франция заявила, что поддержит Польшу, но Верховный совет национальной обороны решил, что никаких военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. Более того, 24 августа Франция порекомендовала Польше воздержаться от применения силы, а ограничиться дипломатическими средствами в случае, если Данциг объявит о присоединении к Германии. 23 августа Гитлеру было передано письмо Чемберлена, в котором Лондон извещал о том, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом демонстрировал готовность к соглашению с Германией. В Англии все еще ожидали визита Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рр. Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия⁴⁸⁶. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

Получив рано утром 24 августа донесение от Риббентропа об успехе его миссии, Гитлер дал выход своим чувствам. В маниакальном исступлении он стучал кулаками по стене и кричал: «Теперь весь мир у меня в кармане!» В тот же день Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются английские гарантии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было. В тот же день Германия уведомила Англию, что «после решения польской проблемы» она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи Британской империи⁴⁸⁷. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англо-польском договоре, а Италия, которая и ранее высказывала опасения в связи с угрозой возникновения мировой войны, известила об отказе участвовать в войне. Все это привело к тому, что около 20 часов был отдан приказ об отмене нападения на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент⁴⁸⁸.

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации. На следующий день Лондон и Париж предложили Варшаве организовать взаимный обмен населением с Германией. Тем не менее Бек все еще был уверен, что «до настоящего времени Гитлер не принял еще решения начать войну... ни в коем случае в ближайшее время не произойдет ничего решающего»⁴⁸⁹. Англия, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать. 26 августа в Англии вместо 300 тыс. резервистов было призвано всего 35 тыс., поскольку считалось, что англо-польский договор удержит Германию от войны. В тот же день из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет⁴⁹⁰. 28 августа Англия отказалась от германских предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой. Если Германия пойдет на мирное урегулирование, то Англия соглашалась рассмотреть на будущей конференции общие проблемы англо-германских отношений. Лондон вновь предупредил Берлин, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на поляков в пользу переговоров с Германией.

Одновременно Польше было рекомендовано ускорить переговоры с Германией. А Лондон просил Муссолини намекнуть Гитлеру, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничиться возвращением Данцига и участков «коридора» Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны»⁴⁹¹. Естественно, Варшава не должна была знать об этом. Если бы германо-польские «переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией»⁴⁹².

Во второй половине дня 28 августа Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. Используя английские предложения о переговорах, германское руководство решило потребовать «присоединения Данцига, прохода через польский коридор и референдума [подобно проведенному в Саарской области]. Англия, возможно, примет наши условия. Польша, по-видимому, нет. Раскол!»⁴⁹³. 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в «польском коридоре» и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Англией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Англии, Гитлер надеялся, что «он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей»⁴⁹⁴. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Англии об урегулировании германо-польского конфликта и о том, что Германия в качестве условия поставила сохранение договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без СССР, вместе с которым следует решать все вопросы Восточной Европы⁴⁹⁵. 29 августа польское руководство сообщило своим западным союзникам о готовности начать мобилизацию, но Англия и Франция потребовали отложить этот шаг.

30 августа Англия вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет и Германия прекратит антипольскую кампанию в печати. В этом случае Лондон подтверждал свое согласие на созыв в будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу, поскольку существовала возможность того, что Англия пойдет на уступки и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае «войны уже не будет совсем», поскольку «приезд поляков в Берлин = подчинению»⁴⁹⁶. 30 августа Англия получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы. Однако Лондон не известил Варшаву об этих предложениях, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомил Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время. Рано утром 31 августа Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно начаться в 4.45 утра 1 сентября 1939 г. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Англией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией.

В 12.00 31 августа Варшава заявила Лондону, что готова к переговорам с Берлином при условии, что Германия и Польша взаимно гарантируют неприменение силы, законсервируют ситуацию в Данциге, а Англия в ходе переговоров будет оказывать поддержку польской стороне. Однако польскому послу в Берлине было приказано тянуть время, поскольку в Варшаве все еще считали, что «Гитлер не решится начать войну. Гитлер только играет на нервах и натягивает струны до крайних пределов»⁴⁹⁷. В итоге в 18.00 Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине констатировал отсутствие польского чрезвычайного уполномоченного и отказался от переговоров. В 21.15—21.45 Германия официально вручила свои предложения Польше послам Англии, Франции и США и заявила, что Варшава отказалась от переговоров. В это же время германское радио сообщило об этих предложениях по урегулированию кризиса и о польских провокациях на границе. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Англию и Францию, что не будет воевать⁴⁹⁸. 1 сентября Германия напала на Польшу, а европейский кризис перерос в войну, в которую через несколько дней вступили Англия и Франция.

Часть третья

Сентябрь 1939 года

Война с Запада

В ходе политического кризиса в Европе весной — летом 1939 г. стороны начали конкретные военные приготовления. Как известно, Польша рассматривалась в Берлине в качестве потенциального противника еще в 1920-е гг., когда и были подготовлены первые планы войны с ней. В основу этих планов была положена идея нанесения концентрических ударов из Восточной Пруссии и Силезии с целью окружения и разгрома по возможности большей части польской армии, захвата экономически важных районов Западной Польши и завершения войны в максимально короткие сроки. Эти стратегические идеи легли в основу германского военного планирования в 1939 г.⁴⁹⁹

Планы и силы сторон

3 апреля 1939 г. начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал В. Кейтель известил главнокомандующих сухопутными войсками, ВВС и ВМФ о том, что подготовлен проект «Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.» Одновременно главнокомандующие видов вооруженных сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей (план «Вайс»), который они должны были изучить и к 1 мая 1939 г. представить свои соображения относительно использования войск в войне против Польши, организации их взаимодействия и календарного плана мероприятий по подготовке операции. Полностью подготовку к войне следовало завершить к 1 сентября 1939 г.⁵⁰⁰

11 апреля А. Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939—1940 гг.», в которой, в частности, был изложен общий замысел операции против Польши: «Позиция Польши на данном этапе требует от нас осуществления особых военных приготовлений..., чтобы при необходимости исключить всякую угрозу с ее стороны даже на отдаленное будущее.

1. Политические предпосылки и постановка задачи.

Отношения Германии с Польшей и в дальнейшем должны строиться с учетом нежелательности всяких трений. Но если Польша изменит свою политику применительно к Германии, базировавшуюся до сих пор на тех же принципах, что и наша политика в отношении Польши, и займет позицию, создающую угрозу империи, то, несмотря на существующий договор, может оказаться необходимым решить проблему Польши окончательно.

Целью в этом случае будет: разбить польские вооруженные силы и создать на востоке такую обстановку, которая соответствовала бы потребностям обороны страны. Свободное государство Данциг будет объявлено частью германской империи не позднее, чем в момент начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса, т.е. ограничить войну исключительно польской территорией.

Ввиду приближающегося к кризисной точке развития событий во Франции и обусловленной этим сдержанности Англии обстановка, благоприятствующая решению польского вопроса, может возникнуть в недалеком будущем.

Содействие России, если она вообще окажется на него способной, Польша никак не сможет принять, поскольку это означало бы ее уничтожение большевизмом.

Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи.

Германия может рассчитывать, что в качестве ее союзника выступит Венгрия, однако этот вопрос окончательно еще не решен. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим.

2. Выводы военного характера.

Главное направление дальнейшего строительства вооруженных сил по-прежнему будет определяться соперничеством западных демократий. Операция «Вайс» составляет лишь предварительную меру в системе подготовки к будущей войне, но отнюдь не должна рассматриваться как причина для вооруженного столкновения с западными противниками (курсив мой. — М.М.).

В период после начала войны изоляция Польши сохранится тем вернее, чем в большей мере нам удастся открыть военные действия внезапными мощными ударами и добиться быстрых успехов.

Но общая обстановка в любом случае потребует принять меры к обороне западной границы и побережья Северного моря в пределах империи, а также прикрыть воздушное пространство над этими районами. Вдоль границ с лимитрофными государствами, особенно с Литвой, необходимо выставить оборонительный заслон на случай прохода через них польских войск».

Соответственно, «задача вооруженных сил состоит в уничтожении польской армии. С этой целью необходимо стремиться к внезапному началу наступательных действий и заранее готовить эти действия. Скрытная или явная всеобщая мобилизация будет назначена лишь в канун наступления, в самый последний момент...»

С целью уничтожения польской сухопутной армии южное крыло германских войск «может пройти через Словакию. Северному крылу быстро обеспечить соединение территории Померании с территорией Восточной Пруссии.

Подготовку к началу боевых действий осуществлять с таким расчетом, чтобы можно было выступить немедленно после получения приказа, используя на первом этапе операции расположенные вблизи границы части и не ожидая планомерного развертывания мобилизованных сил. Может оказаться необходимым занять передовыми частями исходное положение накануне дня наступления. Право решения этого вопроса я оставляю за собой». ВВС и ВМФ должны были быть готовы к уничтожению польской авиации и блокаде Польши с моря⁵⁰¹.

Таким образом, в Германии началось оперативное планирование войны с Польшей, которая должна была остаться локальным конфликтом. Вместе с тем германское руководство в тот момент все еще надеялось, что ему удастся склонить Польшу к соглашению, не доводя дело до войны.

В апреле — июне 1939 г. в Германии были разработаны конкретные планы использования вермахта в войне против Польши. Стратегический замысел и задачи войск в операции «Вайс» были изложены в директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию сухопутных войск от 15 июня 1939 г.: «1. Целью операции является уничтожение польских вооруженных сил. Политическое руководство требует начать войну внезапными, мощными ударами и добиться скорых успехов.

Замысел главнокомандующего сухопутными войсками сводится к тому, чтобы внезапным вторжением на польскую территорию упредить организованную мобилизацию и сосредоточение польской армии и концентрическими ударами из Силезии, с одной стороны, из Померании — Восточной Пруссии, с другой, разгромить главные силы польской армии, находящиеся западнее линии рр.Висла — Нарев.

Возможные действия противника из Галиции должны быть нейтрализованы.

Главная идея уничтожения польской армии западнее линии рр.Висла — Нарев при устранении воздействия, ожидаемого из Галиции, останется неизменной, даже если в период предшествующей напряженности польская армия будет приведена в боевую готовность...

2. Для решения этой задачи создаются группа армий «Юг» в составе 14-й, 10-й и 8-й армий и группа армий «Север» в составе 4-й и 3-й армий.

3. Ближайшая задача группы армий «Юг». Группа армий «Юг», сосредоточив мощную группировку (10-я армия), наносит удар между Заверце и Велюнь в общем направлении на Варшаву, рассеивает встречающиеся польские войска и по возможности раньше и максимально крупными силами выходит к Висле по обе стороны Варшавы, имея целью во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить польские войска, еще находящиеся в западной Польше.

Для прикрытия этого наступления от возможных ударов войск противника из Галиции необходимо быстро изолировать польские соединения, находящиеся в восточной части Верхней Силезии, и быстро овладеть местностью, прежде всего до реки Дунаец. С этой целью выделяется особая группа — 14-я армия, которая может действовать через территорию Словакии.

Сопrotивление наступлению 10-й армии в направлении на Варшаву, которое противник может оказать, контратакуя из района между Познанью и Кутно, устраняется силами менее мощной группировки (8-я армия)... Главное — постоянно поддерживать безостановочное наступление на решающем направлении на Вислу, по обе стороны Варшавы.

Ближайшие задачи армий следующие:

14-й армии — сосредоточивая на отдельных направлениях превосходящие силы, дробить польские войска в Северной Силезии и, не давая возможности частям противника, занимающим укрепления в районе Катовице, остановить наше продвижение, наступать на Краков и захватить подвижными частями переправы через Дунаец.

Промышленные объекты, находящиеся в этом районе, насколько позволит обстановка, следует сохранять.

В ходе дальнейшего наступления армии предстоит прикрывать южный фланг 10-й армии от контратак польских войск, развертывающихся в Западной Галиции...

10-й армии — используя маневренность своих подвижных соединений и сосредоточивая ударные силы на решающих направлениях, прорваться через линию Кельце — Пабьянице и по возможности быстрее выйти к Висле на участке между устьями рр. Вепш и Бзура. Окончательное уничтожение разрозненных частей противника, а также прикрытие фланга и тыла устремившихся вперед подвижных войск возлагается на пехотные соединения, которые следует подтягивать предельно быстро...

8-й армии — воспрепятствовать воздействию противника на северный фланг подвижных соединений 10-й армии. Для этого 8-й армии необходимо с максимальной скоростью продвигаться в направлении на Лодзь. Ее дальнейшие задачи в рамках общей задачи группы армий «Юг» будут определяться в зависимости от обстановки.

4. Ближайшая задача группы армий «Север». Группа армий «Север», перейдя в наступление в день «У», взаимодействием померанских и восточнопрусских сил обеспечивает связь между империей и Восточной Пруссией.

Силами мощной группировки (главные силы 3-й армии), создаваемой в районе Найденбурга, а также силами 4-й и частью сил 3-й армий, смыкающимися восточнее Вислы, начинается наступление в день «У» и как можно быстрее продвигается в общем направлении на Варшаву, имея задачей объединенными усилиями обеих группировок разгромить польские войска севернее Вислы и во взаимодействии с войсками группы армий «Юг» продолжать уничтожение войск противника, еще удерживающихся в западной Польше.

На дуге, образуемой реками Одер и Варта, сосредоточить лишь минимально необходимые силы для сковывания и введения противника в заблуждение.

Для наступления на Данциг войска первого эшелона не использовать. Уничтожение сил противника в районе Гдыня, Данциг (при необходимости) поручить соединениям, которые подойдут позднее. Свободный город Данциг с началом войны объявляется имперской территорией и охраняется гарнизонными частями, переходящими в день «У» в подчинение группы армий «Север».

Ближайшие задачи армий следующие:

4-я армия — переходит границу в день «У» силами, находящимися в исходных районах, и... во взаимодействии с соединениями 3-й армии, наступающими восточнее Вислы на юг, овладевает восточным берегом Вислы у Кульма и ниже его. Цель — не теряя времени, продолжать в соответствии с указаниями командования группы армий «Север» наступление из района восточнее Вислы через р. Дрвенц в юго-восточном направлении.

Важно быстро обеспечить надежное сообщение по шоссейным и железным дорогам с Восточной Пруссией.

Действия отрезанных в коридоре польских войск не должны отвлекать армию от решения ее главных задач.

3-я армия — ...частью сил содействует форсированию 4-й армией Вислы и ее дальнейшему продвижению.

...Армия своими главными силами начинает в день «У» наступление из района Найденбурга, пересекает государственную границу, имея задачей: уничтожить силы противника перед рекой Нарев, переправиться через р. Нарев и продвигаться на Варшаву и далее в восточном направлении.

Мост через Вислу в Диршау [Тчев] захватить внезапной атакой.

Границы Восточной Пруссии с Польшей и Литвой прикрывать минимальными силами. Предусмотреть проведение на границе с Польшей мероприятий по введению противника в заблуждение. Для осуществления плана «Вайс» намечалось выделить 40 пехотных, 4 легкопехотных, 3 горнопехотных, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду502 .

Готовя операцию против Польши, германское командование исходило из того, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Однако вопрос о том, будет ли вмешательство западных держав полностью исключено, так и не был решен. Поэтому были предусмотрены меры для прикрытия западной границы Германии, где планировалось развернуть группу армий «Ц» (командующий генерал В. фон Лееб) в составе 1-й, 5-й и 7-й армий, которая насчитывала бы 31 дивизию и, опираясь на недостроенную линию Зигфрида, должна была оборонять границу с Нидерландами, Бельгией и Францией. Таким образом, из развертываемых по мобилизации 103

дивизий вермахта 57 (55,3%) планировалось развернуть против Польши, 31 (30,1%) — на западе Германии, а 15 (14,6%) — в центральных районах страны.

Еще в мае 1939 г. были приведены в боевую готовность шесть армейских управлений, 11 управлений армейских корпусов и 24 дивизии. Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. Предмобилизационные мероприятия начались в Восточной Пруссии с июля, а по всей территории Германии с 18 августа 1939 г. К 25 августа уже завершили мобилизацию соединения, составлявшие 35,4% сухопутных войск военного времени. Сигнал на проведение общей мобилизации был дан во второй половине дня 25 августа, то есть за один день до намеченного начала войны. В ходе мобилизации до 31 августа были сформированы 51 пехотная дивизия, в которых кадровые военнослужащие составляли лишь 5% личного состава, и соответствующие тыловые службы. К 1 сентября 1939 г. вермахт насчитывал 4 528 тыс. человек (3 706 тыс. в сухопутных войсках, 677 тыс. в ВВС, 122 тыс. в ВМФ и 23 тыс. в войсках СС)⁵⁰³.

Для осуществления операции «Вайс» было развернуто две группы армий. В Померании и Восточной Пруссии развертывалась группа армий «Север» (командующий — генерал-полковник Ф. фон Бок) в составе 3-й (командующий — генерал-полковник Г. фон Кюхлер) и 4-й (командующий — генерал-полковник Г. фон Клюге) армий. В Силезии и Словакии сосредоточивалась группа армий «Юг» (командующий — генерал-полковник Г. фон Рунштедт) в составе 8-й (командующий — генерал-полковник И. Бласковиц), 10-й (командующий — генерал-полковник В. фон Рейхенау) и 14-й (командующий — генерал-полковник В. Лист) армий, наносившая главный удар в операции «Вайс». К вечеру 25 августа против Польши было сосредоточено 16 2/3 пехотные, 4 легкопехотные, 6 танковых, 2 2/3 моторизованных дивизий и 1 кавбригада. В связи с переносом срока начала вторжения германскому командованию удалось к 1 сентября 1939 г. завершить мобилизацию и развернуть на Востоке 37 1/3 пехотных (из них 14 (37,8%) резервных), 4 легкопехотные, 1 горнопехотную, 6 танковых и 4 2/3 моторизованные дивизии и 1 кавбригаду (82,6% запланированных сил)⁵⁰⁴. Состав групп армий указан в таблице 15, в которой резервные дивизии 2-й волны отмечены *, 3-й волны — **, а 4-й волны — ***.

Кроме того, сухопутным войскам были подчинены пограничные части общей численностью 93,2 тыс. человек. Так, группе армий «Север» подчинялись 1-й, 11-й, 21-й, 31-й участки погранохраны, 1-й, 2-й, 12-й пограничные районы, а группе армий «Юг» — 3-й, 13-й, 14-й пограничные районы. Группу армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот (командующий — генерал А. Кессельринг), в составе которого насчитывалось 746 самолетов (из них 720 боеготовых), кроме того, командованию группы армий были подчинены летные части, располагавшие 94 самолетами (83 боеготовых), а морская авиация насчитывала 56 самолетов (51 боеготовый). С группой армий «Юг» взаимодействовал 4-й воздушный флот (командующий — генерал А. Лёр), располагавший 1 095 самолетами (1 000 боеготовых), а сухопутным частям подчинялись летные части в составе 240 самолетов (186 боеготовых)⁵⁰⁵.

Сосредоточение и мобилизация вермахта велись с соблюдением мер маскировки и дезинформации, чтобы не вызвать ответных действий со стороны Польши. Тем не менее польская разведка в целом верно установила численность развертываемых на границе германских группировок. Так, в группе армий «Север» имелось 20,5 дивизий, а поляки считали, что их 20—22 дивизии, в группе армий «Юг» из 32 2/3 дивизий польская разведка установила 28 соединений. Однако польское руководство как минимум до середины августа не было уверено, что Германия начнет войну⁵⁰⁷.

Польское стратегическое планирование против Германии основывалось в 1920—1930-е гг. на франко-польском договоре 1921 г. о взаимопомощи, предусматривавшем совместные действия Франции и Польши. Основная идея военного планирования до середины 1930-х гг. заключалась в наступательных действиях французских и польских войск на Берлин. Позднее в качестве первоочередного объекта польского наступления стала фигурировать Восточная Пруссия. В 1936 г. польские вооруженные силы получили новый план войны с Германией, согласно которому они должны были оборонять германо-польскую границу и наступать против Восточной Пруссии. Но вплоть до конца 1938 г. польское командование основное внимание уделяло разработке военных планов против СССР. С конца февраля 1939 г. польское командование приступило к разработке конкретного плана войны с Германией — «Захуд». После оккупации Германией Чехословакии в марте 1939 г. в этот документ были внесены изменения с учетом сложившейся обстановки. Начавшееся в марте 1939 г. оформление англо-франко-польской коалиции привело к тому, что польское военное планирование основывалось на расчете, что Англия и Франция поддержат Польшу в войне с Германией.

Именно так определяло основную задачу польское политическое руководство: «1. Немедленный и решительный отпор каждой форме агрессии, как косвенной, так и прямой.

2. Доведение до немедленного и автоматического выступления западных государств с момента начала военных действий и, таким образом, с самого начала превращение польско-германской войны в войну Германии с коалицией западных государств и Польши. Только при этих

условиях можно ожидать полной и окончательной победы»⁵⁰⁸. Поэтому перед польскими вооруженными силами ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизационное развертывание и сосредоточение своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Англия и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад.

Для осуществления этого плана предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады. Эти войска должны были быть объединены в семь армий, три оперативные группы и корпус вторжения. Против Восточной Пруссии развертывались опергруппы «Нарев» (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады), «Вышкув» (2 пехотные дивизии) и армия «Модлин» (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады; командующий — генерал бригады Э. Пшедзимирский-Крукович). В «польском коридоре» сосредоточивалась армия «Поможе» (5 пехотных дивизий, 1 кавбригада; командующий — генерал бригады В. Бортновский), часть сил которой предназначалась для захвата Данцига. На Берлинском направлении развертывалась армия «Познань» (4 пехотные дивизии и 2 кавбригады; командующий — генерал бригады Т. Кутшеба). Границу с Силезией и Словакией прикрывали армия «Лодзь» (5 пехотных дивизий, 2 кавбригады; командующий — генерал бригады Ю. Руммель), армия «Краков» (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада и 1 танковый батальон; командующий — генерал бригады А. Шиллинг) и армия «Карпаты» (1 пехотная дивизия и пограничные части; командующий — генерал бригады К. Фабриций). В тылу южнее Варшавы развертывалась армия «Прусы» (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада и 1 бронемоторизованная бригада; командующий — генерал бригады С. Домб-Бернацкий). В районах Кутно и Тарнов сосредоточивались в резерве по 2 пехотные дивизии⁵⁰⁹. Таким образом, польская армия должна была развернуться равномерно на широком фронте, что делало проблематичным отражение массированных ударов вермахта.

Скрытое мобилизационное развертывание польских войск, начавшееся 23 марта 1939 г., затронуло 4 пехотные дивизии и 1 кавбригаду, были усилены соединения в ряде округов и созданы управления четырех армий и одной оперативной группы. В основу этих мероприятий был положен мобилизационный план «W» от апреля 1938 г., предусматривавший скрытую мобилизацию в мирное время. 13—18 августа была объявлена мобилизация еще 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. Перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, начались 26 августа, когда был получен приказ о выдвигании отобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения. Приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения был отдан 30 августа. Мероприятия по отобилизованию армии польское руководство проводило в тайне и от своих англо-французских союзников, которые опасались, что эти действия Варшавы могут подтолкнуть Германию к войне. Поэтому, когда 29 августа в Польше собрались начать открытую мобилизацию, Англия и Франция настояли на том, чтобы она была отложена до 31 августа. Тем не менее благодаря скрытой мобилизации к утру 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60%, но развертывание польских войск не было завершено — лишь 46,8% войск находилось в районах предназначения, но и они не успели полностью занять свои позиции⁵¹⁰. К утру 1 сентября Польша развернула на границе 22 2/3 пехотные дивизии, 3 горнопехотные, 10 кавалерийских и 1 бронемоторизованную бригады (см. таблицу 16). Кроме того, в центральных районах страны сосредоточились 3 пехотные дивизии (13-я, 19-я, 29-я) и Виленская кавбригада, остальные соединения продолжали отобилизование или находились в движении по железным дорогам.

Имея общее превосходство в силах над противником, германское командование создало компактные группировки на избранных направлениях будущего наступления. Польское же командование, наоборот, практически равномерно развернуло войска вдоль всего почти 1 900-километрового будущего фронта. В результате на отдельных направлениях германское превосходство было еще более значительным. На направлениях же главных ударов вермахта, как будет показано далее, это превосходство было близко к подавляющему. Собственно, растягивание польского фронта вдоль границы, на местности, пригодной для использования больших масс войск и военной техники, фактически изначально обрекало польскую армию на поражение. Подобное размещение польских войск определялось как политическими причинами, так и надеждой на быструю поддержку Англии и Франции, действия которых должны были отвлечь германские войска на запад и позволить полякам удержать фронт и перейти в контрнаступление.

Как уже отмечалось, первый раз приказ о наступлении был отдан Гитлером в 15.25 25 августа. В соответствии с ним в ночь накануне нападения на территорию Польши вводились в действие диверсионные отряды «Абвера». Абверкоманда лейтенанта А. Херцнера должна была захватить Яблунковский перевал и обеспечить наступление 7-й пехотной дивизии от Жилины на Краков. Сложный горный рельеф не позволил радисту отряда получить сообщение об отмене приказа о наступлении, переданном после 20.30 25 августа. Поэтому рано утром 26 августа отряд выполнил задание — захватил перевал, но вечером того же дня, недождавшись прибытия частей вермахта, был вынужден уйти в горы⁵¹³.

Утром 31 августа Гитлер отдал приказ о нападении на Польшу на рассвете 1 сентября, а в 12.40 он подписал Директиву № 1: «1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности урегулировать мирным путем положение на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой.

2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану «Вайс», учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершено стратегического сосредоточения и развертывания сухопутных войск.

Распределение задач и оперативная цель остаются без изменений.

День наступления — 1 сентября 1939 г.

Начало наступления — 4 час. 45 мин.

Это же время распространяется на операции против Гдыни и в Данцигской бухте и для захвата моста у Диршау.

3. На Западе ответственность за открытие боевых действий следует возложить исключительно на Англию и Францию. Незначительные нарушения наших границ следует вначале ликвидировать чисто местным порядком.

Строго соблюдать нейтралитет, гарантированный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии.

Германская сухопутная граница на западе не должна быть пересечена ни в одном пункте без моего специального разрешения. То же самое относится ко всем военно-морским операциям, а также к другим действиям на море, которые могут расцениваться как военные операции. Военно-воздушные силы должны в своих действиях пока ограничиться противовоздушной обороной государственных границ от налетов авиации противника и стремиться по мере возможности не нарушать границ нейтральных стран при отражении налетов как отдельных самолетов, так и небольших авиационных подразделений. Если только в случае налетов на территорию Германии крупных сил французской и английской авиации через нейтральные государства станет невозможным обеспечить противовоздушную оборону на западе, последнюю разрешается организовать также и над территорией нейтральных стран.

Особую важность приобретает немедленное извещение верховного главнокомандования вооруженных сил о каждом нарушении границ нейтральных стран со стороны западных противников.

4. Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задача действующих на западе войск будет состоять в том, чтобы, максимально экономя силы, создать предпосылки для победоносного завершения операций против Польши. В соответствии с этими задачами необходимо нанести по возможности больший урон вооруженным силам противника и его военно-экономическому потенциалу. Приказ о начале наступления будет отдан мною.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае вступления западных держав на территорию Бельгии и Голландии. Если французская армия вступит на территорию Люксембурга, разрешаю взрывать пограничные мосты.

Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским... Необходимо принять меры по предотвращению вторжения противника в Балтийское море. Принятие решения о заминировании входов в Балтийское море возлагается на главнокомандующего военно-морскими силами.

Военно-воздушные силы имеют своей задачей в первую очередь воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных войск и жизненного пространства Германии. В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для воздействия на морские коммуникации Англии, для нанесения ударов по военно-промышленным объектам и уничтожения транспортов с войсками, отправляемых во Францию.

Необходимо использовать благоприятные возможности для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских военно-морских сил, в особенности по линейным кораблям и авианосцам. Приказ о бомбардировке Лондона будет отдан мною.

Налеты на английскую метрополию должны быть подготовлены с таким расчетом, чтобы по возможности избежать незначительных успехов вследствие нанесения удара ограниченными силами»⁵¹⁴.

Для оправдания нападения германское руководство решило силами СД организовать провокацию, которая позволила бы возложить ответственность за развязывание войны на Польшу. Было решено, что специально подготовленная группа захватит небольшую вспомогательную радиостанцию и передаст в эфир сообщение о переходе польской армией германской границы и призыв к полякам в Германии к восстанию против немцев. После налета в здании радиостанции должны были остаться улики, которые можно было бы предъявить немецкой и иностранной прессе. К 16 августа подготовка операции под кодовым названием «Консервы» была завершена. Из концлагеря у Ораниенбурга доставили 13 заключенных, осужденных к смертной казни за убийства, одели их в польскую военную форму и с помощью инъекции привели в бессознательное

состояние. В 20.00 31 августа отряд под командованием штурмбанфюрера СС А. Нойжокса «захватил» радиостанцию у Глейвица и передал в эфир 10-минутную передачу на польском языке. Затем, обстреляв из автоматов стены и окна здания и оставив тело убитого заключенного в польской форме, покинул здание. В то же время недалеко в лесу возле Хохеншпицен при участии начальника гестапо Г. Мюллера остальные заключенные, одетые в форму Войска Польского, были в бессознательном состоянии расстреляны, якобы в ходе боя с вторгшимися в Германию польскими подразделениями⁵¹⁵.

Утром 1 сентября Германское информационное бюро распространило под общим заголовком «Поляки совершили нападение на радиостанцию в Глейвице» следующие сообщения: «Бреслау. 31 августа. Сегодня около 8 часов вечера поляки атаковали и захватили радиостанцию в Глейвице. Силой ворвавшись в здание радиостанции, они успели обратиться с воззванием на польском и частично немецком языке. Однако через несколько минут их разгромила полиция, вызванная радиослушателями. Полиция была вынуждена применить оружие. Среди захватчиков есть убитые». «Оппельн. 31 августа. Поступили новые сообщения о событиях в Глейвице. Нападение на радиостанцию было, очевидно, сигналом к общему наступлению польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим, как удалось установить, польские партизаны перешли германскую границу еще в двух местах. Это также были хорошо вооруженные отряды, по-видимому, поддерживаемые польскими регулярными частями. Подразделения полиции безопасности, охраняющие государственную границу, вступили в бой с захватчиками. Ожесточенные действия продолжаются»⁵¹⁶.

Германо-польская война: первые операции

Завершив сосредоточение и развертывание вермахта по плану «Вайс», Германия, уверенная в невмешательстве Англии и Франции, напала на Польшу⁵¹⁷. В 4.30 утра 1 сентября 1939 г. германские ВВС нанесли массированный удар по польским аэродромам, в 4.45 учебный артиллерийский корабль (бывший броненосец) «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по Вестерплатте, одновременно сухопутные войска Германии перешли границу Польши, стремясь осуществить стратегический замысел операции «Вайс».

Рассвет 1 сентября был туманным. Над Северной и Центральной Польшей стояла сплошная и густая облачность. Туман стелился по земле, закрывая авиационные цели. 1-й воздушный флот смог в эти утренние часы поднять в воздух лишь незначительную часть самолетов. В 6 часов германские парашютисты начали операцию по захвату моста у Тчева (Диршау). К 7.30 польская оборона была прорвана, но в момент, когда солдаты вермахта уже овладели мостом, польский капитан, командовавший его обороной, успел активировать взрывное устройство. Мост рухнул в реку⁵¹⁸. На южном участке фронта три авиационные группы 4-го воздушного флота атаковали аэродромы в Катовицах и Кракове, где уничтожили 17 польских самолетов и ангары. С восходом солнца туман рассеялся, погода улучшилась. В атаку включились новые воздушные эскадры, но попытка застигнуть польскую авиацию врасплох в полной мере не удалась, поскольку германские ВВС не смогли атаковать польские авиабазы одновременно. Господство в воздухе было захвачено германской авиацией в последующие дни благодаря количественному и особенно техническому превосходству немецких самолетов над польскими. В многочисленных воздушных боях польские самолеты терпели поражение, так как были тихоходными и плохо вооруженными.

С началом атак военно-воздушных сил перешли в наступление и сухопутные войска. Они пересекли границу и, нанеся свой первый удар, завязали бои с польскими частями, оборонявшими передовые позиции. 1 сентября германские войска вступили в Данциг, который был объявлен частью Третьего рейха. Однако польские военные склады на Вестерплатте в устье Вислы, несмотря на ожесточенные атаки и артобстрел с суши и с моря, захватить не удалось. Там оборонялось всего 182 польских солдата, вооруженных 4 минометами, 3 орудиями и 41 пулеметом, но имевшим в своем распоряжении добротные бетонные и полевые укрепления. В течение недели поляки под артобстрелом и авиабомбежкой сопротивлялись почти 4 тыс. солдат вермахта. И только когда закончились боеприпасы и немцы применили огнеметы, поляки 7 сентября в 10.15 капитулировали. Их потери составили 15 человек убитыми и 50 ранеными, а потери вермахта убитыми и ранеными достигли 300—400 человек⁵¹⁹.

Тем временем на северных участках германо-польского фронта образовалось три главных очага борьбы. Один — в районе Млавы, где армия «Модлин» сражалась против главных сил 3-й германской армии, наступавших из Восточной Пруссии на юг; второй — северо-восточнее Грудзёндза, где правофланговые соединения польской армии «Поможе» вели бои с немецким 21-м армейским корпусом той же 3-й армии; третий — в районе «польского коридора», где левофланговая группировка армии «Поможе» встретила атаки главных сил 4-й германской армии.

Фронтальные атаки трех немецких пехотных и одной танковой дивизий млавских оборонительных позиций, стойко защищаемых на 15-километровом фронте польскими 20-й пехотной дивизией и Мазовецкой кавалерийской бригадой, не принесли немцам ожидаемого

успеха. Стремительного прорыва 3-й немецкой армии на Пултуск и Варшаву не получилось. Особенно большие потери понесло танковое соединение «Кемпф», которое неумело использовалось в лобовых атаках. Командующий 3-й армией должен был вывести танки из боя. Польская группа «Всхуд» также вполне успешно отразила атаки 21-го армейского корпуса на Грудзёндз. Наступавшая из Померании 4-я германская армия имела в качестве ударной группы 19-й моторизованный корпус. Противостоявшая ей армия «Поможе» располагала в западной части коридора на 70-километровом фронте лишь 9-й пехотной дивизией и расположенной севернее оперативной группой «Черск». На них и двинулись с рассветом две моторизованные и одна танковая дивизии 19-го моторизованного корпуса, а также две пехотные дивизии. Германские войска имели подавляющее превосходство над польскими, а в воздухе господствовала германская авиация.

Тем не менее немецкое наступление на первых порах было встречено упорным сопротивлением. Уланский полк Поморской кавалерийской бригады в развернутом строю атаковал немецкую 20-ю моторизованную дивизию, но, встреченный огнем бронемашин, погиб во главе со своим командиром. Передовой отряд польской 9-й пехотной дивизии дважды отбивал атаки крупных немецких сил, а затем отошел на главную позицию. В штабе армии «Поможе» основных событий ждали на севере, в районе Данцига, где накал политических событий накануне войны достиг высшей точки. Поэтому известие, полученное штабом от воздушной разведки, о выдвигании крупной немецкой танковой колонны на юге, из района Сепольно, оказалось для командующего армией генерала Бортновского и его штаба полной неожиданностью. Немцы с наступлением темноты сломали сопротивление польской пехоты и передовым танковым отрядом прорвались на 90 км до Свекатово. Парировать этот удар польскому командованию было нечем. Сравнительно быстро германские войска достигли в коридоре успеха.

На южном участке германо-польского фронта главный удар наносила 10-я армия, получившая приказ «разбить противостоящие слабые силы противника, чтобы достигнуть свободы оперативного маневра в излучине Вислы, в районах Краков, Демблин, Варшава, Бзура». Ей противостояли главные силы польской армии «Лодзь» и часть сил армии «Краков», принявшие на себя всю тяжесть удара немецкой группировки (см. таблицу 20). К утру 1 сентября армия «Лодзь» еще не успела закончить развертывание на передовых позициях. Ее войска оборонялись в 100-километровой полосе и частично находились на марше.

Армия «Краков» занимала оборону также на широком фронте, с большими разрывами между соединениями. Ее правифланговая 7-я пехотная дивизия была растянута на 40 км, причем оба открытые фланга дивизии противник мог легко обойти. Особенно катастрофическим оказалось положение с резервами, столь необходимыми для обороны широкого фронта. К началу войны командующий армией имел в резерве только 10-ю моторизованную бригаду западнее Кракова и часть сил 6-й пехотной дивизии. Не случайно в Главном штабе и штабе армии говорили в те дни о «кризисе резервов».

С рассветом 1 сентября войска 10-й и 8-й германских армий пересекли польскую границу. Особенно упорные бои завязались на том участке фронта, где 10-я армия наносила удар 16-м моторизованным корпусом. 4-я танковая дивизия с 8 часов в районе Мокра атаковала Волинскую кавалерийскую бригаду. Немецкий передовой отряд был решительно отброшен уланским полком. Через два часа тот же кавалерийский полк отразил артиллерийским огнем повторную танковую атаку. На поле боя осталось 12 немецких танков. Около полудня немецкие части вновь перешли в атаку без разведки. Танки двигались густыми построениями и попали под огонь польских батарей. Танковая дивизия потеряла 20 легких танков и была вынуждена отступить. Польские потери превышали 100 человек и несколько орудий. Бой первой половины дня показал, что не имеющие боевого опыта немецкие командиры бросают в сражение танки густыми массами, не ведя разведку, что, несмотря на большие потери, они упорно фронтально атакуют позиции обороняющихся.

Около 15 часов 4-я танковая дивизия возобновила атаки Волинской бригады. Компактная масса немецких танков и мотопехоты при поддержке огня шести батарей атаковала 12-й и 21-й уланские полки восточнее деревни Мокра и вскоре достигла района Клобуцка. Вечерело. Командир польской кавалерийской бригады организовал контратаку. Смелая контратака и меткий огонь принесли успех. В боевых порядках немецких танков произошло замешательство. Дошло до взаимного обстрела. Вся танковая масса отступила. По утверждению Руммеля, на поле боя осталось до 150 немецких танков и бронетранспортеров. Эта цифра, возможно, преувеличивает действительные потери, но все же не вызывает сомнения тот факт, что польские части нанесли здесь немецкой 4-й танковой дивизии большой урон. На левом фланге армии «Лодзь», в 8-километровое открытое пространство на стыке с армией «Краков», наступала 1-я немецкая танковая дивизия. Продвигаясь вперед, она создавала угрозу флангам армий «Лодзь» и «Краков».

В тоже самое время вступили в действие войска армии «Краков», встретившие удар непосредственно на выдвинутых к границе главных позициях. К вечеру северный и центральный участки армии оказались прорванными.

Так заканчивался первый день войны. Очевидно, что первый удар в германо-польской войне не принес немцам всех ожидаемых результатов. Его эффект был значительно ниже потенциальных возможностей вермахта, но он создал предпосылки для успешного развития операций в последующие дни.

Польское верховное командование достаточно оптимистично оценивало ситуацию. Еще не занялся рассвет, когда дежурный офицер Главного штаба подполковник Окулицкий принял сообщение из Данцига о том, что немцы в городе явно готовятся начать вооруженное выступление. В 5.30 из штаба армии «Поможе» доложили о налете немецких бомбардировщиков на Тчев и о нарушении германскими войсками границы вблизи Грудзэндза. В 5.45 Окулицкий объявил тревогу.

Война застала Главный штаб неотмобилизованным. Много проблем возникло со связью верховного командования: рота связи заканчивала мобилизацию только вечером 2 сентября. Когда через несколько часов после объявления тревоги офицеры Главного штаба приступили к делу, оказалось, что в их распоряжении имеется лишь несколько телефонов, один телеграфный аппарат и одна радиостанция, пользоваться которой было трудно, так как ее передающее устройство находилось далеко от штаба, в районе Повонски, а приемник, соединенный кабелем с передатчиком, — в личном укрытии Рыдз-Смиглы, куда входить считалось не совсем удобным. Правда, вскоре на десяти автомашинах прибыла в форт Пилсудского еще одна радиостанция, однако ввиду ее огромных размеров, не позволявших разместить аппаратуру в укрытии, радиостанция могла начать работать лишь через сутки. 2 сентября немецкая авиация вывела из строя передатчик радиостанции. С тех пор станцией можно было пользоваться только для приема сообщений. Не удивительно, что уже на второй день войны отмечалась потеря связи с соединениями, а в следующие дни длительные перерывы связи со всеми армиями стали обычным явлением.

Верховный главнокомандующий маршал Э. Рыдз-Смиглы, прибыв в штаб, прежде всего заинтересовался положением 27-й пехотной дивизии армии «Поможе», выдвинутой в район Данцига, привлекавший накануне войны внимание всего мира. После переговоров с командующим армией Рыдз-Смиглы приказал оттянуть дивизию к югу. Затем он обратил внимание на дислокацию «главного резерва» — армии «Прусы». Двигавшиеся в эшелонах войска армии получили новое направление. Лишь во второй половине дня главный штаб впервые начал заниматься югом. Уже вечерело, когда командующий армией «Лодзь» генерал Руммель сообщил в Варшаву о большом скоплении немецких танков севернее Ченстохова и просил бомбить их авиацией. Генерал Шиллинг — командующий армией «Краков» — в пессимистических тонах доложил о слабости обороны армии и о почти полном отсутствии резервов. Сообщение Шиллинга вызвало вскоре нервный разговор по телефону между ним и начальником генерального штаба Стахевичем, который старался узнать, «почему пан генерал имеет такие слабые резервы», и указывал на необходимость «охранять стык с армией “Лодзь”». В главном штабе лишь постепенно становилось ясным, что на юге, вблизи Ченстохова, наступает сильная немецкая танковая группировка.

После того как в первый день войны достигнуть решительных результатов в уничтожении польской авиации не удалось, германское командование начало серьезно колебаться в вопросе о дальнейшем использовании своих военно-воздушных сил. С одной стороны, казалось необходимым для подавления польских ВВС нанести новые, более эффективные удары. С другой — отсутствие решительного успеха наземных войск заставило перенацеливать все больше авиации на поддержку сухопутных сил и на срыв интенсивных польских железнодорожных перевозок, проводимых для завершения мобилизации. Начиная со второго дня войны немецкая авиация наносила удары по многим объектам одновременно. Все эти удары, конечно, имели немалый эффект, но уничтожить польскую авиацию по-прежнему не удавалось. Штаб люфтваффе, подводя итоги второго дня войны, констатировал, что посредством атак удалось вытеснить польскую военную авиацию с ее авиабаз мирного времени и в связи с ее рассредоточением на неподготовленных аэродромах сильно ограничить возможности ее использования. Таким образом, за два дня не удалось уничтожить польскую авиацию. Немногочисленная и слабая, она продолжала сражаться, хотя и не имела надежд на успех.

Поняв, что попытки атаковать одновременно множество объектов не могут принести серьезного результата, штаб люфтваффе решает, начиная с 3 сентября, «подавить с применением самых больших сил передвижение войск противника». Главные силы авиации теперь почти целиком переключаются на удары по железным дорогам и на поддержку наземных войск, наступление которых все еще не получило широкого развития. Массированными ударами против польских железных дорог германская авиация серьезно затруднила подвоз резервов и дальнейшее развертывание польской армии.

События в «польском коридоре» завершились для поляков трагически. Успех, достигнутый 3-й танковой дивизией вермахта, прорвавшейся в первый день в Свекатово, дополнился наступлением 20-й моторизованной дивизии из района Тухель в направлении севернее

Грудзёндза. Немцы осуществляли двойной охват польских войск, оборонявших коридор. Командующий этими войсками генерал Бортновский с утра 2 сентября потерял связь со своими дивизиями. Армия «Поможе», рассеченная пополам, сражалась в двух группах: южной и северной. Немногочисленная южная группировка заняла оборону на предместном укреплении севернее Быдгоща. Северная группировка попала в окружение. Немецкие 3-я танковая и 20-я моторизованная дивизии 4 сентября прорвались к Висле у Хелмно (Кульма), а пехота сжимала кольцо на севере. В штабе армии «Поможе» царила паника. Бортновский, считая, что все потеряно, ждал немедленного удара немецких танков на Быдгощ и Торунь. Он решил отвести остатки армии к югу, а сам выехал в Торунь, где встретил генерала Кутшебу, командующего армией «Познань». Кутшеба хотел уяснить, что же произошло на севере и что следует предпринять. Посовещавшись, генералы решили, что уцелевшие войска армии «Поможе» отступят за Вислу к Торуню.

5 сентября последовал приказ польского главного командования, предлагавший оставшимся частям армии «Поможе» «маршировать за армией «Познань»... на Варшаву». Германские войска заняли коридор и стали поворачивать к югу. 5 сентября они вступили в Грудзёндз. К вечеру 6 сентября войска 3-го и 2-го армейских корпусов 4-й германской армии заняли Накло и Быдгощ, вышли на окраины Торуня и на р. Дрвенца. В ходе этих боев в «польском коридоре» были взяты в плен 16 тыс. польских солдат и 100 орудий стали трофеями вермахта.

Одновременно продолжалась борьба на млавских оборонительных позициях. Наступление 3-й германской армии из Восточной Пруссии к югу в течение трех суток не получало развития из-за упорного сопротивления частей армии «Модлин». Оказались безуспешными и попытки сломить оборону ударами авиации. Но в ходе этих боев польские войска понесли значительные потери. Генерал Пшедзимирский, командующий армией «Модлин», потерял связь с дивизиями. Мазовецкая кавалерийская бригада под натиском корпуса Водрига отступила к югу, обнажив правый фланг млавских позиций. Вскоре покинули свои позиции 20-я и 8-я пехотные дивизии, исчерпавшие свои боевые возможности. Сопровождаемые атаками германской авиации, обе дивизии отходили к переправам через Вислу у Модлина и Вышогруда. В центре армии «Модлин» образовалась 30-километровая брешь. Резервы отсутствовали. Генерал Пшедзимирский решил 4 сентября отвести войска за Вислу, реорганизовать их и принять меры к удержанию вислинского и буго-наревского рубежей.

Имея большое преимущество в силах, группа «Север» ценой серьезных потерь добилась лишь фронтального вытеснения поляков за Вислу и Нарев. Хотя германские войска получили возможность продвинуться к югу, но отход польских войск за Вислу привел к тому, что «...в группе армий «Север» появилось сомнение в том, возможно ли еще уничтожить польские вооруженные силы западнее Вислы и нет ли необходимости изменить цели, поставленные первоначальным планом». Командование группы армий «Север» пришло к выводу о необходимости полной перегруппировки сил и создания новой ударной группы, теперь уже не в центре, а на своем восточном фланге. Наступление на Варшаву по обе стороны Вислы предполагалось отныне вести только 3-м и 2-м армейскими корпусами 4-й армии, остальные же силы армии — 19-й моторизованный корпус, 21-й армейский корпус, вновь прибывшие 10-ю танковую и две пехотные дивизии — было решено перебросить на юго-восток Восточной Пруссии для глубокого обхода отходивших за Вислу и Нарев польских группировок.

Директива главкома сухопутных войск генерал-полковника В. Браухича от 5 сентября о задачах группы «Север» гласила: «В намерения ОКХ входит наступление 4-й армии по обе стороны Вислы на Варшаву, 3-й армии — правым флангом на Варшаву, левым флангом — на Остров-Мазовецки. Намерение группы армий усилить 3-ю армию путем переброски сил — особенно подвижных — из 4-й армии соответствует мнению ОКХ. Нужно избегать далекого размаха движения восточного фланга и ограничить продвижение на линии Варшава — Остров-Мазовецки». В соответствии с директивой штаб группы армий «Север» приказом от 5 сентября значительно сократил глубину и размах планируемого нового наступления, 4-я армия нацеливалась частью сил на Варшаву, а 3-я армия получила задачу «захватить переправы через Нарев, направить правофланговые соединения к Варшаве, а левофланговые, наносящие главный удар, — немного восточнее, на Рожан».

Польские войска получили передышку, отступили за Вислу и Нарев, укрепили оборону Модлина и Варшавы, приступили к созданию нового оборонительного фронта. Перед польским командованием на северном участке фронта теперь возникла задача создать новый оборонительный рубеж за Наревом, Бугом, Вислой и попытаться задержать немцев. Оно располагало сутками, выигранными в результате отхода за Вислу. Для создания нового фронта использовались отошедшие части, вновь прибывающие войска, а также гарнизоны расположенных вблизи городов. Оборонительный рубеж на южных берегах Нарева и Буга оказался слабым. Многие части, прибывшие после боев, были настолько истощенными, что не могло быть и речи об использовании их в дальнейших боях, а новые соединения еще не успели полностью сосредоточиться.

3-я германская армия 6 сентября выдвинулась к нижнему течению Нарева. Попытка двух пехотных дивизий ее 1-го армейского корпуса форсировать реку по обе стороны Пултуска была решительно отражена Мазовецкой кавалерийской бригадой. Однако корпус Водрига занял Рожан и создал плацдарм на восточном берегу реки. Оборона нового польского фронта дала здесь первую трещину. В последующие дни группа «Север» выводила свою ударную группировку в пространство между Наревом и Бугом.

Развитие наступления 10-й германской армии на варшавском направлении оказалось решающим для дальнейшего хода войны. Именно в ходе этой наступательной операции 10-й армии произошел первый в истории Второй мировой войны танковый прорыв, ставший в дальнейшем основой военного искусства германских сухопутных войск.

Весьма незначительный успех 10-й армии 1 сентября несколько встревожил германское командование. Одновременно приподнялось состояние духа в польских штабах. Командующий армией «Лодзь» генерал Руммель еще вечером 1 сентября не без основания сообщал главнокомандующему: «С танками наши войска сражаются хорошо». Оценивая силы противника перед фронтом армии, Руммель ошибочно полагал, что тот наступает здесь всего лишь четырьмя — пятью дивизиями и что все происходящее — пока еще лишь немецкая разведка. Уже утром второго дня войны Рыдз-Смиглы пришел к выводу, что армии «Лодзь» необходимо срочно отступить с передовых позиций обороны на главные. В 10 часов он передал телеграфное распоряжение генералу Руммелю: «...не дать противнику опередить себя в достижении главной позиции на Варте и Видавке и возможно дольше ее удерживать». Это был приказ на отступление. Но Руммель не торопился его выполнять. Воодушевленные успехом первого дня, он и его войска хотели сражаться и еще рассчитывали дать врагу отпор на передовых позициях.

В первой половине дня на всем фронте армии «Лодзь» разгорелись упорные бои. Однако после полудня в штаб армии поступили первые, пока еще смутные, но очень тревожные данные о продвижении немецких танковых колонн севернее Ченстохова. Одно из донесений, особенно поразившее штаб, гласило, что немецкие танки якобы появились у Каменска, в 40 км к северо-востоку от Ченстохова. Действительно, события ухудшились. В пустом, никем не обороняемом промежутке между внутренними флангами армий «Лодзь» и «Краков», который вскоре в польских штабах стал называться «ченстоховской брешью», теперь двигалась, не встречая сопротивления и лишь подвергаясь слабым атакам польской авиации, 1-я танковая дивизия немецкого 16-го моторизованного корпуса. Произошло нечто совершенно неожиданное. Такого быстрого проникновения в глубину польской обороны не ожидали ни поляки, ни сами немцы. Польское командование, при всех его самых мрачных предчувствиях, не могло сразу поверить, что немецкие танки так быстро и так легко войдут в оперативный тыл и продвинутся к главной позиции. Хотя виной этому была только «ченстоховская брешья», на фронте возникли панические слухи. Но германские военачальники испугались собственного успеха и пребывали в замешательстве. Их страшила возможность разгрома поляками 1-й танковой дивизии, оторвавшейся от пехоты и соседей. Ведь 4-я танковая дивизия отстала, втянувшись, как и накануне, в кровопролитные фронтальные бои у поляны Мокра.

В итоге вечером 2 сентября командир 16-го моторизованного корпуса генерал Хепнер отдал приказ: «16 ак перегруппировывается... имея в виду дальнейшее продвижение с направлением главного удара на Радомско. Предполагаемое начало дальнейшего продвижения утром 4.9». Преднамеренная полуторасуточная остановка на Варте в условиях, когда немецкие танки могли почти беспрепятственно двигаться дальше в глубину польской оперативной обороны, показывает, что в начале войны в вермахте преобладал взгляд, что танки не могут отрываться от пехоты, а если такой отрыв произошел, то танки должны остановиться и ожидать ее подхода.

Наступал вечер 2 сентября. Тревога, нараставшая в Варшаве, вылилась в категорическом приказе Рыдз-Смиглы командующему армией «Лодзь» — ночью отвести все силы армии на главную линию обороны и «создать сильный резерв». Теперь уже и Руммель не видел другого исхода, кроме оставления передовых позиций. В 20.30 последовало его распоряжение «главными силами армии отойти в течение ночи за реки Варта и Видавка, где перейти к упорной обороне подготовленных позиций». Итак, на второй день войны армия «Лодзь» оставила передовые позиции. В последующие сутки она с боями отступила к северу, на главную позицию за Варту и Видавку.

Теперь все больше и больше вырисовывалась основная угроза на стыке армий «Лодзь» и «Краков». Для наступления немецкой ударной группировки в «ченстоховской брешье» складывались благоприятные условия в значительной степени также и благодаря ошибкам командования армии «Краков». Оно недооценило угрозу со стороны открытого северного фланга и не приняло никаких мер к его защите.

Командование армии «Краков» в этот период беспокоилось за свой южный фланг значительно больше, чем за северный. Генерал Шиллинг считал, что развитие немецкого наступления с юга в краковском направлении создает угрозу катастрофы для всего польского фронта. Северный же участок он расценивал как менее опасный, так как, видимо, надеялся, что армия «Прусы» сможет

парировать удар, наносившийся севернее Ченстохова. Действительно, на юге немецкий 22-й моторизованный корпус, введенный в сражение 2 сентября, по долине реки Черный Дунаец вскоре пробился к Иордануву и двинулся на Тарнов. Общее положение армии «Краков» становилось тяжелым. Немецкие прорывы на северном фланге дополнились разгромом центра южнее Катовице, где германская 5-я танковая дивизия, разбив 6-ю польскую дивизию, прорвалась к Освенциму. В руки немцев попали склады горючего и снаряжения. «Кризис резервов» лишил возможности закрыть многочисленные бреши. Переданная армии «Краков» по приказу главного штаба в качестве резерва 22-я пехотная дивизия еще только разгружалась западнее Кракова.

Генерал Шиллинг и его штаб единственно возможным решением теперь стали признавать только отход. В 14.30 2 сентября командующий армией связался с Варшавой и доложил Рыдз-Смиглы, что «положение требует оставления Силезии и сосредоточения ближе к Кракову». Главком немедленно согласился и приказал отводить одновременно оба крыла, чтобы «не позволить разорвать армию на части». Однако через полтора часа Рыдз-Смиглы передумал и приказал «обождать с отходом еще сутки». Он захотел, чтобы Шиллинг «создал резервы за счет войск, обороняющихся на менее угрожаемых участках», и продолжал оборону. Штаб армии «Краков» пережил еще два мучительных часа, пока решение главкома вновь не изменилось. В 18 часов главнокомандующий окончательно решил, что надо отходить. Шиллинг отдал приказ уже отходившей армии отступать к востоку и юго-востоку за линию рр.Нида и Дунаец, то есть на 100—170 км.

Это решение имело далеко идущие последствия: немцам отдавалась Силезия с промышленным районом Кракова; уже на второй день войны фактически ликвидировался южный участок польского фронта, который, согласно первоначальным замыслам, рассматривался как его «опора»; обнажался южный фланг армий «Лодзь» и «Прусы». Немецкая группировка получила возможность развивать наступление в южные и юго-восточные районы Польши. Польские оперативные планы срывались.

В таких условиях намеченная на ближайшие дни упорная оборона армии «Лодзь» на ее главных позициях вдоль рр.Варта и Видавка, несмотря на возможность приостановить противника с фронта, была в оперативном отношении уже бесперспективна. Отход армии «Краков» обнажал южный фланг этих позиций. Однако ничего иного не оставалось: войска армии «Лодзь» отходили на позиции Варты и Видавки с намерением их удержать. В последующие дни здесь разгорелось упорное сражение, которое не могло принести и подобия успеха.

Тем не менее в штабах еще не были потеряны все надежды. Ведь позади находился «главный резерв» — армия «Прусы», которая, как думали в Лодзи, Кракове и Варшаве, могла существенно изменить обстановку. Армия «Прусы» сосредоточивалась в треугольнике Томашув-Мазовецки, Кельце, Радом. К началу войны из девяти соединений армии «Прусы» прибыли по железной дороге и выгрузились только три. Остальные войска главного резерва 1 сентября еще отмотелизовывались, частично двигались в эшелонах или находились на погрузке.

Штаб группы армий «Юг» вечером 3 сентября считал, что поляки к этому времени ввели в действие только часть своих сил и что оказывать решительное сопротивление в пограничном районе они не собираются. Возникло опасение, что поляки сумеют избежать сражения западнее Вислы и Сана, выйдут из-под охватывающих ударов и сорвут тем самым весь германский стратегический замысел. Оценивая именно таким образом вечером 3 сентября обстановку, Рундштедт приказал войскам группы армий «быстрым продвижением всех частей вынудить противника к сражению впереди Вислы и Сана, разбить образующиеся группировки. При этом возникает необходимость скорее добиться окончательного решения, не упуская из виду, что цель армий состоит в том, чтобы скорее продвинуться за Вислу и Сан».

Вечером 3 сентября штаб 10-й армии, приняв отход армии «Лодзь» за Варту и Видавку за ее полное отступление к Висле и считая ее разбитой, отдал войскам приказ на «продвижение вперед через Варту и переход в беспощадное преследование разбитого противника в направлении Варшавы». Впереди главных сил армии должен был действовать 16-й моторизованный корпус. Он получил задачу «двигаться в качестве армейского авангарда... дальше через Пётркув на Томашув». Далеко не точная оценка действий польской стороны штабами группы армий «Юг» и 10-й армии привела к преждевременному вводу в действие второго эшелона 10-й армии — 14-го моторизованного корпуса. Образовалось перенасыщение войск на главном направлении. Дороги оказались перегруженными, управление войсками нарушилось, и общие темпы наступления упали.

Армия «Лодзь», отступившая к 4 сентября на главную позицию вдоль Варты и Видавки, начала свое последнее крупное сражение, пытаясь слабыми силами остановить натиск десяти германских дивизий. Закрепиться на новом рубеже армия не успела. На ее правом фланге Кресовая кавалерийская бригада отошла с рубежа Варты. Вслед за отступавшими немецкие передовые отряды захватили мосты через реку, и вскоре открытый фланг армии «Лодзь» был обойден с севера. На левом фланге армии «Лодзь» 1-я танковая дивизия дезорганизовала слабую оборону созданной здесь наспех группы генерала В. Томме и двинулась к северу, в тыл армии, на Пётркув.

Генерал Руммель только около полуночи узнал о форсировании немцами Варты, о наступлении немецких танков к Пётркуву и о других деталях той тяжелейшей обстановки, которая складывалась на фронте и о которой штаб так долго не имел сведений. Информация от войск шла часами. Теперь командование армии возлагало надежды лишь на помощь армии «Прусы», которая должна была нанести сильный контрудар, в который постепенно включились бы и левофланговые части армии «Лодзь». Поэтому в 22.30 4 сентября Руммель вызвал к телеграфному аппарату главнокомандующего и просил его о поддержке «главным резервом». Но Рыдз-Смиглы считал, что ввод армии «Прусы» преждевременен, так как не известно, в какую сторону повернут немецкие танки. Резервная армия получила из Варшавы пассивную задачу: «обеспечить Пётркув и узел Опочно». Армии «Познань» было приказано отойти в тыл, чтобы «после перегруппировки перейти в наступление». Такое решение вновь свидетельствовало о недооценке главным командованием всей сложности обстановки на решающем участке фронта и незнании общего состояния войск. Все еще надеясь удержать армией «Лодзь» позиции на Варте и Видавке, оно теряло время, позволяя немцам все глубже охватывать ее фланги.

Наступило 5 сентября — последний день обороны армии «Лодзь» на главной позиции. В этот день правофланговая 10-я дивизия не смогла сдержать натиск четырех немецких дивизий. Массированными артиллерийскими ударами немцы проложили путь своей пехоте через тонкую линию польских боевых порядков севернее и южнее Серадза. Истекавшая кровью 10-я дивизия стала отходить под ударами авиации. Охватывающий маневр 8-й армии получал беспрепятственное развитие. 16-й моторизованный корпус вермахта все глубже обходил южный фланг армии «Лодзь». Командование армии окончательно убедилось, что линия Варта — Видавка потеряна. В 18.15 начальник штаба сообщил в штаб главнокомандующего: «10-я пехотная дивизия рассыпалась, собираем ее в Лутомирск. Поэтому мы оставляем линию Варта — Видавка, которую невозможно было удержать... Просим уведомить армию «Познань», чтобы она направила 25-ю пехотную дивизию на Унеюв и Поддембнице для обеспечения себя... Положение тяжелое. Это — конец». Через 15 минут Руммель в разговоре с Рыдз-Смиглы подтвердил оценку положения, данную его начальником штаба, и просил разрешить отступление, которое фактически уже совершалось на всем фронте. Согласие главнокома было получено, и штаб армии «Лодзь» отдал формальный приказ на отход своих разбитых, истекавших кровью полков в направлении города Лодзи.

Сражение на Варте и Видавке закончилось. Теперь у польского командования оставалась лишь единственная надежда, что немецкая танковая группировка,двигающаяся через «ченстоховскую брешь», все же будет остановлена частями резервной армии «Прусы».

К моменту ввода в сражение армия «Прусы» еще не успела сосредоточиться. 4 сентября в район Пётркува прибыли только 19-я и 29-я пехотные дивизии и Виленская кавалерийская бригада. Эти соединения заняли оборону на широком фронте в значительном отрыве друг от друга. Связь со штабом армии «Лодзь» отсутствовала. Днем 5 сентября немецкая 1-я танковая дивизия вышла на подступы к Пётркуву и при поддержке авиации атаковала 19-ю польскую пехотную дивизию. Командир последней, как только начался бой, оставил свой командный пункт и уехал в штаб армии «договариваться о наступлении». Ночью на одной из дорог он наткнулся на немецкую танковую колонну и был взят в плен. 19-я пехотная дивизия отдельными группами отошла севернее Пётркува, преследуемая передовым отрядом 1-й танковой дивизии, который вскоре оказался в тылу армии «Прусы». Это вызвало панику в войсках, вскоре распространившуюся на весь участок фронта вплоть до Варшавы. Немецкие передовые танковые отряды, продолжая продвигаться к северо-востоку, атаковали западнее Томашува только что прибывшие подразделения 13-й пехотной дивизии и нанесли им поражение.

Мысль о необходимости действовать активно все же не покидала командующего армией «Прусы» генерала Домб-Бернацкого, и поэтому, когда он днем 5 сентября прибыл в штаб 29-й пехотной дивизии в Сулеюв, то немедленно отдал приказ о наступлении. План командарма был прост: ударом всеми силами армии от Пётркува и южнее, строго на запад, разбить немецкую 1-ю танковую дивизию. 29-я пехотная дивизия готовилась наступать двумя колоннами. Главная колонна формировалась в Сулеюве. Город, особенно его окраины, был забит беженцами, ранеными, обозами, отходящими солдатами. Все это перемешалось, никто не знал, где что происходит, где дерутся и где отступают, отовсюду шли панические слухи. Налеты немецкой авиации увеличивали хаос. Сюда и явился во второй половине дня генерал Домб-Бернацкий. Он изменил ранее отданный приказ. Теперь предполагалось Виленскую кавалерийскую бригаду отвести за Пилицу и оборонять ее переправы, а пехотными дивизиями — наступать. Будучи уверенным в выполнении такого приказа, генерал около полуночи уехал из Сулеюва в Пётркув. Близ окраины он был обстрелян немцами из города, и только случайность избавила его от плена. Теперь командующий стал гораздо яснее представлять сложность обстановки. Он немедленно вернулся в Сулеюв, где его настигла радиограмма из Главного штаба, информирующая об отходе армии «Лодзь» и приказывающая войскам армии «Прусы» отступить севернее Пётркува. Домб-

Бернацкий отдал приказ 29-й пехотной дивизии повернуть на север, а Виленскую бригаду решил отвести за Пилицу к юго-востоку.

Но 29-я пехотная дивизия уже двигалась по нескольким дорогам на запад, выполняя предыдущий приказ о наступлении; связи с ней не было. Время шло. Офицеры, направленные в части, чтобы вручить новый приказ, не смогли их своевременно разыскать. Приказы вручались одновременно, дивизия стала расползаться в разные стороны и вскоре была разбита. На этом закончила свое существование резервная армия «Прусы», а вместе с ней исчезла и последняя надежда польского командования изменить обстановку на юге. «Главный резерв» растворился в общем потоке событий, не оказав на их ход заметного влияния. Теперь для войск 10-й германской армии открывалась перспектива быстрого развития удара в Центральную Польшу.

Однако штаб группы армий «Юг» расценивал происходящие события без особого оптимизма. В штабе все больше росли сомнения о возможности втянуть все польские части в решающие бои западнее Вислы и тем выполнить первоначальный план. Командующий 10-й армией отдал 4 сентября приказ на преследование. Но упорно сражавшаяся весь день 5 сентября армия «Лодзь» нанесла немцам на Варте и Видавке значительный урон, и это стало убедительным доказательством чрезмерной торопливости Рейхенау и его штаба в оперативных расчетах, которые опережали действительные события. Оборона армии «Лодзь» еще в течение суток, быстрый отход поляков перед 14-й армией затрудняли окружение польской армии западнее Вислы. Чтобы все же добиться заветной цели, различные инстанции германской армии в своих приказах проводят теперь одну мысль: путем быстрее продвижения вперед вынудить противника к сражению перед Саном и Вислой, а создающиеся группировки разбить.

Командованию группы «Юг» не оставалось ничего другого, как отказаться от плана окружения армии «Краков» в Силезии и бросить 14-ю армию во фронтальное преследование за Сан с целью попытаться охватить польскую группировку с юга за Вислой и Саном. Уже 4 сентября в штабе группы «Юг» впервые формируется мысль о нанесении 14-й армией более глубокого удара на северо-восток через Дунаец в направлении Люблина, вместо планируемого раньше наступления значительными силами к северу на Краков. Правда, первоначальный план все еще упорно отстаивал командующий 14-й армией Лист. Назревший на этой почве конфликт между командованием группы армий и Листом был разрешен вмешательством главнокомандующего сухопутных сил. Директива Браухича, отданная во второй половине дня 5 сентября, гласила: «ОКХ приказывает подвижные соединения 14-й армии направить возможно скорее в северо-восточном направлении восточнее Вислы, на Люблин. Соединение на Краков не входит в намерения ОКХ». Подвижным соединениям армии следовало как можно быстрее двигаться южнее Вислы через Тарнув к переправам Нижнего Сана.

Теперь 14-я армия развернула к востоку, на Ясло, 18-й армейский корпус, главные силы которого для более глубокого охвата еще 2 сентября были направлены в район Дуклинского перевала и здесь перешли польскую границу. К 6 сентября части корпуса заняли Новы-Сонч, среднее течение Дунайца и подошли к Горлице. 22-й моторизованный корпус 6 сентября достиг Тарнува и перешел Дунаец. 17-й армейский корпус занял оставленный поляками Краков. Таким образом, петлю, которую не удалось захлестнуть в Силезии, германское командование теперь пыталось закинуть дальше к востоку.

Штаб группы армий «Юг» 5 сентября приказал 10-й армии наступать к северо-востоку по обеим сторонам Пилицы. Западнее и севернее реки ударная группировка армии в составе 16-го и 14-го моторизованных корпусов нацеливалась на Раву-Мазовецкую, чтобы преградить путь отхода армии «Лодзь» к востоку, в частности, на Варшаву, и овладеть мостами через Вислу в районе Гура Кальвария. Уточняя эту задачу, штаб 10-й армии в тот же день потребовал от 16-го, 14-го моторизованных и 11-го армейского корпусов «продолжать наступление на Рава и разбить создаваемое противником фланговое прикрытие между Пилица и Лодзь». В результате этого маневра германское командование все еще рассчитывало, продвинув возможно скорее подвижные соединения к переправам через Вислу, занять их, не допустить отхода польских войск в восточные районы страны и тем выполнить на юге первоначальный стратегический замысел, предусматривавший разгром польской армии в Западной Польше.

Уже первые дни войны в польском верховном командовании породили мысль о неминуемом разгроме польской армии. Придя к выводу о «фатальной неизбежности» поражения, Рыдз-Смиглы стал склоняться к подготовке отвода своих войск на восток. «В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, — заявил он 3 сентября генералу Соснковскому, — следует ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...» По его приказу Главный штаб начинает готовить краткие директивы на общий отход всех войск, сражавшихся в западных районах страны. Поздно вечером 5 сентября эти директивы были разосланы. Отступление за Вислу предполагалось провести в компактной группировке всех армий. При этом армия «Лодзь» должна была отходить на Гура Кальвария, армия «Прусы», прикрывая ее фланг, — двигаться на

восток вдоль южного берега Пилицы, армиям «Познань» и «Поможе» — отступать на Варшаву. Так общим отходом за Вислу главных сил польской армии для создания нового фронта по рекам Нарев, Висла и Сан завершилось приграничные сражения в германо-польской войне.

Таким образом, германские войска сумели за 5 первых дней войны выиграть приграничные сражения, но, столкнувшись с более сильным, чем ожидалось, сопротивлением поляков, были вынуждены внести коррективы в первоначальные планы войны, увеличив глубину операции. Перед соединениями вермахта была поставлена задача не только захватить Центральную Польшу, но и создать фронт восточнее Вислы с тем, чтобы окружить основные силы польских войск. Уже к 5 сентября германские войска прорвали польский фронт, что при отсутствии готовых резервов обрекало польскую армию на поражение.

Здесь стоит обратиться к вопросу о реакции Англии и Франции на начавшуюся германо-польскую войну.

Союзники Польши: «странная война»

Еще 31 августа Б. Муссолини предложил Англии и Франции созвать 5 сентября конференцию Англии, Франции, Италии и Германии для обсуждения «затруднений, вытекающих из Версальского договора». Это предложение встретило поддержку в Лондоне и Париже, которые 1 сентября, вместо оказания обещанной помощи Польше, продолжили поиски путей умиротворения Германии. В 11.50 Франция уведомила Италию о согласии участвовать в конференции, если на нее будет приглашена Польша. Однако лишь во второй половине 1 сентября Франция решила узнать мнение Польши о намечавшейся конференции, но быстро получить ответ из Варшавы не удалось. Вечером этого же дня Англия и Франция передали Германии ноты, в которых выразили «протест» по поводу германского вторжения в Польшу и предупреждали, что выполнят свои обязательства перед Польшей, «если германское правительство не готово... приостановить наступление... и... немедленно вернуть войска с польской территории»⁵²⁴. Однако днем 2 сентября через Италию они известили Берлин, что эти ноты не следует воспринимать как ультиматум. Это усилило уверенность германского руководства в том, что союзники продолжают уклоняться от выполнения своих обязательств.

В 10.00 2 сентября после переговоров с Англией и Францией Муссолини сообщил Гитлеру, что «Италия ставит в известность, конечно, оставляя любое решение за фюрером, что еще имеется возможность созвать конференцию Франции, Англии и Польши на следующей основе: 1) установление перемирия, по которому войска останутся на занятых сейчас позициях; 2) созыв конференции через 2—3 дня; 3) разрешение германо-польского конфликта, которое, учитывая нынешнюю обстановку, будет благоприятным для Германии... Данциг уже немецкий..., и Германия уже имеет в своих руках залог, обеспечивающий наибольшую часть ее требований. Если предложение конференции будет принято, то она добьется всех своих целей и одновременно устранил войну, которая уже сегодня выглядит как всеобщая и чрезвычайно продолжительная». В ответ фюрер заявил: «В течение последних двух дней германские войска чрезвычайно быстро продвинулись по Польше. Нельзя добытое кровью объявлять полученным в результате дипломатических интриг... Дуче, я не уступлю англичанам, потому что я не верю, что мир будет сохранен более полугода или года. При этих обстоятельствах, я полагаю, что, несмотря на все, нынешний момент более подходит для войны»⁵²⁵.

В 21.30 1 сентября министр иностранных дел Польши Бек заявил французскому послу: «Сейчас уже не время говорить о конференции. Теперь Польша нуждается в помощи для отражения агрессии. Каждый спрашивает, почему до сих пор Англия и Франция не объявили войну Германии. Каждый хочет знать не о конференции, а о том, как скоро и как эффективно будут выполняться обязательства, вытекающие из альянса»⁵²⁶. Со своей стороны в 17.00 2 сентября Англия заявила Италии, что «примет план конференции Муссолини только при одном условии... Немецкие войска должны быть немедленно выведены из польских областей. Британское правительство решило дать Гитлеру время сегодня до полудня, чтобы вывести из Польши войска. По прошествии этого срока Великобритания откроет военные действия»⁵²⁷. В то же время выступая в парламенте, Чемберлен заявил, что «если германское правительство согласится вывести свои войска из Польши», то Англия будет «считать положение таким же, каким оно существовало до того, как войска пересекли польскую границу». Понятно, что парламентарии были возмущены, но германской стороне давалось понять, что возможен компромисс⁵²⁸.

Хотя в Париже стало известно об отрицательном отношении Варшавы к созыву конференции, ее союзники продолжали надеяться на эту возможность, причем в отличие от Англии, Франция была не против того, чтобы германские войска остались на польской территории. Лишь 3 сентября в 11.00 Англия, а в 17.00 Франция объявили Германии войну. На следующий день был подписан франко-польский договор о взаимопомощи. Однако это не поколебало уверенности Гитлера, который считал, что, «если они и объявили нам войну, то это для того чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать»⁵²⁹. И действительно, после формального объявления войны на франко-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возведение укреплений, а французские войска, передовым частям которых было запрещено

заряжать оружие боевыми снарядами и патронами, безучастно взирали на германскую территорию. У Саарбрюккена французы вывесили огромные плакаты с надписью: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие обменивались визитами, продовольствием и спиртными напитками⁵³⁰.

Хотя объявление войны Лондоном и Парижем вызвало в Берлине определенное замешательство, неизменное затишье на Западном фронте убедило германское руководство в том, что реальных действий союзники скорее всего не предпримут. Поэтому новая директива ОКВ № 2 от 3 сентября исходила из идеи продолжения масштабных операций в Польше и пассивного ожидания на Западе: «1. После объявления английским правительством состояния войны английское адмиралтейство в 17.00 3.9.1939 г. дало указание начать военные действия.

Франция сделала заявление, что с 17.00 3.9.1939 г. она находится в состоянии войны с Германией.

2. Целью ведения войны Германией остается прежде всего победоносное завершение операций против Польши. Решение о переброске значительных сил с востока на запад оставляю за собой.

3. Принципы ведения войны на Западе, изложенные в директиве № 1, сохраняют свою силу.

Таким образом, после возвещенного Англией открытия военных действий и объявления Францией состояния войны, из создавшегося положения для нас вытекают следующие выводы:

а) В отношении Англии:

Военно-морской флот.

Разрешаются наступательные действия. Торговую войну подводным лодкам вести согласно положению о захвате трофейного имущества. Подготовиться к усилению морской войны вплоть до объявления зон опасности. Принятие решения об этом усилении оставляю за собой. Установить в проливах Балтийского моря минные заграждения, не затрагивая прав нейтральных стран на их территориальные воды. В Северном море осуществить заградительные меры в целях собственной обороны и наступательных действий против Англии.

Авиация.

Наступательные действия против английских военно-морских сил в военных гаванях и открытом море (включая Ла-Манш), а также против вполне точно опознанных транспортов с войсками следует разрешать только тогда, когда последуют соответствующие наступательные действия в воздухе с английской стороны против таких же целей или же будут иметься особенно благоприятные виды на успех. То же самое относится к использованию соединений морской авиации. Решение о налетах на территорию английской метрополии и торговые суда оставляю за собой.

б) Против Франции:

Сухопутные войска.

Предоставить открытие военных действий на западе противнику. Вопрос об усилении находящихся на западе сухопутных войск за счет еще имеющихся в распоряжении сил решает главнокомандующий сухопутными войсками.

Военно-морской флот.

Наступательные действия против Франции разрешаются лишь тогда, когда последняя откроет военные действия. В таком случае распоряжения, данные против Англии, равным образом относятся и к Франции.

Авиация.

Наступательные действия против Франции разрешить лишь после начала соответствующих французских налетов на германскую территорию. Руководящим принципом должно служить: не вызывать развязывания воздушной войны действиями со стороны Германии. В целом при использовании авиации на западе руководствоваться тем, что после разгрома Польши она должна сохранить свою боеспособность для решения исхода войны против западных держав⁵³¹.

Кроме того, Германия попыталась втянуть в войну с Польшей соседние страны, что должно было воздействовать на Англию и Францию и удержать их от начала реальных действий. Так, 3 сентября Риббентроп в беседе с венгерским послом в Берлине Д. Стояи задал ему вопрос, не хотела бы Венгрия присоединить часть Польской Украины с городами Турка и Самбор. 7 сентября в беседе с приехавшим в Берлин венгерским министром иностранных дел И. Чаки Риббентроп вновь старался уточнить, «есть ли у Венгрии территориальные требования к Польше», но Будапешт постарался уклониться от подобных намеков. 9 сентября Германия просила Венгрию разрешить использовать железную дорогу Кашша — Надьсалану — Велеште для переброски

германских частей в Польшу. Однако после консультации с Италией Венгрия 10 сентября ответила отказом, сославшись на свое нежелание участвовать в каких-либо «военных акциях против Польши»⁵³². 10 сентября Германия предложила Литве направить войска для занятия Вильно, но литовская сторона предпочла сохранить объявленный 1 сентября нейтралитет⁵³³. Единственным союзником Германии в войне с Польшей оказалась Словакия, предоставившая свою территорию для германских войск и использовавшая с 1 сентября 3 свои дивизии под общим руководством военного министра генерала

Ф. Чатлоша против польских пограничников. 5 сентября словацкие части участвовали в атаках Дукельского перевала⁵³⁴. Правда, никто в мире не заблуждался на счет «суверенности» Словакии.

Тем временем польские представители в Англии и Франции столкнулись с обструкционистской позицией Лондона и Парижа. Французский главнокомандующий генерал М. Гамелен не пожелал принять польского военного атташе, хотя в телеграмме на имя Рыдз-Смиглы от 3 сентября заверял его, что завтра он начнет военные действия на суше⁵³⁵. В действительности Гамелен 5 сентября полагал, что у Польши нет шансов на продолжение сопротивления, что «является очередным поводом для сохранения наших сил» и отказа от наступления на Германию⁵³⁶. Вечером 6 сентября в Париж поступила польская нота, в которой сообщалось о пессимистических настроениях германского населения в связи с начавшейся войной и предлагалось «нанести удар по моральному состоянию врага». Для этого следовало: «1) Провести против территории Германии операцию военно-воздушных сил союзников, которая в результате энергичных бомбардировок военных объектов убедила бы население в том, что союзники ведут войну активно, и вызвала бы панику в центрах.

2) Прорвать хотя бы в двух пунктах линию Зигфрида с целью ликвидации мифа о ее неприступности...

3) Провести хотя бы небольшой морской десант на германское побережье»⁵³⁷.

7 сентября Варшава получила французский ответ, согласно которому «завтра, а самое позднее утром послезавтра будет проведена сильная атака французских и английских бомбардировщиков против Германии, которая, может быть, будет распространена даже до тыловых построений на польском фронте». Понятно, что такой ответ обнадежил поляков, которые не знали, что в действительности Париж избегал бомбардировок территории Германии, опасаясь ответных мер люфтваффе. Схожую позицию в этом вопросе заняли и англичане. 4 сентября английские ВВС впервые атаковали германские военные корабли в районе Киля. Бомбы попали в «германский» линкор «Адмирал Шеер» и легкий крейсер «Эмден». Однако они отскочили от бронированной палубы линкора прежде, чем успели взорваться. Крейсер получил незначительные повреждения не столько от бомб, сколько от рухнувшего на него сбитого бомбардировщика⁵³⁸.

В итоге 7 сентября польский военный атташе во Франции был вынужден констатировать в своем донесении в Варшаву: «на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно также нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше»⁵³⁹. Польские представители продолжали настаивать и просить французское руководство выполнить свои обязательства перед Варшавой. Это вызвало раздражение Гамелена, который писал: «Польский военный атташе продолжает нам надоедать! Я знал также, что польский посол в Париже проявлял нервозность и даже несправедливость в отношении французской армии и особенно авиации». Единственное, чего добились поляки, было обещание послать в Польшу через Румынию военное снаряжение и боеприпасы, которые так и не были посланы ввиду разгрома Польши. В середине сентября генерал Гамелен записал в дневнике, что Франция может оказать помощь Польше в 1940 г., а к наступлению на широком фронте она подготовится в 1941 или 1942 гг.

Английское правительство вело себя точно также, как и французское. 3 сентября в Лондон прибыла польская военная миссия, но встретиться с начальником английского генштаба генералом В. Айронсайдом полякам удалось лишь 9 сентября. В ходе встречи Айронсайд стал выяснять ситуацию на фронте, а поляки с удивлением узнали, что у Англии нет никаких конкретных планов помощи Польше, поскольку этим должна была заниматься Франция. Сославшись на занятость, Айронсайд прекратил беседу, порекомендовав напоследок полякам закупить оружие в нейтральных странах. 10 сентября польскую военную миссию уведомили, что английские ВВС начали бомбардировки Германии, а в Румынию прибыл транспорт с 44 самолетами для Польши. Все это было откровенной ложью. По признанию У. Черчилля, англичане «ограничивались тем, что разбрасывали листовки, взывающие к нравственности немцев»⁵⁴⁰. С 3 по 27 сентября в ходе «рейдов правды» английские ВВС сбросили над Германией 18 млн листовок — почти 39 тонн бумаги⁵⁴¹. Как вспоминал известный английский политический деятель консерватор Л. Эмери, 5 сентября он зашел к министру авиации К. Вуду с предложением организовать поджог Шварцвальда, чтобы лишить немцев строевого леса, но в ответ услышал: «Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить

Рур»542 . Предложение поляков о посылке англо-французской авиации на польские аэродромы так и не было принято.

13 сентября поляки констатировали, что «Англия не сдержала, как и прежде, своих обязательств, ибо в течение 14 дней войны мы остаемся предоставленными самим себе, и помощь, которая должна была быть направлена в Польшу в результате переговоров с генералом Клейтоном, происходивших в мае в Варшаве, не была предоставлена Польше». 15 сентября в ходе последней встречи с Айронсайдом поляки узнали, что, кроме 10 тыс. автоматических винтовок и 15—20 млн патронов, Англия не может выделить никакого другого вооружения, да и это может поступить лишь через 5—6 месяцев. Айронсайд вновь посоветовал полякам закупить оружие у нейтралов543 .

Каково же было состояние сторон на Западном фронте в начале германо-польской войны?

Германия развернула на своей западной границе к 1 сентября 1939 г. группу армий «Ц», на которую возлагалась задача тылового прикрытия операций в Польше от угрозы англо-французского вмешательства. Границу с Бельгией прикрывали войска 5-й армии генерал-полковника К. фон Либмана, между Мозелем и Рейном развертывалась 1-я армия генерал-полковника Э. фон Витцлебена, а вдоль Рейна до швейцарской границы — 7-я армия генерал-полковника Ф. Дольмана. На 1 сентября эти войска насчитывали 31 2/3 пехотную дивизию, и еще 3 пехотные дивизии находились в стадии передислокации на Запад. После 3 сентября группе армий «Ц» были подчинены еще 9 пехотных дивизий, которые в основном сосредоточились к 10 сентября, увеличив общую численность группировки до 43 2/3 пехотных дивизий, из которых лишь 11 2/3 «могли быть названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны»544 .

Как доложил 3 октября командующий группой армий «Ц» начальнику генштаба сухопутных сил, «дивизии 3-й волны пригодны лишь к позиционной войне только в спокойной обстановке. Дивизии 4-й волны пригодны только к позиционной войне при условии их дальнейшей подготовки для обороны»545 . К 1 сентября войска Западного фронта насчитывали около 915 тыс. человек и располагали примерно 8 640 орудиями и минометами, но не имели ни одного танка. Сухопутные войска поддерживали 2-й и 3-й воздушный флоты, в которых насчитывалось 1 094 самолета (из них 966 боеготовых), кроме того, командованию группы армий «Ц» были подчинены летные части, располагавшие 144 самолетами (из них 113 боеготовых), а морская авиация на Западе насчитывала 121 самолет (114 боеготовых). Всего на Западе находилось 1 359 самолетов (1 193 боеготовых), в том числе 421 бомбардировщик и 632 истребителя546 .

Сооружение Западного вала, на который должны были опираться эти войска, еще не было завершено. «К началу войны в основном имелись только укрепленные точки для пехотного оружия, командные пункты, сеть линий телефонной связи укрепленных районов, противопехотные и противотанковые заграждения. Артиллерийских позиций в виде бронированных сооружений еще не было, как не было железобетонных или бронированных укреплений для противотанкового оружия»547 . По мнению генерала Н. Формана, «Западный вал не представлял собой непреодолимого препятствия. Правда, между Люксембургом и Швейцарией, главным образом на участке между Саарбрюккеном и Карлсруэ, было некоторое количество готовых бронированных огневых точек, противотанковых рвов и прочих препятствий. Однако повсюду еще ускоренными темпами вела работу организация Тодта. Большая часть линии была еще на бумаге. О готовых сильных позициях вообще не могло быть и речи. Глубокого эшелонирования нигде не было создано»548 .

Предмобилизационные мероприятия во Франции начали проводиться еще летом 1939 г., когда были призваны резервисты в 49 специальных крепостных батальонов и 43 специальные артчасти, составлявшие войска прикрытия на линии Мажино. 21 августа была приведена в боевую готовность система ПВО, а 22 августа — усилена система боевой готовности французских войск. 23 августа во Франции началась скрытая мобилизация и были введены в действие планы обеспечения безопасности Парижа и границ с Бельгией, Италией и Швейцарией. 24 августа меры по прикрытию сосредоточения были распространены на восточные районы Франции, а 26 августа — на всю территорию страны. До 27 августа было отмобилизовано 3/4 французских вооруженных сил — 72 дивизии (1 895 тыс. чел., 8 тыс. орудий и минометов, 2,5 тыс. танков и до 2 тыс. самолетов). 27 августа было призвано еще 725 тыс. человек, и вооруженные силы достигли численности 2 674 тыс. человек. 1 сентября, когда во Франции была объявлена открытая мобилизация, на ее территории находилось 72 пехотные (кадровые, резервные, североафриканские, колониальные и крепостные войска, равноценные 15 дивизиям), 3 кавалерийские, 2 легкие механизированные дивизии и 39 отдельных танковых батальонов, но никаких активных задач эти войска не имели549 .

Французское командование развернуло против Германии Северо-Восточный фронт в составе 1-й, Арденнской, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й и 8-й армий, в которых к 3 сентября насчитывалось 78 дивизий (из них 13 были крепостными, а 7 завершали формирование). В этих войсках имелось 17

500 орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков. ВВС Франции насчитывали 1 400 самолетов первой линии и около 1 600 в резерве, кроме того, для действий во Франции можно было использовать 1 021 английский самолет. Уже 4 сентября мобилизация во Франции завершилась, а войска были развернуты на позициях. К 10 сентября французские вооруженные силы закончили развертывание по штатам военного времени и насчитывали почти 5 млн человек⁵⁵⁰.

С 31 мая французский генеральный штаб разрабатывал план наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии и был 1 сентября 1939 г. предложен генералом Гамеленом правительству. Французские войска должны были наносить главный удар вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение так и не было реализовано. Вместо него французское командование предприняло ограниченную операцию около Саарбрюккена с целью установить контакт с линией Зигфрида. В ночь на 7 сентября французские поисковые группы впервые пересекли германскую границу западнее города. С 9 сентября части 9 французских дивизий 4-й и 5-й армий начали продвижение в предполье линии Зигфрида к востоку от Саарбрюккена, не встречая сопротивления германских войск, которым было приказано уклоняться от боя и отходить на линию укреплений. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись на 7—8 км между Шпихерн и Хорнбах на фронте около 25 км, французы получили 12 сентября приказ прекратить наступление «ввиду быстрого развития событий в Польше»⁵⁵¹.

В тот же день французский главнокомандующий, который считал, что эти атаки не могут больше повлиять на события в Польше, заявил на первом заседании Высшего военного совета союзников в Абвилле: «В настоящее время больше нет необходимости немедленно обеспечить базу атаки против линии Зигфрида... Если осуществится атака противника через Люксембург и особенно через Бельгию, нам не хватит всех наших активных сил, чтобы противостоять ему». Хотя Совет одобрил решение о прекращении наступления, Гамелен 14 сентября сообщил главе польской военной миссии во Франции: «Последнее заседание Верховного совета союзников определило твердую решимость Франции и Великобритании обеспечить Польше всю возможную помощь. Формы этой помощи намечены совместно с нашими британскими союзниками после тщательного анализа общей обстановки, и я могу Вас заверить, что ни одна из возможностей прямой помощи Польше и ее армии не будет оставлена без внимания»⁵⁵².

Анализируя эти события, французский историк А. Гутар не без остроумия замечает: «Французы и англичане почувствовали облегчение, а так как немцы его тоже почувствовали, то можно сказать, что редко бывало, чтобы какое-нибудь решение вызвало в обоих лагерях такое единодушное облегчение»⁵⁵³. Как справедливо отметил Ж. Мордаль, «решение, принятое в Абвилле 12 сентября 1939 г. Верховным советом союзников, было не только отказом от данного слова, это была настоящая капитуляция без боя»⁵⁵⁴.

В то же время французская пресса начала шумную кампанию по поводу «операций против Германии», которые, как сообщалось, поставили перед ней «трудную стратегическую проблему». 14 сентября, когда продвижение войск прекратилось, в прессе сообщалось, что «военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада». 19 сентября, когда французские части отводились на исходные позиции, последовало сообщение, что «бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км»⁵⁵⁵. 3—4 октября французские войска покинули территорию Германии, а к 16 октября передовые части вермахта вновь разместились на границе с Францией⁵⁵⁶.

Таким образом, вместо 35—40 дивизий, которые Франция обещала бросить против Германии, было использовано всего 9 дивизий. Но французское командование старательно преувеличивало масштаб этой ограниченной операции. 10 сентября Гамелен уверял польское руководство, что «больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника, и я еще не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала брошены военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации»⁵⁵⁷. Однако подобные заявления не могли, конечно, скрыть того факта, что Польша была брошена своими союзниками на произвол судьбы.

В Берлине прекрасно понимали опасность активизации англо-французских вооруженных сил, которая была тем выше, что Рурская индустриальная область находилась фактически на западной границе Германии в радиусе действия не только авиации, но и дальнобойной артиллерии союзников. Обладая на Западном фронте подавляющим превосходством над Германией, союзники имели в начале сентября полную возможность начать решительное наступление, которое скорее всего стало бы роковым для Германии. Участники событий с немецкой стороны единодушно утверждали, что это означало бы прекращение войны и поражение Германии.

Генерал А. Йодль считал, что «мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездейственными»⁵⁵⁸.

Как отмечал генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, «западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным»⁵⁵⁹. По мнению генерала Н. Формана, «если бы пришли в движение эти силы (союзников. — М.М.), имевшие чудовищное превосходство, к которым затем, вероятно, примкнули бы голландцы и бельгийцы, то война неизбежно закончилась бы. Соппротивление группы армий «Ц» могло продолжаться в лучшем случае несколько дней. Если бы даже это время использовали для переброски войск с востока на запад, то это все равно не помогло бы. В этом случае любые действия были бы бессмысленными. В Польше нужно было бы прекратить боевые действия еще до достижения решающих успехов, а на запад дивизии не успели бы вовремя и подверглись разгрому поодиночке — конечно, при наличии энергичного, целеустремленного руководства у противника. Самое позднее через неделю были бы потеряны шахты Саара и Рурская область, а на вторую неделю французы могли бы направить войска туда, куда они сочли бы необходимым. К этому следует добавить, что поляки тоже снова обрели бы свободу действий и привели бы в порядок свою армию»⁵⁶⁰.

Генерал-лейтенант З. Вестфаль полагал, что «если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны... Не воспользовавшись временной слабостью Германии на Западном фронте для немедленного нанесения удара, французы упустили возможность поставить гитлеровскую Германию под угрозу тяжелого поражения»⁵⁶¹. Таким образом, Англия и Франция, оставаясь верными своей политике «умиротворения» и не подготовившись к действительной войне с Германией, упустили уникальный шанс совместно с Польшей зажать Германию в тиски войны на два фронта и уже в сентябре 1939 г. нанести ей решающее поражение. Однако события развивались иначе, и в результате, «отказавшись воспользоваться сложившейся в самом начале войны обстановкой, западные державы не только покинули в беде Польшу, но и ввергли весь мир в пять лет разрушительной войны»⁵⁶².

Вполне правильно оценив нежелание Англии и Франции помогать своему польскому союзнику, ОКВ издало 9 сентября 1939 г. «Директиву № 3 на ведение войны», согласно которой «1. Операции против польских сухопутных войск и польской авиации вести крупными силами до тех пор, пока не будет гарантии, что Польша более не сможет создать сплошного, сковывающего германские силы фронта.

2. Как только станет очевидно, что действующих на Восточном фронте сухопутных войск и сил авиации более не потребуется для выполнения этих задач и умиротворения захваченных областей, следует приступить к их использованию на западе. По мере того как действия польской авиации все больше будут терять свою эффективность, следует в еще большем масштабе продолжать высвобождать войска противовоздушной обороны для их использования против наших западных противников.

3. После нерешительного открытия военных действий Англией на море и в воздухе и Францией на суше оставляю за собой право отдать приказ относительно:

- а) всякого перехода сухопутной германской границы на западе,
- б) любого перелета германской западной границы, если только это не вызывается необходимостью отражения крупных воздушных налетов противника,
- в) использование авиации для налетов против Англии в Гельголандской бухте и в заминированной зоне «Запад», а также для непосредственной поддержки боевых действий на море разрешается,
- г) для военно-морского фронта сохраняют свою силу распоряжения, данные в директиве № 2, п. 3 а и 3 в. Наступательные действия против Франции на море отменяются»⁵⁶³.

Пользуясь бездействием Англии и Франции, германское командование наращивало удары в Польшу.

Германо-польская война: завершающие операции

К 6 сентября перед 10-й армией, вышедшей на линию Томашув-Мазовецкий, Коньске, Кельце, уже не существовало организованного польского фронта, поэтому штаб армии отдал приказ:

«Противник находится в полном отступлении к Висле южнее Варшавы. Варшава будет очищена. 10-я армия беспощадно преследует отступающего противника и прорывается на линию Вислы: Пулавы — Гура Кальвария, чтобы преградить противнику переход через Вислу. Будут созданы три группы преследования: справа 15 мк, в середине 14 мк, слева 16 мк...». Германское командование училось применять крупные подвижные соединения в обстановке начавшейся дезорганизации польского фронта и постепенного отрыва их от наступающей позади пехоты. Немецкие подвижные войска устремились по всем дорогам к северо-востоку, на Раву-Мазовецкую и Радом.

Польский фронт на юге окончательно рушился. Подвижные части 14-й германской армии достигла р. Дунаец у Тарнува. 8-я армия приближалась к Лодзи и верховьям Бзуры.

Начинался самый катастрофический для польской армии этап борьбы, ее отступление становилось все более хаотическим.

Несмотря на очевидное поражение польской армии, дезорганизацию ряда участков фронта и тяжелый урон, германское командование все еще опасалось, что ему не удастся окружить польские соединения западнее Вислы. Уже 5—6 сентября ОКХ признало нереальность окружения польской армии западнее Вислы, оказалось вынужденным изменить первоначальный план и поставить перед войсками новую стратегическую задачу. План этой операции был изложен в директиве Браухича, отданной во второй половине дня 6 сентября:

«1. Из сведений о противнике следует, что он отходит за линию Висла — Нарев и больше не собирается вести впереди этой линии решающие бои... Возможно, происходит создание ударной группы на Нареве силой примерно самое большее в 4—5 дивизий. Не исключено дальнейшее ее усиление за счет войск, отходящих через Варшаву. Создание группировки в районе Лодзи составляет последнюю попытку противника к удержанию столицы... Предполагается, что создание группировки в районе Кельце больше невозможно. Противник здесь надеется перед быстро продвигающимся флангом 10-й армии отойти за Вислу на юго-восток. Его уничтожение на западном берегу Вислы будет едва ли возможно...

2. В связи с этим ставятся следующие задачи: группа армий «Север» быстро продвигается 3-й армией через Нарев, чтобы воспрепятствовать планомерному созданию обороны реки, и далее развивает наступление через Буг в направлении Варшава — Седлец, чтобы свернуть с севера фронт на Висле...

Группа армий «Юг», одновременно с уничтожением армии «Лодзь», препятствует созданию обороны на Висле... 14-я армия наносит удар через Сан в общем направлении на Люблин...

Дальнейшая оперативная цель: охват остатков польских главных сил восточнее Вислы».

Германские подвижные войска развивали наступление. Их прорывы становились все опаснее. Удары авиации парализовали дневные передвижения. Организованная эвакуация населения прекратилась. Пылали города и деревни. В Польше нарастала дезорганизация. 1 сентября столицу покинул президент И. Мосцицкий, 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября из Варшавы выехало правительство, а в ночь на 7 сентября — и главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы. Ставка была перенесена в Брест, с 10 сентября — во Владимир-Волынский, с 13 сентября — в Млынов (близ Дубно), а 15 сентября — в Коломыю. Днем раньше там же оказался и Мосцицкий. 9—11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища для правительства. 16 сентября начались польско-румынские переговоры о транзите польского руководства во Францию, и 17 сентября правительство покинуло страну⁵⁶⁴. Все эту усугубило хаос и подрывало обороноспособность польских войск.

С отъездом из Варшавы главнокомандующего деятельность высшего командования была фактически дезорганизована. Хотя старая крепость Бреста предназначалась для командного пункта главкома еще по стратегическому плану «Всхуд» в случае войны с Советским Союзом, крепостные помещения были совершенно не приспособлены к работе главного штаба. Телефонную связь удалось организовать только через 12 часов после прибытия главнокомандующего в Брест, и то лишь с армией «Люблин» и командованием 3-го корпусного округа в Гродно, а позже на короткое время — со штабом группы «Нарев». Единственной радиостанцией, прибывшей из Варшавы, длительное время нельзя было пользоваться: отсутствовали шифры, направленные в Брест по железной дороге. После налета немецкой авиации эта радиостанция, которую из-за ее огромных размеров не могли даже поставить в укрытие, была серьезно повреждена и стала работать только на прием. Теперь для связи с войсками главному командованию приходилось действовать по следующей схеме. По телеграфу или телефону офицеры штаба главкома связывались с Пинской военно-морской базой, располагавшей коротковолновой радиостанцией. Оттуда посылались радиogramма в группу штаба польского флота в Варшаве. В свою очередь, моряки связывались с группой Стахевича, который таким же путем посылал ответ в Брест. В итоге штаб главнокомандующего оказался неработоспособным.

В таких условиях практически руководить военными действиями должен был оставшийся в Варшаве начальник Главного штаба Стахевич с небольшой группой офицеров. Однако Стахевич

боялся самостоятельно принимать ответственные решения и постоянно обращался за указаниями в Брест, используя для этой цели главным образом офицеров связи, которые с огромным трудом пробирались на автомашинах по дорогам, забитым беженцами. Принимаемые решения безнадежно устаревали и, если доходили до исполнителей, уже не отвечали обстановке. Разделение Главного штаба между Варшавой и Брестом привело всю его работу в хаотическое состояние. Долгое время не удавалось договориться, откуда, кто и какими войсками будет руководить. Документы и канцелярии, необходимые Стахевичу, оказались в Бресте. Стахевич в переговорах 7 сентября со своим заместителем Якличем, находившимся в Бресте, говорил: «Так работа не может продолжаться. Мы здесь совершенно истощены от усталости. У нас абсолютная нехватка офицеров... В течение целого дня из-за бомбардировок не имеем связи и только вечером можем поговорить, что заставляет меня самого принимать решения большой важности». А Яклич в ответ характеризовал Стахевичу положение: «У нас целый день постоянные поиски войск и высылка офицеров для восстановления связи... С внутренней организацией в крепости Брест большой балаган, который я должен сам ликвидировать. Постоянные налеты авиации. В Бресте бегство во все стороны». Развал управления резко углубил общий кризис. Командиры стали действовать на свой страх и риск, по своему усмотрению, не зная намерений высшего командования и соседей. Польский фронт постепенно распадался на отдельные очаги.

После окончания приграничных сражений командование группы армий «Север» стремилось прежде всего развить наступление через Вислу, Нарев и Буг, чтобы не допустить стабилизации польского фронта. В штабе группы теперь опасались, что польские войска, отошедшие за Вислу и Нарев, смогут уйти из-под германских ударов дальше на восток. Поэтому командующий группой 8 сентября приказал соединениям быстрее преследовать поляков с фронта и одновременно постараться отрезать им путь отхода. 4-я армия должна была «наступать на отходящего противника, чтобы его задержать», 3-я армия — захватить переправы через Буг и в дальнейшем двигаться к югу, на линию Минск-Мазовецки — Седлец, чтобы преградить противнику путь к отступлению. Переброшенный на левый фланг 3-й армии 19-й моторизованный корпус генерала Г. Гудериана, которому были подчинены 10-я танковая дивизия и группа «Бранд», оставался в руках командующего группой и должен был теперь наступать на Седлец и восточнее.

Однако 9 сентября ОКХ своим приказом окончательно сформулировало новую задачу. «Войска противника, отходящие за Вислу, должны быть уничтожены двойным охватом восточнее Вислы... На восточном фланге группы армий «Север» необходимо вести подвижные силы с таким расчетом, чтобы в последующем было возможно их взаимодействие с группой армий «Юг» восточнее Буга. Группа армий «Юг» уничтожает противника, еще удерживающегося западнее Вислы, и дальнейшим продвижением через Вислу препятствует отходу вражеских сил на восток. Сильным правым флангом она продвигается через Верхний и Средний Сан, чтобы охватить противника на Нижнем Сане. В дальнейшем она будет наступать в общем направлении на Хелм в готовности правого фланга в случае необходимости также осуществить движение через верхнее течение Буга».

Наступление продолжало развиваться. 1-й армейский корпус 3-й армии форсировал Нарев у Пултуска, но 8 сентября части корпуса залегли на Буге под Вышкувом, встреченные огнем 1-й и 41-й польских дивизий. Восточнее корпус Водрига выдвинулся от Рожан через Остров-Мазовецкий к переправам через Буг у Брока. Здесь ему пришлось преодолевать мужественное сопротивление правофланговых частей польской 41-й пехотной дивизии. Лишь с большим трудом на южный берег переправилась кавалерийская бригада, которая, однако развить успеха не смогла. Генерал Гудериан, вопреки требованию группы армий двигаться строго на юг, стремился развивать наступление к юго-востоку, в направлении Бреста. После ряда боев с контратакующей польской Сувалкской кавалерийской бригадой и на переправах у Визна, а также после многих недоразумений, вызванных плохой организацией форсирования, подвижная группа, возглавляемая Гудерианом, в конце концов переправилась через Нарев, и ее главные силы двинулись вдоль восточного берега Буга, встречая лишь разрозненное сопротивление польских отрядов. Она теперь глубоко охватывала с востока польские группировки, продолжавшие сражаться на Буге и Нареве. Тем временем пехотные соединения 3-й армии, форсировав Буг, наступали с северо-востока к Варшаве. Одновременно они осуществляли глубокий обход всего варшавского района двумя пехотными дивизиями и танковым соединением «Кемпф» через Седлец, занятый 11 сентября.

С северо-запада к Варшаве приближались войска 4-й армии. Её 2-й армейский корпус, форсировав р. Дрвенца, занял Серпец, Плоцк и вышел к Модлину, а 3-й армейский корпус, продвигавшийся вслед за отходящими польскими частями армий «Поможе» и «Познань», к 11 сентября вышел на линию Влоцлавек, Коло.

На южном участке фронта события развивались все более стремительно.

В штабе группы «Юг» 6—7 сентября складывалось впечатление, что польские войска западнее Вислы уже полностью лишены свободы маневра и отказываются от борьбы. Поэтому на 7 сентября все корпуса получили задачу преследовать поляков с наибольшим маршевым

напряжением. Командование группы армий сосредоточивало все больше усилий на южном фланге, имея в виду быстрым преследованием воспрепятствовать созданию нового польского фронта на Сане и одновременно облегчить 8-й и 10-й армиям трудную переправу через Вислу, которую им предстояло совершить в ближайшие дни.

Выполняя этот приказ, 14-я армия широким фронтом двинулась к Сану. Ее левофланговый 8-й армейский корпус форсировал Вислу у Опатовца и двинулся на восток. 22-й моторизованный корпус через Тарнов своими подвижными соединениями двигался на Ярослав, занятый 11 сентября. За ним продвигались пехотные соединения 17-го армейского корпуса. На правом фланге армии 18-й армейский корпус, наступая от Новы-Сонча, форсировал Сан у Санока и к 11 сентября достиг верховий Днестра.

Более компактно продвигалась 10-я армия, имевшая теперь задачу прорваться своими тремя «группами преследования» к Висле на участке Пулавы, Гура Кальвария. Уже 6—7 сентября воздушная разведка донесла о сосредоточении значительных польских сил южнее Радома и севернее Илжи. Это были отошедшие части армии «Прусы» и армии «Люблин». На основе данных разведки задачи подвижных войск были уточнены. Цель состояла в том, чтобы скорее выйти к переправам через Вислу и занять пути отхода вновь обнаруженной польской группировки, одновременно глубоко охватив ее с флангов.

Для осуществления этого плана, 14-й моторизованный корпус был 7 сентября переброшен с левого фланга 10-й армии в район южнее Пётркува и двинулся через Опочно на Радом. 15-й моторизованный корпус после тяжелых боев обошел с востока лесной район Илжи и 9 сентября установил связь восточнее Радома с частями 14-го моторизованного корпуса, наступавшими на Демблин. Подошедшие соединения 10-й армии концентрическими ударами окружили польскую группировку между Радомом и Илжей. 9—12 сентября продолжались бои с окруженной польской группировкой. В итоге в германский плен попали 65 тыс. человек, а трофеями вермахта стало 145 орудий. Тем временем немецкий 16-й моторизованный корпус, наступавший от Томашува-Мазовецкого севернее Пилицы, свободно продвигался к северо-востоку. Так как перед 4-й танковой дивизией не было противника и открывалось свободное шоссе на Варшаву, ей была поставлена задача ворваться в польскую столицу и овладеть мостами через Вислу. Темп марша нарастал. 1-я и 4-я танковые дивизии теперь двигались, не встречая сопротивления. Вскоре они оторвались от общего фронта до 70 км. 1-я танковая дивизия захватила мосты у Гура Кальвария. 4-я танковая дивизия, достигнув 8 сентября Варшавы, встретила на ее окраинах упорное сопротивление и остановилась. Все попытки преодолеть польскую оборону оказались безрезультатными. Правофланговый 7-й армейский корпус устремился южнее Енджеюв через Стакув к Сандомиру, который был занят 11 сентября.

Прикрывавшая левое крыло 10-й армии, 8-я армия заняла Лодзь и достигла Скерневице и Ловича, ее 10-й армейский корпус вышел к р. Бзура.

Таким образом, к 12 сентября германские войска вышли к среднему течению Вислы уже на ряде участков, они перешагнули линию Буг — Нарев, охватив Варшаву с востока, и выдвинулись к Сану, форсировав его верховья.

Приказ на организацию обороны Варшавы был отдан военным министром 3 сентября в связи с наметившимся немецким прорывом из «чехостеховской бреши». В письменных указаниях командования говорилось, что угроза прорыва немецких танков создает необходимость организовать оборону Варшавы с юга, подготовить оборону мостов и одновременно принять меры к их уничтожению в случае необходимости. На Средней Висле создавалось два участка обороны: северный — от Модлина до Демблина, южный — далее до Сандомира. Оборона Варшавы готовилась в рамках северного участка, который по приказу главкома возглавил бывший главный комендант пограничных войск генерал бригады В. Чума. Ему подчинялись пять батальонов с артиллерией.

Прорыв немцев на Варте под Серадзом 5 сентября привел польское главное командование к мысли, что угроза столице возникает не с юга, а, главным образом, с юго-запада. Следовало немедленно усилить гарнизон, что можно было сделать только за счет войск, отходивших с запада. Поэтому на следующий день генерал Стахевич потребовал от армий «Познань» и «Поможе» направить часть сил к столице и одновременно приказал Чуме «оборонять варшавские мосты до прибытия генералов Кутшебы и Бортновского». Гарнизон Варшавы усиливался еще в общей сложности шестью батальонами с артиллерией. Этим сил едва хватало даже для организации обороны города западнее Вислы. Но угроза быстро надвигалась и с востока. Следовало думать об организации обороны восточного предместья Варшавы — Праги. По приказу Чумы было сформировано еще три пехотных полка для обороны восточных районов города. Так постепенно польская столица превращалась в изолированный бастион, к которому со всех сторон подступали вражеские дивизии.

По инициативе президента города С. Стажиньского 5 сентября началась организация так называемой гражданской обороны, которую возглавил магистр Я. Регульский, ставший главным комендантом города. По призыву Стажиньского тысячи варшавян днем и ночью в предместьях, на

улицах и площадях города возводили баррикады и противотанковые заграждения. Были созданы отряды Красного Креста, пункты первой помощи, пожарные и санитарные отряды. Организовался столичный комитет общественной взаимопомощи. Для саперных работ стали создаваться рабочие батальоны обороны Варшавы, которые 12 сентября получили название добровольческой рабочей бригады. В ее рядах насчитывалось около 6 тыс. человек, сведенных в 22 роты.

В каждом квартале образовался свой добровольческий отряд. Когда не хватало оружия, шли в ход топоры плотников, резцы и долота каменщиков, инструменты механиков, автомобильные рессоры, все попадавшие под руку железные брусья, даже ножи мясников и кухонные ножи, насаженные на палки от метелок. Образовались отряды вооруженных женщин и женщин-санитарок. Во всех госпиталях были открыты ускоренные курсы медицинских сестер. Появились военные мастерские, в которых женщины приготавливали корпию и бинты. Школьники средних школ образовали отряды курьеров и «национальные батальоны», на которые возлагалась обязанность подносить боеприпасы на первую линию. На совещании у командующего армией «Варшава» 15 сентября глава города заявил, что может доставить любое количество добровольцев. Для их вооружения забрали оружие у нестроевых частей, раненых; часть волонтеров удалось вооружить. Благодаря широкому участию варшавян столицу удалось в короткий срок подготовить к обороне, превратить ее в сильный укрепленный район.

Численность гарнизона столицы постепенно возрастала за счет войск, прибывавших в город из западных районов страны. Так, по данным на 17 сентября, численность гарнизона составляла: людей — 17 825, лошадей — 3 670, винтовок — 10 475, пулеметов — 475, противотанковых пушек — 34, пушек 75-мм и 105-мм — 30. В Варшаве имелось только 36 зенитных орудий и 33 танка.

В организационном отношении территория города разделялась на два участка обороны — западный и восточный. Первый включал собственно город, расположенный на западном берегу Вислы; второй — предместье Варшавы — Прагу на восточном берегу реки. Западный участок состоял из трех подучастков, каждый из которых имел 2—3 батальонных района, носивших названия обороняемых ими городских районов («Воля», «Охота», «Мокотув»). Кроме того, имелись отдельные группы: обеспечения мостов, охраны Вислы, охраны цитадели.

Для прикрытия с воздуха варшавского оборонительного района польское главное командование назначило авиационную бригаду, имевшую 54 самолета. Артиллерия ПВО действовала в районе столицы до 5 сентября, а потом часть ее была переброшена в Брест для прикрытия нового командного пункта Рыдз-Смиглы. Конечно, в условиях поражения польских регулярных войск оборона столицы не имела надежд на успех в борьбе против сильного противника. Тем не менее 20-дневная оборона города по праву считается героической страницей борьбы польского народа за независимость.

Уже в первые дни войны над Варшавой завязались воздушные бои. Польская авиационная бригада смело вступала в схватки с превосходящими силами немецкой авиации. Она несла потери, но причиняла ущерб и врагу. Так, 3 сентября польские летчики сбили два немецких самолета и один посадили, 5-го — 9 самолетов, а 6-го — 15. Однако этим ее успехи ограничились. 6 сентября, в связи с отъездом Рыдз-Смиглы в Брест, бригада была снята с обороны Варшавы и переброшена к Бресту. Столица лишилась воздушного прикрытия.

Бои за Варшаву начались 8 сентября. Около 17 часов 4-я танковая дивизия 10-й немецкой армии, наступавшая через Пётркув, своим передовым отрядом ворвалась с юго-востока в город. Танки двинулись по Груецкому шоссе и атаковали оборонительный район «Охота». Здесь они неожиданно встретили активное сопротивление. Очень скоро четыре танка оказались подбитыми. Два из них уничтожили отряды добровольцев. На следующий день в 7.45 4-я танковая дивизия вновь атаковала 30 танками при поддержке артиллерии тот же район польской обороны. Несколько танков, которым удалось проникнуть на улицу предместья, попали в ловушки, вырытые жителями города накануне. Облитые бензином, они были сожжены вместе с экипажами. Два германских легких танка ворвались в город со стороны Повонски и подверглись нападению вышедшей из домов толпы. Очевидцы свидетельствуют, что, несмотря на яростный огонь, который вели экипажи из пулеметов, танки были буквально погребены под массой напавших на них горожан, разбиты разъяренным народом, а сидевшие в них люди убиты ударами ножей и дубин. Еще две немецкие танковые атаки 9 сентября и попытки прорваться в город 10-го и в ночь на 11-е также закончились для немцев неудачей.

Это было большой неожиданностью для германского военного командования, которое до этого ни на минуту не сомневалось в быстром падении польской столицы. Уверенность была настолько полной, что генерал Рейхенау, получив первые доклады о боях 4-й танковой дивизии под стенами польской столицы, в приказе, отданном 9 сентября, сообщил: «4-я танковая дивизия в соответствии с приказом очистила западную часть Варшавы, которая планомерно обстреливается сильной польской артиллерией всех калибров с восточного берега Вислы». Генерал не мог даже представить, что поляки задержат его танки и что эти танки не выполнят его личного распоряжения — взять польскую столицу. Сообщение о захвате Варшавы сразу же передало по радио и ОКВ. Впоследствии командир немецкой 4-й танковой дивизии Рейнгардт, вспоминая о

стремительном прорыве своей дивизии, отмечал, что «в глазах у всех светила радость», так как вот сейчас, на восьмой день войны, дивизия вступит в столицу врага. Но вышло иначе: на окраинах танки были встречены сильным огнем, баррикадами, орудиями ПТО, которые «закрыли дорогу головным танкам». Дивизия остановилась. «В этих условиях, — продолжает Рейнгардт, — нельзя было и думать о прорыве в город...»

Оценив прочность обороны города и сложность ситуации в битве над Бзурой, командующий группой армий «Юг» отказался от дальнейших попыток взять Варшаву с ходу. Для осады Варшавы 4-я танковая дивизия 10-й армии была 12 сентября сменена 31-й пехотной дивизией.

8 сентября польское главное командование отдало приказ о создании армии «Варшава», во главе которой был поставлен генерал Руммель — в недавнем прошлом командующий армией «Лодзь». По решению главного командования от 10 сентября Варшава становилась особым самостоятельным районом обороны. В результате продвижения 3-й германской армии через Нарев и Буг к югу и выхода ее частей на восточные окраины столицы 13 и 14 сентября кольцо окружения вокруг Варшавы замкнулось с востока. Отныне гарнизон мог рассчитывать только на свои силы и ресурсы.

Тем временем в связи с продвижением 3-й немецкой армии в Восточной Польше и созданием ею угрозы глубокого обхода всей северной группировки польских войск, польское главнокомандование решило сосредоточить как можно больше сил в юго-восточных районах страны, вблизи границы союзной, хотя и не воюющей, Румынии и здесь продолжать сопротивление. Именно в таком духе и была составлена директива Главного штаба от 10 сентября. Констатируя, что легкие механизированные части противника дезорганизуют фронт обороны и не позволяют «нам оторваться от противника и собрать войска под прикрытием р. Висла», главнокомандующий указывал: «главной моей целью является возможное стягивание всех войск в направлении на Восточную Польшу и обеспечение соединения с Румынией». На линии р. Сан, Сандомир, Рава-Руска действует группа армий генерала Соснковского в составе армий генералов Фабрицы и Шиллинга, войск, прибывающих в Львов и формируемых в Восточной Польше. «Группа армий Соснковского должна удерживать восточную Малую Польшу и границу с Румынией. Армия Пискора должна обороняться по Висле от Сандомира до устья Вепша. Направление возможного отхода — на Томашув-Любельский. Отход с линии Висла — Вепш — отдельным приказом. Мое желание — чтобы армия на этой линии выдержала до тех пор, пока не пробьется через Радом на Красник группа Кутшебы».

Севернее отходит армия генерала Пшедзимирского в направлении Калушин, Лукув, Радзынь Подляски, Парчев, Томашув. Следует оттянуть за Вислу группу генерала Сквирчинского, которая вела бои в районе Вербник, Каменка, Радом. Группе армий генерала Домб-Бернацкого в составе армий генералов Пшедзимирского и Млот-Фиалковского ставилась задача — оторваться от противника и как можно быстрее достичь района Коцк — Брест. В дальнейшем, если потребуются, отходить на линию Грубешув, Владимир-Волынский. Группа армий генерала Кутшебы наносит удар по противнику в районе Лодзь и пробивается через Радом на Красник⁵⁶⁵. Новый оборонительный фронт предполагалось создать за счет войск, отходивших за Вислу и Сан в южном и юго-восточном направлениях, а также за счет резервных формирований. С севера сосредоточение войск должны были прикрывать части армии «Люблин».

Приказ от 10 сентября был последним общим распоряжением польского главнокомандования. Вслед за тем оно покинуло Брест и двинулось в направлении румынской территории, потеряв на несколько дней всякое управление войсками. Очень скоро обнаружилось, что выполнить новое решение не представляется возможным. Как сообщал 10 сентября в Париж французский представитель при польском генштабе генерал Арманго, «здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля и даже о положении своих собственных войск информировано очень не полно или вовсе не информировано. Генеральный штаб распался на две части... Польская армия собственно была разгромлена в первые же дни»⁵⁶⁶. Конечно, зная о настроениях в Париже, генерал несколько сгустил краски, но к середине сентября положение, сложившееся на фронте, не позволяло полякам надеяться на победу.

Крупнейшим из сражений в центральной части Польши была битва над Бзурой, которая произошла западнее Варшавы в период с 9 по 18 сентября между польской армией «Познань», частью сил армии «Поможе», с одной стороны, и соединениями немецких 8-й и 10-й армий — с другой.

Участок, на котором развернулась битва, ограничен с севера р. Висла, с юга — ее притоком Бзура, с запада и востока — городами Кутно и Сохачевом. В этот район и далее к Варшаве отходили из-под угрозы немецких фланговых охватов еще не вступившие в сражения войска армии «Познань». Тот факт, что армия более недели отступала, когда враг уже глубоко проник на территорию Польши, составлял основу принятого вскоре командующим армией генералом Кутшебой решения не просто двигаться к Варшаве, избегая противника, а прежде нанести удар по немецкой 8-й армии. План этого удара складывался вопреки выводам, которые подсказывало

неблагоприятное соотношение сил, вопреки прямому запрету Рыдз-Смиглы. Моральный момент — чувство горечи за тяжелые неудачи и потери армии, внутренний протест против отхода без того, чтобы испытать военное счастье, желание ответить врагу ударом на удар — играл здесь, по-видимому, значительно большую роль, чем оперативные соображения и строгие штабные расчеты.

Переходу в наступление армии «Познань» способствовала обстановка в районе Бзуры. Она сложилась в связи с просчетом немецкого командования, предполагавшего, что польская армия полностью и повсеместно разбита и больше не сможет угрожать активными контрмерами. Германская 8-я армия после окончания приграничных сражений получила задачу преследовать поляков и прорваться на Лович, имея главную группировку между Лодзью и Бзурой. Поскольку армия не имела на севере соседа, то при этом «беге к Ловичу» неизбежно открывался северный ее фланг, которому угрожала отходившая в тоже самое время на восток, но севернее, польская армия «Познань» с присоединившимися к ней частями армии «Поможе». Командование группы армий «Юг», как и ОКХ, допустило крупную ошибку, посчитав, что эта польская группировка, о появлении которой уже 7 сентября сообщала авиация, отходит на Варшаву и в бой ввязываться не будет и что р. Бзура — достаточное прикрытие северного фланга 8-й армии. Польские командиры на этом участке фронта руководствовались иными соображениями, чем те, которые им приписывали немцы. В результате 8-я армия попала под сильный фланговый удар армии «Познань», что вызвало кризис, замедливший операции левого крыла и центра 10-й армии.

Замысел командующего армией «Познань» от 7 сентября преследовал, по его словам, ограниченную цель: частью сил армии нанести удар из района Кутно на Стрыков, разбить северную фланговую группировку 8-й германской армии и тем обеспечить дальнейший отход армий «Познань» и «Поможе» на Варшаву. Для нанесения удара генерал Кутшеба создал оперативную группу под командованием генерала

Э. Кнолля-Ковнацкого в составе трех пехотных дивизий (25-я, 17-я и 14-я) и тяжелого артиллерийского полка. 8 сентября группа развернулась на северном берегу Бзуры между Ленчицей и Пионтеком на фронте 24 км.

Группа Кнолля перешла в наступление ночью 9 сентября, когда германская авиация не могла прижать ее к земле. Неожиданный удар отбросил части вермахта на несколько километров к югу от Бзуры. В завязавшихся упорных боях польские войска сражались героически, особенно под Ленчицей, Пионтеком, Унеювом и Гелестынувом. День победы под Гелестынувом справедливо был назван великим днем 17-й польской дивизии, разгромившей здесь части 17-й немецкой пехотной дивизии. В последующих боях 10 и 11 сентября 30-я немецкая пехотная дивизия потеряла до 1 500 человек и более 30 орудий. Прикрытие северного фланга 8-й армии теперь было ликвидировано, польская группировка продвинулась на 35 км южнее Бзуры (до Лодзи осталось 12 км), чем создавала угрозу тылу германских войск, двигавшихся на Варшаву. 11 сентября в сражение вступила оперативная группа генерала М. Болтуца (4-я и 16-я пехотные дивизии), которая заняла Сobotу и Лович.

Армия «Познань» втянулась в тяжелое сражение, задача отхода на Варшаву сама собой отодвинулась на второй план. Переоценив успехи армии «Познань» в ходе битвы над Бзурой, главное польское командование поставило новую задачу — вместо отхода на Варшаву отступить к Радому и Краснику. Так как шифр попал в руки немцев, Главный штаб передал приказ об изменении направления отхода в штаб армии «Познань» открытым текстом в виде «жаргонной» телеграммы: «Познаньская армия должна идти на обед к Вежбицкому и далее на юг». В штабе армии знали, что ресторан Вежбицкого находился в Радоме. Но 11 сентября главное командование вновь отменило свое решение и снова приказало двигаться на Варшаву.

Все это, происшедшее за какие-нибудь сутки, было для немцев ударом грома среди ясного неба. Все перепуталось на центральном участке фронта. Германское командование стало снимать войска с других участков фронта и перебрасывать их к северу от Лодзи, чтобы усилить свою группировку. Первоначально сюда прибыли три пехотные дивизии из 8-й и 10-й армий, а вскоре были стянуты 16 немецких дивизий — значительная часть сил группы армий «Юг». Вместе с тем командование группы армий «Юг» испытало облегчение, связанное с тем, что, ввязавшись в бой, противник не сможет уйти на восток. С юга к Бзуре рвались соединения 8-й армии, с востока — от Мшанува был развернут 11-й армейский корпус (18-я, 19-я пехотные дивизии) 10-й армии, из-под Варшавы на Сoхачев наступали 1-я и 4-я танковые дивизии 16-го моторизованного корпуса, смененные под Варшавой с 16 сентября соединениями 15-го моторизованного корпуса. С северо-запада и через Вислу у Плоцка поляков атаковал 3-й армейский корпус, 13 сентября подчиненный 8-й армии.

12 сентября Кутшеба узнал, что соединения армии «Лодзь» уже отступили на северо-восток, поэтому он приказал прекратить атаки и отвести войска за Бзуру, чтобы, перебросив их к Ловичу, нанести удар в сторону Скерневице. На следующий день группа Кнолля отошла на север, а противник отошел к югу. Утром 14 сентября группа генерала Бортновского (6-я, 26-я и 14-я

пехотные дивизии) форсировала Бзуру и атаковала противника у Ловича, но узнав, что 4-я немецкая танковая дивизия движется от Варшавы к Бзуре, Бортновский отвел войска за р..

13 сентября до 200 самолетов люфтваффе были брошены на польские колонны за Бзурой. Однако плохая погода в последующие дни резко осложнила использование авиации до 16 сентября. 14 сентября германские войска вышли к нижнему течению Бзуры, лишь у устья реки в Кампиносских лесах вдоль Вислы оставалось незанятое пространство. Там удалось прорваться на восток отдельным группам польских войск. Отвергая неоднократные требования врага о сдаче, польские воины вновь и вновь шли в атаку с надеждой вырваться из кольца. Однако численное и техническое превосходство немцев было подавляющим. Их самолеты с 16 сентября непрерывно бомбили и обстреливали на бреющем полете польские позиции и районы сосредоточения войск. Пылали леса и деревни. В боях на Бзуре действовало 820 самолетов люфтваффе, которые сбросили 328 тонн бомб. Мужество польских солдат в бою поражало немцев, приводило их в замешательство. Польская кавалерия, вооруженная пиками и саблями, неоднократно бросалась в отчаянные атаки, а пехота с песнями шла вперед и попадала под удары артиллерии и авиации. 16 сентября у Ловича поляки еще раз попытались прорваться на восток, но были отбиты.

17 сентября 8-я армия заняла Кутно и вышла на шоссе Кутно — Лович. 11-й армейский корпус двинулся через Бзуру между Сохачевом и Лович на северо-запад. 19 сентября части 16-го моторизованного корпуса достигли берега Вислы в устье Бзуры. Одновременно они форсировали Бзуру и прорвали польскую оборону, расчленив их группировку на отдельные группы. Однако за предыдущие дни отдельные части польской группировки вдоль берега Вислы пробивались в Кампиносские леса восточнее Варшавы, но здесь были полностью окружены и расчленены. Лишь незначительные отряды прорвались в Варшаву и Модлин. 19 сентября организованное сопротивление поляков было сломлено, а в 22.00 21 сентября последние группы польских войск капитулировали. В ходе этих боев немцы захватили около 120 тыс. пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков. После битвы над Бзурой сопротивление польских вооруженных сил западнее Вислы было сломлено. Немецкие войска в ряде мест переправились через Вислу. Основная часть территории Западной Польши до Вислы и Сана с ее крупными военно-экономическими центрами и хорошо развитой системой коммуникаций оказалась потерянной.

Обстановка на всех фронтах в середине сентября была для польской армии катастрофической. Польское верховное командование уже не могло управлять действиями вооруженных сил. Директиву от 10 сентября не удалось своевременно довести до всех штабов. Соединения действовали на свой страх и риск, не зная, что происходит на других участках фронта. Польской армии как организованного целого начиная со второй половины сентября не существовало. В это время германское командование сосредоточило усилия на окружении польской армии в восточных районах страны.

В середине сентября группа армий «Север» в связи с растягиванием фронта провела новое переподчинение войск. 13—14 сентября управление 4-й армии передало 3-й армейский корпус 8-й, а 2-й армейский корпус 3-й армиям. С 16 сентября 4-й армии были подчинены 21-й армейский, 19-й моторизованный корпуса и группа «Бранд», действовавшие северо-восточнее Буга. Тем временем соединения 3-й армии вышли на восточный берег Вислы от Модлина до устья р. Пилица, заняв Миньск-Мазовецки, Гарволин и Отвоцк, блокировав гарнизоны Модлина и Варшавы. 11—13 сентября у Остров-Мазовецкий были окружены и уничтожены остатки 18-й польской пехотной дивизии. Соединения 21-го армейского корпуса 11 сентября заняли Бельск, а 15 сентября — Белосток.

В глубоком тылу группы армий «Север» польские войска продолжали оборонять Гдыню и Хель. В этом районе находилось до 18 тыс. польских солдат, задачей которых была оборона военно-морской базы польского флота. Против них действовали соединения корпуса Каупиша (207-я пехотная дивизия и пограничные части) и соединение «Данциг» — всего до 38 тыс. человек. Еще 3 сентября эта польская группировка была отрезана с юга, а к 7 сентября германские части подошли к окраинам Гдыни. 8—13 сентября полякам удавалось сдерживать атаки противника под непрерывными бомбежками и обстрелом как с суши, так и с моря. Однако 13 сентября у Пуцка немцам удалось прорваться к Данцигскому заливу, отрезав Хель от Гдыни. В тот же день город был занят, но в районе военного порта поляки держались до 19 сентября. В этот день, исчерпав весь боезапас, командующий обороной полковник С. Домбек отдал приказ о прекращении сопротивления. Сам он застрелился. Теперь лишь на косе Хель поляки продолжали сопротивление.

В то время как 3-я армия приближалась с северо-востока к Варшаве, 19-й моторизованный корпус перешел в наступление на Брест. Нанося удар по восточному берегу Буга, танковые части Гудериана 12 сентября заняли Высоко-Литовск. Во второй половине дня 14 сентября 19-й моторизованный корпус занял Брест. В Брестской крепости остался отряд генерала К. Плисовского. 15 сентября немцы со стороны города предприняли штурм крепости, но, дойдя до ворот цитадели, были отбиты. С утра 16 сентября начался артиллерийский обстрел и бомбежка крепости. В 10 утра начался новый штурм, в результате которого была захвачена часть валов, но

неумение немецких пехотинцев наступать за огневым валом артиллерии не позволило им прорваться в крепость. Большая часть защитников крепости была ранена или погибла, поэтому в ночь на 17 сентября остатки гарнизона покинули цитадель по мосту в сторону Тересполья на западном берегу Буга. Лишь утром германская разведка установила, что крепость оставлена противником, и заняла ее⁵⁶⁷.

15 сентября Бок приказал командующему 4-й армией организовать наступление к востоку с ближайшей задачей выйти на линию Волковыск — Гродно (150 км от советской границы). 19-му моторизованному корпусу ставилась задача «одной моторизованной и одной танковой дивизиями продвигаться на Влодава, Ковель. Одна моторизованная дивизия, усиленная танковым подразделением, подчинялась 4-й армии с целью достичь через Кобрин, Пружаны линии Барановичи — Слоним» (50 км от советской границы). Соответственно, 2-я моторизованная дивизия двинулась к Кобрину, а 3-я танковая — на Влодаву, которую заняла 16 сентября. Передовые отряды достигли Любомля. Сюда же с юга подошли части 22-го моторизованного корпуса.

Южнее на Висле соединения 14-го армейского корпуса 10-й армии заняли плацдармы у Демблина и Пулав. Правофланговый 4-й армейский корпус форсировал Вислу у Ополя и Аннополя и, заняв Красник, двинулся к Люблину. 7-й армейский корпус занял Сандомир, преодолел Вислу и Сан и двинулся на восток. Соединения 14-й армии стали разворачиваться на северо-восток. Подвижные дивизии 22-го моторизованного корпуса от плацдарма у Яворова устремились через Томашув-Любельский, занятый 13 сентября, на Замосць и через Раву-Русску на Грубешув и Владимир-Волынский, которые были заняты передовыми отрядами 16 сентября. В тот же день соединения 22-го моторизованного корпуса были вновь повернуты на юго-запад в направлении Рава-Русска — Львов. Вслед за ними Сан форсировали дивизии 17-го армейского корпуса. Севернее через реку переправились соединения 8-го армейского корпуса, столкнувшиеся у Тарногруда с польской оперативной группой «Пискор».

Дивизии 18-го армейского корпуса 14 сентября заняли Перемышль, Самбор и двинулись к Львову. 12 сентября к Львову от Самбора подошла 4-я легкопехотная дивизия. На следующий день немцы атаковали город и заняли главный вокзал. Однако польская оборона устояла. Тем не менее в вечерней сводке командование обороной города отмечало, что «моральное состояние, за исключением отдельных солдат, плохое в связи с большим перевесом противника». Но два дня успешных боев, вынудивших немцев уйти из города, привели к тому, что моральное состояние войск улучшилось⁵⁶⁸. С 15 сентября 4-я легкопехотная дивизия стала отводиться на север в район Равы-Русской, но с юга подошли части 1-й горнопехотной дивизии. Город оказался блокирован с севера частями 4-й легкопехотной дивизии, с запада — 45-й пехотной дивизии, с юга — 1-й горнопехотной дивизии.

К 16 сентября наступавшие с севера и юга войска соответственно 4-й и 14-й армий вышли на линию Осовец — Белосток — Бельск — Каменец-Литовск — Брест-Литовск — Влодава — Владимир-Волынский — Замосць — Львов — Самбор, а войска 10-й армии, форсировав Вислу, подходили с юго-запада к Люблину. На этой линии, удаленной на 150—250 км от границы Советского Союза, находилась 21 немецкая дивизия, из них 4 танковые, 3 моторизованные и легкие и 14 пехотных. В группе армий «Север» это были 3-я, 10-я танковые, 20-я, 2-я моторизованные, 21-я, 23-я, 206-я пехотные и группа «Бранд», а в группе армий «Юг» — 2-я, 5-я танковые, 7-я, 57-я, 44-я, 45-я, 28-я, 8-я, 27-я, 68-я пехотные, 1-я, 2-я горнопехотные дивизии. Естественно, германское командование не собиралось останавливать продвижение войск, Тем более что перед ними не существовало организованного польского фронта. Так как темп продвижения немецких танковых и моторизованных группировок достигал в это время 25—30 км в сутки, то занять всю Восточную Польшу (Западную Украину и Западную Белоруссию) они могли в течение 4—8 суток, то есть к 21—25 сентября.

Последние бои

Однако в 2.00 17 сентября германское командование было информировано о вступлении на территорию Польши Красной армии и в 7.00 приказало своим войскам «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Брест — Белосток»⁵⁶⁹. Но основным силам германских войск еще только предстояло достичь этой линии, поэтому они продолжали продвижение. 17—19 сентября соединения 4-го армейского корпуса 10-й армии вышли на западный берег р. Вепш, заняв 18 сентября Люблин, а правофланговые части вступили в Хелм. 7-й и 8-й армейские корпуса 14-й армии между Замостьем и Томашов-Любельским окружили оперативную группу «Пискор» и 20 сентября вынудили ее капитулировать. 17-й и 18-й армейские корпуса вышли на линию Рава-Русска — Львов, окружив у Жолквы остатки армии «Малопольска», капитулировавшие 19 сентября. Соединения 22-го моторизованного корпуса неспешно оттягивались к Самбору, куда уже прибыла 5-я танковая дивизия. К 19 сентября эти войска заняли

Борислав и Стрый. Это было последнее продвижение вермахта на восток. 19 сентября войска по приказу ОКХ были остановлены на достигнутых рубежах.

Разгром вермахтом польской армии, введение в Западную Украину и Западную Белоруссию советских войск и достижение соглашений между Москвой и Берлином о судьбе польских территорий, о чем будет подробно рассказано далее, позволило германскому командованию уточнить ближайшие военные задачи как на Востоке, так и на Западе. 25 сентября 1939 г. была издана Директива ОКВ № 4: «1. Окончательное политическое оформление бывшей польской территории между демаркационной линией и границей рейха еще не произведено.

После завершения боев за Варшаву и Модлин обеспечить демаркационную линию на всем ее протяжении соединениями пониженной боеспособности.

Силы сухопутных войск и авиации, необходимые для быстрого слома все еще продолжающегося в настоящее время польского сопротивления позади демаркационной линии (Сан — Висла — Нарев — Писа), оставить на востоке...

2. Решение относительно того, следует ли захватить Модлин и Варшаву западнее Вислы до 3.10. путем общего наступления, оставляю за собой в зависимости от результатов частных операций по уничтожению противника. Однако меры подготовки к такому наступлению принять.

3. Уже сейчас пресечь всякое перемещение беженцев с востока на запад через демаркационную линию, за исключением фольксдойче и украинских активистов.

4. Решение о дальнейшем ведении войны будет принято в кратчайший срок.

До тех пор меры, принимаемые видами вооруженных сил как в организационном отношении, так и в области вооружения, не должны затруднять принятие возможных решений. Следует обеспечить возможность ведения в любой момент наступательной войны на западе. Держать в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления.

5. а) В отношении действий на суше пока остаются в силе директивы по ведению войны на Западе.

б) На море прежние ограничения торговой войны отменяются; морскую войну как против Франции, так и против Англии вести в соответствии с положением о захвате трофейного имущества.

Далее, разрешаются:

Нападение на французские военные корабли и военные самолеты, на французские торговые суда, следующие в конвое, на все вражеские транспорты; применение мин у североафриканского побережья (порты погрузки).

Ведение экономической войны соединениями военной авиации в соответствии с положением о захвате трофейного имущества.

Нападение на пассажирские пароходы или же на крупные суда, которые наряду с товарами явно перевозят большое количество пассажиров, не разрешается.

в) Для воздушной разведки на западе прежние ограничения сохраняются. Перелет границы империи разрешается только для ведения ближней разведки, разведки поля боя, а также для атаки на корректирующие огонь самолеты и аэростаты. Авиация может использоваться в Гельголандской бухте и в заминированном районе «Запад», а также для непосредственной поддержки боевых действий военно-морского флота против английских или французских судов.

Относительно ведения дальней разведки приказ последует особо.

6. Для подводной войны отныне употреблять лишь следующие наименования:

для подводной войны, ведущейся в соответствии с положением о захвате трофейного имущества, — торговая война;

для неограниченной подводной войны — морская блокада Англии.

7. Нападения подводных лодок на английские торговые суда, точно опознанные как вооруженные, производить без предварительного предупреждения»⁵⁷⁰.

Теперь в Польше германскому командованию предстояло сломить последние очаги организованного сопротивления окруженных польских гарнизонов в Варшаве, Модлине и на Хеле.

В период битвы над Бзурой активность немецкой артиллерии и авиации против Варшавы ослабла, что облегчило положение в городе. Еще 12 сентября Гитлер, прибывший в район Варшавы, на совещании с Герингом и Кейтелем потребовал подвергнуть город беспощадной авиационной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу. Одновременно германское командование пыталось подорвать оборону польской столицы изнутри. 15 сентября на город были сброшены листовки, обвинявшие население Варшавы в том, что оно «ведет войну франтиреров» и тем... нарушает международное право. Город приказывалось сдать в течение 12 часов без боя. Если же это требование не будет выполнено, то гражданское население получало 12 часов на то, чтобы уйти из города по шоссе на Седлец и на Гарволин. По прошествии этого времени, говорилось в обращении, «весь район Варшавы станет военной областью со всеми вытекающими последствиями».

16 сентября удары с воздуха и земли возобновились. Только в течение этого дня по городу было выпущено более 5 тыс. снарядов. Районы Старого Мясца и Дворцовой площади подверглись ожесточенной бомбардировке. В последующие дни огневые удары наносились по новым и новым районам столицы. Прекратилась подача воды и газа. Тушить пожары становилось все труднее. Однако сопротивление и энтузиазм защитников Варшавы не ослабевали, германские парламентарии не были приняты. Германское командование пришло к выводу, что сломить оборону польской столицы можно лишь путем подавления ее массой войск, техники, сильнейшими авиационными ударами. В середине сентября ОКХ и штаб военно-воздушных сил приступают к подготовке генерального штурма. Однако пока продолжалась битва над Бзурой, сделать это было затруднительно, и вечером 16 сентября Гитлер отложил намеченный на утро 17 сентября штурм города⁵⁷¹. Во второй половине дня 17 сентября командование армии «Варшава» предложило противнику начать переговоры относительно эвакуации гражданского населения, но Гитлер, сославшись на то, что срок ультиматума истек, отклонил эту просьбу. Вместе с тем полякам было заявлено, что германское командование готово к переговорам о капитуляции гарнизона. 19 сентября командующий 8-й армией отдал приказ о подготовке генерального штурма, которую предполагалось завершить к 25 сентября.

20 сентября против Варшавы было использовано 620 самолетов люфтваффе, а на следующий день Геринг приказал сосредоточить против польской столицы основные силы 1-го и 4-го воздушных флотов. В ночь на 22 сентября немцы приступили к артиллерийской и авиационной подготовке окончательного штурма. Шквал снарядов и бомб обрушился на внешние укрепления и стратегические точки города. Уже через два дня оказались полностью выведенными из строя электростанции и телефонная сеть, замолкло радио. Город погрузился во мрак. 24 сентября германское командование решило не выпускать беженцев из города, чтобы не дать «польскому гарнизону возможности вести бои в самом городе, используя все средства»⁵⁷². 25 сентября 1 150 самолетов люфтваффе бомбили город с использованием зажигательных бомб. Волна за волной налетали немецкие бомбардировщики на жилые кварталы; не встречая почти никакого противодействия, они методически разрушали город. Госпитали, больницы были переполнены ранеными. Убитых хоронили в городских скверах, на огородах. Отсутствие воды делало невозможной борьбу с пожарами. Варшава представляла собой море пламени. Всего на польскую столицу было сброшено 5 818 тонн бомб, а всего на Польшу люфтваффе обрушили 19 589 тонн бомб, примерно столько же было сброшено на Англию за весь 1941 г.⁵⁷³

26 сентября германские войска начали обстрел самого города. Одновременно начался общий штурм. Удар на западном участке обороны был отбит подразделениями 40-го и 41-го польских пехотных полков. Разгорелись бои также на других участках обороны. Наиболее ожесточенный характер они приняли в Черняхове и Жолибоже. В ходе боев 25—26 сентября войска 13-го армейского корпуса прорвали обе линии внешних укреплений, а части 11-го корпуса овладели первой линией фортов⁵⁷⁴. В 18.00 польское командование через парламентариев просило командование вермахта о предоставлении 24-часового перемирия для вывода из города гражданского населения. Эта просьба была отклонена, и у поляков потребовали прислать офицера для переговоров о сдаче гарнизона. Обстрел города продолжался.

Несмотря на то что защита столицы стала делом национальной чести, польское командование, учитывая нехватку боеприпасов, продовольствия, воды и медикаментов, пришло к выводу, что возможности обороны исчерпаны. Поэтому с утра 27 сентября оно согласилось начать переговоры, а в 13.15 28 сентября был подписан акт о капитуляции Варшавы. Значительная часть войск и жителей столицы не поддерживала решение властей о прекращении борьбы и о сдаче города. Некоторые офицеры кончали жизнь самоубийством, не желая сдаваться. Солдаты и целые подразделения игнорировали приказ о сдаче оружия на специальные пункты. Они закапывали или уничтожали свое вооружение, чтобы оно не досталось врагу.

В ходе обороны Варшавы, согласно польским данным, погибло около 5 тыс. польских военнослужащих, а около 16 тыс. были ранены. Среди гражданского населения около 25 тыс. человек были убиты, около 50 тыс. — ранены. В плен попали 5 031 офицер, 97 425 унтер-офицеров и рядовых. До 20% зданий города оказались разрушенными, в том числе национальная святыня — Королевский замок. С вечера 29 сентября началась сдача в плен гарнизона Варшавы, а утром 1 октября в него вступила немецкая 10-я пехотная дивизия, командир которой генерал Кохенгаузен стал комендантом города. Прагу заняли части 1-го армейского корпуса 3-й армии. 2 октября в Варшаве в присутствии Гитлера состоялся парад победы вермахта.

Одновременно германские войска с 18 сентября начали атаки против Модлина. На город было сброшено 550 самолетов, широко использовалась артиллерия, сухопутные части предприняли штурм укреплений. Однако поляки не только отбили атаки, но и сами предприняли 19 сентября вылазку у Нового Двора. 22 сентября город был отрезан с юга и от Варшавы соединениями 15-го моторизованного корпуса. С 24 сентября началась систематическая артиллерийская и авиационная подготовка штурма Модлина. Нехватка боеприпасов, продуктов и медикаментов

вынудила командующего гарнизоном генерала Томме 29 сентября капитулировать. Около 30 тыс. польских солдат попали в плен.

Бои на косе Хель возобновились 29 сентября, когда германские войска начали атаки польских укреплений. К 1 октября им удалось прорвать несколько рубежей и занять примерно 1/3 косы. Исчерпав возможности сопротивления, польский гарнизон Хели в составе почти 4,5 тыс. человек во главе с контр-адмиралом Ю. Унругом 2 октября прекратил сопротивление.

Последним крупным столкновением германских и польских войск стали бои севернее Коцка 2—6 октября. Здесь действовала созданная еще 9 сентября и позднее отошедшая из бассейна Припяти оперативная группа «Полесье» в составе 50-й, 60-й пехотных дивизий, сводной кавдивизии, остатков Подляской кавбригады и 13-й учебной авиаэскадрильи под командованием генерала Ф. Клеэберга. Отойдя через Влодаву от советских войск, Клеэберг решил двинуться на помощь Варшаве. Однако получив сведения о капитуляции столичного гарнизона, генерал повернул свои части на Демблин, намереваясь захватить там склады боеприпасов и продовольствия для продолжения партизанских действий против немцев. 2 октября северовосточнее Коцка поляки столкнулись с 13-й немецкой моторизованной дивизией. Утром 3 октября Клеэберг атаковал противника, но нехватка снарядов вынудила его отойти и попытаться оторваться от противника. Немцы двинули на помощь своим 29-ю моторизованную дивизию, которая, действуя с запада, должна была помочь 13-й дивизии атаковать поляков с юго-востока. Клеэберг решил разбить 13-ю дивизию до подхода 29-й, и 5 октября поляки вновь атаковали. Польской кавалерии удалось прорвать левое крыло немцев и зайти им в тыл, но в разгар боя у поляков кончились боеприпасы. Поэтому утром 6 октября группа Клеэберга сложила оружие.

Так завершилась Польская кампания вермахта, и германское командование получило возможность перебросить основные силы сухопутных войск на Западный фронт против Франции.

Война с Востока

В Москве внимательно следили за развитием событий в Европе, рассчитывая использовать их в своих интересах, которые в Восточной Европе были обеспечены договоренностью с Германией. Германское руководство, признав часть этого региона советской сферой интересов, видимо, считало, что СССР использует для ее занятия войска, что отвечало и германским интересам, поскольку в Берлине всячески подчеркивали советско-германскую «дружбу», стремясь удержать Англию и Францию от вмешательства в германо-польский конфликт. Германский МИД, обеспокоенный слухами об отводе частей Красной армии с польской границы, 27 августа поручил своему послу в Москве прояснить этот вопрос⁵⁷⁵. Выполняя это распоряжение, германский посол Ф. -В. фон Шуленбург 29 августа выяснял у Молотова, правдивы ли подобные слухи, и передал пожелание Берлина об их опровержении в печати. Молотов поинтересовался, верит ли подобным слухам германское правительство, и после отрицательного ответа Шуленбурга согласился дать опровержение и подчеркнул серьезность, с которой советское правительство относится к пакту о ненападении⁵⁷⁶. 30 августа в советской прессе появилось опровержение ТАСС, в котором говорилось, что «ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»⁵⁷⁷.

Перед выбором

1 сентября в 11 часов в НКВД явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей, о присоединении Данцига к Германии и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкрапленными позывными знаками «Рихард Вильгельм 1.0», а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово «Минск». Советская сторона согласилась передавать лишь слово «Минск», что использовалось люфтваффе в качестве радиомаяка⁵⁷⁸. 3 сентября в Берлине произошло вручение верительных грамот советского посла в Германии А.А. Шкварцева. На церемонии Шкварцев и Гитлер заверили друг друга от имени своих стран, что выполняют свои обязательства по договору о ненападении⁵⁷⁹. В тот же день германское посольство в Москве получило задание министра иностранных дел И. Риббентропа прощупать намерения СССР относительно возможного вступления Красной армии в Польшу⁵⁸⁰. На этот запрос Молотов ответил 5 сентября, что советское правительство согласно, что ему в подходящее время «обязательно придется... начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел», а «торопливостью можно испортить дело и облегчить сплочение противников»⁵⁸¹.

Отношение советского руководства к начавшейся войне в Европе было четко выражено И.В. Сталиным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна. По его мнению, «война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших

капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»⁵⁸². Германия получала и более ощутимую помощь. 4 сентября все германские суда в северной Атлантике получили приказ «следовать в Мурманск, придерживаясь как можно более северного курса»⁵⁸³. 6 сентября германский МИД сообщил в Москву: «Мы намереваемся и далее направлять немецкие торговые суда в Мурманск и ожидаем, что советское правительство облегчит разгрузку, погрузку и транспортировку грузов по железной дороге в Ленинград, куда будут заходить для погрузки немецкие суда». 8 сентября Москва дала разрешение на заход немецких судов в Мурманск и гарантировала транспортировку грузов в Ленинград⁵⁸⁴. Всего за первые 17 дней сентября 18 германских судов нашли убежище в советском порту⁵⁸⁵.

Охарактеризовав Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, Сталин заявил, что «уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население»⁵⁸⁶. Соответственно и зарубежные компартии получили 8—9 сентября директиву ИККИ, в которой отмечалось, что «настоящая война — империалистическая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств». Поэтому «ни рабочий класс, ни тем более компартии» не могут поддерживать эту войну. Тем более «международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности»⁵⁸⁷. Соответственно, вопреки мнению ряда авторов⁵⁸⁸, советское руководство 5 сентября отказало Польше в поставках и транзите военных материалов, сославшись на угрозу затягивания в войну⁵⁸⁹.

Советские военные приготовления

Естественно, советское руководство не собиралось безучастно взирать на развитие ситуации в Польше и без всяких просьб Берлина начало собственные военные приготовления. Еще с мая 1939 г. советское военное руководство, учитывая нарастание международной напряженности, начало разработку новой системы мобилизационного развертывания Красной армии. Основная идея реорганизации сухопутных войск сводилась к тому, чтобы создать постоянную армию, готовую к использованию при минимальном мобилизационном развертывании. Для этого все скрытые, то есть предназначенные к развертыванию в случае мобилизации дивизии, переводились в открытые. В итоге созданная по решению Главного Военного Совета Комиссия по организационным мероприятиям при НКО под председательством заместителя наркома обороны командарма 1 ранга Г.И. Кулика 27 июля 1939 г. приняла решение развернуть на базе стрелковых дивизий тройного развертывания ординарные стрелковые дивизии со штатом 4 100 человек. Комиссия сделала вывод, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватало, поэтому к 1 ноября 1939 г. следовало перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы⁵⁹⁰.

В соответствии с принятым решением, 15 августа 1939 г. нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов отдал директивы №№ 4/2/48601—4/2/48611 Военным советам Ленинградского (ЛВО), Московского (МВО), Калининского (КалВО), Белорусского (БОВО) и Киевского особых (КОВО), Харьковского (ХВО), Орловского (ОрВО), Приволжского (ПриВО), Северо-Кавказского (СКВО), Уральского (УрВО) и Сибирского (СибВО) военных округов, согласно которым им следовало с 25 августа по 1 декабря 1939 г. сформировать 18 управлений стрелковых корпусов, перевести кадровые дивизии на новый штат 8 900 человек и развернуть 36 дивизий тройного развертывания в 92 дивизии по 6 000 человек⁵⁹¹. 22 августа нарком обороны докладывал в ЦК ВКП(б) и СНК СССР об обеспеченности вооружением предлагаемых организационных мероприятий. С учетом наличия вооружения в неприкосновенном запасе проводимые мероприятия были в целом обеспечены по винтовкам, пулеметам, 82-мм минометам и 76-мм пушкам. По самозарядным винтовкам, 45-мм противотанковым пушкам, 122-мм гаубицам и 76-мм зенитным пушкам покрытие некомплекта ожидалось в течение 1939 г. на основании получения их от промышленности, а потребность по противотанковым ружьям, 12,7-мм станковым пулеметам, 50-мм, 107-мм и 120-мм минометам, 152-мм гаубицам, 37-мм и 45-мм зенитным пушкам и автомобилям удовлетворялась поступлением от промышленности в 1939—1940 гг. Нарком обороны просил разрешить использовать неприкосновенный запас, обязать промышленность выполнить план военных заказов на 1939 г. и произвести дополнительный заказ на автомобили⁵⁹².

1 сентября 1939 г. Политбюро утвердило предложение Наркомата обороны, согласно которому в Красной армии предусматривалось кроме 51 ординарной стрелковой дивизии (33 стрелковые дивизии по 8 900 человек каждая, 17 стрелковых дивизий по 14 000 человек каждая и 1 стрелковая дивизия в 12 тыс. человек) иметь 76 ординарных стрелковых дивизий по 6 000 человек, 13

горнострелковых дивизий и 33 ординарные стрелковые дивизии по 3 000 человек⁵⁹³. Соответственно 2 сентября 1939 г. СНК своим постановлением № 1355—279сс утвердил «План реорганизации сухопутных сил Красной армии на 1939—1940 гг.» Было решено дивизии тройного развертывания перевести в ординарные и иметь в Красной армии 173 стрелковые дивизии (см. таблицу 24; цифры в скобках — план дислокации от 5 сентября). Предлагалось увеличить ударную силу пехотного ядра в стрелковых дивизиях, увеличить количество корпусной артиллерии и артиллерии РКК, переведя ее с тройного на двойное развертывание. Следовало сократить численность обслуживающих и тыловых частей и учреждений. Штатная численность Красной армии была установлена в 2 265 человек⁵⁹⁴.

В то же время советское военное командование, учитывая вероятность скорого использования Красной армии, решило проверить готовность приграничной полосы на Западе к сосредоточению и развертыванию войск. 4 августа начальники штабов ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО получили директиву Генштаба за № 16454 сс/ов, согласно которой «в период с 15 августа по 1 сентября 1939 г. необходимо произвести рекогносцировки по следующей программе:

1. Проверить станции выгрузки (выгрузочное устройство станций, число путей, тупиков, наличие запаса рельс и шпал для выгрузочных работ, пропускная способность станций).

2. Произвести рекогносцировку маршрутов от станции выгрузки до района сбора (выходные пути, мосты и дефиле, условия маскировки). В районе сбора: проверить наличие питьевой воды, возможности размещения, средства связи и наличие дорог.

3. Обрекогносцировать маршруты от районов сбора до районов сосредоточения и развертывания, уделив особое внимание частям, выдвигаемым к Госгранице походным порядком.

В районе сосредоточения: проверить наличие питьевой воды, возможности размещения, условия маскировки, возможность использования постоянных телеграфных проводов Наркомсвязи, наличие дорог и их качество.

4. Произвести рекогносцировку пунктов размещения штабов армий и штабов корпусов (условия размещения, обеспеченность постоянными средствами связи, возможность подвоза полевых средств связи, наличие путей, условия маскировки и противотанковой обороны). Составить схему размещения.

5. Проверить узлы связи в пунктах расположения штабов и в районах сбора и сосредоточения (оборудованность, наличие проводов, обеспеченность специалистами, время, необходимое для установления связи с отдельными пунктами, меры по усилению существующих средств связи).

6. Проверить аэродромы, базы и их состояние и возможность перебазирования.

7. Произвести рекогносцировку станций снабжения (наличие подъездных путей и средств связи, наличие складских помещений и их емкость, возможность дополнительного расширения станций снабжения, условия размещения тыловых учреждений). Составить схемы станций снабжения и проект расположения санитарных и ветеринарных учреждений на станциях снабжения и в госпитальных базах.

8. Обрекогносцировать грунтовые участки путей подвоза и эвакуации.

9. Проверить наличие и условия хранения запасов продфуража, боеприпасов и горюче-смазочных материалов на складах округа (мобготовность и возможность складов, наличие подъездных путей, противовоздушной обороны).

10. Проверить производственную мощность местных хлебозаводов и хлебопекарен.

Общее руководство рекогносцировкой возлагаю на Вас.

Для производства рекогносцировки привлечь только командный состав, принимавший участие в разработке плана.

В исключительных случаях, в качестве консультантов, разрешается привлечь необходимое количество специалистов.

Рекогносцировки провести под видом рекогносцировок к учениям, ни в коем случае не раскрывая действительного их назначения... Материалы рекогносцировок с Вашими выводами выслать в Генеральный штаб РККА к 20 сентября 1939 г.»⁵⁹⁶ Однако оказалось, что эти материалы понадобились раньше.

В связи с началом Германско-польской войны с 20 часов 2 сентября на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны. Согласно указанию начальника Пограничных войск Белорусского округа № 1720, все погранотряды были приведены в боевую походную готовность⁵⁹⁷. 3 сентября нарком обороны просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на 1 месяц в войсках ЛВО, МВО, КалВО, БОВО, КОВО и ХВО (всего 310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО (всего 26 014 человек)⁵⁹⁸. Получив согласие правительства, нарком обороны отдал 4 сентября соответствующий приказ.

Развитие международной обстановки в начале сентября 1939 г. привело к тому, что советское руководство решило провести частичную мобилизацию Красной армии, и 6 сентября около 23—24 часов в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении «Больших учебных сборов» (БУС). Согласно директиве наркома обороны № 2/1/50698 от 20 мая 1939 г.

название БУС являлось шифрованным обозначением скрытой мобилизации. Проведение БУС по литеру «А» означало, что происходило развертывание отдельных частей, имевших срок готовности до 10 суток, с тылами по штатам военного времени. Запасные части и формирования гражданских ведомств по БУС не поднимались. Сама мобилизация проходила в условиях секретности⁵⁹⁹.

БУС начались с утра 7 сентября и проходили не совсем организованно, с опозданием на 2—3 дня⁶⁰⁰. 7 сентября решением СНК СССР вводился в действие мобилизационный план по продфуражному довольствию РККА по ЛВО, МВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО и ОрВО, утвержденный постановлением Комитета обороны (КО) № 210 от 21 июля 1939 г., и план доснабжения РККА вещевым довольствием, утвержденный постановлением КО № 50сс от 3 марта 1939 г. В округах предлагалось разбронировать мобилизационные запасы продовольствия и хлебофуража. В тот же день председатель СНК СССР Молотов направил председателям СНК СССР, АССР и облисполкомов телеграммы, в которых сообщал, что «войсковые части ЛВО, МВО, КалВО, ОрВО, БОВО, КОВО, ХВО привлекают на учебные сборы приписной состав, автотранспорт, лошадей и обоз. Вызов производится строго по повесткам без опубликования. Окажите всемерное содействие»⁶⁰¹. Помимо чисто военных приготовлений соответствующие меры были приняты и по линии политорганов РККА. 9 сентября было решено увеличить тиражи красноармейских газет в округах, проводивших БУС, и центральных газет для распространения в армии⁶⁰².

10 сентября нарком обороны просил разбронировать в военных округах, проводивших БУС, 50% резервов резины (около 8 тыс. комплектов) для обеспечения автомашин, поступающих из народного хозяйства⁶⁰³. Постановлением КО № 334сс/ов от 12 сентября с 18.00 этого дня для выполнения воинских перевозок на БУС вводился в действие воинский график на железных дорогах европейской части страны. Сокращались гражданские перевозки, железные дороги получили 500 тыс. т мобзапаса угля, на ряд железных дорог назначались уполномоченные СНК по выгрузке грузов. С 8 по 16 сентября было погружено 2 888 воинских эшелонов (из них 972 за 14—16 сентября), из которых 2 058 прибыли в пункт назначения и были разгружены, а из 830 оставшихся 443 уже находились на железных дорогах, где они должны были разгружаться⁶⁰⁴. Тем не менее воинский график был сорван, и железные дороги работали неудовлетворительно⁶⁰⁵. Постановлением КО № 338сс от 17 сентября железнодорожная охрана НКВД в 7 военных округах была переведена на положение военного времени «для обеспечения бесперебойной работы железных дорог»⁶⁰⁶. 16 сентября нарком обороны просил разбронировать мобилизационные запасы на 275 базах железнодорожного имущества для обеспечения работ по восстановлению железных дорог на ТВД⁶⁰⁷.

Всего в БУС приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских и 3 танковых корпусов, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 моторизованные стрелково-пулеметные и 1 воздушно-десантная бригады (см. таблицу 25)⁶⁰⁸. Было призвано 2 610 136 человек (см. таблицу 26), которые 22 сентября 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР и приказом наркома обороны № 177 от 23 сентября были объявлены мобилизованными «до особого распоряжения»⁶⁰⁹. Войска также получили 634 тыс. лошадей, 117 300 автомашин и 18 900 тракторов⁶¹⁰.

Одновременно согласно постановлению СНК № 1348—268сс от 2 сентября 1939 г. с 5 сентября следовало начать очередной призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока и по 1 тыс. человек для каждой вновь формируемой дивизии, а с 15 сентября и для всех остальных округов, о чем было сообщено в газетах⁶¹². Всего в Красную армию до 31 декабря 1939 г. было призвано 1 076 тыс. человек⁶¹³. Кроме того, согласно новому Закону о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. на 1 год был продлен срок службы 190 тыс. призывников 1937 г. В результате списочная численность Красной армии возросла с 1 910 477 человек на 21 февраля до 5 289 400 человек (из них 659 тыс. новобранцев) на 20 сентября 1939 г.⁶¹⁴ Нормализация ситуации на западных границах СССР позволила 29 сентября начать сокращение численности Красной армии, и к 25 ноября было уволено 1 412 978 человек⁶¹⁵.

В то же время 11 сентября на базе БОВО и КОВО были сформированы и развернуты управления Белорусского (командующий — командарм 2 ранга М.П. Ковалев) и Украинского (командующий — командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) фронтов⁶¹⁶. Витебская, Минская и Бобруйская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развернуты соответственно в 3-ю (командующий — комкор В.И. Кузнецов), 11-ю (командующий — комдив Н.В. Медведев) и 4-ю (командующий — комдив В.И. Чуйков) армии. Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии (командующий — комкор И.Г. Захаркин), передававшееся в состав Белорусского фронта, куда оно передислоцировалось 11—15 сентября, и в составе фронта с использованием личного состава управления КалВО была создана Конно-механизированная группа (КМГ) (командующий — комкор В.И. Болдин).

В КОВО процедура переименования армейских групп заняла больше времени. Так, Житомирская АГ (командующий — комдив И.Г. Советников) была 16 сентября переименована в

Шепетовскую, с 18 сентября — в Северную и с 28 сентября — в 5-ю армию. Винницкая АГ (командующий — комкор Ф. И. Голиков) с 16 сентября стала Волочической, с 24 сентября — Восточной, а с 28 сентября — 6-й армией. Кавалерийская АГ (командующий — командарм 2 ранга И.В. Тюленев) с 16 сентября стала называться Каменец-Подольской, с 20 сентября — Южной, а с 24 сентября — 12-й армией, которая, в свою очередь, была с 28 сентября вновь разделена на 12-ю армию и Кавалерийскую АГ. Не участвовавшая в Польской кампании Одесская АГ была переименована в 13-ю армию⁶¹⁷. Далее мы будем обозначать эти объединения в соответствии с их нумерацией. Войска Белорусского и Украинского фронтов 7—15 сентября в основном завершили мобилизацию и сосредоточились в исходных районах у границы с Польшей.

8 сентября германское руководство, введенное в заблуждение донесением командира 4-й танковой дивизии, заявило о взятии Варшавы. Германское посольство в Москве получило от Молотова следующую телефонограмму: «Я получил ваше сообщение о вступлении германских войск в Варшаву. Прошу передать мои поздравления и приветствия германскому правительству»⁶¹⁸. Из Берлина в Москву был вызван советский военный атташе комкор М.А. Пуркаев для доклада о положении в Польше. 9 сентября Риббентроп послал Шуленбургу указание возобновить беседы «с Молотовым относительно военных намерений советского правительства» в Польше⁶¹⁹. В тот же день Молотов ответил на зондаж Шуленбурга, что «советские военные действия начнутся в течение ближайших дней»⁶²⁰.

9 сентября нарком обороны и начальник Генштаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников подписали приказы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало «к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника». Войска Белорусского фронта получили следующие задачи. 3-я армия должна была, «отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы, действовать в общем направлении на ст. Свенцяны», которой следовало овладеть к исходу 13 сентября. «В дальнейшем иметь в виду овладение Вильно». 11-й армии следовало «мощным ударом прорвать фронт противника и наступать в направлении на Ошмяны, Лида и к исходу 13 сентября выйти на фронт Молодечно, Воложин, к исходу 14 сентября овладеть районом Ошмяны, Ивье. В дальнейшем иметь в виду оказать содействие Полоцкой группе в овладении г. Вильно, а остальными силами наступать на г. Гродно». КМГ получила задачу «мощным ударом по войскам противника разгромить их и решительно наступать в направлении на Новогрудок, Волковыск и к исходу 13 сентября выйти на фронт Делятичи, Турец; к исходу 14 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь. В дальнейшем иметь в виду наступление на Волковыск с заслоном против г. Барановичи». 4-й армии следовало «действовать в направлении на г. Барановичи и к исходу 13 сентября выйти на фронт Снов, Жиличи».

Войска Украинского фронта получили следующие задачи. 5-й армии следовало «наступать в направлении на Ровно, Луцк и к исходу 14 сентября овладеть районом Ровно, Дубно; к исходу 14 сентября овладеть районом Луцк, имея в виду в дальнейшем наступление на Владимир-Волынский». 6-я армия должна была «нанести мощный и решительный удар по польским войскам и быстро наступать на м. Трембовля, г. Тарнополь,

г. Львов и к исходу 13 сентября выйти в район Езерна; к исходу 14 сентября овладеть районом Буск, Перемышляны, Бобрка, имея дальнейшей задачей овладение г. Львов». 12-й армии предписывалось «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, надежно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы, решительно и быстро наступать в направлении на Чортков, Станиславов и к исходу 13 сентября выйти на р. Стрыпа; к исходу 14 сентября овладеть районом Станиславов, имея дальнейшей задачей действия в направлении Стрый, Дрогобыч». Советским войскам не следовало «ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу». Глубина действий войск фронтов устанавливалась по линии латвийской, литовской и германской границ, далее по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан и по венгерской и румынской границам⁶²¹.

Однако эти приказы не были переданы в округа, поскольку в тот же день выяснилось, что Варшава не занята немцами, на франко-германской границе началось продвижение французских войск к линии Зигфрида, а советские военные приготовления потребовали больше времени, чем ожидалось. В этой ситуации в 16 часов 10 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и заявил, что Красная армия застигнута врасплох быстрыми успехами вермахта в Польше и еще не готова к действиям. Коснувшись политической стороны дела, Молотов заявил, что «советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором». Но, согласно сообщению германского агентства ДНБ, создается впечатление о возможном германо-польском перемирии, что закрывает дорогу для советских

действий. Шуленбург пообещал сделать запрос относительно возможности перемирия и сказал, что действия Красной армии в данной ситуации очень важны⁶²². Естественно, вопрос о перемирии с поляками не ставился, о чем Риббентроп и сообщил в Москву 13 сентября⁶²³.

В итоге советские войска получили приказ о наступлении только 14 сентября с соответствующими изменениями срока выполнения задач. В 4.20 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, в котором говорилось, что «белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей — содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта — уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно — Кобрин». Конкретные задачи войскам совпадали с приказом наркома обороны от 14 сентября⁶²⁴.

14 сентября Военным советам ЛВО, КалВО, КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива № 16662 наркомов обороны и внутренних дел о порядке взаимодействия пограничных войск и Красной армии. Согласно директиве «с момента выступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы для действий на территории противника» и до перехода войсками «государственной границы на глубину, равную расположению войскового тыла (30—50 км)», пограничные войска, «оставаясь на своих местах, переходят в оперативное подчинение Военным советам соответствующих фронтов и армий» до их особого распоряжения⁶²⁵. Вечером 15 сентября командующий Белорусским округом пограничных войск НКВД отдал приказ № 01, определявший «основные задачи погранвойск: а) с началом боевых действий — уничтожение польской пограничной охраны на тех участках, где не будут наступать части РККА; б) с продвижением войск армии — не допускать перехода гражданского населения с нашей территории и кого бы то ни было с польской территории через существующую государственную границу СССР. Части, подразделения и отдельных военнослужащих РККА пропускать через существующую границу СССР беспрепятственно». До 5.00 17 сентября 1939 г. пограничники должны были нести службу по охране госграницы как обычно⁶²⁶.

Еще 8 сентября согласно приказу № 001064 наркома внутренних дел Л. П. Берия началось формирование 5 оперативно-чекистских групп по 50—70 человек в КОВО и 4 групп по 40—55 человек в БОВО. Каждой группе придавался батальон в 300 бойцов из состава пограничных войск⁶²⁷. 15 сентября были определены их задачи на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. На эти группы возлагалась организация временных управлений в занятых городах (с участием руководителей групп). Для обеспечения порядка, пресечения подрывной работы и подавления контрреволюционной деятельности следовало создать в занятых городах аппарат НКВД за счет выделения сил из состава групп. На занятой территории было необходимо немедленно занять пункты связи (телефон, телеграф, радио, почту), государственные и частные банки и другие хранилища всевозможных ценностей, типографии, где следовало наладить издание газет, государственные архивы (особенно архивы спецслужб), провести аресты реакционных представителей правительственной администрации, руководителей контрреволюционных партий, освободить политических заключенных (сохранив остальных под стражей), обеспечивать общественный порядок, не допуская диверсий, саботажа, грабежей и т.п., а также изъять оружие и взрывчатые вещества у населения⁶²⁸.

16 сентября Военный совет Белорусского фронта отдал приказ № 005, в котором отмечалось, что «польские помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины, ...насаждают национальный гнет и эксплуатацию, ...бросили наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны. Национальный гнет и порабощение трудящихся привели Польшу к военному разгрому. Перед угнетенными народами Польши встала угроза полного разорения и избиения со стороны врагов. В Западной Украине и Белоруссии развертывается революционное движение. Начались выступления и восстания белорусского и украинского крестьянства в Польше. Рабочий класс и крестьянство Польши объединяет свои силы, чтобы свернуть шею своим кровавым угнетателям... Приказываю: 1.Частям Белорусского фронта решительно выступить на помощь трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины, перейдя по всему фронту в решительное наступление. 2. Молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих, крестьян и трудящихся Западной Белоруссии»⁶²⁹. В тот же день Военный совет Украинского фронта директивой № А0084 поставил подчиненным войскам боевые задачи.

Пропаганда: трудное объяснение

Прекращение французского наступления в Сааре и завершение скрытой мобилизации в СССР привело к тому, что 14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Красная армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских «меньшинств»), было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава». Поэтому Молотов просил сообщить, когда можно ожидать ее падения⁶³⁰. Германское командование пока еще не имело точных данных о том, последует ли советское вмешательство, и продолжало действовать по своим планам. 12 сентября в ОКВ рассматривались варианты окончательного решения польской проблемы, один из которых предусматривал среди прочего создание независимого государства в Галиции и Польской Украине. Для этого с помощью ООН следовало организовать мятежи и провозглашение независимого государства в Западной Украине⁶³¹. 15 сентября командование группы армий «Север» отдало приказ передовым частям 19-го танкового корпуса выйти в район Барановичи — Слоним (50 км от советской границы)⁶³².

14 сентября «Правда» опубликовала подготовленную

А.А. Ждановым статью, в которой главными причинами поражения Польши назывались угнетение украинского и белорусского национальных меньшинств⁶³³. Эта статья стала программным документом советской пропаганды, обосновавшим действия СССР в отношении его западного соседа, а ее идеи были немедленно положены в основу политработы в Красной армии⁶³⁴, как, впрочем, и идея социальных движений в Польше. Так, начальник Политуправления 3-й армии Белорусского фронта бригадный комиссар Шулин в директиве № 8499сс от 16 сентября отмечал, что белорусский и украинский народы, подвергавшиеся в Польше национальному и социальному гнету, «восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Народы Советского Союза не могут быть безразличными к революционно-освободительной борьбе трудящихся Польши... Бойцам, командирам и политработникам 3-й армии посчастливилось первыми оказать военную помощь народам Польши в их освободительной борьбе против помещиков и капиталистов. Части РККА вступают на земли Западной Белоруссии и Западной Украины не как завоеватели, а как революционеры-освободители, выпестованные великой партией Ленина — Сталина»⁶³⁵. В директиве Военного совета и Политуправления 12-й армии указывалось, что «наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы вступаем на свою землю, идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма»⁶³⁶. Задача предстоящего похода, как доходчиво было разъяснено командному составу, состояла в том, что «панская Польша должна стать Советской»⁶³⁷.

Изданная 17 сентября директива Политуправления Красной армии, согласно которой «части героической Красной армии перешли границу Польши, неся с собой свободу и счастье украинцам и белорусам, населяющим Польшу, мир польскому народу», требовала от политорганов широко популяризировать и разъяснять политику советского правительства в духе статьи в «Правде» о причинах распада Польши и выступления Молотова по радио⁶³⁸. В результате проведенной политработы в сосредоточенных у границы с Польшей войсках возник мощный патриотический подъем личного состава, готового «выполнить приказ об освобождении братьев украинцев и белорусов»⁶³⁹. В частях были проведены митинги, на которых бойцы и командиры поддержали решение советского правительства об освободительном походе. Общим мнением было: «Настал час освободить трудящихся — наших братьев украинцев, белорусов от гнета польских панов. Поклянемся же, товарищи, что мы будем бить врага так, как уничтожали его в годы гражданской войны»⁶⁴⁰.

Так, младший командир отдельного батальона связи 97-й стрелковой дивизии Почуев заявил: «Наконец мы дождались момента оказать помощь нашим братьям за рубежом. Мы решение партии и правительства выполним с честью». Красноармеец артдивизиона 3-й кавдивизии Ивашкин считал, что «мы выполним наш интернациональный долг и умножим число советский республик»⁶⁴¹. Красноармеец 22-й танковой бригады Варламов заявлял: «Я готов совершить марш до самого Берлина, лишь бы освободить трудящихся от ига капитала»⁶⁴². По мнению младшего командира Визирова (3-я армия), «веками стонал народ Западной Белоруссии и Западной Украины от помещиков и капиталистов. Настал час освободить этот народ от гнета. Да здравствует свободная Белоруссия и Украина»⁶⁴³. Как заявил, выступая на митинге в 11-й кавдивизии командир 3-го кавкорпуса комдив А.И. Еременко: «Первая Конная армия в 1920 году била польских панов, это они должны прекрасно помнить, сейчас мы должны бить в 10 раз больше и в последний раз»⁶⁴⁴. В войсках 23-го стрелкового корпуса раздавались голоса: «Побольше бы патронов, да пошире шаг. Нас там ждут 20 лет»⁶⁴⁵.

Вспоминая об отношении к действиям СССР в Польше, К.М. Симонов писал: «Надо представить себе атмосферу всех предыдущих лет, советско-польскую войну 1920 года, последующие десятилетия напряженных отношений с Польшей, осадничество, переселение польского кулачества в так называемые восточные коресы (кресы. — М.М.), попытки колонизации украинского и в особенности белорусского населения, белогвардейские банды, действовавшие с

территории Польши в двадцатые годы, изучение польского языка среди военных как языка одного из наиболее возможных противников, процессы белорусских коммунистов. В общем, если вспомнить всю эту атмосферу, то почему же мне было тогда не радоваться тому, что мы идем освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Идем к той линии национального размежевания, которую когда-то, в двадцатом году, считал справедливой, с точки зрения этнической, даже такой недруг нашей страны, как лорд Керзон, и о которой вспоминали как о линии Керзона, но от которой нам пришлось отступить тогда и пойти на мир, отдававший Польше в руки Западную Украину и Белоруссию, из-за военных поражений, за которыми стояли безграничное истощение сил в годы мировой и гражданской войн, разруха, неприконтинентальный Врангель, предстоящие Кронштадт и антоновщина — в общем, двадцатый год»⁶⁴⁶ .

Однако политорганы отмечали и наличие «неправильных» настроений. Красноармеец взвода особого отдела 13-го стрелкового корпуса Кружилин задавался вопросом: «На нас не напали фашисты и мы чужой земли ни пяди не хотим брать, так почему же мы выступаем?»⁶⁴⁷ Красноармеец Муравицкий интересовался: «Почему мы идем защищать Западную Украину и Белоруссию, ведь у нас политика мира, пусть они сами освобождаются, а на нас не нападают, ну и ладно». По мнению красноармейца Шелудчева, «у нас есть лозунг, что мы чужой земли не хотим, а зачем же мы перешли польскую границу? Ведь в Польше и в других странах есть компартия, есть пролетариат, ну и пусть они сами совершают революцию и своими силами избавляются от помещиков и капиталистов»⁶⁴⁸ .

Политрук учебного батальона 4-й танковой бригады Украинского фронта Потелешко заявил: «Нам командир и комиссар батальона заявили, что мы будем воевать, но не сказали с кем. Нам никто войны не объявил, мы проводим политику мира и стараемся, чтобы нас никто в войну не втянул, а вдруг сами объявляем и втягиваемся в войну. Такая политика противоречит учению партии Ленина — Сталина. Ленин учил, что революцию на штыках не принесешь, как в Польшу, так и в другую страну. К этому кто-то приложил руку, чтобы изменить нашу политику»⁶⁴⁹ .

Красноармеец 34-й танковой бригады Московского военного округа Орехов заявлял: «Я не могу воевать. Как я буду колоть хотя бы немца, когда он такой же рабочий, как и я...»⁶⁵⁰ Красноармеец в/ч 4474 Ленинградского военного округа Макаров считал, что «Советский Союз стал фактически помогать Гитлеру в захвате Польши. Пишут о мире, а на самом деле стали агрессорами. Население Западной Украины и Белоруссии не нуждается в нашей помощи, а мы ее захватываем и только формально сообщаем, что не воюем, а становимся на их защиту»⁶⁵¹ .

Красноармеец в/ч 5281 Харьковского военного округа Корасык полагал, что «Германия захватывает чужую территорию в Польше и мы делаем тоже самое. Хотят, чтобы и мы проливали кровь». По мнению красноармейца 69-го арtpолка 2-й отдельной Краснознаменной армии Позднякова, «Советский Союз пошел защищать народы Польши, которую уже разбила Германия, это получается, что мы тоже загибаем жар чужими руками»⁶⁵² . Младший командир 2-го прожекторного полка в/ч 4820 Ленинградского военного округа Золотов высказал следующие соображения: «Для чего все это нам нужно, у нас и так много своих бедных, которых не обеспечивают, а тут еще берут себе украинцев. Украинцы самый плохой и вредный народ, я с украинцами жил и знаю их». По мнению красноармейца в/ч 4911 Ленинградского военного округа Иофчика: «Наши почувствовали слабость польской армии и давай заниматься захватнической политикой. Мы всюду пишем и говорим против агрессоров, а по существу дела сами являемся ими»⁶⁵³ . Слушатель 3-го курса командного факультета академии Химической защиты Адамшин: «Вот тебе и Красный империализм. Говорили, что чужой земли не хотим, а как увидели, что можно кусочек захватить, сразу об этом забыли. Немцы, когда Судеты захватывали, тоже писали, что они немцев защищают, там немцев как раз столько, сколько белорусов и украинцев в Польше. Мы кричали, агрессоры, а теперь сами тоже делаем... Хорошо чужими руками жар загребать. Немцы разбила Польшу, а мы на готовое идем»⁶⁵⁴ .

Вообще, в оценках личным составом РККА вступления советских войск в Польшу видно не только смятение от резкого изменения советской пропаганды, но и просто пацифистские настроения со специфическим советским оттенком.

Стремясь продемонстрировать Англии и Франции, что германские действия в Польше находят поддержку со стороны СССР, Берлин продолжал призывать Москву к вводу в действие Красной армии. В телеграмме в Москву от 15 сентября Риббентроп сообщал, что падение Варшавы — вопрос нескольких дней, еще раз подтверждал нерушимость разграничительных линий в Польше, согласованных в Москве, одобрял планируемое вступление советских войск в Польшу, что, по его мнению, освобождало вермахт от необходимости преследования поляков до советской границы, просил сообщить день и час перехода границы советскими войсками, для координации действий войск предлагал провести встречу советских и германских офицеров в Белостоке и предложил совместное коммюнике: «Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, имперское правительство и правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях,

представляющих для них естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов». Попытка же Москвы объяснить свое вмешательство германской угрозой белорусскому и украинскому населению вызвала резко негативную реакцию Берлина. В то же время стремясь подтолкнуть советское правительство к вводу войск в Польшу, Риббентроп предложил Шуленбургу указать Молотову, что «если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум», создав «условия для формирования новых государств»⁶⁵⁵.

Вечером 16 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что советское правительство решило вмешаться в польские дела завтра или послезавтра, и он уже вскоре сможет назвать день и час. Молотов, знавший от разведки о задании Шуленбурга⁶⁵⁶, отклонил предложение о публикации предложенного германской стороной совместного коммюнике, которое представляло советскую сторону прямым союзником Германии, и сообщил вкратце мотивировку действий СССР, которая будет указана в прессе: «польское государство распалось и более не существует, поэтому аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей; третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса; Советский Союз считает своей обязанностью вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно»⁶⁵⁷. В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и сообщил, что Красная армия в 6 часов утра перейдет границу с Польшей, а совместное советско-германское коммюнике не может быть опубликовано ранее, чем через 2—3 дня. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток — Брест — Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. После некоторого уточнения ее текста, сделанного по предложению Шуленбурга, немецкий посол был удовлетворен и покинул Кремль⁶⁵⁸.

В 3.15 утра 17 сентября польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой утверждалось, что «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам», а также к беззащитному положению украинского и белорусского населения. «Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»⁶⁵⁹. Польский посол отказался «принять ноту, ибо это было бы несовместимо с достоинством польского правительства». В итоге нота была передана в посольство, пока Гжибовский находился в НКВД⁶⁶⁰. В тот же день текст этой ноты был передан также всем государствам, с которыми Москва имела дипломатические отношения, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться нейтралитета в отношении этих стран⁶⁶¹. Эта аргументация советского вмешательства в события в Польше была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября и в его речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.⁶⁶²

Силы сторон

К вечеру 16 сентября войска Белорусского и Украинского фронтов были развернуты в исходных районах для наступления. Советская группировка объединяла 8 стрелковых, 5 кавалерийских и 2 танковых корпусов, 21 стрелковую и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых, 2 моторизованные бригады и Днепровскую военную флотилию (ДФФ) (см. таблицу 27)⁶⁶³. Имеющиеся данные о численности этих группировок представлены в таблице 28, а ВВС фронтов с учетом перебазируемых 9—10 сентября на их территорию 1-й, 2-й и 3-й авиационных армий особого назначения насчитывали 3 298 самолетов⁶⁶⁴. Кроме того, на границе несли службу около 16,5 тыс. пограничников Белорусского и Киевского пограничных округов⁶⁶⁵.

На восточной границе Польши кроме 25 батальонов и 7 эскадронов пограничной охраны (около 12 тыс. человек, или 8 солдат на 1 км границы)⁶⁶⁶ других войск практически не имелось, что было хорошо известно советской разведке⁶⁶⁷. Так, согласно данным разведки 4-й армии, «погранполоса до р. Щара полевыми войсками не занята, а батальоны КОП по своей боевой выучке и боеспособности слабы... Серьезного сопротивления со стороны польской армии до р. Щара ожидать от поляков мало вероятно»⁶⁶⁸. В 5.00 17 сентября передовые и штурмовые отряды советских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную охрану⁶⁶⁹. Переход границы подтвердил данные советской разведки об отсутствии значительных группировок польских войск, что позволило ускорить наступление.

Таблица 27

Группировка советских войск к 17 сентября 1939 г.

Для польского руководства вмешательство СССР оказалось совершенно неожиданным. Польская разведка не зафиксировала никаких угрожающих передвижений Красной армии, а сведения, поступавшие 1—5 сентября, воспринимались как понятная реакция на начало войны в Европе. И хотя 12 сентября из Парижа были получены сведения о возможном выступлении СССР против Польши, они не были восприняты всерьез⁶⁷⁰. В ночь на 17 сентября в штаб главнокомандующего польской армией Рыдз-Смиглы, находившийся в Кутах у границы с Румынией, стали поступать тревожные донесения с восточной границы. Начальник разведки корпуса пограничной охраны (КОП) майор Я. Гурбский сообщил о том, что польский пассажирский поезд не был 16 сентября пропущен до Киева и вернулся в Здолбуново. В 6.45 утра майор Ю. Беньковский из 5-го представительства 2-го отдела генштаба в Чорткове донес, что «с 5 часов в районах Подволочиска, Гусятин и Залуче какие-то не опознанные из-за темноты части пытаются перейти границу. В данную минуту там ведут бой части КОП». Около 7 часов капитан Е. Фризендорф из разведки КОП сообщил: «В 6.20 опознано, что это большевистские регулярные части. За ними слышен шум моторов. В районе Подволочиск, Точиск и Секержинец части КОП отступают под напором».

Таблица 28

Численность советских войск
на 17 сентября 1939 г.

В 8 часов командир полка КОП «Подолье» подполковник М. Котарба доложил, что «части советской армии перешли границу и заняли Подволочиск, Гусятин и Скала-Подольска. На Борщев движется кавалерия». Начальник штаба главкома генерал бригады В. Стахевич доложил об этом Рыдз-Смиглы и после беседы с находившемся в Коломые министром иностранных дел Беком, не имевшего никаких известий из Москвы, приказал выслать в распоряжение советских войск парламентариев с вопросом, в каком качестве Красная армия перешла границу Польши. Около 14 часов была получена телеграмма от командира гарнизона в Луцке генерала бригады П. Скуратовича: «Сегодня в 6 часов границу перешли три советские колонны — одна бронетанковая под Корцем, другая бронетанковая под Острогом, третья кавалерии с артиллерией под Дедеркалами. Большевики едут с открытыми люками танков, улыбаются и машут шлемами. Около 10 часов первая колонна достигла Гощи. Спрашиваю, как мы должны поступить?» Дезориентированы были не только представители польских войск и государственных структур на местах, но и польское руководство, находившееся в Коломые — Кутах.

Поведение советских войск также казалось странным — они, как правило, не стреляли первыми, к польским войскам относились с демонстративной доброжелательностью, угощали папиросами и говорили, что пришли на помощь против немцев. На местах ждали указаний главкома. Поначалу Рыдз-Смиглы был склонен отдать приказ отразить советское вторжение. Однако более внимательное изучения ситуации показало, что никаких сил, кроме батальонов КОП и некоторого числа тыловых и запасных частей армии, в Восточной Польше не имеется. Эти слабо вооруженные войска не имели никаких шансов в бою с Красной армией. В итоге 17 сентября польское руководство оказалось поставлено перед свершившимся фактом и, исходя из заявлений советского правительства и его ноты, полагало, что Красная армия вводится с целью ограничить зону германской оккупации. Поэтому около 23.40 17 сентября по радио был передан приказ Рыдз-Смиглы: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию, или Венгрию»⁶⁷¹. Продолжать сопротивление было приказано лишь частям КОП, отступавшим от Збруча к Днестру, и частям, прикрывавшим «румынское предместье».

Конечно, у польского командования имелся план развертывания войск на восточной границе — «Всхуд», который разрабатывался с 1935—1936 гг. Согласно ему севернее Полесья предполагалось развернуть три армии. В районе Постава, Глубокое, Молодечно развертывалась армия «Вильно» в составе 3 пехотных дивизий и 2 кавбригад, южнее у Новогрудок, Барановичи — армия «Барановичи» (4 пехотные дивизии, 2 кавбригады), а в их тылу в районе Лиды — армия «Лиды» (3 пехотные дивизии). В лесисто-болотистом бассейне реки Припять планировалось сосредоточить оперативную группу «Полесье» в составе 2 пехотных дивизий и 1 кавбригады. На южном участке возможного фронта в районе Сарны, Ровно должна была развернуться армия «Волынь» (4 пехотные дивизии и 1 кавбригада), в районе Кременец, Тарнополь до Днестра — армия «Подолье» (5 пехотных дивизий, 1 кавалерийская и 1 моторизованная бригады). У них в тылу в районе Броды, Злочев — армия «Львов» в составе 3 пехотных дивизий и 1 кавбригады. Главный резерв из 6 пехотных дивизий, 2 кавалерийских и 1 мотобригады должен был располагаться в районе Бреста. Кроме того, предусматривалось развернуть несколько резервных

пехотных дивизий⁶⁷². То есть на восточной границе предусматривалось развернуть все наличные силы Войска Польского. Конечно, в реальной ситуации 1939 г. весь этот план остался на бумаге.

17 сентября польские послы в Англии и Франции уведомили союзные правительства о том, что Советский Союз «предпринял нападение на Польшу... Польское правительство заявило протест в Москве и дало указание своему послу потребовать паспорта»⁶⁷³. Тем временем советские войска стремительно развивали наступление, а польское правительство и военное командование поздно вечером 17 сентября перешли румынскую границу, рассчитывая выехать из Румынии во Францию, но под давлением Германии они были интернированы⁶⁷⁴. В тот же день в советское посольство в Варшаве прибыли представители от командующего обороной города генерала Руммеля, сообщившие, что с Красной армией они не воюют согласно приказу Рыдз-Смиглы. Из дальнейших контактов с польскими военными советский поверенный в делах Чебышев сделал 25 сентября вывод, что они ждали скорого прихода Красной армии и рассчитывали сдать ей, а не вермахту⁶⁷⁵. Тем временем польским дипломатам в СССР было заявлено, что их присутствие нежелательно⁶⁷⁶, и 9 октября из Москвы в Ленинград для отправки в Финляндию выехало 115 человек во главе с Гжибовским. Генеральный консул в Киеве Матушинский бесследно исчез⁶⁷⁷.

Польская кампания Красной армии: 17—21 сентября

На правом фланге Белорусского фронта Красной армии от латвийской границы до Бегомля была развернута 3-я армия, имевшая задачу к исходу первого дня наступления выйти на линию Шарковщина — Дуниловичи — оз. Бляда — Яблонцы, а на следующий день на фронт Свенцяны, Михалишки и далее продвигаться на Вильно. Главный удар наносился правым крылом армии, где были сосредоточены войска 4-го стрелкового корпуса и подвижной группы в составе 24-й кавдивизии и 22-й танковой бригады под командованием комдива-24 комбрига П. Ахлюстина. В 5 часов утра 17 сентября войска перешли границу и с помощью пограничных частей уничтожили польскую пограничную стражу: были убиты 21 и пленены 102 польских пограничника. Наступавшие от Ветрино 5-я стрелковая дивизия и 25-я танковая бригада к вечеру через Плиссу подошли к северной окраине Глубокого. Наступавшие на направлении главного удара части подвижной группы в 8 часов заняли Докшицы, к 18 часам — Дуниловичи, где танковые части остановились по причине отсутствия горючего, поскольку тыловая колонная бригада не была пропущена вперед командиром кавдивизии. Пехотные соединения значительно отстали: 27-я стрелковая дивизия заняла в 12 часов Парафианово и подходила к р. Сервечь, а 50-я стрелковая дивизия заняла Крулевщизну. Потери советских войск составили 3 человек убитыми, 24 ранеными и 12 солдат утонули.

Для ускорения наступления на следующий день 25-я танковая бригада была включена в состав подвижной группы, получившей задачу наступать на Свенцяны. Однако в 3.55 18 сентября штаб 3-й армии получил приказ Белорусского фронта в течение дня занять Вильно. Проанализировав обстановку, командование 3-й армии в 9 утра поставило эту задачу группе Ахлюстина, передвинув срок ее исполнения на утро 19 сентября. Правда, реальное выполнение этого приказа началось лишь вечером 18 сентября, когда он наконец-то был передан Ахлюстину. Дело в том, что войска подвижной группы с утра начали действовать по первоначальному плану. В 7 часов разведгруппа 22-й танковой бригады заняла Постава, а в 14 часов достигла Свенцяны, куда в 15.30 подошли разведгруппы 25-й танковой бригады и 24-й кавдивизии. При приближении советских танков к аэродрому в Кобыльниках оттуда улетело 38 польских самолетов, а 2 было сожжено поляками. Основные силы подвижной группы еще только продвигались к Свенцянам. Причем комдив-24 вновь отказался пропустить вперед строевых частей кавалерии тылы 22-й танковой бригады, которая, прибыв в Свенцяны, снова оказалась без горючего.

Получив в 22 часа в Свенцянах приказ о взятии Вильно, Ахлюстин создал подвижную группу из 10-го танкового полка 25-й танковой бригады и разведбатальона 27-й стрелковой дивизии под командованием полковника Ломако, которая, получив все наличное горючее, в 0.30 19 сентября выступила из Свенцяны. За ними несколько позднее двинулась мотогруппа в составе 700 спешенных и посаженных на автомашины кавалеристов 24-й кавдивизии. Тем временем группа Ломако в 2.30 достигла Подбродзе, где разоружила 40 польских солдат, спавших на вокзале, а в 3.30 у Неменчина захватила мост через р. Вилию, арестовав 15 полицейских, собиравшихся взорвать его. В 4.30 группа достигла северной окраины Вильно. Тем временем остальные части 3-й армии к вечеру 18 сентября достигли следующих районов. 25-я танковая бригада находилась в районе Годуцишек, 27-я стрелковая дивизия вышла в район озер Мядель и Нарочь, 50-я стрелковая дивизия находилась между Поставами и Мядель, а 24-я кавдивизия сосредоточивалась у Свенцяны. На крайнем правом фланге армии 10-я стрелковая дивизия продвигалась южнее р. Западная Двина в сторону Дриссы⁶⁷⁸.

Южнее 3-й армии на фронте от Бегомля до Ивенец развертывались войска 11-й армии, имевшие задачу к исходу 17 сентября занять Молодечно, Воложин, на следующий день — Ошмяны, Ивье и двигаться далее на Гродно. Перейдя в 5 часов 17 сентября границу, 6-я танковая бригада в 12 часов заняла Воложин, соединения 16-го стрелкового корпуса в это же время вошли в Красное, а к 19 часов достигли Молодечно, Бензовец. Соединения 3-го кавкорпуса уже к 15

часам достигли района Рачинеты, Порыче, Маршалки, а с утра 18 сентября двинулись дальше в сторону Лиды, выйдя к 10 часам на фронт Рыновиче, Постоянцы, Войштовиче. В это время 3-му кавкорпусу и 6-й танковой бригаде была поставлена задача наступать на Вильно, который приказывалось занять 19 сентября. В 11.30 кавалерия двинулась к Ошмянам, которые были без боя заняты в 14 часов. Узнав от местного населения, что впереди движется польский обоз с политзаключенными, части 8-го танкового полка выступили в погоню и в районе Юришаны взяли в плен около 150 польских военнослужащих. К исходу 18 сентября соединения кавкорпуса достигли района Ошмяны — Курмеляны. Будучи вынужденным дать отдых лошадям, командир 3-го кавкорпуса создал из 7-го и 8-го танковых полков кавдивизий сводную танковую бригаду под командованием полковника Мирошникова, которая продолжила наступление на Вильно.

В это время в Вильно находились лишь незначительные польские части: около 16 батальонов пехоты (примерно 7 тыс. солдат и 14 тыс. ополченцев) с 14 легкими орудиями. Однако общего отношения к вторжению большевиков у польского командования в Вильно не было. В 9 часов 18 сентября командующий гарнизоном полковник Я. Окулич-Козарин отдал приказ: «Мы не находимся с большевиками в состоянии войны, части по дополнительному приказу оставляют Вильно и перейдут литовскую границу; небоевые части могут начать оставление города, боевые — остаются на позициях, но не могут стрелять без приказа». Однако поскольку часть офицеров восприняла этот приказ как измену, а в городе распространились слухи о перевороте в Германии и объявлении ей войны Румынией и Венгрией, полковник Окулич-Козарин около 16.30 решил воздержаться от отдачи приказа на отступление до 20 часов.

Около 19.10 командир 2-го батальона, развернутого на южной и юго-западной окраине города, подполковник С. Шилейко доложил о появлении советских танков и запросил, может ли он открыть огонь. Пока Окулич-Козарин отдал приказ об открытии огня, пока этот приказ был передан войскам, 8 танков уже миновали первую линию обороны и для борьбы с ними были направлены резервные части. Около 20 часов Окулич-Козарин отдал приказ на отход войск из города и выслал подполковника Т. Подвысоцкого в расположение советских войск с тем, чтобы уведомить их, что польская сторона не хочет с ними сражаться и потребовать их ухода из города. После этого сам Окулич-Козарин уехал из Вильно, а вернувшийся около 21 часа Подвысоцкий решил защищать город и около 21.45 издал приказ о приостановке отхода войск. В это время в городе шли некоординированные бои, в которых большую роль играла виленская польская молодежь. Учитель Г. Осиньский организовал из учащихся гимназий добровольческие команды, занявшие позиции на возвышенностях. Стреляли самые старшие, остальные доставляли боеприпасы, организовывали связь и т.п.

Подойдя около 19.30 18 сентября к Вильно 8-й и 7-й танковые полки завязали бой за южную часть города. 8-й танковый полк ворвался в 20.30 в южную часть города. 7-й танковый полк, натолкнувшись на упорную оборону, только с рассветом смог войти в юго-западную часть города. Тем временем 6-я танковая бригада, форсировав р. Березина, прошла Гольшаны и в 20 часов 18 сентября достигла южной окраины Вильно, установив связь с подразделениями 8-го танкового полка. Используя орудия, расположенные на горе Трех Крестов, польская молодежь артиллерийским огнем обстреляла наступающие танки. Для поражения танков в городе широко использовались бутылки со смесью бензина и нефти. Один советский танк был сожжен на Завальней улице. В танке погибли механик-водитель Шенкунос и башенный стрелок Кульков, а командир эскадрона старший лейтенант Бодыль был ранен, но сумел отползти от танка и, сняв фуражку, с наганом в руке стал пробираться к своим. Позднее его, потерявшего сознание, случайно подобрала танкисты экипажа младшего командира Куликова. Выяснив, что значительная часть регулярных войск и штабов уже покинула город, Подвысоцкий был вынужден около 22.30 принять решения об оставлении Вильно и отходе к литовской границе. Ночью противник стал отходить за р. Виляя.

В 5 часов передовой отряд группы Ломако достиг Зеленого моста, где завязалась перестрелка. В 5.45 туда же подошли танки 8-го танкового полка. В течение двух часов возле Зеленого моста шел бой, завершившийся его захватом в 8.50. В ходе боя было уничтожено 3 противотанковых орудия и 5 станковых пулеметов. Стремясь сжечь Зеленый мост, поляки поставили на нем и подожгли машину с бочкой бензина, но танк под командованием Дьячека сбил машину с моста, пожар был потушен, и войска переправились в северную часть города. Тем временем Ломако решил основными силами обойти город с севера и отрезать его от литовской границы. К 8 часам 19 сентября подошли части 3-го кавкорпуса. 102-й кавполк повел наступление на юго-восточную окраину, а 42-й кавполк двинулся в обход города с востока и сосредоточился на северо-восточной окраине. Тем временем 7-я кавдивизия обходила город с запада. В 10 часов была захвачена товарная станция, где находилось 3 эшелона с боеприпасами и военным снаряжением. В 12.45 было захвачено жандармское управление, к которому подъехал танк под командованием Щечка. Направив пушку и пулемет в окно, командир танка вместе с рабочими направился в здание. Часть полицейских, увидев танк, разбежалась, а остальные сдались и даже помогали выносить из здания оружие.

В 13 часов был занят вокзал. В 16 часов вновь возникла перестрелка у Зеленого моста, в ходе которой были подбиты одна бронемашина и танк. В 11.30 подошла мотогруппа 3-й армии, и приказом Ахлюстина Ломако был назначен комендантом города. К 18 часам сопротивление было сломлено и к вечеру 19 сентября обстановка в городе нормализовалась, но отдельные перестрелки возникали вплоть до 2 часов ночи 20 сентября. В боях за Вильно части 11-й армии потеряли 13 человек убитыми и 24 человека ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемашины. 20—23 сентября советские войска подтягивались к Вильно, занимаясь очисткой города и прилегающих районов от польских частей. Всего были взяты в плен около 10 тыс. человек, трофеями советских войск стали 97 паровозов, 473 пассажирских и 960 товарных вагонов (из них 83 с продовольствием, 172 с овсом, 6 с боеприпасами, 9 цистерн с бензином и 2 со спиртом).

В 3.40 19 сентября 3-я армия получила приказ организовать охрану латвийской и литовской границ. Однако до подхода стрелковых частей для охраны границ можно было использовать разъезды и мотогруппы из состава 36-й и 24-й кавдивизии, 6-й, 22-й и 25-й танковых бригад. В 22.30 21 сентября 144-й кавполк 36-й кавдивизии, вышедший в районе Мейшагола к литовской границе, рассеял мелкие группы поляков. При приближении разъездов кавдивизии к границе литовские пограничники выбросили белый флаг и заявили: «Мы с вами воевать не хотим, мы держим нейтралитет». Лишь 23—25 сентября подошедшие стрелковые дивизии 3-й армии смогли реально организовать охрану границ.

Пока в районе Вильно происходили все эти бурные события, войска 16-го стрелкового корпуса 11-й армии были повернуты на северо-запад и двинулись к Лиде. В 18 часов 18 сентября передовые части 100-й стрелковой дивизии заняли Крево. С утра 19 сентября из танковых батальонов 100-й и 2-й стрелковых дивизий и бронероты разведбатальона 2-й дивизии была сформирована моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса под командованием комбрига Розанова, которая выступила в направлении Лиды. В районе фольварка Бердовка мотогруппа взяла в плен около 300 польских солдат с кассой в 22 тыс. злотых. В 23 часа группа вступила в Лиду, уже занятую 152-м кавполком 6-го кавкорпуса, где смогла заправиться местным горючим. В 7 часов 20 сентября ей была поставлена задача наступать на Гродно. Продвигаясь к городу, мотогруппа у Скиделя столкнулась с польским отрядом (около 200 человек), подавлявшим антипольское выступление местного населения. В этом карательном рейде были убиты 17 местных жителей, из них 2 подростка 13 и 16 лет. Развернувшись, мотогруппа атаковала противника в Скиделе с обоих флангов. Надеясь остановить танки, поляки подожгли мост, но советские танкисты направили машины через огонь и успели проскочить по горящему мосту, рухнувшему после прохода танков, на другой берег реки Скидель. Южнее плавающие танки самостоятельно форсировали реку. Однако окруженный противник отчаянно сопротивлялся в течение полутора часов и бой завершился лишь к 18 часам. Под конец сражения определенную помощь танкисты получили от вооруженных местных жителей. Группа потеряла 1 бойца раненым, 1 бронемашину была подбита, 1 танк поврежден. Тем временем главные силы 16-го стрелкового корпуса продвигались на запад и к исходу 22 сентября достигли линии Радунь — Лида⁶⁷⁹.

Пока войска 3-й и 11-й армий занимали северо-восточную часть Западной Белоруссии, южнее на фронте от Фаниполь до Несвиж перешли в наступление части КМГ, имевшие задачей в первый день наступления достичь Любча, Кирин, а на следующий день форсировать р. Молчадь и двигаться на Волковыск. Наступавший на южном фланге группы 15-й танковый корпус в 5.00 перешел границу и, сломив незначительное сопротивление польских пограничников, двинулся на запад. К вечеру 17 сентября 27-я танковая бригада форсировала р. Сервечь, 2-я танковая бригада — р. Уша, а 20-я мотобригада подтягивалась к границе. Около 16 часов 18 сентября 2-я танковая бригада вступила в Слоним, население которого радостно встретило Красную армию. Отступавший из города польский гарнизон сжег один из двух мостов через р. Щара, и 15-му танковому корпусу пришлось довольствоваться лишь одним мостом. На следующий день передовой отряд 2-й танковой бригады в 16 часов вступил в Волковыск. Тем временем в 8 часов командир 15-го танкового корпуса получил приказ совместно с мотоотрядами 13-й и 4-й стрелковых дивизий к исходу 19 сентября занять Гродно и Сокулку. 27-я танковая бригада вошла в Дворец, туда же подходила и 21-я танковая бригада. Но здесь вновь сказались отсутствие тылов: в течение всего дня основные силы 15-го танкового корпуса простояли растянувшись по дороге Слоним — Волковыск без горючего. С востока к Слониму подходила 20-я мотобригада, что еще больше загромождало дороги и задерживало подход тыловых колонн.

К исходу 17 сентября 6-й кавкорпус форсировал р. Ушу. Отставание тылов и отсутствие серьезного сопротивления противника привели к тому, что было решено создать мотомеханизированные группы из танковых полков дивизий, чтобы ускорить продвижение. Передовой отряд 11-й кавдивизии в ночь на 18 сентября занял Новогрудок. В 3 часа 19 сентября мотоотряд под командованием командира корпуса комдива А.И. Еременко занял Волковыск. 19 сентября 152-й кавполк 6-й кавдивизии после короткого боя занял Лиду, где были взяты в плен 2 500 человек, трофеями советских войск стали 300 винтовок, 100 тыс. патронов, 23 самолета. 5-й стрелковый корпус в 5 часов 17 сентября перешел границу и, сломив слабое сопротивление, взял

в плен 29 польских пограничников, потеряв 6 человек убитыми и 2 ранеными. К 17 часам соединения корпуса вышли на железнодорожную линию Столбцы — Барановичи, а к 23 часам достигли р. Уша. В течение дня в корпусе были созданы подвижные отряды, продвинувшиеся до р. Сервечь. Мотогруппа 4-й стрелковой дивизии (101-й стрелковый полк) в 8 часов 19 сентября вошла в Слоним, приняв у танковых частей свыше 6 тыс. пленных. В 4 часа 20 сентября мотогруппа 119-го стрелкового полка вошла в Волковыск, где была подчинена 15-му танковому корпусу. В 3 км западнее города она столкнулась с двумя эскадронами поляков и, потеряв 1 убитым, взяла в плен 150 человек. 21 сентября основные силы 5-го стрелкового корпуса находились у Зельвы, а 119-й и 101-й полки были брошены на Гродно.

В Гродно находились незначительные силы польских войск: 2 импровизированных батальона и штурмовая рота запасного центра 29-й пехотной дивизии, 31-й караульный батальон, 5 взводов позиционной артиллерии (5 орудий), 2 зенитно-пулеметные роты, двухбатальонный отряд полковника Ж. Блюмского, батальон национальной обороны «Поставы», спешенный 32-й дивизион Подляской кавбригады, в городе было много жандармерии и полиции. Командующий округом «Гродно» полковник Б. Адамович был настроен на эвакуацию частей в Литву. В городе 18 сентября имели место беспорядки в связи с освобождением заключенных из городской тюрьмы и антипольским выступлением местных «красных» активистов. Советские войска ожидалось с востока, но они подошли к городу с юга, что было выгодно оборонявшимся, поскольку правый берег Немана крутой.

Лишь по мере поступления горючего части 15-го танкового корпуса с 7 часов 20 сентября начали двигаться на Гродно своеобразными волнами. В 13 часов 50 танков 27-й танковой бригады подошли к южной окраине Гродно. Танкисты с ходу атаковали противника и к вечеру заняли южную часть города, выйдя на берег Немана. Нескольким танкам удалось по мосту прорваться на северный берег в центр города. Однако без поддержки пехоты танки подверглись нападению солдат, полицейских и молодежи, которые использовали немногочисленные орудия и бутылки с зажигательной смесью. В итоге часть танков была уничтожена, а часть — отведена обратно за Неман. 27-я танковая бригада при поддержке прибывшего с 18 часов 119-го стрелкового полка 13-й стрелковой дивизии заняла южную часть города. Группа младшего лейтенанта Шайхудинова при помощи местных рабочих на лодках переправилась на правый берег Немана в 2 км восточнее города. На том берегу начались бои за кладбища, где были оборудованы пулеметные гнезда. В ходе ночного боя 119-му полку удалось закрепиться на правом берегу и выйти на подступы к восточной окраине города.

К утру 21 сентября подошел 101-й стрелковый полк, который также переправился на правый берег и развернулся севернее 119-го полка. С 6 часов 21 сентября полки, усиленные 4 орудиями и 2 танками, атаковали город и к 12 часам, несмотря на контратаки поляков, вышли на линию железной дороги, а к 14 часам достигли центра Гродно, но к вечеру были вновь отведены на окраину. В этих боях полки поддерживала моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса, которая после ночевки на шоссе в нескольких километрах от Скиделя с рассветом 21 сентября двинулась к Гродно. Подойдя к городу, танки подавили огневые точки на его восточной окраине, чем оказали поддержку 119-му и 101-му стрелковым полкам. Атака города с востока прошла успешно, но после перехода через железнодорожную линию основные силы стрелковых подразделений вновь отошли на окраину. В итоге танки были вынуждены вести бой в одиночку. С помощью бутылок с горючей смесью был сожжен вместе с экипажем танк командира взвода младшего лейтенанта Алексанова и механика-водителя Комарова. Танк лейтенанта Мирского попал в засаду и был подожжен, но маханник-водитель Корнийчук, направив машину на кусты и низкие деревья, смог сбить пламя. Уничтожив немало огневых точек противника, к вечеру танки тоже были выведены из города, в стратегических пунктах которого (почта, телеграф, электростанция и т.п.) были оставлены караулы.

Кроме того, на Гродно после дневки вечером 20 сентября была направлена 4-я кавдивизия. В 9 часов 21 сентября в Гродно подошла и 20-я мотобригада, а прибывший с мотоотрядом 6-го кавкорпуса (3 танка БТ-5 и 2 бронемашин) Еременко решил возглавить атаку моста. Сев в бронемашину, он двинулся во главе атакующих, но вражеский снаряд заклинил башню. Пересев в другую бронемашину, Еременко вновь возглавил атаку и прорвался на мост, где от перегрева у бронемашин заглох мотор. Открыв огонь из пушки по огневым точкам противника, бронемашинист вызвала на себя сильный обстрел с того берега, повредивший башню. Наконец механик-водителю удалось завести мотор, и бронемашинист тронулась по склону моста назад, но, проехав около 100 метров, мотор снова заглох, и далее бронемашину пришлось буксировать. Теперь Еременко пересел в танк БТ-7 и вновь ворвался на мост. Однако бетонные блоки являлись непроходимым препятствием для танка, и в течение двух с половиной часов он с места вел огонь по противоположному берегу.

Как вспоминал Еременко 30 лет спустя, «на мосту завязался бой с огневыми точками противника. С берега нас поддерживали еще 5 танков... Мы расстреляли весь боекомплект и уничтожили около 20 огневых точек противника. Мой танк тоже пострадал: получил три пробоины,

более 20 больших вмятин. Были разбиты пулемет, оба прицела, радиатор, поврежден бензобак. Нас всех — [механика-]водителя [С. П. Елисеева], заряжающего [С. И. Новикова] и меня ранило. На последнем бензине задним ходом танк с трудом ушел в укрытие»680 с наступлением темноты. Сам Еременко был легко ранен в нос и руку осколками брони. Среди оборонявших мост был командир 2-го эскадрона 101-го резервного уланского полка ротмистр К. Лопяновский, который из единственного противотанкового ружья, имевшегося в полку, повредил танк, двигавшийся по железнодорожному мосту через Неман.

В ходе боев 21 сентября 20-я мотобригада смогла занять юго-западную окраину города, но переправиться через Неман не сумела из-за сильного ружейно-пулеметного огня с противоположного берега. К вечеру к городу подошла 4-я кавдивизия и было решено с утра повторить атаку. Однако учитывая результаты боев, командующий обороной генерал бригады в отставке В.-Я. Пшезджецкий около 16 часов приказал отходить на север. В ночь на 22 сентября польские защитники Гродно покинули город, и утром он был занят советскими частями, которым бои за город обошлись в 57 убитых, 159 раненых, было подбито 19 танков и 4 бронемшины. На поле боя было захоронено 644 трупа, взято в плен 1 543 военнослужащих противника, советскими трофеями стали 514 винтовок, 50 револьверов, 146 пулеметов, 1 зенитное орудие, 1 миномет. Тем временем получив приказ о занятии Сокулки, но не имея горючего, 2-я танковая бригада была вынуждена создать отряд под командованием капитана Новикова в составе 43 танков, мотострелковой роты и взвода противотанковой артиллерии, которому было передано все наличное горючее. Выступив в 7 часов из Волковыска, отряд в 14 часов 20 сентября занял Сокулку, покинутую накануне германскими частями. 11-я кавдивизия и 5-й стрелковый корпус продвигались на запад и юго-запад от Волковыска681 .

Во втором эшелоне за КМГ наступали войска 10-й армии, которые 19 сентября перешли границу с задачей выйти на фронт Новогрудок, Городище и двигаться далее на Дворец. К исходу первого дня наступления войска 10-й армии достигли линии рр. Неман и Уша. Продолжая медленное продвижение во втором эшелоне Белорусского фронта, войска армии к исходу 20 сентября вышли на рубеж Налибоки, Деревна, Мир, где получили задачу выдвигаться на фронт Сокулка, Большая Берестовица, Свислочь, Новый Двор, Пружаны. Вечером приказом командующего Белорусским фронтом № 04 армии были подчинены войска 5-го стрелкового, 6-го кавалерийского и 15-го танкового корпусов. Однако в ходе переговоров командующих войсками 10-й армией, КМГ и Белорусского фронта 21 сентября было решено оставить 6-й кавалерийский и 15-й танковый корпуса в составе КМГ682 .

На фронте 4-й армии, имевшей задачу наступать на Барановичи с выходом к исходу первого дня операции на линию Снов, Жиличи, наступление началось в 5 часов утра 17 сентября. В 22 часа 29-я танковая бригада заняла Барановичи и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками. Первым в город вошел танковый батальон под командованием И.Д. Черняховского. В районе Барановичей было пленено до 5 тыс. польских солдат, советскими трофеями стали 4 противотанковых орудия и 2 эшелона продовольствия. 8-я стрелковая дивизия заняла Несвиж и продвинулась до Снува, а 143-я стрелковая дивизия заняла Клецк. К исходу 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады, двигавшиеся по шоссе Барановичи — Кобрин, вышли на

р. Щара, 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи, а 143-я стрелковая дивизия продвинулась до Синявки. К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, где оставалась до 22 сентября, 32-я танковая бригада — в Миньки на шоссе Барановичи — Кобрин, 8-я стрелковая дивизия достигла р. Щара, а 143-я стрелковая дивизия — района Ольховка — Городище. В 21 час 20 сентября 32-я танковая бригада вошла в Кобрин, 8-я стрелковая дивизия — в Ружаны, а 143-я стрелковая дивизия — в Ивацевиче.

Остававшаяся на окраине Пружан, 29-я танковая бригада 20 сентября занималась техническим осмотром танков и вела разведку в сторону Бреста. У Видомля был установлен контакт с германскими частями. Как вспоминал позднее командир бригады комбриг С. М. Кривошеин, «разведка, высланная вперед под командованием Владимира Юлиановича Боровицкого, секретаря партийной комиссии бригады, вскоре возвратилась с десятком солдат и офицеров [6 солдат и 2 офицера] немецкого моторизованного корпуса генерала Гудериана, который успел занять город Брест. Не имея точных указаний, как обращаться с немцами, я попросил начальника штаба связаться с командармом [Чуйковым], а сам с комиссаром занялся ни к чему не обязывающей беседой с ними. Разговор происходил в ленинской палатке, где на складывающихся портативных стендах, наряду с показателями боевой подготовки и роста промышленного могущества нашей страны, висели плакаты, призывающие к уничтожению фашизма. У многих немцев были фотоаппараты. Осмотревшись, они попросили разрешения сфотографировать палатку и присутствующих в ней. Один из них снял на фоне антифашистского плаката нас с комиссаром в группе немецких офицеров...

Накормив немцев наваристым русским борщом и шашлыком по-карски (все это гости уплели с завидным усердием), мы отправили их восвояси, наказав передать «горячий привет» генералу

Гудериану». Комбриг забыл упомянуть, что во время обеда бригадный оркестр сыграл несколько маршей. В течение 21 сентября 32-я танковая бригада с 25 приданными ей пехотинцами в результате боя с отрядом поляков в 300 человек с пулеметами и противотанковыми орудиями заняли Городец на Королевском (Днепровско-Бугском) канале, потеряв 6 человек убитыми, 2 ранеными и 3 танка. Один из этих танков в качестве разведки был направлен в Антополь, где вступил в бой с поляками, которым удалось разбить гусеницу. На предложение сдаться экипаж в составе Мухина, Ефимова и Лаговского ответил отказом и вел огонь до последней возможности. Облив танк бензином и обложив его хворостом, поляки подожгли машину. Экипаж погиб. 8-я стрелковая дивизия в тот же день вошла в Пружаны, а 143-я дивизия — в Картуз-Березаб83 .

В Полесье были развернуты войска 23-го стрелкового корпуса, которым было запрещено до особого распоряжения переходить границу. Обращение командира корпуса к Военному совету Белорусского фронта с просьбой о переходе в наступление вместе с остальными войсками фронта было отклонено. В итоге корпус перешел границу в 16.25 18 сентября. В 11 часов 19 сентября передовой отряд 52-й стрелковой дивизии занял Лахву. Двинувшись дальше, советские войска в Кожан Городке были обстреляны отрядом 16-го батальона КОП. Развернувшись, части вступили в бой и вскоре оттеснили поляков в лес севернее Кожан-Городка. В ходе боя советские части потеряли 3 человека убитыми и 4 ранеными. Были взяты в плен 85 польских военнослужащих, из них 3 ранены, а 4 убиты. Около 17 часов 205-й стрелковый полк с 1-м дивизионом 158-го артполка после небольшого боя занял Давид-Городок. В 19.30 части 52-й стрелковой дивизии заняли Лунинец. Тем временем корабли советской Днепровской флотилии дошли до устья реки Горынь, где были вынуждены остановиться из-за отмелей и затопленных польских судов.

Тем временем был создан мотоотряд в составе 1 стрелковой роты, 2 батарей и дивизиона гаубичного артполка под командованием начальника штаба дивизии полковника Кузьмина, который к 16 часам 20 сентября вышел к р. Ясельда. Предотвратив взрыв железнодорожного моста, отряд по нему переправился через Ясельду и около 19 часов вступил в Пинск. Однако переправа через р. Пину в черте города была остановлена в результате взрыва моста после прохода по нему головного танка. Ночью в центре города раздавались одиночные выстрелы, и лишь подход основных сил 52-й стрелковой дивизии позволил утром 21 сентября прочесать город и очистить его от противника, взяв в плен 205 польских солдат. Советские потери составили 4 человека убитыми, 5 ранеными, а 2 красноармейца попали в плен, но были 23 сентября отбиты у противника. Тем временем в 16 часов 20 сентября в районе Дубовичи с помощью местных жителей был окружен и взят в плен польский пограничный отряд силой в 130 человек. С 21 сентября 23-й стрелковый корпус был подчинен 4-й армии. В 14 часов 22 сентября советские войска заняли Иваново (Яново)684 .

Войска Украинского фронта тоже 17 сентября перешли польскую границу и стали продвигаться вглубь Польши. На северном фланге на фронте от Олевска до Ямполья развернулись войска 5-й армии, которой была поставлена задача «нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, решительно и быстро наступать в направлении Ровно». В районе Олевска сосредоточилась 60-я стрелковая дивизия, имевшая задачу наступать на Сарны. В районе Городница — Корец развернулись войска 15-го стрелкового корпуса, имевшие ближайшую задачу выйти на р. Горынь, а к исходу 17 сентября занять Ровно. 8-й стрелковый корпус, развернутый в районе Острог — Славута, должен был к исходу дня занять Дубно. 18 сентября оба корпуса должны были занять Луцк и двинуться в сторону Владимира-Волынского.

В 5.00 войска 5-й армии перешли границу, сломив незначительное сопротивление польских пограничных частей. Лишь в районе Устья гарнизон польской стражницы № 11 попытался оказать сопротивление 16-му стрелковому полку 87-й стрелковой дивизии. В бою противник потерял 1 человека убитым, 2 ранеными, а 6 сдались в плен. Севернее части 60-й стрелковой дивизии в 6.00 перешли границу, в ходе боя с польской погранстражей советские войска потеряли 1 человека убитым и 1 раненым. Противник потерял 3 пограничников убитыми, 2 ранеными, а 83 были взяты в плен. В течение дня выяснилось, что «противник, не оказав сопротивления на госгранице, отходит в западном направлении, не пытаясь организовать и оказать сопротивления». В такой обстановке основная масса войск 5-й армии походным порядком продвигалась на запад, практически не имея стычек с противником. К утру 19 сентября 60-я стрелковая дивизия достигла Сарненского УРа, завязав бои за овладение им. Советским частям пришлось вести борьбу с ДОТами противника на правом берегу р. Случь. В ходе двухдневных боев советские войска прорвали УР на фронте Тыне — Князь-Село и 21 сентября вступили в Сарны, откуда польские части отступили в Полесье. До 25 сентября 60-я дивизия очищала Сарненский УР от вооружения и боеприпасов.

Около 18.00 17 сентября передовой отряд 45-й стрелковой дивизии занял Ровно, где были разоружены мелкие польские части. Наступавшая севернее 87-я стрелковая дивизия 15-го стрелкового корпуса 19 сентября в районе Костополя вступила в бой с противником силой до 2 пехотных полков с артиллерией. В ходе боя польский отряд был разбит и до 1,5 тыс. солдат

попали в плен, 25 орудий стали советскими трофеями. Соединения корпуса продолжали марши на запад, продвигаясь вслед за отходившими группами польских пограничников, жандармов и осадников. В 4.00 21 сентября разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вступил в Ковель. Находящиеся в городе части польских войск организованного сопротивления не оказали и отступили на запад. Разоружить их «не удалось из-за отсутствия достаточных сил. Сопротивление оказала полиция, последняя стреляла с чердаков. Солдаты польской армии воевать с Красной армией не желают». 21—22 сентября 87-я стрелковая дивизия на рубеже Навуз, Боровичи натолкнулась на укрепившегося противника и вела бой с группами 3-го польского пехотного полка. «21 сентября разведбатальон и танковая рота при входе в деревню Навуз были обстреляны ружейно-пулеметным огнем и огнем противотанковых орудий. Разведбатальон и танковая рота отступили с некоторыми потерями. В бой были брошены подразделения 16-го стрелкового полка, 43-го разведбатальона, 212-го гаубичного артполка и 71-го противотанкового дивизиона. В бою 21—22 сентября на Безымянной высоте в Навуз противник был уничтожен. Остатки преследовались до Боровичи. В результате боя поляки имели 260 человек убитых и раненых и 120 пленных», было подбито 1 45-мм орудие и 3 станковых пулемета. Потери советских войск составили 99 человек убитыми, 137 ранеными. В 14 часов поляки стали отходить в сторону Колки и на север в Полесье, а около 15 часов отходящие части подверглись бомбовому удару 9 самолетов СБ.

Наступавшая в первом эшелоне 8-го стрелкового корпуса 36-я танковая бригада двинулась в сторону Дубно, но в первый день наступления танкисты старались не отрываться от стрелковых частей, испытывая трудности с подвозом горючего. В местечке Мирогоща 2 бронемашини под командованием старшего лейтенанта Аксенова остановили 4 эшелона с польскими войсками. Пока одна бронемашина держала под прицелом головной паровоз, Аксенов вступил в переговоры с польским начальником эшелонов и заявил ему, что в случае попытки увести эшелоны на запад он вызовет авиацию и скрывающиеся в засаде танки. Этот блеф заставил поляков отказаться от отправления эшелонов. К утру 18 сентября к Аксенову подошло 5 танков, и поляки сдались.

Тем временем 36-я танковая бригада в 7 часов 18 сентября заняла Дубно, где были разоружены тыловые части 18-й и 26-й польских пехотных дивизий. Всего в плен попало 6 тыс. военнослужащих, трофеями советских войск стали 12 орудий, 70 пулеметов, 3 тыс. винтовок, 50 автомашин и 6 эшелонов с вооружением. В 11.00 18 сентября советские войска после небольшого боя вступили в Рогачув, где были взяты в плен 200 польских военнослужащих и захвачено 4 эшелона со снаряжением и боеприпасами. К 17.00 18 сентября 36-я танковая бригада и разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вступили в Луцк, в районе которого было разоружено и взято в плен до 9 тыс. польских военнослужащих, а трофеями советских войск стали 7 тыс. винтовок, 40 пулеметов, 1 танк и 4 эшелона военного имущества. С утра следующего дня 36-я танковая бригада двинулась к Торчину, из которого около 17.30 выступила на Владимир-Волынский и в 23.30 после небольшого боя с поляками в районе казарм школы хорунжих и 27-го артполка вступила в город. С утра 20 сентября командир бригады комбриг Богомолов вел переговоры с начальником польского гарнизона генералом М. Сморовинским об условиях сдачи города. В итоге в течение дня гарнизон был разоружен. До 23 сентября 36-я танковая бригада оставалась на окраине Владимира-Волынского, разоружая подходящие к городу группы польских войск. Тем временем соединения 8-го стрелкового корпуса 19—20 сентября подтягивались к Владимиру-Волынскому и 22 сентября вышли на фронт Владимир-Волынский — Сокаль. В ходе этих маршей в районе Верба было разоружено до 10 тыс. польских военнослужащих.

К исходу 22 сентября войска 5-й армии вышли на рубеж Ковель — Рожице — Владимир-Волынский — Иваничи⁶⁸⁵.

Южнее, на фронте Теофиполь — Войтовцы развернулись войска 6-й армии, имевшие задачу наступать на Тарнополь, Езерну и Козову, в дальнейшем выйти на фронт Буск — Перемышляны и далее на Львов. В 4.00 17 сентября штурмовая группа пограничников и красноармейцев захватила Волочичский пограничный мост. В 4.30 войска 17-го стрелкового корпуса нанесли артиллерийский удар по огневым точкам и опорным пунктам противника и в 5.00 приступили к форсированию р. Збруч, используя захваченный мост и наведенные переправы. Форсировав р. практически без какого-либо сопротивления противника, части 17-го стрелкового корпуса около 8.00 свернулись в походные колонны и двинулись в сторону Тарнополя. Подвижные соединения быстро обогнали пехоту и после 18.00 17 сентября 10-я танковая бригада вступила в Тарнополь. Наступавшая севернее города 24-я танковая бригада с 136-м стрелковым полком 97-й стрелковой дивизии уже в 12 часов прошла Доброводы и, обойдя Тарнополь с северо-запада, около 22 часов вышла на его западную окраину и приступила к ее очистке от польских частей. В 19 часов с севера в город вошли 11 танков 5-й кавдивизии 2-го кавалерийского корпуса, однако, не зная обстановки, танкисты решили подождать с атакой до утра. Вступив в Тарнополь, 5-й дивизии пришлось заняться очисткой города от разрозненных групп польских офицеров, жандармов и простожелающих пострелять из местного населения. В ходе перестрелок в городе между 10.20 и 14.00 18 сентября дивизия потеряла 3 человек убитыми и 37 ранеными. Одновременно в 10.30 в

город вступили стрелковые дивизии 17-го стрелкового корпуса. В плен были взяты до 600 польских военнослужащих.

Наступавшие севернее соединения 2-го кавкорпуса с утра 18 сентября форсировали р. Серет и в 10.00 получил приказ командования Украинского фронта форсированным маршем двинуться к Львову и овладеть городом. Поскольку конский состав нуждался в отдыхе, командир корпуса создал сводный мотоотряд из 600 спешенных кавалеристов, посаженных на танки 5-й кавдивизии и батальона 24-й танковой бригады под командованием командира 5-й кавдивизии комбрига И. Шарабурко. Отряд двинулся к Львову, взяв по дороге в плен до 6 тыс. польских военнослужащих. Остальные войска 6-й армии по мере возможности также двигались к Львову, который 12—18 сентября был охвачен 1-й и 2-й горнопехотными дивизиями вермахта с севера, запада и юга. В ходе маршей 14-я кавдивизия у Сасува сломила сопротивление местного гарнизона и полиции, взяв в плен 1 155 человек и 1 200 винтовок. В ночь на 19 сентября от Бродов к городу подошла колонна польских войск, которая также была разоружена. В плен были взяты 12 096 человек, трофеями советских войск стали 12 тыс. винтовок, 26 орудий, 275 пулеметов, 32 автомашины и 1 200 лошадей. К утру 19 сентября 2-й кавкорпус занял Злочув, а к вечеру 20 сентября 14-я кавдивизия достигла Ярычева, Барщевеце, а 3-я кавдивизия — Калиновки, Бялки Шляхецкой в 8 км от Львова. В 16.20 2-му кавкорпусу были подчинены 38-я, 10-я танковые бригады и сводный отряд 97-й и 96-й стрелковых дивизий. Началась подготовка штурма города, намеченного на 9 утра 21 сентября.

Тем временем сводный мотоотряд 2-го кавкорпуса и 24-й танковой бригады с 35 танками около 2.00 19 сентября подошел к Львову. «При подходе к городу польская артиллерия открыла огонь. Преодолевая уличные баррикады, головной разведывательный батальон [в составе 6 танков] дошел до центра города и был встречен огнем батареи, стоявшей у костела. Первый танк был подбит. Командир разведроты старший лейтенант тов. Чуфаров, сбив орудие у костела, поджег выстрелом снаряды противника. Орудийная прислуга разбежалась, а офицеры закричали «не стрелять». По танкам был открыт из казарм и многих домов ружейно-пулеметный и револьверный огонь. Танки били по вспышкам. К 4.30 огонь прекратился с обеих сторон. В 4.20 командир бригады [полковник П.С. Фотченков], находясь в танке во Львове, получил через свою делегатскую машину записку от командарма 2 ранга тов. Городовикова приказание: 24-й танковой бригаде остановиться у Злочув и ждать дальнейших распоряжений. Командир бригады не знал причин такого приказа. Предположил, что получены указания свыше об отмене первого приказа по захвату Львова. В 5.00 командир бригады отдал приказ разведбатальону, оставаясь в городе, закрыть выходы восточной окраины Львова. Остальным танкам выйти на восточную окраину Винники (окрестности г. Львова).

Начальнику 2-й части капитану Шуренкову связаться с польским штабом и вызвать начальника гарнизона Львова для переговоров о сдаче города. В 6.00 19 сентября части заняли свои места и приступили к обезоруживанию польских войск, подходивших к Львову на помощь, а разведбатальон обезоруживал казармы в самом городе Львове. В 6.30 к командиру бригады прибыло два польских майора для переговоров. Командир бригады вести переговоры с ними отказался и приказал явиться начальнику гарнизона, или начальнику штаба. В 7.00 19 сентября прибыл полковник и два других майора, с которыми также переговоры не велись. В 7.40 прибыл начальник штаба гарнизона полковник генерального штаба [Б. Раковский] и с ним два полковника и три майора. Командир бригады отрекомендовался командиром танкового корпуса, который окружил г. Львов и предложил сдать город Львов. Начальник штаба гарнизона просил повременить, так как он не уполномочен на это и должен получить указание свыше. На все это было дано 2 часа. Командир бригады потребовал, чтобы танки, находящиеся в городе и на окраине, продолжали оставаться [там] и разрешения занять командные пункты для наблюдения за немецкими позициями, которые полукольцом прилегали к городу. На это было дано согласие. Договорились взаимно обменяться делегатами связи. В 8.30 немцы неожиданно предприняли атаку на западную и южную окраину города. При этом танки и бронемшины разведбатальона оказались между двух огней (немцев и поляков).

Командир бригады выслал с куском нижней рубахи на палке бронемашину к немцам. Танки и бронемшины выбрасывали красные и белые флажки, но огонь по ним с обеих сторон не прекращался, тогда из бронемашин и танков был открыт по противнику огонь. При этом подбито у немцев 3 противотанковых орудия, убиты 2 майора и 1 офицер, ранены 9 солдат. У нас подбито 2 бронемшины и 1 танк, убиты 3 человека и ранены 4 человека. Вскоре огонь был прекращен, с бронемашинной прибыл командир 137-го полка горной немецкой дивизии полковник [фон Шляммер], с которым командир бригады в немецком штабе договорились по всем спорным вопросам. Мы выбрали своих раненых и убитых, а они своих.

В течение 19 и 20 сентября велись неоднократные переговоры между командованием 24-й легкой танковой бригады, с одной стороны, и представителями командования немецкой горной дивизии — с другой, о прекращении боевых действий и ликвидации возникших конфликтов. В результате переговоров окончательно восстановились нормальные отношения между договаривающимися сторонами. После чего между частями 24-й танковой бригады и частями

горно-стрелковой немецкой дивизии никаких недоразумений не было. Части немецкой дивизии начали отход в западном направлении, ведя арьергардные бои с польскими войсками». В ходе переговоров командующего артиллерией Украинского фронта комбрига Н.Д. Яковлева с германским командованием стороны требовали друг от друга отвести войска от города и не мешать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова. Тем не менее командование вермахта вновь потребовало от поляков сдать город не позднее 10 часов 21 сентября: «Если сдадите Львов нам — останитесь в Европе, если сдадите большевикам — станете навсегда Азией». В ночь на 21 сентября германские части стали отходить от Львова, а их позиции занимали советские войска, готовясь к атаке города, назначенной на утро.

План штурма города сводился к следующему: 14-я кавдивизия должна была атаковать город с севера и северо-востока, сводный отряд 17-го стрелкового корпуса с 38-й танковой бригадой — с востока; 5-я кавдивизия вместе с 10-й танковой бригадой — с юго-востока, а 3-я кавдивизия — с юга и юго-запада. Поскольку переговоры с польским командованием никаких результатов не давали, было решено атаковать город в 9.00 21 сентября. В назначенное время советские войска двинулись к городу, но польское командование возобновило переговоры, и советские части были возвращены в исходное положение. В 17 часов возле дрожжевого завода на восточной окраине города командир польского гарнизона генерал В. Лянгнер, подполковник К. Рыжинский, майор Я. Явич, капитан К. Чихирин встретились с кобригами П.А. Курочкиным и Н.Д. Яковлевым, бригадным комиссаром К.В. Крайнюковым, полковником Фотченковым, полковым комиссаром Макаровым и И.А. Серовым. В ходе переговоров выяснилось, что польский гарнизон готов капитулировать, но следует это сделать организованно. Вернувшись в город, около 20 часов Лянгнер объявил на совещании командования обороны о решении сдать город Советам. Большинство офицеров высказалось за окончание боев.

21 сентября командующий 6-й армией издал приказ: «Противник удерживает последний опорный пункт на своей территории — г. Львов. Обороной города руководит фашистская организация. Принцип обороны — круговой, с уличными баррикадами и частично минированными проездами. Восточная группа войск в 9.00 22.9.39 атакует противника с задачей сломить его сопротивление, принудить сложить оружие и сдаться», но выполнить его не пришлось. В 8.00 22 сентября Лянгнер с составленными накануне предложениями для переговоров прибыл в штаб 24-й танковой бригады в Винники. В результате последнего раунда переговоров в 11.00 было подписано соглашение о «передаче города Львова войскам Советского Союза». Согласно 8-му пункту соглашения, офицерам польского войска гарантировалась «личная свобода и неприкосновенность их личного имущества. Отъезды в зарубежные страны им разрешаются местными властями вместе с представителями дипломатических властей данного государства». В 14.00 польские войска стали складывать оружие, а в 15.00 соединения 2-го советского кавкорпуса в пешем строю совместно с танками 24-й, 38-й и 10-й танковых бригад вступили в город. В целом гарнизон выполнил соглашение о сдаче, лишь отдельные группы офицеров в нескольких местах открыли огонь с баррикад. С помощью танков сопротивление было быстро подавлено. К вечеру 23 сентября в городе был наведен порядок и основные силы советских войск были выведены на его окраины⁶⁸⁶.

На южном фланге Украинского фронта в полосе Сатанов — р. Днестр была развернута 12-я армия, имевшая задачу занять Монастыриска, Коломыя, а на следующий день — Станиславов и Галич, в дальнейшем продвигаясь на Стрый и Дрогобыч. В 5.00 войска армии приступили к форсированию р. Збруч. Прошедшие накануне дожди размыли дороги, уровень воды в р. поднялся. Тем не менее к вечеру 17 сентября войска армии вышли на р. Стрыпа. 23-я танковая бригады, переправившись в 8.30 через Збруч, двинулась через Борщев на Городенку и Коломыю. К 16.00 танкисты форсировали в брод Днестр и захватили около Городенки 6 польских самолетов. 18 сентября 23-я танковая бригада вступила в Коломыю, где было разоружено до 10 тыс. польских военнослужащих из состава 24-й и остатков 2-й и 5-й пехотных дивизий. В 2.00 19 сентября бригада получила приказ занять Станиславов и двинулась к нему, преодолевая завалы на дороге. В тот же день в 14 часов танки достигли Станиславова и двинулись к Галичу, к которому подошли к вечеру того же дня. Выступив на следующий день через Калуш, Долину и Болехов, 23-я танковая бригада 21 сентября достигла Стрыя.

Наступавший на правом крыле армии 4-й кавкорпус в ночь на 17 сентября выслал на польскую территорию передовые разведгруппы с целью нарушить связь и захватить языков. Однако группы себя обнаружили и понесли потери в стычках с польскими пограничниками, не выполнив задачи. В результате при форсировании Збруча 4-й кавкорпус встретил организованное сопротивление польской погранстражи и в течение двух часов был вынужден вести бой на границе. Только преодолев зону пограничных заграждений, корпус получил возможность развивать наступление на Подгайцы и к вечеру 17 сентября вышел на р. Стрыпа в районе Соколува. Тем временем 13-й стрелковый корпус вышел к Днестру, а 5-й кавкорпус достиг Трибуховицы, Дулибы. 25-й танковый корпус в 19.30 после непродолжительного боя занял Чортков, пленив там до 200 польских солдат 41-го пехотного полка и захватив 4 самолета.

На следующий день соединения 4-го кавалерийского и 13-го стрелкового корпусов окружили и после недолгого боя пленили до 10 тыс. польских военнослужащих из остатков Позненской, 6-й и 22-й пехотных дивизий. 25-й танковый корпус своей 1-й моторизованной бригадой в 16 часов занял Монастырку, где были взяты в плен около 3 600 польских военнослужащих. К вечеру 1-я моторизованная и 4-я танковая бригады подошли к Подгайцам, а 5-я танковая бригада у Домброва вела бой с польским артополком, в ходе которого были взяты в плен 2 500 польских солдат, и вышла на окраину Галича. 19 сентября части 25-го танкового корпуса заняли Галич, захватив в сохранности мосты через Днестр, Завадку и Збору. 19 сентября 4-й кавкорпус вышел в район Рогатин, Бурштын, где получил дневку. 26-я танковая бригада вышла в район Галич, Большеовцы. Передовые отряды 13-го стрелкового корпуса продвигались к Станиславову. В тот же день корпус был подчинен командующему пограничными войсками НКВД КВО комдиву Осокину, получившему 19 сентября приказ Военного совета Украинского фронта «немедленно закрыть границу», чтобы «не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию»⁶⁸⁷. С 21 сентября основные силы корпуса были развернуты вдоль границы с Румынией и Венгрией от р. Збруч до Бескид.

25-й танковый и 5-й кавкорпуса в районе Галича вели бои с остатками 26-й и 28-й польских дивизий и взяли в плен до 20 тыс. поляков. 13-й стрелковый корпус занял Станиславов и Калуш, взяв в плен до 11 тыс. польских военнослужащих. В 13.00 20 сентября 25-му танковому корпусу была поставлена задача к вечеру выйти в район Лисятые, Стрый, а передовым отрядом занять Дрогобыч. Но в 16 часов на подступах к Стрию стало известно, что город занят германскими войсками, поэтому 25-й танковый корпус расположился на отдых. В 15 часов 20 сентября корпусу была поставлена новая задача — сосредоточиться у Журавно, где подготовить переправы через Днестр для поддержки 4-го кавкорпуса против львовской группировки противника. Однако помощь действовавшим под Львовом советским войскам не потребовалась, и 25-й танковый корпус, сосредоточившийся в районе Луковец, Любша, Мазурувка, 22 сентября получил приказ двигаться на Подгорцы и далее на Комарно. Выйдя в ночь на 23 сентября в указанный район, части корпуса встретились там с подразделениями 2-й горнопехотной дивизии вермахта и были остановлены.

20 сентября войска 12-й армии продвигались на линию Николаев — Стрый. В районе Стрия около 17.00 был установлен контакт с немецкими войсками, которые 22 сентября передали город Красной армии. 23 сентября туда же подошла 26-я танковая бригада. В результате переговоров советские войска были остановлены на достигнутой линии⁶⁸⁸.

Москва — Берлин

Сразу же после вступления Красной армии в Польшу в Москве начался новый тур дипломатических переговоров с Германией. Уже вечером 18 сентября в беседе с Шуленбургом Сталин неожиданно заявил, что «у советской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве». Шуленбург ответил, что «Германия, конечно же, твердо намерена выполнять условия московских соглашений». На это Сталин заявил, что «он не сомневается в добрых намерениях германского правительства. Его беспокойство было основано на том хорошо известном факте, что все военные ненавидят возвращать захваченные территории». Германские дипломаты категорически отвергли его опасения и заявили, что вермахт подчиняется распоряжениям фюрера, и все соглашения с Москвой будут неукоснительно соблюдаться⁶⁸⁹.

Со своей стороны советское руководство предложило свой вариант совместного заявления, который был одобрен Берлином. На следующий день было опубликовано советско-германское коммюнике: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии, или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»⁶⁹⁰.

Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что «начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая «граница рейха». Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне». Это противоречит московским соглашениям и вызывает удивление советского правительства. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия, тем не менее он запросил в Берлине инструкций⁶⁹¹. В тот же день Молотов заявил Шуленбургу, что обоим правительствам пора окончательно определить структуру польских территорий. Если раньше советское правительство предполагало сохранить существование остатков Польши, то теперь оно готово разделить Польшу по линии четырех рек. «Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и провести их

в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз»692 .

Получив в 2.00 17 сентября сообщение о переходе Красной армией польской границы, германское командование в 7.00 отдало приказ войскам остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Брест — Белосток693 . 20 сентября Гитлер установил «окончательную демаркационную линию», на которую должны были отойти германские войска: Ужокский перевал — Хыров — Перемышль — р. Сан — р. Висла — р. Нарев — р. Писса — граница рейха694 . Как отметил в своих воспоминаниях Г. Гудериан, оставление Бреста русским «мы считали невыгодным»695 . В тот же день вечером Молотов в беседе с Шуленбургом заявил, что советское правительство не может одобрить эту линию от Перемышля до Турки и Ужокского перевала, а настаивает на линии по верховьям р. Сан. Надо учитывать, что это украинская территория. В обмен на нее советское правительство «готово уступить Сувалки и окрестности с железной дорогой, но не Августов»696 . Кроме того, Молотов предложил текст советско-германского коммюнике о советско-германской демаркационной линии в Польше, которое не вызвало возражений в Берлине. Германская сторона согласилась на передачу ей Сувалок в обмен на территорию вдоль верховьев р. Сан, но попыталась получить также и Августов с окрестными лесами697 .

Германское и советское командование поддерживали контакты через военных атташе698 . С ночи 20 сентября 1939 г. германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант

Э. Кестринг пытался урегулировать ситуацию под Львовом. В 00.30 Кестринг по телефону сообщил: «1. Восточнее Львова советские танки столкнулись с немецкими войсками. Есть жертвы. Идет спор о том, кто должен занять Львов. Наши войска не могут отходить, пока не уничтожены польские войска. 2. Германское командование просит: а) Принять меры к урегулированию этого вопроса путем посылки туда делегата; б) Иметь на танках какие-то отличительные знаки; в) С осторожностью подходить к демаркационной линии»699 . В 10.20 Кестринг вновь по телефону сообщил советскому командованию: «Я получил сообщение из Берлина, что командование танковых советских войск отдало приказ наступать на Львов. Часть наших (немецких) войск находится во Львове. Главное командование германской армии просит командование советских войск и я прошу маршала отменить наступление танковых советских войск, так как это для нас невыгодно, ибо справа и слева от нас находятся еще польские части. Если нужно выслать делегатов для переговоров, то главное командование германских войск это сделает немедленно и пошлет на самолетах в любой пункт своих представителей по указанию советского командования. Прошу немедленно об этом довести до сведения маршала и срочно сообщить мне его решение».

В 11.20 Кестринг передал по телефону предложение германского командования взять город совместным штурмом с Красной армией, а затем передать его советской стороне700 . Однако неуступчивость Москвы привела к тому, что германское руководство приказало «действовать совместно с русскими», и было решено, что «немецкие войска очистят Львов». Командование сухопутных войск вермахта восприняло это решение как «день позора немецкого политического руководства»701 . В 11.40 Кестринг по телефону сообщил, что «Гитлер отдал приказ о немедленном отводе немецкие войск на 10 км западнее Львова и передать Львов русским». В 12.45 Кестринг прибыл к Ворошилову и заверил его, что по личному приказу Гитлера вермахт будет отведен на 10 км западнее Львова. На замечание Ворошилова, «чем вызваны такие недоразумения, доходящие до отдельных стычек со стороны германских войск и в то время, как нашим войскам даны четкие и твердые указания о линии поведения при встрече с германскими войсками, Кестринг сказал, что это был, к сожалению, местный маленький инцидент и что приняты все меры к неповторению подобных случаев в будущем. Как было договорено в присутствии Риббентропа, линия рр. Писса, Нарев, Висла, Сан никем оспариваться не будет.

Карта, которую показал начальник оперативного управления Варлимонт Белякову, имела линию границы не в соответствии с договоренностью советской и германской сторон, и она не может считаться линией границы, а только лишь линией, которую должны занять германские войска. На замечание Народного комиссара, что на карте Варлимонта, которую он показал Белякову, была линия границы, проведенная от Варшавы по Висле и далее к востоку от Львова, Кестринг, явно смутившись и в шутовском тоне сказал, что Варлимонт не политик и, возможно, что он, как работник-нефтяник, соблазнился нефтью, но что из-за этого они не позволяют себе нарушать достигнутое соглашение и что это был маленький инцидент. Кестрингу указано, что сегодня наши войска займут г. Гродно, Белосток, Львов, Тухловский перевал и что с этой линии немецкие войска должны быть сегодня же отведены, о чем просьба немедленно поставить в известность немецкое командование»702 .

Во время этого разговора Тимошенко по телефону из Проскурова доложил Ворошилову об инциденте под Львовом: «Еще в 4.00 19 сентября наши части бронетанковый полк и кавполк вошли в г. Львов. В это время немецких войск в городе не было (кавполк в город не входил, а остался укрытым). Посланные две наши бронемшины из Львова по другой дороге настречу нашим войскам внезапно подверглись артиллерийскому обстрелу. Наши подумали, что это

польские войска и огнем 45-мм пушек и пулеметов подбили две противотанковые пушки, убили, по словам немцев, одного офицера и четырех солдат. Затем прибыли немецкие представители из штаба 1-й горной немецкой дивизии и 137-го германского полка, где выяснилось, что огонь вели немецкие войска, т.к. не имели указаний от германского командования. Было решено Львов не занимать и ждать указаний командования обеих сторон. Наши две бронемашины с их славными экипажами дрались до последнего момента и сгорели (Кестринг слушал весь этот разговор по телефону)»703 .

Ворошилов «обратил внимание Кестринга на недопустимость повторения в будущем таких инцидентов, так как это выгодно только третьей стороне и из этого всякие корреспонденты могут раздуть большую шумиху». Кестринг «охотно согласился с этим и повторил, что уже сам фюрер вмешался в это дело и что будут приняты все меры к неповторению подобного». Германский военный атташе также «просил сегодня же наметить рубежи и сроки, которые должны быть оставлены германскими войсками. Тут же Кестринг достал из портфеля немецкую карту, где черным карандашом была проведена сплошная линия, занятая германскими войсками. На этой же карте по рекам Писса, Нарев, Висла, Сан синим карандашом проведена другая линия, точно соответствующая договоренности. Условились, что сегодня в 16 часов тов. Ворошилов примет Кестринга и прибывших офицеров для разработки рубежей и сроков отхода германской армии»704

20 сентября 1939 года в 16.20 начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с представителями германского военного командования в лице генерала Кестринга, полковника Г. Ашенбрэннера и подполковника Г. Кребса о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. Первоначально предполагалось, что движение Красной армии на запад начнется с утра 23 сентября, войска должны будут двигаться с 25-км интервалом, и к вечеру 3 октября германские войска отойдут за окончательную демаркационную линию705 . В ходе следующего раунда переговоров с 2 до 4 часов утра 21 сентября уточнялись сроки выхода на демаркационную линию и был подписан советско-германский протокол:

«§ 1. Части Красной армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

§ 2. Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имела дистанция между передовыми частями колонн Красной армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной армией районов, пунктов, городов и т.п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т.п., Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной армии, к их сохранности, и обращает особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т.п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной армии.

§ 5. При обращении германских представителей к Командованию Красной армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей, или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

§ 6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной армии при движении на запад колонн Красной армии может летать только до линии авангардов колонн Красной армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по р.р. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков, авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии»706 .

21 сентября в 13.50 Отдел внешних сношений НКО посетили генерал Кестринг, полковник Ашенбрэннер и подполковник Кребс и сообщили, что ввиду еще продолжающихся боев под Варшавой и западнее Львова, «Главкомандующий генерал Браухич просит все названные сроки для отвода войск в нашем совместном протоколе от 21 сентября оттянуть на 24 часа, а на направлении Пултуск до вечера 4 октября. Это вызывается и необходимым временем для вывоза раненых и пленных... Генерал Браухич хочет отвести свои войска в возможно короткий срок, но не в ущерб организованности и порядка. В этом заинтересовано, должно быть, и Советское командование. Главкомандующий немецкими войсками сообщил, что он принял меры к сохранению от разрушения важнейших объектов на передаваемой территории Красной армии»707 .

Соответствующие изменения были внесены в протокол: «§ 2. Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 28 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 30 сентября и у Пултуска к вечеру 4 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 27 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 29 сентября...

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной армии выходят к вечеру 29 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 1 октября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 5 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 5 октября и у Демблина к вечеру 4 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 28 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 30 сентября»708 .

В то же время 20—22 сентября было согласовано, а 23 сентября опубликовано советско-германское коммюнике: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по р. Писса до ее впадения в р. Нарев, далее по р. Нарев до ее впадения в р. Буг, далее по р. Буг до ее впадения в р. Висла, далее по р. Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по р. Сан до ее истоков»709 .

Польская кампания Красной армии: 22 сентября — 1 октября

Тем временем в 10.30 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны № 16693, требовавшее остановить войска на линии, достигнутой передовыми частями к 20.00 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, находиться в состоянии полной боеготовности, быть бдительными и принять меры для охраны тылов и штабов. Кроме того, командование Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалкском выступе710 . В 22.15 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступил приказ наркома обороны № 156, в котором излагалось содержание советско-германского протокола и разрешалось начать движение на запад с рассветом 23 сентября711 . На следующий день Военный совет Белорусского фронта отдал соответствующий приказ № 05712 . 25 сентября войска получили директиву наркома обороны № 011 и приказ Военного совета Белорусского фронта № 06, предупреждавшие, что «при движении армии с достигнутого рубежа Августов — Белосток — Брест-Литовск на запад на территории, оставляемой Германской армией, возможно, что поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, действующими под Варшавой, могут оказать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары»713 .

21 сентября 2-я танковая бригада в Сокулке сформировала отряд для действий в районе Августов — Сувалки под командованием майора Ф. П. Чувакина, в котором насчитывалось 470 человек, 252 винтовки, 74 пулемета, 46 орудий, 34 танка БТ-7, 6 бронемашин и 34 автомашины. Двинувшись на север, отряд около 5 часов 22 сентября у Сопоцкина догнал отходящих из Гродно поляков, которые надеялись закрепиться в старых фортах гродненской крепости, где имелись военные склады. В завязавшемся бою, продолжавшемся до 10 часов, были убиты 11 и ранены 14 красноармейцев, подбито 4 танка и 5 автомашин. Противник широко применял бутылки с зажигательной смесью, что в условиях действий танков без пехотного прикрытия создавало значительные проблемы. На одной из машин взорвались боеприпасы, а выпрыгнувшие с нее красноармейцы Г.С. Сатковский, С. Г. Шиталко и И.А. Шатко были окружены поляками, взяты в плен и расстреляны. Однако в Сатковское промагнулись, и он, притворившись убитым, смог дожидаться своих. Были взяты в плен 60 польских военнослужащих, остальные ушли в леса.

Пытавшийся с семьей уехать на машине в Литву, генерал бригады Ю. Ольшина-Вильчинский по дороге встретил отряд Чувакина. По приказу комиссара отряда Григоренко генерал и его адъютант были расстреляны. Жена генерала была пропущена в Литву. Выступив в 20 часов из Сопоцкина, отряд в 1 час ночи 23 сентября вышел к Августовскому каналу. Поляки сожгли мост, но разведчики отыскали брод в 4 км западнее Вулька-Рзадова, но, двинувшись туда, отряд ввязался в перестрелку у сгоревшего моста. Тем временем 19 человек под командованием майора

Беликова переправились через канал на плоту, сделанному из снятых с овина ворот, усиленных бревнами, зашли в тыл противнику и очистили от него мост. Засыпав землей обгоревшую часть моста, отряд смог переправить по нему мотопехоту и кавалерию, а танки перешли канал вброд, и двинулся на Сейны. В это время мотоотряд 16-го стрелкового корпуса в 20.20 23 сентября занял без боя Августов, а на следующий день в 14.30 вступил в Сувалки.

Тем временем отряд 27-й танковой бригады из 20 танков БТ-7 и 1 бронемашин под командованием майора Богданова прочесывал линию границы с Литвой и в 24 часа 24 сентября прибыл в Сувалки. В 8 часов 23 сентября из Гродно выступил батальон 101-го стрелкового полка на автомашинах, который к 13 часам отряд достиг Августовского канала и начал его форсирование. Вслед за ним продвигались части 4-й кавдивизии, 77-й кавполк которой был на р. Шлямица у Колет в 17 часов атакован противником, но, получив поддержку от батальона 101-го стрелкового полка, контратаковал и стал преследовать отходивших на север поляков. В итоге противник, потеряв до 150 человек убитыми и много вооружения, был рассеян по лесу. Около 500 человек были взяты в плен. Советские части потеряли 1 человека убитым и 5 ранеными. В это же время 109-й кавполк в лесах юго-восточнее Августова взял в плен около 200 польских военнослужащих и много вооружения. К вечеру советские части вступили в Сейны. В 7 часов 25 сентября 109-й кавполк вошел в Сувалки. Тем временем 20-я мотобригада 23 сентября заняла Домброво, а 24 сентября после небольшого боя — Гонёндз714 .

Войска 3-й армии продолжали нести охрану латвийской и литовской границ от Дриссы до Друскенинка. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно. Соединения 16-го стрелкового корпуса продолжали продвигаться в сторону Гродно и 21 сентября заняли Эйшишки. К 24 сентября войска корпуса развернулись на литовской и германской границах севернее и северо-западнее Гродно. Поздно ночью 23 сентября 22-я танковая бригада, переданная в состав 11-й армии, достигла Щучина на шоссе Лида — Гродно. Смененная частями 16-го стрелкового корпуса, 4-я кавдивизия двинулась вдоль границы с Восточной Пруссией и 29 сентября заняла Стависки и Ломжу, где из-под развалин было извлечено 1 600 трупов мирных жителей. С 15 часов 23 сентября 3-й кавкорпус выступил из Вильно на Гродно, имея задачу прочесать территорию вдоль литовской границы. В 8 часов 25 сентября в районе Салтанишки части корпуса столкнулись с отрядом капитана Домбровского, численностью в 150 всадников. В ходе боя отряд, потеряв 20 человек убитыми, 10 ранеными и 7 взятыми в плен, был рассеян. Советские части потеряли 5 человек убитыми и 3 ранеными. В 22 часа 26 сентября 3-й кавкорпус прибыл в Гродно. Мотоотряды, созданные в 7-й (150 всадников и танковый полк под командованием полковника Кудюрова) и 36-й (200 всадников, танковый и саперный взводы под командованием майора Чаленко) кавдивизиях, выступили соответственно на Сувалки и Августов. К 30 сентября соединения 3-го кавкорпуса сосредоточились в Сувалкском выступе и организовали охрану границ с Германией и Литвой. Тем временем к Гродно подошла переданная в состав 11-й армии 6-я танковая бригада, которая 26 сентября заняла Кнышин.

К 26—28 сентября войска 3-й и 11-й армий закрепились на границе с Литвой и Восточной Пруссией от Друскенинка до Щучина715 .

Тем временем 21 сентября на переговорах в Волковыске представителями германского командования и 6-го кавкорпуса была согласована процедура отвода вермахта из Белостока. В это время соединения корпуса находились на линии Большая Берестовица, Свислочь. С утра 22 сентября в Белосток был направлен передовой отряд в 250 человек под командованием полковника И.А. Плиева, достигший города в 13 часов. К 16 часам процедура приема Белостока у немцев была завершена, и германские части покинули город. Уже приход отряда Плиева вызвал оживление среди местных жителей, возник стихийный митинг. «Интересно отметить, что эти бурные сцены происходили на виду у отступающих германских войск. Их уже не боялись, их теперь никто не замечал. Молча шагали они по чужим улицам враждебного города, молча, но видя на чьей стороне ум и сердце народа...» К вечеру в город вошла 6-я кавдивизия, тепло встреченная местными жителями, а 11-я кавдивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие, Городок. С 26 сентября приказом Белорусского фронта № 06/оп 6-й кавкорпус был подчинен 4-й армии.

Севернее действовала 20-я мотобригада, переданная в состав 10-й армии, которая 25 сентября в 15 часов приняла у немцев Осовец, 26 сентября, двигаясь по берегу р. Бебжа, вошла в Соколы, а к вечеру 29 сентября достигла Замбрува. Во втором эшелоне за войсками 6-го кавкорпуса двигались дивизии 5-го стрелкового корпуса, переданного в состав 10-й армии 20 сентября. С рассветом 24 сентября соединения корпуса двинулись на линию Свислочь — Порозово, а передовые отряды в 13 часов 25 сентября заняли Бельск-Подляски и Браньск. На следующий день в районе ст. Гайновичи были взяты в плен 120 польских солдат и обнаружен польский склад, в котором находилось 30 тыс. снарядов, 10 млн патронов и 2 орудия. В тот же день в районе Чижева немецкий арьергардный отряд был обстрелян поляками и, потеряв 1 человека убитым и 4 ранеными, вернулся в Цехановец, в расположение советских частей, оказавших немцам медицинскую помощь.

27 сентября передовые отряды 5-го стрелкового корпуса заняли Нур и Чижев, а в районе Гайнувки части корпуса вновь наткнулись на польский склад, где советскими трофеями стало около 14 тыс. снарядов, 5 млн патронов, 1 танкетка, 2 бронеавтомобиля, 2 автомашины и 2 бочки горючего. В тот же день в районе северо-восточнее Костельныя в лесу советские солдаты случайно обнаружили брошенное военное снаряжение. Выставив охрану, части начали розыски закопанного вооружения. Ночью к цепи охранения подходил польский отряд в 50 всадников, но отступил в сторону Нур, где напал на отходящие германские части. Понеся потери, немцы обратились за поддержкой к советским частям и под прикрытием разведбатальона 13-й стрелковой дивизии отошли на запад. В районе села Модерка этот польский отряд столкнулся с советским разведбатальоном и, понеся потери, был рассеян. Тем временем в лесу было откопано 936 снарядов, 168 520 винтовочных патронов, 2 мотоцикла, 2 бронемшины, 1 танкетка, 4 прицепа, 2 автомашины и другое имущество. Подобные находки делались соединениями 5-го стрелкового корпуса и в следующие дни. В 19 часов 29 сентября соединения корпуса заняли Малкина-Гурна и Косув-Ляцки. В этот момент войска 10-й армии находились на линии Щучин — Кольно — Ломжа — Малкина-Гурна — Косув⁷¹⁶.

На южном участке фронта на запад двинулись войска 4-й армии. В 15 часов 22 сентября 29-я танковая бригада вступила в Брест, занятый войсками 19-го моторизованного корпуса вермахта. Как вспоминал позднее Кривошеин, на переговорах с генералом Г. Гудерианом он предложил следующую процедуру парада: «В 16 часов части вашего корпуса в походной колонне, со штандартами впереди, покидают город, мои части, также в походной колонне, вступают в город, останавливаются на улицах, где проходят немецкие полки, и своими знаменами салютуют проходящим частям. Оркестры исполняют военные марши». В конце концов Гудериан, настаивавший на проведении полноценного парада с предварительным построением, согласился на предложенный вариант, «оговорив однако, что он вместе со мной будет стоять на трибуне и приветствовать проходящие части». «В 16.00 я и генерал Гудериан поднялись на невысокую трибуну. За пехотой пошла моторизованная артиллерия, потом танки. На бреющем полете пронеслось над трибуной десятка два самолетов. Гудериан, показывая на них, пытался перекричать шум моторов:

— Немецкие асы! Колоссаль! — кричал он.

Я не удержался и тоже крикнул в ответ:

— У нас есть лучше!

— О, да! — ответил Гудериан без особой радости.

Потом опять пошла пехота на машинах. Некоторые из них, как мне показалось, я уже видел. Очевидно, Гудериан, используя замкнутый круг близлежащих кварталов, приказал мотополкам демонстрировать свою мощь несколько раз...»⁷¹⁷ Кстати сказать, вопреки распространенным мифам⁷¹⁸, это был единственный советско-германский парад⁷¹⁹.

23 сентября у Видомля, занятого германскими частями, произошли следующие события. В 16 часов конный разъезд разведбатальона 8-й стрелковой дивизии был обстрелян пулеметным огнем 6 немецких танков. «В результате обстрела были убиты 2 и ранены 2 человека и убиты 3 лошади... В ответ на это, из бронемашин разведбатальона был открыт огонь по германским танкам, ответным огнем разбит один германский танк и уничтожен экипаж, после чего со стороны германских войск была выпущена красная ракета, обозначающая, что перед нами находятся части Германской армии. При выяснении причин обстрела у германского командования было дано объяснение: «Произошла ошибка, думали поляки, приносим искренне сожаления по поводу случившегося». В 23 часа немцы ушли из Видомля. 24 сентября войска армии очищали занятую территорию от мелких групп польских войск. 143-я стрелковая дивизия и 32-я танковая бригада заняли Малорита, где взяли в плен до 6 тыс. польских военнослужащих. Соединения 23-го стрелкового корпуса достигли района Антополь, Городец, а 8-я стрелковая дивизия переправилась через р. Западный Буг у Бреста. С 25 сентября 8-я и 143-я дивизии были подчинены управлению 23-го стрелкового корпуса, а 52-я стрелковая дивизия вела бой с 78-м польским пехотным полком в районе Дрогичина.

На следующий день 4-й армии был подчинен 6-й кавкорпус. К 18 часам 26 сентября соединения 6-го кавкорпуса вошли в Высоке-Мазовецк, оказавшийся практически полностью сожженным немцами. По свидетельству местных жителей, во время прохождения частей вермахта через город был убит немецкий солдат. Немцы предложили выдать им виновного, но он так и не был найден. Тогда немцы из пушек зажигательными снарядами прямой наводкой ударили по городу. Вспыхнул пожар, тушить который местному населению немцы не дали и расстреливали тех, кто пытался это делать. В итоге в городе уцелело всего 10 домов и церковь, а из 5 тыс. жителей осталось всего 1 тыс. К вечеру 27 сентября кавдивизии достигли берега р. Западный Буг у Нур, Цехановец, а в 19.30 28 сентября вышли в район Соколув-Подляски. Тем временем к вечеру 26 сентября 8-я стрелковая дивизия заняла Бяла-Подляску и Янув-Подляски, 143-я дивизия форсировала Буг у Кодень, а 52-я дивизия вступила в Малорита, где со следующего дня перешла в подчинение 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Украинского фронта.

В 24 часа 27 сентября командир 23-го стрелкового корпуса издал приказ № 011/оп, согласно которому требовалось к 12 часам 28 сентября выслать представителей с отрядом для приема городов Седльце и Лукув. «Высланные представители должны в корректной форме потребовать от представителей немецкой армии освободить 29.9 города Седлец, Луков и предупредить, что Красная армия эти пункты 29.9 займет, если даже они и не будут полностью освобождены частями немецкой армии. Конфликтов с немецкой армией избегать, но требовать увода немецких войск настойчиво и с полным достоинством, как подобает представителям Великой Непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной армии»⁷²⁰.

В 8 часов 29 сентября передовые отряды войск 23-го стрелкового корпуса заняли линию Соколув-Подляски — Седльце — Лукув, где в 18 часов были остановлены. В Седльце вступили разведывательный, танковый и один стрелковый батальоны, а в Лукув один стрелковый батальон и артиллерийский дивизион 8-й стрелковой дивизии. На левом фланге корпуса 143-я стрелковая дивизия 29—30 сентября севернее и северо-восточнее Парчева вела бой с частями оперативной группы «Полесье», отходившими от Влодавы на запад. В 16.30 у Боянув в 3 км северо-западнее Вохынь подошедшие 3 немецкие бронемшины открыли огонь по саперному батальону 143-й стрелковой дивизии. После короткой перестрелки огонь был прекращен. «Выбросив флаг, офицер, подъехав к линии обороны, перед командованием 143-й СД извинился. Офицер свое продвижение на восток мотивировал тем, что граница СССР с Германией проходит по р. Буг, а поэтому имеют приказ о выдвигании на восток». 30 сентября авиаразведка донесла, что мелкие группы противника движутся от Влодавы на север, и против них на линию Пищац — Кодень были выдвинуты основные силы 6-й стрелковой дивизии. На следующий день дивизия продвинулась на юг до линии Домачево — Вишнице, где была остановлена⁷²¹.

К 29 сентября войска Белорусского фронта продвинулись до линии Щучин — Стависки — Ломжа — Замбрув — Цехановец — Косув-Ляцки — Соколув-Подляски — Седльце — Лукув — Вохынь. 1 октября командующий 4-й армией комдив Чуйков издал приказ, которым требовал «при передовых отрядах иметь по одному командиру штаба и политотдела для ведения переговоров с немецкими войсками. При ведении переговоров от немецких войск требовать: до 5.10 линию Соколов, Седлец, Луков, Вогынь не переходить. Причину нашей задержки на этом рубеже объяснять: 1. Наших войск много перешло на западный берег р.Буг. 2. Мосты через р. Буг очень плохие, разбитые германской авиацией и разрушены поляками, что задерживает отход частей. О всех переговорах срочно доносить в штаб. Без разрешения Военного совета с линии Соколов, Седлец, Луков, Вогынь не уходить. В случае угрозы немцев приводить части в боевой порядок и доносить мне. Командиру 29-й тбр произвести разведку путей от Бреста до линии передовых отрядов и быть в полной боевой готовности для поддержки стрелковых и кавалерийских частей»⁷²².

На Украинском фронте войска 5-й армии 23 сентября возобновили продвижение на запад. На северном фланге наступали соединения 15-го стрелкового корпуса. В 00.30 24 сентября разведбатальон 45-й стрелковой дивизии вступил в Любомль. Из опросов населения выяснилось, что 20 сентября в город вошли германские войска, разоружившие польский гарнизон. Часть оружия немцы вывезли, а часть раздали населению для организации милиции. 21 сентября немцы покинули город, а на следующий день группа польских войск совершила налет на город, разогнала и обезоружила милицию, убив 7 милиционеров, а в 11 часов 23 сентября на перегоне Любомль — Ягодин обстреляла поезд и забрала паровоз. Горючее в городе отсутствовало, а продовольствие было вывезено германскими войсками. В 14.30 25 сентября 36-я танковая бригада, форсировав р. Западный Буг, достигла Холма (Хелма) и, сконцентрировав силы, атаковала город. После ряда боевых столкновений с польским гарнизоном, часть которого ушла в сторону Красностава, в 14 часов 26 сентября город был занят. Около 8 тыс. польских военнослужащих попали в плен, а трофеями советских войск стали 7 тыс. винтовок, 1 250 револьверов, 40 пулеметов, 10 орудий, 14 автомашин и 1,5 тыс. лошадей.

26—27 сентября 36-я танковая бригада оставалась в Холме, ожидая подтягивания стрелковых частей 15-го корпуса, которые 25—26 сентября форсировали Западный Буг. 28 сентября 36-я танковая бригада выступила в направлении Люблина, но, достигнув в 12 часов Пяски, выяснилось, что город занят германскими войсками. В 10 часов 29 сентября советские делегаты прибыли в Люблин для переговоров об отводе германских войск, которые должны были к вечеру оставить город. Однако выяснилось, что германское командование не собирается отводить войска, ожидая приказов из Берлина. К 29 сентября соединения 15-го стрелкового корпуса вышли на фронт Влодава — Пугачув — Пяски, где были остановлены. 30 сентября в 12.30 над расположением 44-й стрелковой дивизии пролетел самолет с немецкими опознавательными знаками, который в 42 км юго-восточнее Люблина обстрелял расположение 1-го батальона 146-го стрелкового полка и 179-го гаубичного артполка. В результате было ранены 8 советских военнослужащих.

Южнее наступали соединения 8-го стрелкового корпуса, которые сломили слабо организованное сопротивление противника на Западном Буге и 24 сентября после двухчасового боя заняли Грубешув. Дальнейшее продвижение проходило достаточно спокойно — попадались

лишь мелкие группы польских войск. 25 сентября был занят Замосць и после дневки соединения корпуса 26 сентября двинулись на Билгорай и Красныстав. 44-я стрелковая дивизия вошла в контакт с 8-й германской пехотной дивизией и заключила с ней соглашение о занятии Красноброта и движении на Рудки. Возобновившиеся дожди размывали дороги, что вызвало новые трудности с подвозом снабжения. После дневки войска 28 сентября продолжали движение на Красник. В тот же день 8-му стрелковому корпусу были переданы прибывшая в Замосць 38-я танковая бригада и достигшая Комарова 14-я кавдивизия. К 14 часа 29 сентября войска 8-го корпуса вышли на фронт Ольшанка — Кцонов — Тарновка — Закржев, где были остановлены распоряжением командующего 5-й армией за № 022723 .

Начавшийся 22 сентября отвод германских войск на запад был использован отдельными отрядами польских войск для прорыва в Венгрию в 20-километровой полосе, разделявшей вермахт и Красную армию. 21—23 сентября части 7-го и 8-го армейских корпусов 14-й германской армии столкнулись с группой генерала Домб-Бернацкого. В развернувшихся боях германские части вновь потеснили поляков на восток, а 23 сентября даже обратились к командованию 6-й советской армии с предложением помочь им в разгроме поляков. Однако советское командование не спешило ввязываться в чужие бои. Тем более что, когда войска 6-й армии с 25 сентября возобновили продвижение на запад и соединения 2-го кавкорпуса вместе с 24-й танковой бригадой вступили в Жолкев, а к 26 сентября продвинулись до района Рава-Русска, Немиров, Магеров, они так и не встретили никакой крупной польской группировки. 27 сентября корпус продолжал движение в направлении Любачув, Рудка и не имел встреч с противником. На следующий день 14-я кавдивизия была направлена на Томашув, Замосць и передана в состав 5-й армии. Остальные войска 2-го кавкорпуса вышли в район Буковина, Добча, Дзиков и выставили дозоры на р. Сан. 24-я танковая бригада 28 сентября достигла Цешанува.

Тем временем 25 сентября 38-я танковая бригада была отправлена через Жолкев на Сокаль, куда прибыла в 14 часов 26 сентября и была передана в состав 5-й армии. Войска 17-го стрелкового корпуса 25 сентября также выступили к демаркационной линии и достигли района Янов, Добростаны. 27 сентября они вступили в Яворов, а 28 сентября — в Любачув. К вечеру следующего дня дивизии 17-го стрелкового корпуса вышли в район Буковина, Добча, Тарногруд, и сменили части 2-го кавкорпуса на охране р. Сан. 99-я стрелковая дивизия 17-го стрелкового корпуса в 9 часов 29 сентября вступила в Перемышль и начала его прием у германского командования. К 29 сентября войска 6-й армии вышли на среднее течение р. Сан от Билгорая до Перемышля724 .

В полосе 12-й армии сводные группы 13-го стрелкового корпуса в 16.30 22 сентября вступили в только что оставленный германскими войсками Стрый, а 24 сентября вошли в Дрогобыч. 23 сентября 23-я танковая бригада в 20 часов вышла к Бориславу, занятому германскими войсками. 24 сентября советские войска начали продвижение на запад, приняв у немцев Дрогобыч и Борислав. 25-й танковый корпус был накануне у Комарно выведен в резерв Украинского фронта и далее не продвигался. 4-й кавкорпус, пройдя через Дрогобыч, 26 сентября достиг района Сутковице, Висковице, Лановице, Вережница, где в 21 час на основании разведанных получил приказ подготовиться к боям с польской кавгруппой под командованием генерала В. Андерса, находящейся в лесах севернее Райтеровице. По решению командира корпуса 32-я кавдивизия продолжала движение на Добромиль, Хырув, а 34-я кавдивизия, 26-я танковая бригада и 18-й танковый полк 32-й кавдивизии остались на месте, ожидая подхода поляков. В 6.30 27 сентября 26-й и 27-й уланские полки группы Андерса атаковали 148-й кавполк в Сутковице, однако встреченные артогнем и контратакой, вновь отошли на опушку леса. В ходе трехчасового боя противник потерял 300 человек убитыми, 200 пленными, 4 орудия и 7 пулеметов. На следующий день группа была рассеяна, но генерал Андерс с несколькими офицерами скрылся. Тем временем 32-я кавдивизия в середине дня 28 сентября вступила в Хырув и Конюв, где после небольшого боя пленила остатки 25-го уланского полка. С вечера 28 сентября войска 4-го кавкорпуса приступили к охране границы от Перемышля до Мшанец.

Действовавший южнее 5-й кавкорпус 24—25 сентября наряду с продвижением на запад начал прочесывание предгорий Карпат. В 17 часов 26 сентября 16-я кавдивизия заняла Турку, а 9-й кавполк дивизии прибыл на станцию Бескид, занятую, как оказалось, 23 сентября венгерскими войсками. Попытка контакта с венграми вызвала с их стороны обстрел из ручного оружия. Ответный артиллерийский огонь советских бронемашин привел к прекращению стрельбы и отходу венгерских солдат в железнодорожный туннель на границе. По сведениям местных жителей, туннель был минирован; ситуация на этом участке границы с Венгрией была нормализована после переговоров725 . 28 сентября 5-й кавкорпус вышел к верховьям р. Сан и на границу с Венгрией. В тот же день в районе Свидника был взят в плен комендант Брестской крепости генерал бригады К. Плисовский, а 30 сентября в плен попал и генерал Андерс726 .

Таким образом, войска Украинского фронта к исходу 29 сентября находились на линии Пугачув — Пяски — Пиотркув — Кржемень — Билгорай — Перемышль — верховья р. Сан. Следовало прочесать занятую территорию и ликвидировать отдельные отряды и группы польских войск,

которые в основном стремились прорваться в Венгрию или Румынию. Наиболее серьезные проблемы возникли у советских войск, действовавших в Полесье. Дело в том, что там находилась польская оперативная группа «Полесье» (около 18 тыс. человек), сформированная из пограничных частей, жандармерии, мелких гарнизонов и моряков Пинской флотилии под командованием генерала Клеэберга, которая отходила на запад⁷²⁷. Тем временем переданная из Белорусского в Украинский фронт 52-я стрелковая дивизия 27 сентября продвигалась севернее Припяти от Кобрина на Влодаву, достигнув к вечеру района Малорита. В 16 часов 411-й танковый батальон и 54-й противотанковый дивизион заняли Шацк, взяв в плен 429 польских военнослужащих. Тем временем 28-й отдельный саперный батальон продвигался к Влодаве, на подступах к которой он был обстрелян и, потеряв несколько раненых, стал отходить.

Утром 28 сентября в Шацк явился гражданин, сообщивший, что в лесу юго-восточнее города эскадрон поляков хочет сдаться в плен. Не проверив эту информацию, 411-й танковый батальон двинулся колонной и в дефиле озер Люцемер и Круглое был обстрелян артиллерией противника, потеряв 7 человек. В этот момент штаб дивизии двигался разделенным на колонны, что, конечно, порождало проблемы со связью. Атакованные советские части, не имея связи с командованием дивизии, стали отходить. В ночь на 29 сентября поляки вновь заняли Шацк. 28 сентября 58-й стрелковый полк и разведбатальон 52-й стрелковой дивизии на перешейке между р. Западный Буг и озером Пулемецкое вступили в бой с группой противника, имевшей в своем распоряжении большое количество станковых и ручных пулеметов и ручных гранат. Узнав о ранении комдива, призванные по мобилизации солдаты стали разбегаться по лесу, и лишь небольшой отряд силой до 100 кадровых солдат при поддержке артиллерии смог остановить противника, вынудив его к отступлению.

В результате ночного боя части противника у Мельники силой до полутора батальонов были 112-м стрелковым полком окружены и к 8 часам 29 сентября сдались. В то же время 411-й танковый батальон, ведший бой за овладение Шацком и стремившийся выйти в тыл противника через дефиле озер Черное и Люцемер, был расстрелян противотанковыми орудиями. Бои, продолжавшиеся до следующего дня, показали, что личный состав 52-й стрелковой дивизии, привыкший к относительно спокойному продвижению по территории Западной Белоруссии, оказался не готов к ожесточенному сопротивлению противника. Действуя в лесисто-болотистой местности, подразделения дивизии зачастую не имели связи друг с другом и практически никак не управлялись. Лишь к 9 утра 29 сентября командованию дивизии удалось навести порядок в частях. Все это привело к затягиванию боев и непомерно высоким потерям: 81 человек был убит (в том числе командир 411-го танкобата капитан Насенюк) и 184 ранены (в том числе командир дивизии полковник И. Руссиянов), было подбито 5 танков Т-26, 2 Т-38, 2 трактора и 3 противотанковых орудия. Были взяты в плен 1 100 польских военнослужащих, на поле боя противник оставил 524 трупа, трофеями советских войск стали 500 винтовок, 34 пулемета, 60 тыс. патронов, 4 вагона снарядов и 23 ящика взрывчатки. Остатки польской группы около 16.30 30 сентября переправились через р. Западный Буг⁷²⁸.

Стремясь оказать помощь 52-й стрелковой дивизии, командир 15-го стрелкового корпуса выслал в направлении Влодавы 253-й стрелковый полк и подвижной отряд 45-й стрелковой дивизии. В 22 часа 30 сентября отряд выступил из района Завадов по шоссе на Влодаву. «В 4.50 1 октября танковая рота разведбатальона, двигавшаяся в составе подвижного отряда впереди 253-го стрелкового полка, достигла южной окраины Вытычно, где была встречена огнем двух противотанковых орудий, в результате чего 2 танка Т-37 были выведены из строя (один танк сгорел, на другом танке был сбит колпак; от экипажей танков осталось по 1 человеку).

Высланный в 5.30 в разведку кавэскадрон разведбатальона, получивший задачу установить состав противника, занимающего Вытычно, достиг западной и восточной окраины Вытычно, где был встречен сильным огнем до 7 станковых пулеметов противника, организовавшего оборону на северо-восточном берегу озера Вытыцке, южной окраине Вытычно, южной опушке рощи восточнее Вытычно. Станковые и ручные пулеметы были установлены и замаскированы на стогах сена, деревьях, окнах домов, а также на специально заготовленных лодках на озере Вытыцке. 18 противотанковых орудий были установлены на южной окраине Вытычно и весь узкий перешеек между оз. Вытыцке и Вытычно находился под сильным обстрелом. Указанный район оборонялся противником, силою до 2 000 человек, состоявших из различных подразделений пограничников, жандармов и офицеров, оказывавших упорное сопротивление и переходящих в контратаки. Командир 253-го стрелкового полка по выяснении обстановки принял следующее решение:

а) 1-м стрелковым батальоном наступать на восточную окраину Вытычно, в дальнейшем Старый Майдан;

б) 2-й стрелковым батальоном наступать по шоссе между оз. Вытыцке и Вытычно и по овладении перешейком наступать на Метелка;

в) танковому батальону атаковать противника вдоль шоссе, содействуя наступлению 1-го и 2-го стрелковых батальонов;

г) кавэскадрону разведбатальона в пешем строю атаковать в направлении Вытычно в промежутке между 1-м и 2-м стрелковыми батальонами;

д) дивизионом 45-го артполка из района Господский двор Черников подавить огневые точки противника в районе Вытычно и поддержать атаку подразделений.

В 7.00, выполняя поставленную задачу, подразделения пошли в атаку. Кавэскадрон разведбатальона и 1-й стрелковый батальон, наступая на Вытычно, в 9.00 овладели Вытычно и захватили в плен около 400 человек... 2-й стрелковый батальон, наступая по восточному берегу оз. Вытыцке в направлении Метелка, был встречен сильным артпулеметным огнем. Огонь велся с лодок плавающих по озеру. Батальон, выйдя на открытое место, понес большие потери... и успеха не имел. Командир полка отвел 2-й стрелковый батальон на юго-западную окраину Вытычно для приведения в порядок, после чего ему была поставлена задача наступать по западному берегу оз. Вытыцке на Вулька Вытыцка, с задачей не допустить отход противника на запад.

1-й стрелковый батальон, выполняя задачу, в 13.00 овладел Старый Майдан и продолжал наступать через лес на Метелка. По достижении 1-м стрелковым батальоном восточной опушки роши (западнее Старый Майдан) противник силою до роты перешел в контратаку; произошла штыковая схватка, в результате которой уничтожено 170 человек противника.

В 14.45, после уничтожения контратакующего противника, перед фронтом 253-го стрелкового полка наметился отход противника в северо-западном направлении. Подразделения 253-го стрелкового полка перешли в преследование. В 17.00 41-я разведывательная авиаэскадрилья штурмовала отходящие колонны противника по дороге Песя Воля, Сосновица. По данным местных жителей, отходящие колонны и обозы противника под действием авиации разбежались в панике, махали большими платками, бросали боеприпасы и оружие в оз. Белок...

16-й стрелковый полк 87-й стрелковой дивизии, находившийся в резерве командарма в г. Холм, получил задачу выступить в направлении Влодава и в 21.30 30 сентября прошел исходный пункт — перекресток дорог на северо-западной окраине Холма. В 14.30 1 октября по достижении перекрестка дорог восточнее Люта, через прибывшего на самолете представителя штакара-15, полк получил задачу двигаться в западном направлении на Люта, Зджарка, Козак, Колаче и далее на Песя Воля, с задачей совместно с 253-м стрелковым полком уничтожить группировку противника в районе оз. Вытыцке, Песя Воля. Выполняя поставленную задачу, полк в 18.00 достиг района Сухава, Колаче, Козаки, где им было захвачено 500 человек пленных, в числе которых было 150 офицеров. 16-й стрелковый полк установил связь с 253-м полком». Потери 253-го стрелкового полка с приданными частями составили 31 человек убитыми, 101 ранеными, выведен из строя 1 танк Т-37. Потери противника: убиты — 380, пленено около 1 тыс. человек. Трофеями советских войск стало 400 винтовок, 8 пулеметов, 4 орудия 729 .

Чуть ранее, 29 сентября, в полосе Белорусского фронта в районе Рудня, Радче, Яблоня части 143-й стрелковой дивизии натолкнулись на крупный отряд поляков из той же группы «Полесье». Разведбатальон дивизии в ночь на 29 сентября двинулся из Вишнице на Яблонь и Парчев. Не заметив противника, батальон был практически в упор обстрелян малокалиберной артиллерией и пулеметами. Сразу же было выведено из строя 3 танка и 3 грузовика, личный состав залег в придорожных канавах. Начавшуюся панику командиру батальона капитану Малышеву и комиссару Брежневу удалось прекратить. Разведбатальон перешел к обороне и около 2.30 известил о случившемся штаб дивизии. Ему на помощь были высланы стрелковая рота и взвод противотанкового дивизиона. Тем временем противник отошел на юго-запад, но с востока на разведбатальон натолкнулся другой польский отряд, с которым завязался бой. Тогда из состава 635-го стрелкового полка на помощь были двинуты 1-й батальон и 1-й дивизион 287-го артполка. В Рудне подразделения 635-го полка были обстреляны противником. Тогда командир полка майор Шварев двинул туда отряд из состава 3-го батальона. Пока стрелковые подразделения продвигались на Яблонь, разведбатальон отошел на север и вышел из боя.

Около 18 часов советские части атаковали засевшего в Яблонь противника, но польская кавалерия предприняла контратаку, и красноармейцы отошли на исходные позиции. Тогда, подтянув все наличные силы, Шварев в 23 часа вновь атаковал Яблонь. На флангах действовали ударные отряды, а в центре вместо танков использовались бронированные тягачи Т-20. В результате боя ночью 30 сентября Яблонь была занята, а от преследования отходящего противника отказались, расположившись на ночлег в поле около села. В 2 часа ночи 30 сентября 1-й батальон 635-го стрелкового полка был атакован конницей противника. Отбив атаку и сосредоточив силы, 1-й, 3-й батальоны и дивизион 287-го артполка в 3 часа сами перешли в атаку и после упорного боя в 10 часов вновь вступили в Яблонь. После этого противник стал отходить в сторону Парчева, хотя отдельные столкновения продолжались до вечера. В 12 часов вызванная авиация бомбила отходящие польские колонны.

Тем временем в 7 часов в районе Грабово, Милянов в наступление на Парчев с севера перешел и 487-й полк дивизии. В 16 часов советская авиация бомбила противника, а в 16.30 полк двумя батальонами двинулся в наступление, заняв Милянов. Однако на опушке леса южнее Копин разведдозоры 2-го батальона не заметили противника, который, подпустив батальон практически

вплотную, обрушил на него мощный ружейно-пулеметный огонь. Поскольку комполка в ходе наступления потерял связь с артдивизионом, то не смог поддержать 2-й батальон огнем, что привело к его отходу на север. Поэтому пришлось отойти и 3-му батальону. В ночь на 1 октября польские части отошли на юго-запад, а советские части получили приказ 4-й армии перейти к обороне на достигнутых рубежах. Более того, командование корпуса посчитало, что противник будет стараться прорваться на Бялу-Подляску, и приказало 143-й стрелковой дивизии перейти к обороне на достигнутом рубеже, а 151-му стрелковому полку 8-й стрелковой дивизии — занять оборону на южных подступах к Бяла-Подляска. Советские потери в этих боях составили 36 человек убитыми, 41 ранеными и 9 были пленены, 3 танка, 3 автомашины, 4 пулемета и 1 орудие. Были взяты в плен 189 польских военнослужащих, на поле боя насчитали 20 трупов противника, а советскими трофеями стали 14 винтовок, 4 лошади и 1 походная кухня⁷³⁰.

В то же время южнее части 140-й стрелковой дивизии 36-го стрелкового корпуса, вошедшего в состав 5-й армии Украинского фронта, 30 сентября в районе юго-восточнее Янува вели переговоры с группой польских войск о сдаче Красной армии. В 22 часа при переходе от Кржеменя 1-й батальон 445-го стрелкового полка был обстрелян ружейно-пулеметным огнем. Развернувшись, батальон вступил в бой, продолжавшийся до 1 часа ночи 1 октября. За это время было отбито три атаки противника, но подход 3-го батальона 637-го стрелкового полка и танкового батальона решил исход боя в пользу советских войск, которые потеряли 3 человек убитыми и 5 ранеными. С 1 по 5 октября 140-я стрелковая и 14-я кавалерийская дивизии в лесах у Билгорая разоружали кавгруппу польских войск под командованием полковника Т. Зеленецкого. Всего в плен были взяты 12 408 человек, трофеями советских войск стали 12 229 винтовок, 728 пулеметов, 64 орудия, 5 662 тыс. патронов и большие запасы военного имущества⁷³¹.

Таблица 29

Группировка советских войск

к 2 октября 1939 г.⁷³⁶

К началу октября 1939 г. состав Белорусского и Украинского фронтов значительно увеличился за счет сосредоточения дополнительных сил из внутренних округов (см. таблицу 29). С учетом войск 4-го стрелкового корпуса (10-я, 84-я, 126-я стрелковые и 24-я кавалерийская дивизии), находившегося с 30 сентября по 6 октября в подчинении 7-й армии, а затем возвращенного в состав Белорусского фронта, и войск 13-й армии (35-й стрелковый корпус в составе 15-й, 51-й и 95-й стрелковых дивизий) Украинского фронта, развернутой на границе с Румынией, фронты объединяли 56 стрелковых, 13 кавалерийских дивизий, 18 танковых и 2 моторизованные бригады общей численностью 2 421 300 человек, 5 467 средних и тяжелых орудий, 6 096 танков и 3 727 самолетов⁷³². Из них в 3-й армии насчитывалось 131 252 человека, 884 орудия, 975 танков, 178 бронемашин и 6 612 автомашин⁷³³. В 11-й армии — 93 634 человека, 881 орудие, 368 танков, 24 бронемшины и 4 823 автомашины⁷³⁴. В 4-й армии — 146 461 человек, 1 374 орудий, 771 танк и бронемашин, 5 789 автомашин⁷³⁵.

Москва — Берлин: II

Тем временем 23 сентября Риббентроп сообщил в Москву о готовности прибыть на переговоры и запросил удобное для этого время. Советское правительство предложило 27—28 сентября, и, учитывая настроения правящих кругов Англии и Франции относительно «линии Керзона», уже вечером 25 сентября Сталин и Молотов передали Шуленбургу предложение обсудить на будущих переговорах передачу в советскую сферу интересов Литву, а взамен они были готовы отказаться от части Варшавского и Люблинского воеводств до Буга. Сталин сказал, что если немцы согласны на это, то «СССР немедленно возмется за решение проблемы прибалтийских государств, в соответствии с протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства»⁷³⁷.

В 18.00 27 сентября в Москву прибыл Риббентроп. Первая беседа со Сталиным и Молотовым проходила с 22.00 до 1.00 в присутствии Шуленбурга и Шварцера. В ходе переговоров по вопросу окончательного начертания границы на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была «полностью разбита немецкими вооруженными силами» и Германии «не хватает в первую очередь леса и нефти», выразил надежду, что «Советское правительство сделает уступки в районе нефтерождений на юге в верхнем течении реки Сан. Того же самого ожидало бы немецкое правительство и у Августова и Белостока, так как там находятся обширные леса, очень важные для нашего хозяйства. Ясное решение этих вопросов было бы очень полезно для дальнейшего развития германо-советских отношений». Кроме того, Риббентроп подтвердил, что Германия, как и прежде, готова «осуществить точное разграничение» территории Польши.

Со своей стороны Сталин, сославшись на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обеим государствам, предложил оставить территорию этнографической Польши в руках Германии. Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге, Сталин заявил, что «в этом отношении какие-либо

встречные шаги со стороны Советского правительства исключены. Эта территория уже обещана украинцам... «Моя рука, — сказал Сталин, — никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву»». Однако в качестве компенсации Германии были предложены поставки до 500 тыс. тонн нефти в обмен на поставки угля и стальных труб. Относительно уступок на севере, Сталин заявил, что «Советское правительство готово передать Германии выступ между Восточной Пруссией и Литвой с городом Сувалки до линии непосредственно севернее Августова, но не более того». Тем самым Германия получит северную часть Августовских лесов. В итоге территориальный вопрос свелся к двум вариантам. Согласно первому, все оставалось, как было решено 23 августа. Согласно второму, Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова⁷³⁸.

Докладывая в Берлин о результатах переговоров, Риббентроп, оценив варианты решения территориального вопроса, отмечал, что не может определить, какой из них более выгоден Германии. За первый вариант говорит, по его мнению, то, что «имея в руках Литву, мы расширим на северо-востоке немецкую колонизационную зону». Против этого говорит то, что раздел польского населения может создать возможность трений между Германией и СССР. За второй вариант говорит то, что присоединение всего польского населения исключает политические интриги для нарушения германо-советских отношений и дает возможность решить национально-политическую проблему по усмотрению Германии. Против этого можно возразить, что таким образом СССР освобождается от международной польской проблемы. Риббентроп просил Гитлера до 12.00 германского времени 28 сентября сообщить ему о предпочтительном варианте, иначе он будет вынужден решать сам⁷³⁹.

На следующий день с 15 до 18.30 в Кремле проходила вторая беседа, в ходе которой выяснилось, что Гитлер в целом одобрил второй вариант решения территориального вопроса. После этого началось обсуждение линии проведения границы. Сталин «согласился с соответствующим перенесением границы на юг» в Августовском лесу. Советская сторона отказалась от территории в междуречье Нарева и Буга восточнее линии Остров — Остроленка, а германская чуть передвинула границу на север в районе Равы-Русской и Любачува. Долгая дискуссия вокруг Перемышля не привела к каким-либо результатам, и город остался разделенным на две части по р. Сан. В ходе последнего раунда переговоров с 1.00 до 5.00 29 сентября были подготовлен и подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Согласно этому соглашению, устанавливалась граница «между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства» (ст. 1). Эта граница признавалась окончательной, и отвергалась вмешательство третьих держав в это решение (ст. 2); стороны должны были заняться государственным переустройством присоединенных территорий (ст. 3) и рассматривали это переустройство как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами» (ст. 4)⁷⁴⁰.

Кроме договора были подписаны конфиденциальный протокол о переселении немцев, проживавших в сфере советских интересов, в Германию, а украинцев и белорусов, проживающих в сфере германских интересов, в СССР, и два секретных дополнительных протокола. В одном из них стороны брали на себя обязательства не допускать «никакой польской агитации» и сотрудничать в деле ее пресечения. В соответствии с другим протоколом, Литва отходила в сферу интересов СССР в обмен на Люблинское и часть Варшавского воеводства, передававшихся Германии. После же принятия советским правительством мер по обеспечению своих интересов в Литве часть литовской территории на юго-западе страны должна была отойти к Германии⁷⁴¹. Позднее, 4 октября, в Москве был подписан протокол с описанием границы от р. Игорка до Ужокского перевала⁷⁴², содержание которого было 5 октября доведено до сведения войск Белорусского и Украинского фронтов телеграммой начальника Генштаба № 090743. Советский Союз получил территорию в 196 тыс. кв. км. (50,4% территории Польши) с населением около 13 млн человек.

28 сентября оба правительства сделали совместное заявление: «После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»⁷⁴⁴. Германское руководство стремилось этим заявлением продемонстрировать советско-германскую «дружбу», оказать давление на Англию и Францию и принудить их прекратить войну, хотя было ясно, что консультации никого ни к чему не обязывают.

Кроме того, Риббентроп и Молотов обменялись письмами по экономическим вопросам⁷⁴⁵. В 12.40 29 сентября Риббентроп вылетел в Берлин.

Реакция Запада

Начавшаяся война в Европе и действия Красной армии в Польше после 17 сентября 1939 г. не улучшили советско-английских и советско-французских отношений, ухудшившихся после подписания договора о ненападении с Германией, который был воспринят английским и французским руководством как поражение их внешнеполитической стратегии. Вместе с тем не желая подтолкнуть СССР к дальнейшему сближению с Германией, Англия и Франция не стали обострять проблему советского вмешательства в Германо-польскую войну, а попытались уточнить советскую позицию относительно войны в Европе. Уже 18 сентября французский премьер-министр Э. Даладьё спрашивал у советского посла, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой вооруженный протекторат временно, или Москва намерена присоединить эти территории к СССР⁷⁴⁶. В Англии и Франции было широко распространено мнение, что ввод советских войск в Польшу имеет антигерманскую направленность, и это может привести к усилению напряженности в советско-германских отношениях.

В Лондоне опасались, что Москва может вступить в войну на стороне Берлина, поэтому советское заявление о нейтралитете в европейской войне было воспринято там с удовлетворением. 18 сентября на заседании английского правительства было решено, что, согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии. Поэтому было решено «не посылать России никакого протеста». И хотя англо-французская пресса позволяла себе довольно резкие заявления, официальная позиция Англии и Франции свелась к молчаливому признанию советской акции в Польше⁷⁴⁷. Тем не менее западные союзники попытались получить более подробный ответ из Москвы о намерениях СССР. 20 сентября Франция повторила свой запрос⁷⁴⁸. 23 сентября 1939 г. Лондон запросил советское правительство, готово ли оно ответить на английское предложение о торговых переговорах, или его соглашение с Германией «делает такие переговоры вообще бесцельными». Английское руководство также интересовалось, «как мыслит себе Советское правительство будущее Польши? В частности, является ли существующая демаркационная линия временной военной мерой, или же имеет более постоянное значение?», а также насколько изменились принципы советской внешней политики⁷⁴⁹.

27 сентября, в день, когда в Москву вновь прибыл Риббентроп, до сведения английского руководства был доведен ответ из Москвы, согласно которому СССР соглашался на ведение торговых переговоров с Англией. Что касалось судьбы Польши, то советское руководство считало, что «нынешняя демаркационная линия не представляет, конечно, государственной границы между Германией и СССР. Судьба Польши зависит от многих факторов и противоположных сил, учесть которые в настоящее время нет пока возможности». Естественно, Москва подчеркнула, что принципы советской внешней политики не изменились, а советско-германские отношения «определяются пактом ненападения»⁷⁵⁰. Случайно ли, что подписанный в ночь на 29 сентября советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., как справедливо отметил В.Я. Сиполс⁷⁵¹, вопреки своему названию определил не границу между Германией и СССР, а границу между их «обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства»? Не исключено, что ни Берлин, ни Москва не хотели подписывать официальный документ, в котором был бы зафиксирован раздел Польши между ними.

Это позволило показать Англии и Франции, что СССР не претендует на национальные польские территории, а его действия носят потенциально антигерманский характер. В целом Англия приняла советскую позицию, и 17 и 27 октября до сведения СССР было доведено, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и не может быть никакого вопроса о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии⁷⁵². Вообще на Западе многие считали, что СССР не участвовал в разделе Польши, так как западные районы Украины и Белоруссии не являлись польскими территориями, и проблема восстановления Польши была связана только с Германией. Соответственно Англия и Франция посоветовали польскому правительству в эмиграции не объявлять войну СССР⁷⁵³. В Лондоне и Париже обозначилось два внешнеполитических курса в отношении Москвы. Один из них рассматривал СССР как главного противника западных союзников, для нанесения ущерба которому были хороши все средства, а второй исходил из необходимости первоначального разгрома Германии, что требовало привлечения Москвы к антигерманскому фронту любыми возможными способами. В любом случае западные союзники были заинтересованы в провоцировании напряженности в советско-германских отношениях. Кроме того, англо-французская пропаганда активно использовала тезис о «красной опасности» для Европы⁷⁵⁴.

Помимо пропагандистского нажима на СССР, Англия и Франция, сделавшие ставку на экономическое удушение Германии за счет пресечения ее внешней торговли, стали отказываться от выполнения советских заказов вплоть до конфискации уже готовой продукции. По мнению Лондона и Парижа, это должно было затруднить советское экономическое содействие Германии, а

кроме того, как справедливо отметил в выступлении на 6-й сессии Верховного Совета СССР Молотов, «у англо-французских правящих кругов сорвались расчеты насчет использования нашей страны в войне против Германии, и они ввиду этого проводят политику мести в отношении Советского Союза»⁷⁵⁵. 6 сентября Англия опубликовала список предметов торговли, которые она будет рассматривать как контрабанду, а 11 сентября заявила о намерении досматривать суда нейтральных стран с целью поиска контрабанды в Германию. Понятно, что задержки и аресты советских и зафрахтованных СССР судов не способствовали улучшению англо-советских отношений. В ответ на торговую дискриминацию СССР также сократил свои поставки в Англию и Францию. Однако Англия, заинтересованная в получении советского леса, 18 сентября предложила обменять его на задержанные советские заказы. В итоге 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово⁷⁵⁶.

В ходе начавшейся войны на море английские ВМС быстро выяснили, что часть германских судов укрылась в Мурманске. Понятно, что вскоре в Баренцевом море появились и английские корабли, имевшие целью перехватить немецкие в момент их выхода в нейтральные воды. Однажды командир одной из береговых батарей советского Северного флота открыл огонь по двум английским эсминцам, которые, по его мнению, находились в советских территориальных водах. Поставив дымовую завесу, эсминцы вышли из-под огня советских дальнобойных орудий в открытое море. Впрочем, никакой ноты протеста со стороны Англии не последовало: видимо, корабли и в самом деле зашли в советские территориальные воды, или же находились буквально на их кромке. Кроме того, советское военно-морское командование опасалось появления англо-французской эскадры в Черном море. Поэтому Черноморский флот вел напряженную разведку на подступах к Одессе и Севастополю. Помимо воздушной разведки на подступах к этим советским портам, румынскому порту Констанца, болгарским Варна и Бургас, у о. Змеиный и у входа в Босфор 17 сентября были развернуты на позициях советские подводные лодки. Всего в море выходили 10 подводных лодок, но никакого реального противника у моряков-черноморцев так и не появилось⁷⁵⁷.

К новой границе: 1—14 октября

Новая советско-германская договоренность была тут же доведена до войск, действовавших в Польше. В 8.00 29 сентября штабы Белорусского и Украинского фронтов получили распоряжение № 625 об остановке войск на достигнутых рубежах не позднее 18.00⁷⁵⁸. В приказе войскам Белорусского фронта № 15/оп от 30 сентября 1939 г. давалось примерное описание границы, установленной договором от 28 сентября, и указывалось, что примерно с 5 октября намечается начать отвод войск, находящихся «к западу от установленной и указанной линии границы». Командующий фронтом приказывал «теперь же начать отвод всех обозов, транспортов и машин к востоку от границы, без ущерба для нормального питания войск». Разрешалось «вывести из районов, расположенных к западу от границы, военное имущество, орудия, пулеметы, винтовки, боеприпасы, а также танки, бронемшины, автотранспорт и горючее. Необходимо перегнать на восток от границы весь подвижной состав, для чего спешно погрузить в вагоны военное, подчеркиваю ВОЕННОЕ имущество и немедленно направить на нашу территорию». Требовалось наметить районы, рубежи и маршруты отвода войск и «организовать безотказную связь с отводимыми частями, с тем, чтобы всегда точно знать их положение»⁷⁵⁹.

Аналогичные приказы были отданы и Военным советом Украинского фронта, на основании которых, например, штаб 15-го стрелкового корпуса в 12 часов 1 октября издал приказ № 02с с указанием новой линии советско-германской границы. Также приказывалось «немедленно приступить к эвакуации имущества в своих границах. Вывоз военного имущества произвести скрытно без шума, не создавая впечатления о массовой эвакуации, и закончить работу 3.10.39. Вывозить только военное имущество, не трогая имущества, не относящегося к военному». Всех военнопленных предписывалось немедленно эвакуировать по железной дороге с соответствующей охраной и питанием в лагерь Кривин⁷⁶⁰. Как указывалось в приказе 5-й армии № 007 от 30 сентября, следовало эвакуировать железнодорожный состав, грузы из железнодорожных пакгаузов, хлеб из элеваторов, помещичьи гурты скота и продовольствия, конные заводы и фермы, продукцию сахарных заводов, весь автотранспорт, все трофейное имущество (оружие, горючее, обозно-вещевое, химическое имущество и имущество связи, продовольствие и т.п.)⁷⁶¹.

Кроме того, начались новые переговоры военных представителей сторон. «2 октября 1939 года в 15 часов 50 минут состоялась беседа Народного Комиссара Обороны СССР Маршала Советского Союза тов. Ворошилова и Начальника Генерального штаба РККА Командарма 1 ранга тов. Шапошникова с представителями Германского военного командования в лице генерала Кестринга, полковника Ашенбрэннера и подполковника Кребс, которые пришли к следующему соглашению:

§ 1. Части Красной армии, остановившиеся на линии, достигнутой к 18 часам 29 сентября 1939 года, начиная с утра 5 октября 1939 года отводятся на линию р. Игорка, Рзадовы, р. Волкушанка, д. Чарны Бруд, Щебра 1, Топилувка, далее на границе Восточной Пруссии до р. Писса, восточный

берег р. Писса до ее устья, восточный берег р. Нарев до деревни Острова (у Остроленка), Трошин, Стыленги, Соколово, Ростки, восточный берег р. Буг до деревни Ростки до устья р. Солокия, южный берег р. Солокия до Поддубце, далее от Поддубце на Любыча-Кролевска, Сандст, Залуже, Воля Олещицка, Синява, далее восточный берег р. Сан до ее истоков, включая Ужокский перевал.

Все пункты, перечисленные настоящей статьей, остаются за частями Красной армии.

§ 2. Части Красной армии, находящиеся западнее линии, указанной в 1-м параграфе настоящего протокола, начиная с утра 5 октября 1939 года отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 км, закончить свой отход:

а) на государственную границу северо-западнее Гродно к 8 октября вечером;

б) г. Сувалки освободить к вечеру 5 октября и 6 октября передать его представителям местного германского командования;

в) на государственную границу северо-восточнее г. Острова к вечеру 8 октября;

г) на р. Буг западнее г. Дрогичин к вечеру 9 октября;

д) на линию р. Буг от Кристинополь до Тересполь западнее Бреста к вечеру 11 октября.

§ 3. Движение войск обеих армий должно быть организовано так, чтобы имела между передовыми частями Германской армии и хвостом колонн Красной армии дистанция в среднем до 25 км.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Германской армии выходят:

а) на линию р. Буг от Кристинополь до Тересполь (западнее Бреста) — к 12 октября вечером;

б) на р. Буг западнее Дрогичин — к 10 октября вечером;

в) на государственную границу северо-восточнее г. Острова — к 9 октября вечером;

г) к г. Сувалки — 6 октября вечером;

д) на государственную границу северо-западнее Гродно — к 9 октября вечером.

§ 4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Красной армией и приеме Германской армией пунктов, городов и т.п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий Командованием выделяются специальные делегаты.

Командование Красной армии принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Германской армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т.п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Германской армии.

§ 5. При отводе войск Красной армии, авиация Красной армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров. По занятии обеими армиями линии, указанной в § 1-м настоящего протокола, авиация обеих армий не перелетает указанной линии»762 . В 20.40 2 октября в войска поступила директива наркома обороны № 083, излагавшая советско-германский протокол, продублированная соответствующими приказами Военных советов фронтов763 .

В 23.30 2 октября командующий Белорусским фронтом Ковалев отправил в Москву следующую просьбу: «Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части — западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут прикрыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Малашевичи достанется немцам. Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска», оставив за СССР часть территории на западном берегу реки764 . На следующий день из Москвы пришел ответ, что «граница у Бреста установлена соглашением и менять ее невозможно»765 . Но, чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские войска запрудили Буг и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением, и этот канал советский представитель выдал немцам за русло р. Буг, по которому и была проведена граница766 .

Заключение советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и новое военно-политическое положение в Восточной Европе привело к новым оценкам обстановки личным составом Красной армии. Шок от событий 17 сентября уже прошел, и теперь в среде военнослужащих стали раздаваться совершенно другие голоса.

Ожидая сведений о переговорах в Москве, бойцы высказывали следующие мысли: «жаль, если придется возвращаться — хочется идти вперед», «что будет с населением, если мы оставим эти районы», «неужели придется опять отходить к Бугу. Трудящиеся опять будут под гнетом

помещиков и капиталистов и над ними будет фашистская расправа», «Варшава раньше принадлежала России и надо взять ее». Конечно, новое направление политработы имело свои результаты. Так, красноармеец 96-го стрелкового полка Пашковский считал, что «партия и правительство правильно решили об отводе наших войск за р. Западный Буг, нас теперь ни кто не сможет обвинить, что мы использовали освободительную войну для захвата чужой территории». Сотрудник Химического управления РККА военинженер 2-го ранга Петров также считал, что «граница проведена с учетом всех моментов и она правильна. К СССР отошли Западная Белоруссия и Западная Украина. Нельзя было делить польский народ между двумя странами». Но были и другие настроения. Красноармеец 96-го стрелкового полка Насибулин был недоволен: «Шли, шли вперед, а теперь идем назад, ведь украинцев и белорусов и здесь много. Почему мы не могли бы и их освободить». Красноармеец 283-го стрелкового полка Рудавка задавался вопросом, «почему это так, что была намечена граница по р. Висла, а теперь по р. Буг. Не есть ли это уступка СССР Германии»⁷⁶⁷.

Помощник командира 14-го стрелкового полка Шепланов считал, что «напрасно наше правительство уступает этому прохвосту, нападет он на нас». Начальник связи 9-го гаубичного артполка Шелехов: «Жаль, что части отходят к новой границе, кусочек хороший». По мнению заместителя политрука Неверова, «все ничего, но Варшаву отдали — это тяжелая потеря»⁷⁶⁸. Работник 3-го отдела Артиллерийского управления РККА майор Володин заявил: «Я заражен красным империализмом: нам нужно захватить Варшаву»⁷⁶⁹. Преподаватель военно-воздушной академии РККА полковник Плешаков полагал, что «теперь мы, освободив Белоруссию и Украину, должны будем подумать о выходе к Балтийскому морю, Тем более что в Литве тоже есть бывшие белорусские территории, теперь можно нажимать и на Румынию, она быстро отдаст Бессарабию»⁷⁷⁰. Схожие мысли высказал сотрудник 2-го отдела 5-го управления РККА майор Герасимов: «Ограничиваться только Западной Белоруссией и Западной Украиной не следует. Необходимо во что бы то ни стало обеспечить за СССР площадь хотя бы [до] Висл[ы]. Варшава тоже должна быть наша, ведь это слово русское. Сейчас наступил благоприятный момент, чтобы вернуть назад всю территорию, отнятую у нас несколько лет тому назад»⁷⁷¹. «Мне кажется, — заявил младший командир 60-й стрелковой дивизии Растягаев, — что здесь неладно что-то, мы много уступили Германии»⁷⁷². Красноармеец отдельного батальона связи 13-го стрелкового корпуса Кулибаба задавался вопросом, «когда же мы прокорректируем границу с Румынией, а ведь и Бессарабию нужно освободить»⁷⁷³.

Младший командир 208-й авиабазы Сиванко считал, что «правительство сделало неверно, отдало город Вильно Литве. Бойцы и командиры свою кровь проливали, а теперь все отдали»⁷⁷⁴. По мнению преподавателя Академии Генштаба комбрига С. Н. Красильникова, «город Вильно возвращать Литве не стоит, надо на этой территории создать Литовско-Советскую Республику, а потом присоединять всю Литву»⁷⁷⁵. Профессор Академии Генштаба комдив Д. М. Карбышев полагал, что «сейчас наше положение такое, что можем делать, что захотим, такие государства, как Эстония, Латвия и Литва — должны быть включены в состав какого-либо большого государства. Давно доказано, что маленькие страны самостоятельно существовать не могут и являются только причиной раздора»⁷⁷⁶. Сотрудник Химического управления РККА капитан Ревельский задавался вопросом: «Интересно, как будет теперь решаться вопрос с Литвой. Видимо, Литва здорово боится и, вероятно, Англии и Франции служить больше не будет. Не мешало бы теперь ликвидировать Эстонию, Литву, Латвию, чтобы они не мешали всякими интригами СССР и вместе с тем мы имели бы порты на Балтийском море»⁷⁷⁷. По мнению сотрудника Генштаба Светлова, «нужно занять территории Эстонии, Латвии и Литвы, так как это территория наша»⁷⁷⁸. Как видим, военнослужащие довольно быстро сориентировались в новой обстановке и вслух высказали то, о чем официальная пропаганда, естественно, умалчивала. Собственно, именно поэтому их высказывания были отнесены в разряд «нездоровых».

Здесь следует остановиться на отношении местного населения к пришедшим советским войскам. Как свидетельствуют документы, например, 87-й стрелковой дивизии, «во всех населенных пунктах, где проходили части нашей дивизии, трудящееся население встречало их с великой радостью, как подлинных освободителей от гнета польских панов и капиталистов, как избавителей от нищеты и голода». То же мы видим и в материалах 45-й стрелковой дивизии: «Население везде радо и встречает Красную армию как освободительницу. Крестьянин села Острожец Сидоренко заявил: “Скорее бы установилась Советская власть, а то 20 лет польские паны сидели на наших шеях, высасывали из нас последнюю кровь, а теперь наконец пришло время, когда нас Красная армия освободила. Спасибо тов. Сталину за освобождение от кабалы польских помещиков и капиталистов”»⁷⁷⁹.

На митинге в С. Молотьково 50-летний крестьянин говорил: «Мы жили 20 лет под гнетом польских панов, но мы никогда не переставали думать о том, что наши братья украинцы, живущие в великой Советской стране, придут и освободят нас от польского панского ига. И вот это освобождение принесла нам Красная армия 17 сентября с.г. Спасибо командующему Красной армией т. Ворошилову. Спасибо Советскому правительству, всему советскому народу за наше

освобождение». Выступивший там же сельский учитель сказал: «Мы 20 лет учили детей буржуазному польскому дурману. Хотя нам и запрещалось слушать радио из Советского Союза, но мы его слушали и знали, что делается в великой Советской стране, как живут трудящиеся, как учат там детей, мы надеялись, что придет время и наши дети и наш народ будут жить также счастливо и радостно, как они живут в великой Советской стране. Да здравствует великий непобедимый Советский Союз!»⁷⁸⁰ .

На митинге в Новой Вилейке 70-летний рабочий Беккер сказал: «Мы двадцать лет ожидали Красную армию. Мы все время смотрели на Восток и ждали, когда придут наши товарищи и помогут нам освободиться от жестокого гнета. Сегодня мы этого дождались». В деревне Плитаницы крестьянка Корнилова заявила: «Я рада до слез, что к нам пришли товарищи. Пропадом пропадите паны! Мы тоже хотим жить как люди». Ее поддержали все присутствовавшие, а другой крестьянин сказал: «Да, как не скрывали паны правду о большевиках, но мы знали и знаем, что Ленин и Сталин дали народу счастливую жизнь»⁷⁸¹ .

24 сентября священник Дмитрий Павелко из с. Городно Любомльского повята написал стихотворение «Західна Україна до Великої Советської Росії»:

До тебе рідна Росія
Я простягаю руки
Бо ти сестра моя і надія
Спаси мене од муки.
Ты що позбулася недоли
Шо скинула кайданы
Ратуй мене верны з неволи
Ликуй смертельны раны.
Прийми мене до свого дому
Дай в себе хоч куточек
Я не заваджу там нікому
Бо я — малый шматочек.
Прийми і диток моих маленьких
Вони не маюť дому.
Я их не дам таких дрибненьких
У наймити нікому
Хай і вони зазнаюť доли
Шо людям засвітила
Хай не клянут мене в неволи
Шо я их породила
А як приймеш ты нас до себе
Як здійсниться надія
Тоди і на смерть пийдем за тебе
Прими же нас Росія⁷⁸².

Такие же настроения наблюдались и в полосе действия Белорусского фронта, где местное население заявляло: «Не ожидали мы такого освобождения, если бы не Советский Союз, нам так бы и пришлось помереть, не увидев свободу». На митинге в Глубоком 76-летняя местная жительница заявила: «Спасибо, дорогие товарищи, спасибо товарищу Сталину. Мы вас ждали 20 лет и вот теперь дождались долгожданных гостей. Теперь мы вместе с вами будем уничтожать поработителей. Спасибо, товарищи». Понятно, что более радушно встречали советские войска жители самых восточных районов Польши. По мере продвижения на запад политорганы отмечали более спокойные настроения, но и там трудящиеся были рады приходу Красной армии⁷⁸³ .

Узнав, что скоро советские войска будут отведены на восток, местное население западного берега Буга выражало «исключительное сожаление по поводу оставления Красной армией занятых населенных пунктов. В селе Дорогуча крестьянин-середняк Сотока Иван заявил: «Когда в наших селах были немцы, они забирали у нас коров, кур, гусей и продовольственные продукты. У помещиков они не трогали ничего. Теперь, когда пришли части Красной армии, то у нас абсолютно ничего не взяли. Мы Красную армию любим и за нею пойдем куда угодно»⁷⁸⁴ . В полосе действия 8-й стрелковой дивизии местные жители просили: «Дорогие товарищи, вы от нас не уходите навсегда, мы сделаем все для того чтобы вы были скоро у нас обратно»⁷⁸⁵ . В Цешанув население, узнав о передаче этой территории Германии, массами осаждало советские части с просьбами взять их с собой в СССР: «Только вы можете сохранить нашу жизнь и наших детей. Наше будущее там, где Красная армия, где Сталин»⁷⁸⁶ . Уже с 30 сентября местные жители задавали вопросы о возможности эвакуироваться в Советский Союз.

2 октября Политуправление Украинского фронта издало директиву об организации эвакуации населения через местные временные управления. В 1.30 3 октября Политуправления

Белорусского и Украинского фронтов получили директиву Политуправления РККА № 0271, в которой сообщалось, что нарком обороны дал указание пропустить через определенные пункты на территорию СССР желающих эвакуироваться. Беженцев следовало размещать в селах и городах, эвакуацию провести так, чтобы она не мешала движению войск. «Никакой агитации за уход населения с освобождаемой нами и занимаемой немцами территории не допускать». В тот же день в 17 часов командующие фронтов получили аналогичный приказ наркома обороны № 084. Эвакуировались члены временных управлений, народные милиционеры и активисты. Однако желающих уехать в СССР было много больше, и они сами двинулись на восток. Многие ехали с родственниками и знакомыми на своих подводах, трофейных и войсковых автомашинах. Только за 6—7 октября во временных управлениях на территории восточнее Западного Буга зарегистрировалось 7 тыс. семей (около 20 тыс. человек). Для них были организованы специальные пункты приема эвакуированных с питанием и медицинским обслуживанием. Размещение крестьян в селах проходило легко, тогда как с размещением горожан возникали проблемы. В целом по 5-й и 6-й армиям было эвакуировано почти 42 тыс. человек, однако среди польского населения 28 человек изъявили желание уйти на западный берег Буга⁷⁸⁷.

До 5 октября советские войска занимались эвакуацией трофеев с территории, расположенной западнее установленной линии. К сожалению, общие размеры этих трофеев неизвестны. Так, только войска 5-й армии вывезли за р. Западный Буг 64 паровоза, 70 пассажирских, 1 130 крытых вагонов, 534 платформы, 609 углярок, 104 цистерны и различных грузов (артимущество, сахар, овес, зерно, мука, спирт, железнодорожные материалы, конный завод, руда, железо, уголь, кокс, скот и т.п.) общим объемом 2 174 вагона⁷⁸⁸. Из Седльце было эвакуировано 110 паровозов, 137 классных и 1 515 товарных вагонов, доставлено «много ценных грузов». Соединения 6-го кавкорпуса взяли за Бугом 494 лошади, в основном англо-арабских полукровок⁷⁸⁹. Всего же военными трофеями Красной армии, как было официально объявлено, стали свыше 900 орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн патронов, около 1 млн снарядов и до 300 самолетов⁷⁹⁰. Из них войска Украинского фронта захватили 657 орудий и минометов, 5 242 пулемета, 131 232 винтовок и карабинов, 20 млн патронов, 117 450 снарядов и мин, 110 100 ручных гранат⁷⁹¹. Кроме того, польский речной флот потерял на р. Припять 51 военный корабль и свыше 113 вспомогательных судов⁷⁹². В плен были взяты 454 700 польских военнослужащих (в это число вошли не только солдаты и офицеры Войска Польского, но и полицейские, жандармы и все лица, захваченные с оружием в руках), из них войска Белорусского фронта взяли в плен 60 202, а Украинского — 394 498 человек⁷⁹³.

Как отмечал 20 сентября в своем донесении Сталину из войск 4-го кавкорпуса начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л. З. Мехлис, «польские офицеры, кроме отдельных групп, потеряв армию и перспективу убежать в Румынию, стараются сдаться нам по двум мотивам: 1) Они опасаются попасть в плен к немцам и 2) Как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их, как пленных, бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения»⁷⁹⁴.

Причем в какой-то момент пленных оказалось так много, что нарком обороны своим распоряжением № 75928 от 25 сентября приказал «военнопленных крестьян Западной Украины и Западной Белоруссии, если они представят документы, удостоверяющие, что они действительно были мобилизованы поляками, разрешается освободить»⁷⁹⁵. Однако освобожденные военнопленные забили дороги, поэтому уже 28 сентября телеграммой начальника штаба Украинского фронта № 457 до сведения войск доводился приказ командующего войсками фронта: «распоряжение об освобождении военнопленных-крестьян Западной Украины и Западной Белоруссии ОТМЕНИТЬ. Всех военнопленных тщательно учитывать и направлять на этапно-пересыльные пункты НКВД. Указание об использовании военнопленных будут даны дополнительно». Требовалось «принять все меры к задержанию всех военнопленных, бредущих самостоятельно по дорогам и находящихся еще в городах на свободе, брать под стражу и направлять в эшелонах, или походным порядком. Организовать питание военнопленных. Свяжитесь с местными управлениями, чтобы они помогли в вылавливании скрывающихся офицеров в городах и местечках»⁷⁹⁶.

С 5 по 12 октября советские войска были отведены за линию новой границы. Из Сувалкского выступа на демаркационную линию к 16 часам 9 октября были отведены части 16-го стрелкового корпуса. «Отвод частей корпуса проходил точно по плану», «никаких инцидентов и конфликтов с немцами за время отхода наших войск не было, кроме преждевременного прихода немцев в Сувалки и споров за отдельные населенные пункты на границе (Жилины, Чарны Бруд, Яблоньска, Иванувка), которые были ликвидированы в частных переговорах на месте и официальных переговорах в Сувалках — 9.10.39». Сувалки были переданы вермахту 6 октября. Войска 10-й армии в 22 часа 5 октября двинулись на восток и к вечеру 6 октября эвакуировались за р. Западный Буг, оставив Косув и Малкина-Гурна. Дальше продолжался отвод 4-й армии: Седльце и

Лукув были переданы немцам 6 октября, Бяла-Подляска — 10 октября, а полностью советские войска ушли за Буг в 16 часов 12 октября. В полосе 5-й армии на Влодаву двинулись части 4-й пехотной дивизии вермахта, а 9 октября в Хелм вступили войска 27-й пехотной дивизии. Причем пока в городе не было ни советских, ни германских войск, 7 октября местные польские активисты «произвели погромы и грабежи, есть убитые из состава рабочей милиции и революционно настроенных рабочих». К вечеру 13 октября германские войска вышли к демаркационной линии на всем ее протяжении⁷⁹⁷.

Ныне взаимное передвижение советских и германских войск 5—13 октября 1939 г. обрастает фантастическими подробностями. Так, С. З. Случ утверждает, что «для ускорения переброски высвободившихся дивизий германское командование обратилось к командованию РККА с просьбой о пропуске частей вермахта в Германию через советскую территорию. Такое разрешение было им дано с утра 6 октября 1939 г. В течение двух недель до 20 октября, немецкие войска сокращенным путем направлялись в Германию, чтобы как можно скорее отправиться на Запад»⁷⁹⁸. Интересно, где же это находились германские войска, что им было быстрее попасть в Германию через советскую территорию? Уж не в Индии ли? Любой знающий географию Восточной Европы скажет, что там такое физически невозможно. Однако формулируя свое утверждение, С. З. Случ сослался на один архивный документ Украинского фронта, что ж, обратимся и мы к этому архивному делу, где имеется несколько относящихся к данному вопросу документов.

Действительно, в 23.10 5 октября начальник Генштаба Шапошников и военком Генштаба Гусев направили командующему войсками Украинского фронта распоряжение: «Ввиду просьбы германского главного командования нарком обороны приказал разрешить с утра 6 октября продвижение германских частей по шоссе и железной дороге через Сенява в северо-восточном направлении через госграницу на германскую территорию и по шоссе Ярослав, Олешница, Цешанув также на германскую территорию. Через местных делегатов урегулировать все вопросы, связанные с этим продвижением, наблюдать... и соблюдать, чтобы не было перекрещивания колонн с нашими войсками. Получение и исполнение подтвердить»⁷⁹⁹.

В 1.30 6 октября начальник штаба Украинского фронта комдив Н.Ф. Ватутин приказал командующим 5-й и 6-й армий: «Ввиду просьбы германского командования нарком обороны приказал разрешить с утра 6 октября продвижение германских войск через Сенява по шоссе в северо-восточном направлении на Тарноград и по шоссе Ярослав, Олешинцы [Олешница], Цешанув на германскую территорию. Командарму-6 через своих делегатов урегулировать все вопросы, связанные с этим продвижением, чтобы не получилось перекрещивания колонн. Поставить германскому командованию условие к исходу 8.10 не продвигаться далее рубежа Цешанув, Юзефов, Шебрешин. Командарму-5 отход 140 СД спланировать так, чтобы к исходу 8.10 она отошла за линию границы на участке Любыча, Любачув»⁸⁰⁰.

Тогда же состоялся разговор по прямому проводу Ватутина с неназванным представителем командования 6-й армии (вероятно, с командующим Голиковым — М.М.): «Прошу доложить комбригу Ватутину, правильно ли я понял передачу приказа наркома полковником Даниловым, что завтра германские войска будут проходить по расположению 96 и 97 дивизий из Синява на Тарноград, из Ярослава на Олешнице [Олешница]. Докладываю: такое движение их нам не выгодно. Прошу разрешить им завтра 6.10 двигаться только из Синява на Тарноград и после того [как] 96 СД будет отведена на государственную границу Олешнице [Олешница], Молодыча, 7.10 дать им двигаться из Ярослава на Олешнице [Олешница]. Тогда 96 СД будет отведена в свой район Краковец. Прошу доложить лично тов. Ватутину и мне сообщить результат.

— У аппарата комдив Ватутин.

— Тов. комдив, прошу прочитать то, что я передал на ленте, и дать мне указание. Жду.

— Приказ наркома Вы поняли правильно. Нарком обороны разрешил пропустить немцев 6.10. Если вы сможете договориться с немцами о движении их из Ярослава только 7.10, то против этого возражений нет. Если же немцы будут настаивать на движении 6.10, то на это необходимо пойти. Принять меры к тому, чтобы не было перекрещивания колонн, и освободить районы, выяснить места остановок немцев и не допустить перемешивания их с нашими частями. Все.

— Тов. комдив, я вас понял и выполняю точно все.

— Примите меры, чтобы немедленно передать распоряжение войскам. Проконтролируйте выполнение и установите более тесную связь с представителями немецкого командования. Все.

— От нас будут командированы 2 штабных командира для урегулирования с немцами. Поедут полковник Гусев и майор Шишов. Все.

— Хорошо. До свидания»⁸⁰¹.

И последний документ. В 9.00 9 октября оперативный дежурный Генштаба РККА майор Гунеев запрашивал: «Сообщите, проходили ли немецкие войска 8.10 по нашей территории с направлением от Ярослав на северо-восток. Жду оперсводку у аппарата»⁸⁰².

Таким образом, имеющиеся документы не подтверждают версию С. З. Случа. Из них следует, что советское командование было готово пропустить германские части в направлении р. Западный Буг уже 6 октября, то есть сразу же вслед за отходящими на юго-восток соединениями Красной

армии, по территории, которая в соответствии с советско-германским договором от 28 сентября закреплялась за Германией. Единственной советской территорией, по которой должны были пройти части вермахта, являлся выступающий на запад район между р. Сан и Цешанув. Продвижение вермахта по этой территории было отложено до 8 октября. Однако проходили ли там германские войска, из этих документов как раз и остается неизвестным. Тем более никакого отношения к переброске германских войск на Западный фронт это передвижение вермахта на юго-восток оккупированной немцами Польши не имело, да и выход германских войск на советско-германскую демаркационную линию завершился 13 октября. Переброска же войск вермахта на Запад началась еще 20 сентября, и к 16 октября туда уже прибыло 3 штаба армейских корпусов, 11 пехотных, 2 горнопехотные и 1 моторизованная дивизии. Туда же еще 29 сентября прибыл штаб 4-й армии, 5 октября — штабы группы армий «Север» и 10-й армии, 19 октября — штаб 8-й армии, 20 октября — штабы 14-й армии и группы армий «Юг», а 25 октября — штаб 3-й армии⁸⁰³.

После отвода Красной армии за линию новой границы, которая с 16 октября была передана под охрану пограничным войскам НКВД⁸⁰⁴, и размещения войск на присоединенной территории 31 октября 1939 г. начальник Генштаба приказал «в период с 10 ноября по 31 января с/г произвести рекогносцировку новой приграничной полосы в пределах от бывшей советско-польской границы до новой границы с Германией... Рекогносцировку произвести по следующей программе:

1. Проверить состояние железнодорожных узлов и выгрузочных станций (выгрузочное устройство станций, число путей, тупиков, пропускная способность, выходные и подъездные пути, средства связи, складские помещения и их емкость, возможность дополнительного расширения и оборудования).

2. Наметить и обрекогносцировать возможные районы сбора войск после их выгрузки (состояние дорог от станций выгрузки до районов сбора, мосты и дефиле, условия размещения и маскировки, средства связи).

3. Проверить узлы связи как в пунктах расположения штабов, так и в районах наиболее выгодных для сосредоточения и развертывания войск (оборудованность, наличие проводов, обеспеченность специалистами, время, необходимое для установления связи с отдельными пунктами, меры по усилению существующих средств связи).

4. Обрекогносцировать:

а) все значительные реки и водные преграды, состояние мостов и переправ;

б) лесные массивы;

в) естественные топографические рубежи;

г) наиболее выгодные районы сосредоточения войск.

5. Проверить наличие складов, емкость и их оборудование.

6. Проверить производственную мощность местных хлебозаводов и хлебопекарен.

7. Обрекогносцировать наиболее важные грунтовые участки.

8. Обрекогносцировать аэродромы, базы и их состояние и возможность перебазирования...

Обработанные материалы рекогносцировки с Вашими выводами выслать в Генеральный штаб Красной армии к 1 февраля 1940 года»⁸⁰⁵.

Изнанка войны

Здесь следует остановиться на еще одной стороне Польской кампании Красной армии, связанной с различными воинскими преступлениями советских военнослужащих. По мнению некоторых авторов, «самосуды, мародерство и грабежи как проявления классово-борьбы не только не преследовались, но и поощрялись»⁸⁰⁶. Для того чтобы разобраться в этом сложном вопросе, обратимся к документам Военного трибунала Украинского фронта.

21 сентября курсант отдельного зенитного эскадрона Армейской кавгруппы Харченко произвел обыск у учительницы села Добровляны и забрал у нее двое часов и велосипед, за что был приговорен к расстрелу⁸⁰⁷.

21 сентября, разоружив польские войска, части 14-й кавдивизии отпустили солдат по домам, а офицеров и жандармов оставили до особого распоряжения в школе в Сасуве. В 19 часов пленные проникли в подвал школы, убили рабочего, охранявшего оружие, и открыли огонь из окон. Батальонный комиссар Пономарев с красноармейцами подавил восстание офицеров и, приехав в штаб 14-й кавдивизии, рассказал о случившемся. При этом он высказал мысль, что все офицеры и жандармы являются сволочью, которую нужно уничтожить. Под впечатлением услышанного, 22 сентября в селе Бошевицы 4 красноармейца под разными предлогами забрали из-под стражи народной милиции 4 пленных офицеров и расстреляли их. В итоге Военный трибунал осудил главного зачинщика этого преступления на 4 года лагерей, а соучастники получили по 3 года условно⁸⁰⁸.

22 сентября во время боев за Гродно около 10 часов командир взвода связи младший лейтенант Дубовик получил приказ отконвоировать 80—90 пленных в тыл. Отойдя на 1,5—2 км от города, Дубовик устроил допрос пленных с целью выявить офицеров и лиц, принимавших участие в убийстве большевиков. Обещая отпустить пленных, он добивался признаний и расстрелял 29 человек. Остальные пленные были возвращены в Гродно. Об этом было известно командованию

101-го стрелкового полка 4-й стрелковой дивизии, но никаких мер в отношении Дубовика принято не было. Более того, командир 3-го батальона старший лейтенант Толочко отдал прямой приказ о расстреле офицеров⁸⁰⁹. Потребовалось вмешательство армейского командования.

26 сентября было принято постановление Военного совета Украинского фронта «О случаях произвола и самочинства», в котором были указаны конкретные факты расстрелов без суда и следствия, имевшие место 20—21 сентября. Так, начальник особого отдела 37-й стрелковой дивизии лейтенант госбезопасности Попов расстрелял дезертира красноармейца Антонюк. 20 сентября майор Покорный, заподозрив в группе идущих граждан неблагонадежных лиц, двух из них расстрелял. В Злочуве начальник особого отдела 2-го кавкорпуса Кобернюк расстрелял 10 заключенных, а прокурор корпуса Ильичев не воспрепятствовал этому, поверив заявлению Кобернюка о том, что у него есть указание командования. Военный совет фронта требовал «решительно пресечь какие бы то ни было формы произвола и особенно самочинные расстрелы. Органам НКВД и Военной прокуратуры описанные выше факты тщательно расследовать и виновных привлечь к строжайшей ответственности»⁸¹⁰.

В тот же день Военный совет фронта принял постановление «О случае мародерства и изнасилования со стороны красноармейца 59-го кавполка 14-й кавдивизии Фролова Егора Ефимовича». В ночь на 21 сентября в Езерно Фролов задержал беженцев, запугав их, он присвоил часть вещей и изнасиловал женщину. Фролов был осужден к расстрелу, и приговор приведен в исполнение⁸¹¹. 27 сентября в 146-м стрелковом полку после перестрелки с группой польских солдат и захвата их в плен 15 солдат по приказу старшего лейтенанта Булгакова и старшего политрука Кольдюрина были расстреляны из пушки. Булгаков арестован, его дело передано в Военный трибунал⁸¹². Командир взвода 103-го танкового батальона 22-й танковой бригады младший воентехник В.А. Новиков в районе Лентуны с целью грабежа убил из револьвера пристарелую помещицу и ограбил ее дом. Пытаясь скрыть преступление, Новиков попытался убить красноармейца Пешкова. Военный трибунал приговорил Новикова к расстрелу⁸¹³.

30 сентября Военный совет Украинского фронта издал директиву № 071, в которой потребовал от военного прокурора и Трибунала «по-настоящему включиться в борьбу с мародерством и барахольством. Применять суровые меры наказания к мародерам и барахольщикам. Не тянуть следствия по делам мародеров. Проводить показательные процессы с выездом в части. Политорганам развернуть широкую разъяснительную работу среди красноармейцев. Вызвать по отношению к мародерам ненависть и презрение со стороны бойцов и командиров. Широко популяризировать среди военнослужащих и местного населения приговоры трибуналов с суровыми наказаниями мародеров»⁸¹⁴. На следующий день аналогичный приказ № 0041 издал и Военный совет Белорусского фронта⁸¹⁵.

2 октября начальник политотдела 15-го стрелкового корпуса полковой комиссар Гольденштейн в приказе № 0042 отмечал, что, несмотря на неоднократные предупреждения, все еще имеют место такие аморальные явления, как мародерство, барахольство, самоуправство. Так, 28 сентября пулеметный взвод 61-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии в районе Сенчица встретил группу обезоруженных польских солдат с 2 офицерами. Политрук Гордиенко и командир взвода Бондарчук приказали солдатам идти куда хотят (на что не имели права), а офицеров завели в лес и расстреляли, причем отняли у них 5 тыс. злотых, из которых в часть сдали лишь 600 злотых, а остальные присвоили. Полковой комиссар приказал политрука Гордиенко и комвзвода Бондарчука привлечь к судебной ответственности⁸¹⁶.

2 октября политрук школы 131-го кавполка Бердников самочинно расстрелял семью помещика в количестве 6 человек, за что был осужден к расстрелу⁸¹⁷. 6 октября был осужден на 6 лет исправительно-трудовых лагерей младший политрук И.П. Загуральский (1914 года рождения) за убийство князя К.С. Любомирского в его доме, где князь оправлялся от ран⁸¹⁸. Были осуждены Военным трибуналом военком 81-го артполка Украинского фронта Минеев, расстрелявший 10 плененных офицеров, красноармеец 6-го кавкорпуса Белорусского фронта Флорук, организовавший расстрел 15 человек, задержанных местным комитетом, а также виновные в грабежах и присвоении трофейного имущества⁸¹⁹.

В 16.43 12 октября командующие войсками Белорусского и Украинского фронтов получили приказ наркома обороны: «В случае занятия нашими войсковыми частями помещичьих усадеб особняки, замки и здания самой усадьбы, представляющие культурную и историческую ценность, не занимать и принять все меры к сохранению их в том виде, в каком они в данное время находятся. Войсками занимать жилые дома, конюшни и постройки, имеющиеся при усадьбах, не допуская никаких разрушений»⁸²⁰.

Всего же только с 15 сентября по 1 октября Военный трибунал Украинского фронта осудил 49 военнослужащих за контрреволюционные высказывания (2), грабежи и насилия над населением (16, из них 4 к расстрелу), дезертирство (16, из них 3 к расстрелу), неисполнение приказа (6), злоупотребление служебным положением (2), мародерство (3), халатность, сопротивление командиру (2), убийство по неосторожности (1) и нарушение правил караульной службы, сопровождавшееся грабежом (1 к расстрелу).

Тем не менее расследования продолжались. 8 октября 1939 г. военный прокурор 6-й армии военный юрист 1 ранга Нечипоренко отправил письмо Сталину и Ворошилову:

«Располагая данными особой политической и государственной важности, считаю своим партийным долгом сообщить Вам о разительных фактах грубейшего произвола и преступных действий со стороны целого ряда командно-политического состава частей, а особенно во 2 конном корпусе, допущенных на территории боевых действий Западной Украины.

1. 21 сентября 1939 г. Военный совет 6 армии в лице командующего комкора Голикова и члена Военного совета бригадного комиссара Захарычева, находясь в частях 2-го конного корпуса, вынес явно преступное постановление о производстве и порядке самосуда — расстрела 10 человек (фамилий в постановлении не указывается). На этом основании начальник особого отдела 2 конного корпуса Кобернюк, отправившись в г. Злочув, произвел аресты разных служащих польской тюрьмы, полиции и т.д., как то Климецкого В. В., по должности нач. тюрьмы, Кучмировского К. Б., пом. нач. тюрьмы, Лукашевского М. С., вице городского прокурора, Плахта И., — чиновника повитового старосты и др. в количестве 10 человек и всех этих лиц, в счет установленного Военным советом 6 армии лимита, в здании тюрьмы расстрелял. При этом самосуде присутствовали рядовые служащие тюрьмы.

Проверкой установлено, что Военный совет 6 армии свое решение о расстреле 10 человек без указания фамилий согласовал с нач. особого отдела фронта комиссаром 2 конного корпуса Крайнюковым. После этого ими же была дана установка работникам особого отдела 2 конного корпуса быстро арестованных, как врагов народа, расстреливать упрощенным порядком без суда, что и было сделано работниками особого отдела корпуса.

Это преступное решение Военного совета о самосудах быстро передалось в руководящие круги командиров и комиссаров соединений и частей 2 конного корпуса, а это привело к тяжелым последствиям, когда ряд командиров, военкомов и даже красноармейцев по примеру своих руководителей начали производить самосуды над пленными, подозрительными задержанными и имели случаи (расправы) над мирными жителями кулацкого происхождения. За последние 10 дней военной прокуратурой армии было выявлено дополнительно к расстрелянным 10 чел. Властью Военного совета еще в этом же 2 конном корпусе расстреляно в порядке самосуда до 20 человек...

Такое поведение руководящих работников частей содействовало широкому вовлечению красноармейцев и младших командиров в баракольство и мародерство и приводило к тому, что бойцы и командиры в каждом занятом городе толпами набрасывались в магазины, устраивали толкучки, создавали очереди и закупали в торговых лавках что попало и в большом размере таких вещей, которые не нужны для военнослужащего, как то: по несколько пар женской обуви, платьев и т. п.

Военная прокуратура, будучи вооруженной Сталинской Конституцией о своей независимости и решением ЦК и СНК от 17 ноября 1938 года, решительно и беспощадно вела борьбу со всеми вышепоименованными преступлениями, десятки военнослужащих были осуждены на разные сроки и даже к расстрелу, однако большого эффекта наши приговоры не давали, так как они своевременно и твердо не доводились нашим командованием армии до живого чувства бойцов, командиров и политработников.

Тов. Хрущев несколько раз лично предупреждал и учил наших руководителей 6 армии, однако они на мое мнение много шумят, но реального в частях почти незаметно, так как и по сей день военная прокуратура выявляет подобные случаи мародерства, конфискации у крестьян продуктов, и порой крестьянам за отобранные продукты дают расписки с вымышленным наименованием войсковых частей, с неразборчивой подписью, и крестьяне при таком положении не знают, к кому предъявить претензию об оплате...

На основании изложенного я прошу Вашего решения и Вашего разбора обо всех изложенных мною безобразиях с тем, чтобы властью центра навести в нашей 6 армии большевистский порядок и раз и навсегда положить конец изложенным мною ошибкам и преступлениям перед нашей родиной, творимым на территории Западной Украины»⁸²¹.

Результатом этого письма стал приказ наркома обороны № 0059 от 10 ноября 1939 г.: «16 октября на имя тов. Сталина и мое поступило письмо военного прокурора 6-й армии тов. Нечипоренко о неправильных действиях некоторых лиц начальствующего состава во время военных событий на территории Западной Украины.

По моему приказанию Политическое управление Красной армии провело расследование и установило, что в 6-й армии во время военных действий имели место случаи расправы над офицерами и чинами полиции бывшего польского государства, а также над отдельными лицами из гражданского населения.

Военный совет 6-й армии в лице командующего армией комкора тов. Голикова и члена Военного совета бригадного комиссара тов. Захарычева не только не вел достаточной борьбы с этими проявлениями произвола, но и сам 20 сентября 1939 г. принял поспешное, необдуманное постановление.

Получив донесение о действиях банды, состоящей из жандармов, офицеров и польских буржуазных националистов, устроившей в тылу наших войск резню украинского и еврейского населения, Военный совет дал ошибочную, неконкретную, а потому недопустимую директиву: «Всех выявленных главарей банды погромщиков подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять в течение 24 часов». На основании этого постановления были расстреляны 9 человек.

Военный совет 6-й армии вместо того, чтобы поручить органам военной прокуратуры расследовать все факты контрреволюционной деятельности захваченных лиц и предать их в установленном порядке суду Военного трибунала, вынес общее постановление о расстреле главарей банды без поименного перечисления подлежащих расстрелу. Подобные решения Военного совета 6-й армии могли быть поняты подчиненными как сигнал к упрощенной форме борьбы с бандитами.

В частях 2-го конного корпуса, входящих в состав 6-й армии, зарегистрировано, например, 10 случаев самочинных действий начсостава разных степеней в отношении задержанных польских бандитов.

Учитывая, что в поступках виновных в незаконных действиях не было преднамеренной злой воли, что все это происходило в обстановке боевых действий и острой классовой и национальной борьбы местного украинского и еврейского населения с бывшими польскими жандармами и офицерами и что отданное распоряжение явилось результатом ошибки и недопонимания, приказываю:

1. Обратит внимание всего начсостава на недопустимость повторения в будущем всяких самочинных действий, противоречащих духу и уставам Красной армии.

2. За вынесение поспешных, необдуманных постановлений, противоречащих установленным порядкам в Красной армии, Военному совету 6-й армии — комкору тов. Голикову и бригадному комиссару Захарычеву объявляю выговор.

3. Непосредственно виновным в незаконных действиях командиру 131-го кавалерийского полка майору тов. Дедоеглу, младшему политруку 131-го кавалерийского полка тов. Черкасову, лейтенанту того же полка тов. Кольцову, комиссару отдельного дивизиона связи 2-го конного корпуса старшему политруку тов. Безносенко объявляю выговор.

4. Военному совету Украинского фронта установить остальных лиц, непосредственно виновных в самочинных действиях 6-й армии, и наложить на них дисциплинарные взыскания своей властью, донеся мне об исполнении»⁸²².

Приведенные материалы показывают, что ни о каком поощрении различных преступлений, совершаемых военными служащими РККА, не было и речи. Конечно, обстановка боевых действий и соответствующая политико-пропагандистская обработка советских военнослужащих порождали у некоторых из них впечатление вседозволенности. Однако командование, особые отделы и военная прокуратура старались пресекать подобные преступления, хотя, безусловно, в отношении некоторых командиров применялись довольно символические наказания. К сожалению, эта особенность наблюдается в любой ведущей боевые действия армии, и Красная армия вовсе не была в этом смысле исключением.

Кроме того, за период с 22 сентября по 1 октября было осуждено 28 полицейских и военнослужащих польской армии за контрреволюционные преступления (20, из них 13 к расстрелу), хищения (4), разбой с хищением (3) и изнасилования (1)⁸²³. Как правило, репрессии в отношении польских граждан были обусловлены террористической деятельностью как против советских солдат, так и против новых властей.

Так, например, 18 сентября в Ровно переодетый в штатское с красной повязкой на рукаве подпоручик польской армии Череховский с тремя польскими офицерами зашел на территорию военного госпиталя, объявил себя «красным комиссаром» и потребовал немедленного освобождения госпиталя обслуживающим персоналом. В это же время Череховский и сообщники открыли стрельбу из карабинов и пистолета. Видя, что провокация не удастся, он скрылся. 21 сентября вновь появился в госпитале и был задержан. В ходе следствия выяснилось, что Череховский был участником боев 1920 г. под Гродно. 23 сентября он был приговорен к расстрелу⁸²⁴.

Красноармеец 14-го стрелкового полка Я.Х. Тригер был заманен поляками в избу около железнодорожной станции М. Жижавы и убит. Убийство было совершено тупым предметом, в голове было два пролома⁸²⁵. В лесах «еще долго действовали мелкие партизанские отряды», что, естественно, вызвало ответные действия советских спецслужб. Кроме того, для прочесывания местности привлекались и отряды рабочей гвардии, вылавливавшие «скрывающихся в лесах и других местах белопольских бандитов: офицеров, помещиков, жандармов и крупных чиновников польского государства... Было выявлено несколько сот этих белопольских бандитов. Значительную часть... рабочегвардейцы убивали на месте»⁸²⁶.

В Советский Союз

Тем временем еще 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программу советизации Западной Украины и Западной Белоруссии. Было решено созвать Украинское и Белорусское народные собрания во Львове и Белостоке, которые должны были: «1) Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2) Решить вопрос о характере создаваемой власти, т.е. должна ли быть эта власть советская, или буржуазная; 3) Решить вопрос о вхождении в состав СССР, т.е. о вхождении Украинских областей в состав УССР, о вхождении Белорусских областей в состав БССР; 4) Решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности». Поначалу намеревались провести выборы 15, а созвать народные собрания 19 октября, но в окончательном тексте постановления днем выборов называлось 22, а днем созыва собраний — 26 октября. Выборы следовало проводить «на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Правом выбора в Народные собрания пользуются все граждане мужского и женского пола, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности». От 5 тыс. избирателей выбирался 1 депутат.

Инициативу по созыву Народных собраний и созданию Комитетов по организации выборов должны были взять на себя Временные управления Львова и Белостока. Кроме них в состав Комитетов по организации выборов должны были входить по одному представителю от каждой области, 2 — от крестьянских комитетов, 2 — от рабочих организаций, 2 — от интеллигенции и по 3 представителя — от Президиумов Верховных Советов БССР и УССР. Кандидатов в депутаты могли выдвигать крестьянские комитеты, Временные управления, собрания рабочих по предприятиям, собрания рабочей гвардии, собрания интеллигенции. Избирательную кампанию следовало проводить под лозунгами: установления Советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения их соответственно в состав УССР и БССР, одобрения конфискации помещичьих земель, требования национализации банков и крупной промышленности. Одновременно следовало приступить к созданию на этих территориях партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и временных областных управлений.

Предписывалось назначить во все банки комиссаров, которые должны были контролировать всю банковскую деятельность: «а) проверить состояние текущих счетов и ценностей банков; б) принять меры к открытию и нормальному функционированию банков; в) обеспечить необходимое текущее кредитование промышленных и хозяйственных предприятий. Считать необходимым повсеместный переход на советскую валюту. Установить, что ни одна банковская операция не может быть произведена без разрешения комиссара банка. В случае, если тот, или иной банк не может быть восстановлен для нормального функционирования, передать его операции другим банкам». Иностраные банки пока не открывать. Выдавать по частным вкладам не более 300 рублей в месяц. «Предприятия, владельцы коих сбежали, или саботируют их работу, национализируются, и Временные управления назначают управляющих для этих предприятий». Следовало обеспечить открытие магазинов, начать создание государственной торговой сети и установить твердые цены на соль, спички, керосин и махорку. Организовать систему связи и автотранспорта, ликвидировать иностранные консульства и подготовить предложения по вопросам о военнопленных и беженцах⁸²⁷.

Соответственно, было подготовлено обращение Комитетов по организации «первых подлинно свободных и демократических» выборов к избирателям, в котором была изложена программа первоочередных преобразований в западных областях Украины и Белоруссии. Предвыборная кампания, развернувшаяся на этих территориях, включала не только массово-политическую работу среди населения, но и широкое использование киносеансов и выступления различных творческих коллективов из СССР. Но, конечно, лучшей агитацией за советскую власть был раздел помещичьей земли между крестьянами. На настроение населения влияло и впечатление о советских войсках. Как отмечал рабочий Мастицкий в Вильно, «нам все время говорили, что Красная армия не представляет собой никакой военной силы, что танки ее фанерные, окрашенные зеленой краской, и вообще, что в России все дутое. А теперь мы убедились собственными глазами, что это за фанерные танки и что из себя представляет Красная армия». По мнению другого виленского рабочего Бойдановича, «Красная армия очень чутко относится к населению. При взятии Вильно Красная армия не бросила не одной бомбы и не сделала ни одного выстрела по мирному населению. А паны дурили нам головы, что если придут большевики, то они полностью все уничтожат».

В деревне Соловьи польский крестьянин Б. Мацкевич заявил: «Нам говорили, что Красная армия и большевики — это варвары, что они срывают в домах иконы, разрушают церкви, убивают ксендзов, насилюют женщин. А на самом деле Красная армия — самая культурная армия из всех проходивших по этой земле, которая даже яблока не тронет. Угощаешь — и то не берут»⁸²⁸. Столь же восторженные отзывы вызвали и выступления советских ансамблей. Так, житель Вильно Старошанский считал, что «еще шире открыло наши глаза на Советский мир ваше искусство. Своими танцами, своей радостью, Вы помогли нам понять и оценить дружбу разных национальностей в вашей стране. Нам хочется жить также счастливо, как живете вы».

Политкаторжанин из Свенцяи сказал: «Теперь я еще раз увидел, что не даром боролся и сидел в тюрьме. Вот она, счастливая жизнь без панов и помещиков. Вместо гнета и порабощения к нам пришла культура и радость»⁸²⁹. Общее настроение выразила учительница Е.Ф. Субач: «Сегодняшним концертом наши братья согрели нашу белорусскую душу. Дали нам энергию и силу на дальнейшую борьбу за светлое будущее. Дорогие братья! Мы горим желанием присоединиться к СССР и быть под водительством нашего дорогого и любимого тов. Сталина и под защитой непобедимой Красной армии»⁸³⁰.

В выборах из 7 538 586 избирателей приняли участие 94,8%, из которых «за» предложенных кандидатов проголосовало 90,8%, «против» — 9,2%⁸³¹. Трудно не согласиться с мнением М.И. Семиряги, что «итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу»⁸³². Избранные 22 октября Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины 27—29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав Советского Союза. 1—2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу⁸³³. Территория, занятая советскими войсками, «была освобождена от помещиков и капиталистов», и ее народы «получили возможность воссоединиться с братскими народами ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ и единой дружной семьей крепить великое дело ЛЕНИНА — СТАЛИНА, дело построения коммунизма»⁸³⁴. Этими событиями завершилось решение польского вопроса в 1939 году.

Заключение

Россия и Польша вот уже более тысячи лет являются соседями. Как обычно, русско-польские отношения охватывали широкий спектр явлений — от борьбы за определение своих границ до глубоких культурных связей. Рассматривая советско-польские отношения 20—30-х годов XX века, трудно не заметить их глубинной связи с предшествующим развитием. Конечно, новые социально-политические и националистические идеи, столь популярные в то время, наложили свой неповторимый отпечаток на развитие отношений между двумя странами. Полоса нового передела мира и Восточной Европы, в частности, открывшаяся Первой мировой войной, самым непосредственным образом втянула с свой водоворот и Россию, и Польшу. Колоссальный психологический и культурологический шок, испытанный всеми участниками войны 1914—1918 гг., стал основой того уровня жестокости, которым отличалось создание новых государств и установление новых границ в Восточной Европе.

Советско-польские отношения изначально были отягощены проблемами территориального размежевания разных регионов бывшей Российской империи. К этому добавлялась еще почти 100-летняя пропаганда в Польше идеи об «исторической вине России», которая была довольно широко распространена среди польской интеллигенции, а после 1915 г. всячески насаждалась среди польского населения сначала германо-австро-венгерскими оккупантами и затем руководством Второй Речи Посполитой. Для Варшавы эта идея служила обоснованием польского национализма и оправданием территориальных притязаний к своим восточным соседям. Кроме того, советско-польские отношения не могли не нести на себе отпечатка бурной эпохи Революции и Гражданской войны в России и Восточной Европе. В результате национальные идеи тесно переплетались с социально-политическими, что лишь усугубляло взаимную неприязнь. Но все же основным противоречием между Москвой и Варшавой было скрывавшееся за этой пестрой идейно-политической ширмой территориальное размежевание, которое каждая сторона представляла по-своему.

Польское руководство исходило из того факта, что территории, разделяющие Польшу и Россию, населены нерусскими народами (белорусами, литовцами, украинцами, евреями и т.д.) с вкраплениями поляков, что служило ему обоснованием притязаний на границы 1772 года. То есть в данном случае национальный состав этого региона и идея исторического возмездия России были тесно переплетены. Конечно, польское руководство понимало, что воссоздание Речи Посполитой образца конца XVIII века невозможно, и был разработан план создания федерации этих народов под эгидой Польши. Однако реальная деятельность Варшавы, которая не замедлила испортить отношения со всеми национальными движениями в Восточной Европе, показала, что планируемая федерация будет опираться на польское превосходство и силу. Советская сторона также широко пропагандировала идею федерации, как объединения социалистических государств в единую страну. То есть объективно речь шла о трансформации Российской империи с учетом современных реалий. Важным отличием советского проекта было отсутствие намека на чье-либо национальное превосходство, что делало его приемлимым не только для простых людей, но и для различных национальных элитных групп.

Важно также отметить, что в условиях ожесточенной Гражданской войны советское руководство стремилось мирно договориться с Польшей о границе, но экспансионистские притязания Варшавы не позволили реализовать этот вариант. Польское руководство исходило из того очевидного факта, что, хотя страны Антанты были сторонниками совпадения польской этнографической и государственной границ на Востоке, европейское территориальное урегулирование было для них более важно. Этот момент следовало использовать и захватить как можно больше территории, чтобы не только восстановить польскую государственность, но и нанести максимальный ущерб своим соседям, что должно было, по мнению обуреваемого честолюбивыми планами польского руководства, позволить Польше добиться статуса великой державы. Причем этот международный статус Польша должна была как бы «унаследовать» от Российской империи, что позволило бы ей «смыть позор подчинения России». Тем более что Гражданская война в России давала надежды на осуществление подобных планов.

Подобные расчеты в конце концов и толкнули Варшаву к реализации польского варианта «натиска на Восток». Однако оказалось, что имеющихся в ее распоряжении сил даже при снабжении их Антантой недостаточно для победы. Пока Красная армия была занята в боях с Белой, польское наступление шло успешно, но в войне один на один польская армия не могла противостоять советским войскам. Для Советской России война с Польшей стала войной с чужеземным нашествием, что сближало разные политические силы в расколотой Гражданской войной стране. И когда в июле 1920 г. создалось впечатление, что война практически уже выиграна, естественно, встал вопрос: что дальше? Где гарантия, что война действительно закончится? В итоге военные цели окончательного разгрома противника и политические расчеты на «мировую революцию» толкнули Красную армию на поход к Варшаве и Львову. Правда, в тот момент и советские войска не были образцом военной организации, а военно-политическое руководство переоценило свои силы, и поход на Варшаву вместо советизации Польши обернулся поражением. Теперь уже польское общество получило наглядное подтверждение официальной пропаганды об «угрозе с востока». Все это, наряду с ошибками командования советского Западного фронта, привело к «чуду на Висле».

Вместе с тем события 1920 г. показали, что реализовать в полном объеме как польские, так и советские планы невозможно, и сторонам пришлось идти на компромисс. Наконец-то они взглянули друг на друга как равные, что и отразили ход переговоров о мире и Рижский договор. Территориальный вопрос был решен между Москвой и Варшавой классическим путем компромисса силы. Советско-польская граница была определена произвольно по случайно сложившейся конфигурации линии фронта. Никакого иного обоснования эта новая граница не имела, да и не могла иметь. Получив 1/2 территории Белоруссии и 1/4 Украины, воспринимавшиеся как предназначенные для колонизации «дикие окраины», Польша стала государством, в котором поляки составляли лишь 64% населения. Хотя стороны отказались от взаимных территориальных притязаний, рижская граница стала непреодолимым барьером между Польшей и СССР. Как справедливо отметила И.В. Михутина, «все это создало почву для новых конфликтов и в ближайшие десятилетия тенью легло на советско-польские отношения. Ситуация взаимного недоверия, политической подозрительности, психологической неприязни получила трагическое разрешение в прологе Второй мировой войны»⁸³⁵.

Понятно, что национальный гнет в восточных воеводствах Польши не только не способствовал их колонизации, но наоборот, формировал антипольское самосознание местного населения. Белорусское и украинское национальные движения в итоге обратились к поиску союзников против Польши на Западе и Востоке. Организованные националистические группы искали поддержки в Германии, Англии и Франции, а патриотические чувства населения устремлялись к БССР и УССР, которые, естественно, романтизировались. Все это, конечно же, в значительной степени удерживало Варшаву от какого-либо сближения с Москвой. В подобном варианте развития двусторонних отношений виделась скрытая угроза расширения советского влияния в Польше, что было совершенно неприемлемо для польского руководства. То есть советско-польская граница 1921 г. стала первым в XX веке вариантом «железного занавеса» в Восточной Европе.

С точки зрения советской стороны, рижская граница была наиболее удобным рубежом для вторжения в СССР, не имевшим никаких естественных препятствий до Днепра. В итоге «панская» Польша воспринималась советским руководством как потенциальный противник № 1. Поэтому западная граница СССР укреплялась как никакая другая и в 1920-х, и в 1930-х годах. Стремление Варшавы к доминированию в Восточной Европе воспринималось в Москве как подготовка военно-политического союза на западных советских границах, реализация идеи «санитарного кордона» против него. В этом мнении Кремль укрепляло и постоянное отклонение польской стороной любых советских предложений, направленных на снижение взаимной подозрительности. Со своей стороны польское руководство опасалось подобными уступками показать свою слабость и, естественно, демонстрировало «силу» и в Прибалтике, и в Румынии.

На все эти политико-дипломатические игры накладывалось и широко распространенное среди участников войны 1919—1920 гг. восприятие соседа как врага. Здесь речь явно шла о взаимных

страхах. Страхе «панов» перед бунтом «черни», перед революцией, ее непреклонной стихией, перед новым подчинением «варварам с востока», даже алфавит которых выдавал их чуждость. На этих фобиях базировалось национальное самосознание поляков периода Второй Речи Посполитой — раз удалось нанести поражение России, крупнейшей евроазиатской державе, значит и Польша является потенциально великой державой и надо лишь использовать благоприятные условия для закрепления этого статуса. Другой столь же распространенной идеей стала убежденность в том, что Европа «не даст нам погибнуть». Все это, вместе взятое, толкало Варшаву на действия, совершенно неподкрепленные реальными возможностями Польши, было своеобразным национальным самообманом.

Для советской стороны 1920 г. стал не менее определяющим, чем для польской. Польское вторжение в условиях явного затухания Гражданской войны в России подтвердило всем известную истину о том, что для слабого всякий сосед — опасный враг. Люди разных политических взглядов наглядно убедились в наличии реальной внешней угрозы, а исход советско-польской войны укрепил всеобщее стремление к возрождению мощного государства в облике СССР. Абстрактное «капиталистическое окружение» получило свое реальное воплощение в лице Польши — «любимого детища» Антанты и «главной опоры» Версальской системы в Европе. И с той, и с другой стороны все эти фобии и пропагандистские стереотипы всячески поддерживались и насаждались, и польское, и советское руководство прошло горнило войны 1919—1920 гг. Абстрагируясь от этой действительности, вообще невозможно понять общие тенденции советско-польских отношений 1920—1930-х гг.

Следует также помнить, что обе страны находились в неравных условиях. Польша являлась международно признанным государством, имевшим влиятельных союзников на Западе. РСФСР же, напротив, не только не была юридически признана ведущими державами, но и вынуждена была до конца 1922 г. вести Гражданскую войну, инспирированную в том числе и странами Антанты. Понятно, что в этих условиях польская элита сделала ставку на максимально возможное усиление Польши за счет ее соседей, надеясь на закрепления ведущей роли страны в Восточной Европе. Однако в течение 1920-х гг. произошла определенная трансформация Версальской системы. В результате оказалось, что влияние Польши на международной арене и даже в Восточной Европе стало постепенно уменьшаться. К середине 1930-х гг. выяснилось, что Варшава теперь должна была найти новую стратегию достижения статуса великой державы, поскольку ее западные и восточные соседи уже переросли рамки региональных держав. Все это подтолкнуло Польшу к использованию политики «равновесия» в отношении Германии и СССР. Но нарастание кризиса и крах Версальской системы к концу 1938 г. потребовали от Польши четкого определения своей позиции.

Для Советского Союза в 1920-е гг. основными международными проблемами были региональные вопросы Восточной Европы, связанные прежде всего с его западными соседями. От Европы его отделяли страны «санитарного кордона», как и во времена «восточного барьера» XVI—XVII вв. То есть СССР утратил великодержавный статус Российской империи и стал региональной державой. Основной целью советской политики в Восточной Европе было поддержание военного паритета с непосредственными западными соседями и предотвращение создания там антисоветского военно-политического блока. В ответ на стремление Польши блокироваться со странами Прибалтики и Румынией Москва попыталась сблизиться с Германией и Литвой. В отношениях с крупными европейскими державами СССР мог считать нормальными дипломатические отношения только с Германией, тогда как с Англией и Францией отношения носили по сути формальный характер, что было для Москвы все же значительным достижением по сравнению с началом 1920-х гг. Вместе с тем «рапалльский период» советско-германских отношений, характеризовавшийся значительным военно-техническим сотрудничеством сторон⁸³⁶, каждая из которых видела в Польше врага, не мог не подталкивать Варшаву к упрочению союза с Францией и сближению со странами Восточной Европы.

Понятно, что в этих условиях Советский Союз был вынужден корректировать свою внешнюю политику, постепенно отказываясь от оголтелых революционных лозунгов и призывов. В отношениях с Варшавой Москву прежде всего интересовала реализация Рижского договора в полном объеме, что, в свою очередь, потребовало определенных уступок с обеих сторон. Вместе с тем торговый договор, предусмотренный Рижским договором, несмотря на неоднократные советские предложения, был заключен только в феврале 1939 г. Прохладные советско-польские отношения оказались под угрозой в 1927 г., когда Англия разорвала дипломатические отношения с СССР, а в Варшаве был убит советский полпред. Поскольку в это же время польская сторона прекратила переговоры о договоре о ненападении с СССР, в Москве опасались возникновения войны. Понятно, что советское руководство старалось дипломатическими мерами снизить угрозу войны, для чего СССР присоединился к договору Бриана — Келлога и предложил Польше и Литве подписать протокол о досрочном вводе его в действие. Однако переговоры показали, что Польша все еще имеет значительное влияние на Прибалтийские страны и Румынию. В итоге Москве пришлось согласиться с польским планом многостороннего протокола. С одной стороны, это

отвечало стремлению советского руководства к упрочению сложившегося статус-кво в Восточной Европе, но с другой, — демонстрировало высокую степень сплоченности его западных соседей. Поэтому опасения, что эта сплоченность может иметь и военный подтекст, сохранялись.

Однако нарастание противоречий в Европе на рубеже 1920—1930-х гг. привело к тому, что Советским Союзом заинтересовалась Франция. Договор о ненападении между Москвой и Парижем подтолкнул и Варшаву к подобному соглашению со своим восточным соседом. Тем более что германо-польские отношения постепенно обострялись, а переговоры о «Пакте четырех» показали, что Германия стоит на пороге полного восстановления своего статуса великой европейской державы. В этой ситуации польское руководство решило использовать приход к власти в Германии НСДАП для нормализации германо-польских отношений. Со своей стороны Берлин, заинтересованный в прорыве дипломатической блокады, охотно пошел на договоренность с Варшавой. В целом германо-польская декларация о ненападении полностью обходила главный вопрос их отношений — вопрос о границе. Тем не менее польское руководство увидело в соглашении 1934 г. основу новой политики «равновесия» между Германией и СССР. Считалось, что германо-советский антагонизм позволит Польше играть на их противоречиях и интенсифицировать ее великодержавные устремления.

Тем временем в Европе продолжалось широкое обсуждение различных вариантов реализации пацифистских идей. Активно участвуя в обсуждении вопросов разоружения, СССР предложил свое определение агрессии, которое фактически делало ее невозможной. Понятно, что великие державы под разными предлогами уклонились от подписания этого документа. Лишь малые страны Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, опасавшиеся агрессии со стороны великих держав, поддержали советское предложение и пошли в июле 1933 г. на подписание конвенции об определении агрессии. Тем самым Москва продемонстрировала склонность к поддержанию сложившегося статус-кво, что на фоне ревизионистских притязаний Германии позволяло надеяться на расширение советского участия в европейских делах. Одновременно у советского руководства возникли надежды на улучшение советско-польских отношений, что рассматривалось в качестве гарантии от возможного германо-польского сближения. Но все эти надежды были перечеркнуты германо-польским соглашением 1934 г. и позицией Варшавы в отношении Восточного пакта. Казалось бы, что Польша должна была быть заинтересована в международных гарантиях своих границ, однако польское руководство, не видевшее пока реальной угрозы со стороны соседей, старалось всячески недопустить усиления советского влияния в Европе, что автоматически снизило бы и так не слишком заметное польское влияние. То есть возвращение СССР в Европу в качестве великой державы было совершенно несовместимо с внешнеполитической стратегией Польши.

Понятно, что такая позиция Варшавы не улучшала советско-польские отношения, а тот факт, что польское руководство фактически солидаризировалось с позицией Германии, порождал в Москве подозрения в наличии неких тайных германо-польских договоренностей. Естественно, что Польша негативно отнеслась к вступлению СССР в Лигу Наций и заключению советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. Однако действия Германии, нарушавшей установления Версальского договора, не вызвали никакой отрицательной реакции в Варшаве, что также наводило иностранных наблюдателей на определенные размышления. Тем более что в 1938 г. Польша отнюдь не являлась неким сторонним наблюдателем развернувшихся событий в Европе. Используя ситуацию, возникшую в связи с аншлюсом Австрии, Варшава попыталась решить длившийся уже 18 лет территориальный спор с Литвой, добиваясь от нее под угрозой вторжения признания присоединения к Польше Вильно. Позиция Москвы определялась прежде всего стремлением недопустить возникновения нового очага конфликта на своих западных границах. Конечно же, советская позиция была расценена в Варшаве как вмешательство не в свои дела. Но в наиболее сложном положении советско-польские отношения оказались в период Чехословацкого кризиса.

Убедившись, что Англия и Франция не станут противостоять германским экспансионистским устремлениям в отношении Чехословакии, польское руководство решило использовать ситуацию для расширения собственного влияния в Восточной Европе и своей территории за счет южного соседа. Как по мановению волшебной палочки в польской прессе вдруг оживились античешские мотивы, восходящие к связанным с проведением польско-чехословацкой границы событиям 1920 г. Эта позиция Польши определялась в значительной степени античешским комплексом ряда влиятельных фигур в Варшаве, воспринимавших Чехословакию как «искусственно и уродливо» созданное образование Версальского договора. Тем самым Польша оказалась прямым противником Чехословакии и союзного ей СССР. Как уже было показано, Польша не только категорически отказывалась от обсуждения вопроса о пропуске Красной армии через свою территорию в Чехословакию, но и демонстрировала свою готовность с оружием в руках противостоять подобному развитию событий. Понятно, что ситуация лета — осени 1938 г. несколько не улучшила советско-польские отношения.

Со своей стороны Москва весной — летом 1938 г. пыталась добиться равноправия с другими великими державами Европы. Однако быстро выяснилось, что ни Англия, ни Франция, не говоря уже о Германии и Италии, не склонны идти на такую уступку. И Лондон, и Париж сделали ставку на политику «умиротворения», которая, по их мнению, должна была направить экспансионистские устремления Германии в восточном направлении и стать основой консолидации Европы. Советское руководство совершенно справедливо воспринимало эти устремления Англии и Франции как наиболее серьезную угрозу своим интересам. Поэтому советское руководство постоянно демонстрировало готовность к участию в решении Чехословацкого вопроса и к выполнению своего союзнического долга. Однако Англия и Франция, конечно же, не откликнулись на эти советские предложения, поскольку их реализация сделала бы невозможным соглашение с Германией. Естественно, в этих условиях Польша воспринималась в Кремле в качестве прямого пособника Германии, что только подтверждало тезис о том, что Варшава является потенциальным противником № 1. Поэтому в Москве были заинтересованы в расколе складывающегося германо-польского тандема.

Тем временем уже в октябре 1938 г. Варшава, столкнувшись с ревизионистскими предложениями Берлина по вопросу германо-польской границы, решила нормализовать советско-польские отношения, явно ухудшившиеся в августе-сентябре 1938 г. Тем самым осенью 1938 г. Польша вновь прибегла к политике «равновесия» в отношении Германии и СССР. В итоге, неожиданно для Берлина Варшава уклонилась от принятия его предложений и демонстрировала нормальные отношения с Москвой. Однако оккупация Германией Чехии и Клайпедской области и провозглашение «независимости» Словакии ознаменовали начало предвоенного политического кризиса и продемонстрировали Польше, что ее стратегическое положение ухудшилось.

К 1939 г. было совершенно очевидно, что Польша не воспринималась никем как великая держава, но польское руководство, ослепленное собственными великодержавными устремлениями, упорно отказывалось признать очевидное. Польское «равновесие» между Германией и СССР уже не отвечало сложившейся ситуации. Объективно Польша стояла перед выбором: союз с Германией, или с СССР. Но польское руководство, переоценивавшее свои и недооценивавшее германские возможности, решило продолжать политику равновесия на этот раз уже в европейском масштабе, сделав ставку на Англию и Францию. Ни события 1938 г., активное участие в которых принимала сама Польша, ни реальные шаги Лондона и Парижа в 1939 г. в отношении Германии и СССР — ничто не влияло на оценку перспектив международных отношений, формулировавшуюся в Варшаве. Понятно, что советские предложения о сближении с высокомерием отвергались. Ведь за ними виделось только стремление Москвы получить доступ в восточные воеводства Польши и пересмотреть решения 1921 г. Отношение польского руководства к англо-франко-советским переговорам сложно охарактеризовать иначе как недоброжелательное. На этот раз великодержавный комплекс Варшавы был доведен до максимума — никакого соглашения о Польше за ее спиной, но отказ от любой договоренности с Москвой.

Для Советского Союза ситуация складывалась не слишком благоприятно. С одной стороны, стремление к соглашению с ним демонстрировали и Англия с Францией, и Германия, однако с другой стороны, опасность нового англо-франко-германского соглашения по примеру 1938 г. отнюдь не исключалась. Это подтверждала и позиция Польши, которая, будучи союзником Англии и Франции, не желала сближения с Москвой. Поэтому трудно согласиться с мнением С. З. Случа, обвиняющего советское руководство в том, что оно «даже косвенным образом не собиралось облегчать положение своего соседа в условиях надвигающейся германской агрессии, хотя сохранение независимости и территориальной целостности Польши объективно отвечало национально-государственным интересам Советского Союза»⁸³⁷. Особенно, если учесть, что в тот момент вовсе не исключалась возможность германо-польского компромисса, что сделало бы Польшу младшим партнером Германии. Не следует также забывать и о том, что Англия и Франция также стремились найти компромисс с Германией за счет в том числе и Польши. Но ныне о подобных «мелочах» стараются не вспоминать. Если же говорить серьезно, то советское руководство прекрасно понимало, что только нарастание кризиса в Европе позволило бы Москве стать равноправным партнером той группировки великих европейских держав, которая откажется от антисоветских действий и будет готова учесть советские интересы. Причем Москва неоднократно предлагала Варшаве сближение, которое, между прочим, способствовало бы сохранению «независимости и территориальной целостности Польши».

В ходе политического кризиса 1939 г. в Европе сложилось два военно-политических блока: англо-французский и германо-итальянский, каждый из которых был заинтересован в соглашении с СССР. Со своей стороны Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях ей договариваться, и максимально ее использовала, балансируя между этими военно-политическими блоками. Международные отношения весны — лета 1939 г. в Европе представляли собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей. События параллельно развивались по нескольким направлениям: шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-

германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Москва в своих расчетах исходила из того, что возникновение войны в Европе — как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Англией и Францией делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Исходя из-подобных расчетов был определен советский внешнеполитический курс.

Англо-франко-советские переговоры показали, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР. В этих условиях предложения Германии оказались более привлекательными, и 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, ставший значительной удачей советской дипломатии. СССР удалось остаться вне европейской войны, получив при этом определенную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. В этих условиях пакт о ненападении обеспечил не только интересы Советского Союза, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе.

Здесь, конечно же, встает вопрос о совместимости советско-германского и советско-польского договоров о ненападении. Так, С. З. Случ полагает, что «пойдя на соглашение с «третьим рейхом», советское руководство сразу же нарушило статью 3-ю договора о ненападении между СССР и Польшей... Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались «не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне». Советско-германский пакт прежде всего был направлен против Польши, до нападения на которую Германии оставались считанные дни, представлял, в своей преданной гласности части, *de jure* договор о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т. е. предоставлял агрессору полную свободу действий. Что же касается секретного протокола..., то он зафиксировал договоренность двух агрессивных государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша»⁸³⁸.

Что ж, попробуем определить, насколько это мнение справедливо. Во-первых, в отличие от союзного договора, соглашение о ненападении не может быть направлено против кого-то. Против кого, например, был направлен советско-германский договор о нейтралитете 1926 г.⁸³⁹, или германо-польский договор о ненападении 1934 г.⁸⁴⁰, имевшие характер неограниченного нейтралитета? Почему-то англо-германская и франко-германская декларации от 30 сентября и 6 декабря 1938 г., имевшие такой же характер неограниченного нейтралитета, не вызывают теперь никаких упреков в нарушении интересов третьих стран. Тем более что Германия перед этим поглотила Австрию и Судетскую область Чехословакии. Ведь по сути Берлину предоставлялась «полная свобода действий» в Восточной Европе, то есть и против Польши тоже. Однако схожие действия СССР почему-то всячески осуждаются, а Англия и Франция, видимо, имеют некую исключительную индульгенцию, которая заранее оправдывает любые их действия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с беспардонным двойным стандартом в оценке схожих действий разных стран на мировой арене.

Во-вторых, вопрос относительно нарушения советской стороной советско-польского договора не так прост. В советско-германском соглашении нет ни слова о каких-либо враждебных действиях против Польши, то есть формально советско-германский договор был вполне совместим с советско-польским соглашением, поскольку буква договора не нарушалась. Конечно, в реальных условиях 1939 г. советско-германский пакт противоречил духу советско-польского соглашения. Но если говорить откровенно, дух того или иного соглашения — вещь достаточно условная и воспринимается скорее под влиянием субъективных факторов. Как бы то ни было, официально Варшава в тот момент не увидела в действиях Москвы нарушения действующего договора.

Что касается секретного протокола к советско-германскому пакту, то этот документ также носит достаточно аморфный характер. В нем не зафиксированы какие-либо антипольские соглашения сторон. Напомним этот текст: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рр.Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимости Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия»⁸⁴¹. Как видим, все «антипольское» содержание документа состоит из бесконечных оговорок — «если бы, да кабы» и абстрактных понятий «сфера интересов», «территориально-политическое переустройство». В любом случае никаких реальных

территориальных изменений или оккупации «сфер интересов» советско-германский договор не предусматривал⁸⁴². В этом и заключается его принципиальное отличие от Мюнхенского соглашения, которое прямо передавало Германии приграничные районы Чехословакии.

К сожалению, теперь, зная дальнейшие события, некоторые исследователи склонны полагать, что Гитлер и Сталин уже тогда, в ночь на 24 августа, заранее знали, что именно произойдет в ближайшие 38 дней. Естественно, что в действительности этого не было. Вообще ситуация конца августа 1939 г. была столь запутанной, что политики и дипломаты всех стран, в том числе и Советского Союза, старались подписывать максимально расплывчатые соглашения, которые в зависимости от обстановки можно было бы трактовать как угодно. Более того, 24 августа никто не знал, возникнет ли вообще германо-польская война или будет достигнут какой-то компромисс, как это было в 1938 г. В этой ситуации термин «территориально-политическое переустройство» Польши мог трактоваться и как вариант нового Мюнхена, то есть позволил бы Москве заявить о своих интересах на возможной международной конференции. А понятие «сфера интересов» вообще можно было трактовать как угодно. В любом случае советско-германский пакт был соглашением, рассчитанным на любую ситуацию.

Конечно, Москва была заинтересована в отстаивании своих интересов, в том числе и за счет интересов других, но это, как бы то ни было, является аксиомой внешнеполитической стратегии любого государства. Почему же лишь Советскому Союзу подобные действия ставят в вину? Кроме того, не следует забывать, что именно дипломатические игры Англии и Франции подтолкнули Германию к войне с Польшей. Тем не менее ныне самым неожиданным образом виноватым в этом оказался СССР. Кстати сказать, никто не мешал Варшаве договориться с Москвой или с Берлином, и тогда не было бы никакого советско-германского соглашения. Но в реальной обстановке второй половины 1930-х гг. вариант советско-польской договоренности был практически полностью исключен.

Начало войны в Европе в сентябре 1939 г. оправдало самые худшие опасения Кремля. Оказалось, что Англия и Франция не готовы к реальному столкновению с Германией, и вместо быстрого поражения Германии, при фактическом невмешательстве западных союзников, была разгромлена Польша. Политика «умиротворения» принесла свои неизбежные плоды, продемонстрировав неспособность Лондона и Парижа отстаивать свои собственные интересы. Можно по-разному объяснять позицию Англии и Франции, но никуда не уйти от того факта, что союзники бросили Польшу на произвол судьбы. Причем как теперь известно, эта позиция Лондона и Парижа не была какой-то импровизацией, возникшей под влиянием событий. Нет, это была заранее сформулированная и неуклонно проводимая в жизнь стратегическая линия англо-французских союзников, определявшаяся политикой «умиротворения» Германии. Поэтому трудно понять позицию исследователей, считающих, что союз с Англией и Францией отвечал интересам СССР, которому в этом случае пришлось бы вступить в войну с Германией на территории Польши при полном бездействии союзников на западе⁸⁴³.

Добившись обеспечения своих интересов в Восточной Европе благодаря пакту о ненападении, Советский Союз внимательно следил за развитием событий в Европе, готовясь к использовать их к своей выгоде. Пассивная позиция Англии и Франции, имевших возможность разгромить Германию уже в сентябре 1939 г., позволила советскому руководству активизировать свою политику в отношении Польши, которая в течение большей части межвоенного периода рассматривалась Москвой как враг № 1, и приступить к ревизии навязанных ему в 1920—1921 гг. границ⁸⁴⁴. Германское руководство стремилось вовлечь СССР в войну с Польшей, чтобы продемонстрировать германо-советский «союз», но Москва успешно избежала этой опасности. В основу советской пропаганды с объяснением причин вмешательства в германо-польскую войну были положены идеи обеспечения государственных интересов СССР и защиты украинского и белорусского народов в условиях распада Польши. Советскому руководству удалось совместить эту, антигерманскую по сути, пропаганду и сотрудничество с Германией в разделе Польши.

В результате удалось добиться того, что Лондон и Париж рассматривали действия СССР как меньшее зло по сравнению с германской оккупацией всей польской территории. Это вынужденное признание прозвучало 1 октября 1939 г. в радиовыступлении У. Черчилля, заявившего, в частности, что «для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть»⁸⁴⁵. Подобный намек на трусость Берлина открыл новую главу английской политики по провоцированию германо-советской войны.

Действия СССР в отношении Польши в сентябре 1939 г. оцениваются в современной отечественной историографии противоречиво. Практически все авторы осуждают тогдашние утверждения советского руководства о распаде Польши и прекращении ее существования, но при этом некоторые из них оперируют именно этой аргументацией⁸⁴⁶. А.С. Орлов считает, что раз СССР ввел войска в тот момент, когда польское правительство утратило управление страной, а эмигрантское правительство еще не было создано, то международное право было соблюдено⁸⁴⁷.

Из этих рассуждений не ясно, почему в момент смены правительства международное право не действует, а также какое отношение к этой проблеме имеет вопрос о способности правительства управлять страной? Некоторые авторы связывают момент ввода советских войск в Польшу с подписанием советско-японского соглашения о прекращении огня на р. Халхин-Гол, что, по их мнению, обеспечило СССР тыл на Востоке⁸⁴⁸.

Одни авторы полагают, что вступление Красной армии в Польшу было predetermined договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе⁸⁴⁹. По мнению других, успешные действия вермахта в Польше и ее быстрый разгром оказались неожиданностью для советского руководства, которое было вынуждено предпринимать ответные меры⁸⁵⁰. Возросла угроза советским границам, возникли опасения, что Германия не будет соблюдать пакт, и поэтому СССР должен был ввести войска⁸⁵¹. Правда, эти авторы не объясняют, почему в таком случае германское руководство так настойчиво приглашало СССР оккупировать Восточную Польшу. По мнению М.И. Семиряги, оттягивание вступления Красной армии в Польшу было связано с необходимостью психологической подготовки населения, опасениями столкновения с Англией и Францией, необходимостью успокоить мировое общественное мнение и ожиданием падения Варшавы. В советской прессе, отмечает автор, была развернута антипольская кампания, польские дипломаты в СССР стали объектом пристального наблюдения НКВД и 17 сентября подверглись репрессиям. По мнению некоторых авторов, 17 сентября 1939 г. Советский Союз нарушил все свои договоры с Польшей и совершил против нее агрессию⁸⁵². Указывая на военное сотрудничество вермахта и Красной армии в Польше, ряд авторов делает вывод, что 17 сентября 1939 г. Советский Союз фактически вступил во Вторую мировую войну на стороне Германии⁸⁵³.

В новейшей отечественной историографии советско-германский договор от 28 сентября 1939 г. оценивается, как правило, резко критически. По мнению ряда авторов, поскольку договор был заключен с воюющей страной, СССР отошел от нейтралитета и стал на путь сотрудничества с Германией⁸⁵⁴. Другие отмечают, что, заключив пакт о ненападении в преддверии германо-польской войны, СССР поддержал агрессивные устремления Германии и вовсе не был нейтрален, а оказывал содействие Германии, помогая ей разгромить Польшу⁸⁵⁵. В литературе советское руководство осуждается за нарушение международного права, выразившееся в установлении советско-германской границы в Польше без ее согласия (?!), планировании совместных антипольских акций и договоренности о насильственном переселении населения Польши⁸⁵⁶. В качестве положительных последствий договора многие авторы называют установление границы по «линии Керзона», получение СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, свободы рук в Прибалтике и создание барьера на пути германской экспансии в Восточной Европе⁸⁵⁷. Тем не менее в историографии превалирует мнение, что договор от 28 сентября 1939 г. — это политическая ошибка. Более того, А.Д. Богатуров считает, что теперь «союз между Москвой и Берлином был оформлен полномасштабным межгосударственным договором»⁸⁵⁸. М.И. Семиряга также полагает, что СССР фактически вступил в военно-политический союз с Германией, а по мнению А.М. Некрича, советско-германские отношения с сентября 1939 г. до ноября 1940 г. представляли собой «как бы незавершенный военно-политический союз»⁸⁵⁹.

Прежде всего следует отметить, что ни о каком военно-политическом союзе ни «фактическом», ни «незавершенном» не было и речи. Не говоря уже о том, что ни в пакте о ненападении, ни в договоре от 28 сентября не было сказано ни слова о каком-либо советско-германском союзе⁸⁶⁰. Ни Москва, ни Берлин никогда не рассматривали свои отношения в этом ключе, хотя и допускали такие пропагандистские заявления, которые могли быть истолкованы как определенная тенденция дальнейшего сближения между ними. Однако дальше этого дело не пошло. Кроме того, не соответствует действительности утверждение о том, что Красная армия помогла вермахту разгромить Польшу. Собственно, в основе этого тезиса опять лежат тогдашние советские пропагандистские заявления. Так, Молотов, подводя итоги Польской кампании, заявил на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что «правлящие круги Польши не мало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако, оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей»⁸⁶¹.

Теперь, когда события сентября 1939 г. достаточно хорошо изучены, следует однозначно заявить, что ни какой помощи со стороны СССР Германия в Польше реально не получила⁸⁶², да она была и не нужна. К 17 сентября вермахт не только разгромил основные группировки Войска Польского, но и окружил практически все боеспособные части. Правда, отдельные немногочисленные отряды не были блокированы или находились восточнее р. Западный Буг, но они не могли изменить обстановку на фронте. Данные таблицы 30 также подтверждают, что участие Красной армии в событиях в Польше было минимально. Конечно, не вступи в Польшу Красная армия, немцам потребовалось бы какое-то время для занятия ее восточных воеводств, но никакого реального устойчивого фронта там возникнуть не могло.

Собственно, это со всей очевидностью проявилось в ходе Польской кампании Красной армии, когда незначительным группам советских солдат сдавались многотысячные вооруженные отряды Войска Польского. О каком длительном сопротивлении в таких условиях можно говорить? Генерал В. Андерс писал в своих мемуарах, что Красная армия вторглась в Польшу «как раз в ту минуту, когда натиск немцев стал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы еще сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии. Советская Россия в одностороннем порядке разорвала договор с Польшей о ненападении в самую тяжелую для Польши минуту и, как шакал, набросилась со спины на истекающую кровью польскую армию»⁸⁶⁴. Интересно, верил ли сам генерал в это, когда он с остатками своей кавбригады, выполняя приказ главкома, отступал с низовьев Нарева к верховьям Днестра.

Таблица 30

Потери сторон в сентябре 1939 г.⁸⁶³

Или все эти сентенции потребовались лишь в 1960-е годы, когда появилась возможность свести счеты с СССР хотя бы на страницах воспоминаний? Особенно «убедительно» звучат утверждения относительно намерений западных союзников Польши, которые палец о палец не ударили, чтобы помочь ей даже тогда, когда Войско Польское еще представляло собой значительную силу. Что уж говорить о середине сентября, когда польский фронт рухнул? Конечно, не стоит отрицать, что советское вмешательство стало возможным лишь в определенных условиях, а те или иные эмоциональные характеристики — это дело вкуса. Особенно, если вспомнить действия в отношении Чехословакии в октябре 1938 г. самой Польши, ставшей по столь же образному определению одного германского дипломата «гиеной поля боя»⁸⁶⁵. Что ж, как показывает многовековая практика, «в своем глазу незаметно и бревно».

Как бы ни оценивать действия Советского Союза в отношении Польши, ясно, что Москва оказалась перед выбором. Формально она должна была никак не реагировать на происходившие у своих западных границ события. Понятно, что этого быть не могло. Поэтому перед советским руководством стоял вопрос, что делать? Зная о разгроме Войска Польского вермахтом и о том, что англо-французские союзники Польши не будут вмешиваться в германо-польскую войну, советское руководство решилось на активные действия. Вот в этих условиях и пригодилась аморфная советско-германская договоренность о сферах интересов. Кроме того, явная заинтересованность Германии в вовлечении СССР в германо-польскую войну позволила в полной мере использовать момент. Но тут перед Москвой встал сложный вопрос об обосновании собственных действий. Уклонившись от предложенной Берлином демонстрации «совместных» действий в отношении Польши, советское руководство объявило о распаде польского государства, что вело к прекращению действия соглашений с ним.

Безусловно, форма денонсации Советским Союзом договоров с Польшей нарушала предусмотренную в их текстах процедуру. Поэтому с юридической точки зрения это было прямым нарушением советской стороной взятых на себя обязательств. Более того, в советско-польском договоре о ненападении было предусмотрено, что «действием, противоречащим обязательствам, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политической независимости другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных последствий»⁸⁶⁶. Но как это обычно и бывает, жизнь намного разнообразнее строгих юридических формул, а межгосударственные договоры действуют лишь до тех пор, пока это выгодно. В данном случае интересы Советского Союза явно требовали вмешательства в происходящие в Польше события.

Были ли эти действия СССР агрессией? Согласно конвенции об определении агрессии 1933 года, предложенной именно советской стороной, агрессором признавался тот, кто совершит «объявление войны другому государству; вторжение своих вооруженных сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства; нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, суда или воздушные суда другого государства; морскую блокаду берегов или портов другого государства; поддержку, оказанную вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять, на своей собственной территории, все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства». Причем в конвенции специально оговаривалось, что «никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить оправданием агрессии» (в том числе внутренний строй и его недостатки; беспорядки, вызванные забастовками, революциями, контрреволюциями или гражданской войной; нарушение интересов другого государства; разрыв дипломатических и экономических отношений; экономическая или финансовая блокада; споры, в том числе и территориальные, и пограничные инциденты)⁸⁶⁷.

То есть с юридической точки зрения действия Москвы следует квалифицировать именно как агрессию. Вместе с тем не следует забывать, что, как уже указывалось выше, Западная Украина и Западная Белоруссия оказались в составе Польши в результате польской агрессии против ее восточных соседей. Таким образом, события сентября 1939 г. означали, помимо всего прочего, советский реванш за проигрыш войны 1919—1920 гг. и возвращение утраченных в результате внешней агрессии территорий. Собственно, эти соображения уже высказывались в литературе. Так, А.Д. Марков указывает, что «западноукраинские и западнобелорусские земли... в X—XI вв. входили в состав Киевской Руси. Причем уже в 981 г. князю Владимиру I пришлось вести борьбу с поляками за города Перемышль, Червень и др»⁸⁶⁸. Правда, на наш взгляд, подобный тезис не может служить аргументом, так как в конце X века борьба шла внутри одной «Славянской» цивилизации между двумя родственными народами (то есть аналогично ситуации с разделом империи Карла Великого между французами и немцами). С тех пор изменилось многое, как уже отмечалось, в Восточной Европе сформировались новые цивилизации. Польша вошла в состав «Западной» цивилизации, а территория к востоку от реки Западный Буг тяготела к «Российской» цивилизации. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением В.В. Кожина о том, что в 1939 г. была восстановлена не просто политическая граница, считавшаяся великими державами еще в 1919 году законной, но и геополитическая граница между «Западной» и «Российской» цивилизациями⁸⁶⁹. То есть вновь произошло то, что уже имело место в конце XVIII века.

Как ни странно, участники событий, естественно, не считая поляков, восприняли это в целом спокойно. Как справедливо отметил А. Тейлор, во время дискуссий в Лондоне о возможной реакции на советское вторжение в Польшу «министерство иностранных дел указало, что британское правительство, намечая в 1920 г. линию Керзона, считало по праву принадлежащей русским ту территорию, которую теперь заняли советские войска». Но одно дело внутренние дискуссии, а другое — официальная позиция правительства. Во всяком случае как не без сарказма пишет Тейлор, «в дальнейшем не было удобного случая признать законность наступления, предпринятого Советской Россией»⁸⁷⁰. Той же точки зрения придерживается и А. Буллок, полагающий, что «четвертый раздел Польши позволил России вернуть бывшие российские территории, аннексированные поляками в 1920 году»⁸⁷¹.

С этой позиции, кстати сказать, не выглядят убедительными набившие оскомину утверждения о «разделе Польши» между Германией и СССР. Конечно, с юридической точки зрения имел место раздел территории польского государства, однако Советский Союз не получил практически ни одной территории, где поляки составляли бы подавляющее большинство (возможно, лишь Белостокская область являлась исключением). Как бы то ни было, перенесение советской границы на Писсу, Нарев, Буг и Сан не только восстанавливало историческую справедливость, но и улучшало стратегические позиции Советского Союза в Восточной Европе, открывало перед ним новые перспективы на пути к закреплению за собой статуса великой державы.

Однако тут же возникает вопрос, вступил ли СССР во Вторую мировую войну? Ответ на него зависит от ответа на вопрос, какие именно события мы считаем Второй мировой войной? Если под Второй мировой войной подразумевается война между Англией, Францией, Польшей с одной стороны и Германией — с другой, то в эту войну Советский Союз не вступал, подтвердив свой нейтралитет в отношении Лондона, Парижа и Берлина. Причем следует помнить, что Германия, Англия, Франция и Польша по тем или иным причинам фактически признали за Советским Союзом статус «неучаствующего в войне» государства⁸⁷². Поэтому действия Красной армии в Польше могут рассматриваться в соответствии с современной терминологией как миротворческая операция. Но если рассматривать Вторую мировую войну как процесс смены систем международных отношений, включающий в себя совокупность войн великих держав между собой и другими странами за расширение своего влияния и пересмотр границ, сложившихся в 1919—1922 гг., то в этом случае Советский Союз, конечно же, вступил во Вторую мировую войну, но не на стороне Германии, как полагают некоторые исследователи, а в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах.

Это особенно четко проявилось в ходе советско-германских переговоров 27—28 сентября 1939 г. Советскому руководству удалось полностью обеспечить свои интересы в Прибалтике и, учитывая настроения на Западе, избавиться от решения судьбы подавляющего большинства польского народа, переданного в сферу интересов Германии. Репрессивная германская политика в отношении поляков на оккупированных территориях стимулировала антигерманское движение, которое являлось потенциальным союзником СССР в случае войны с Германией. Трудно не согласиться с мнением У. Ширера, считающего, что «Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин, войска которого вряд ли произвели хоть один выстрел. Советский Союз получил почти половину Польши и взялся за Прибалтийские государства. Это, как никогда ранее, отдалило Германию от ее основных долговременных целей: от украинской пшеницы и румынской нефти, остро ей необходимых, чтобы выжить в условиях английской блокады. Даже польские нефтеносные районы Борислав, Дрогобыч, на которые

претендовал Гитлер, Сталин выторговал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах»⁸⁷³.

На волне критического осуждения советской внешней политики ныне появились суждения относительно сопоставления советской и германской оккупационной политики. Так, С. З. Случ полагает, что «масштабы жертв, человеческих страданий и лишений, а также материального ущерба, нанесенного советской оккупацией Восточной Польше, предстоит еще оценить на основе документов, но очевидно, что они были вполне сопоставимы, а возможно даже и превосходили то, что обрушилось в тот же период на население оккупированной немцами территории Польши»⁸⁷⁴. Любопытно, что в одной фразе констатируется неизученность этой проблемы и уверенность в том, что действия Советского Союза были «хуже» действий Германии. Что ж, попробуем оценить эту «очевидность». Как известно, территория Второй Речи Посполитой была в октябре 1939 г. разделена между СССР, Германией, Литвой и Словакией. Основная территория, населенная поляками, оказалась под властью Германии, которая аннексировала западные польские воеводства (около 95 тыс. кв. км), а на остальной территории создала польское генерал-губернаторство (около 97 тыс. кв. км)⁸⁷⁵. Поскольку политика Литвы, получившей из рук СССР Виленский край (6 909 кв. км)⁸⁷⁶, и Словакии, присоединившей с благословения Германии 600 кв. км⁸⁷⁷, на присоединенных территориях, насколько нам известно, вообще не изучалась, обратимся к действиям Германии на присоединенных к рейху территориях.

Еще в ходе Германо-польской войны и сразу после нее германские спецслужбы и группы самообороны местного немецкого населения провели акции массовых расстрелов польского населения. Конечно, исчерпывающих данных по этим карательным акциям нет, но лишь в новых имперских округах (гау) Данциг — Западная Пруссия и Вартеланд в сентябре — декабре 1939 г. погибло около 30,5 тыс. человек. Следует подчеркнуть, что жертвами этих карательных мер стали не военнослужащие, а мирное население. Было отменено все польское законодательство, а новые правовые установления германских властей основывались на идеях расовой сегрегации и дискриминации поляков. Они должны были кланяться немцам, уступать им дорогу, снимать перед ними шапки. Полякам запрещалось пользоваться общественным транспортом вне городской черты, а велосипедами разрешалось пользоваться только для поездки на работу или с работы. Даже на скамейках на улицах и в парках полякам сидеть было нельзя. То есть европейская колониальная практика была использована Германией в отношении польского населения. Для поляков был введен специальный комендантский час, были введены запреты на браки для мужчин до 25—28 лет и для женщин до 22—25 лет, около 750 тыс. человек были выселены из квартир, а остальные поляки жили под постоянной угрозой выселения. Началось изъятие у поляков собственности и передача ее немцам, вывоз сельскохозяйственной продукции в рейх привел к резкому спаду жизненного уровня польского населения. Общей целью германских властей являлась очистка территории от поляков.

С целью раскола поляков германские власти ввели для них несколько правовых категорий, на которые делилось местное население в соответствии с «чистотой крови». Особо преследовалась польская интеллигенция (в том числе и учителя), которой было запрещено заниматься профессиональной деятельностью. Только в ноябре 1939 г. были расстреляны 120 учителей. Польские школы закрывались, а оставшиеся германизировались, для чего широко применялось назначение учителями немцев. Были закрыты высшие и средние учебные заведения, полностью прекратилось издание прессы и книг на польском языке, запрещены выступления польских артистов. За посещение поляком немецкого театра ему грозила тюрьма. С декабря 1939 г. началась депортация польского населения в генерал-губернаторство. Только в этом месяце было депортировано 138 466 поляков, а на их место расселялись немецкие переселенцы из Прибалтики (61 934 человек). За 1940 г. было переселено 229 219 поляков, а на эту территорию принято 270 950 немецких переселенцев из Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины. Всего к середине 1941 г. количество депортированных превысило 400 тыс. человек.

Таким образом, действия Германии на аннексированных польских территориях, как и в генерал-губернаторстве, полностью определялись колониальной практикой «неограниченного господства» немцев и расовыми теориями НСДАП⁸⁷⁸. Собственно говоря, это вовсе не было чем-то исключительным. Вообще расизм является одной из идейных основ «Западной» цивилизации, и германское руководство всего лишь обратило эти идеи внутрь европейского общества. Понятно, что подобная практика оккупационных властей не могла породить ничего, кроме ненависти со стороны польского населения. Можно себе представить накал этой ненависти, если даже в более «либеральном» генерал-губернаторстве, как отмечалось в отчете от 20 марта 1941 г. начальника варшавской комендатуры полковника фон Унру, широкое распространение получили следующие настроения: «Еще больше, чем прежде, разговоров о предстоящей вот-вот войне с Россией. Но если раньше никто не желал победы русским, то теперь настроение изменилось до того, что постоянным немецким издевательствам предпочитают русское господство, Тем более что русские, как стало известно, в последнее время обращаются с поляками особенно хорошо. Так, например, в честь польского национального поэта Мицкевича — для польского народа он вроде Шиллера, —

чей памятник снят в Кракове, советское правительство распорядилось провести памятную декаду»⁸⁷⁹.

Что касается действий советского руководства на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, то прежде всего следует отметить отсутствие каких-либо националистических, а тем более расистских оснований политики новых властей. Правда, советским властям пришлось столкнуться с наследием польского национализма на этих территориях. Так, уже 21 сентября 1939 г. заместитель наркома обороны командарм 1 ранга Г.И. Кулик, докладывая в Москву о ходе операции Украинского фронта, отмечал, что «в связи с большим национальным угнетением поляками украинцев, у последних чаша терпения переполнена и, в отдельных случаях, имеется драка между украинцами и поляками, вплоть до угрозы вырезать поляков. Необходимо срочное обращение правительства к населению, так как это может превратиться в большой политический фактор»⁸⁸⁰. О том же докладывал 22 сентября в Москву и начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис: «Вражда между украинцами и поляками усиливается, сейчас активизировались украинцы и терроризируют в ряде мест польских крестьян. Были случаи взаимного поджога деревень, убийства и грабежей. Дано указание широко развернуть работу против национальной вражды между трудящимися украинцами и поляками, направив объединенные силы против панов-помещиков»⁸⁸¹.

Соответственно, уже 23 сентября Политуправление Украинского фронта издало директиву, в которой, в частности, приказывалось «разъяснить населению нашу национальную политику. Учесть при этом, что украинский народ находился под национальным гнетом панско-помещичьей и буржуазной власти, что польское правительство вело политику ополячивания украинцев и натравливания на них поляков. Сейчас эта национальная рознь сказывается и местами принимает форму взаимных убийств, поджогов и грабежей. Это на руку только врагам украинских и польских трудящихся. Трудящиеся украинцы и поляки должны быть друзьями, а не врагами и объединиться для совместной борьбы с общим врагом — помещиком, угнетателем и эксплуататором. Надо заявить, что Красная армия не потерпит и не допустит национальную рознь между трудящимися»⁸⁸².

30 сентября Военный совет Украинского фронта в своей директиве № 071 указал, что следует «широко разъясняя населению национальную политику Советской власти, призывать трудящиеся массы города и деревни Западной Украины к изжитию национальной вражды. Призвать население к тому, чтобы в корне пресекались всякие намерения сеять национальную вражду между трудящимися поляками и украинцами. Ненависть трудящихся масс необходимо направлять против их общего заклятого врага, против помещиков, против эксплуататоров. Надо добиться, чтобы каждый труженник понимал, что национальная вражда разжигается врагами для того чтобы расколоть единство фронта трудящихся. Всех лиц, замеченных в сознательном разжигании национальной вражды между поляками и украинцами, рассматривать как врагов трудящегося народа и применять к ним суровые меры репрессии»⁸⁸³.

Кстати, и форма присоединения территорий к Германии и СССР была совершенно различной. Если Гитлер своим указом от 8 октября 1939 г. просто аннексировал эти территории, объявив их частью Германии, то советское руководство организовало выборы, в ходе подготовки которых никто не скрывал цели вхождения в состав СССР. По свидетельству К.М. Симонова, ездившего по Западной Белоруссии накануне выборов, он «видел своими глазами народ, действительно освобожденный от ненавистного ему владычества..., белорусское население — а его было огромное большинство — было радо нашему приходу, хотело его»⁸⁸⁴. Конечно, можно по-разному оценивать процедуру этих выборов, но тот факт, что подавляющее большинство населения поддержало эту программу, говорит именно о воссоединении этих территорий с Советским Союзом. То есть в данном случае сложно определить эти события термином «аннексия», которой согласно Декрету о мире считалось «всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности»⁸⁸⁵. Правда, в плане международных отношений Москве удалось добиться признания этой территории частью СССР лишь в 1945 г. Столь же красноречив и национальный состав депутатов Народных собраний: в Западной Украине 92,4% из них были украинцами, 4,1% — евреями, 3% — поляками, 0,4% — русскими, а в Западной Белоруссии 67,1% — белорусами, 13,7% — поляками, 7,8% — евреями, 5,7% — украинцами, 4,6% — русскими и 1,1% — люди других национальностей⁸⁸⁶. Это лишний раз подтверждает отсутствие какой-либо национальной дискриминации. Не существовало никакой дискриминации в отношении поляков и в области образования. Хотя и были закрыты частные школы, но в государственных школах и даже в некоторых вузах преподавание велось на польском языке. Продолжали действовать польские учреждения культуры и издавались польские газеты, журналы и книги. В 1940 г. было широко отмечено 85-летие со дня смерти А. Мицкевича.

Выше приводились материалы о взаимоотношениях Красной армии и мирного населения. Здесь можно привести еще один пример. В деревне Григорово комиссар 148-го кавполка Олейников, заподозрив 12 поляков и 4 украинцев-крестьян в том, что они стреляли по нашим

войскам, предложил их расстрелять. За это он был снят с должности, и особый отдел занялся расследованием этого случая и поведения комиссара⁸⁸⁷. Можно ли себе представить, чтобы офицер вермахта был бы наказан за предложение расстрелять «недочеловеков»? Конечно, все это не означает, что на территориях, присоединенных к СССР, не было никаких эксцесов. К сожалению, без этого не обошлось, но гораздо важнее, на наш взгляд, то, что советское руководство не разжигало национализм, а всячески его преследовало. Поэтому встречающиеся ныне утверждения, что репрессии новой власти на этих территориях были направлены исключительно против поляков, не соответствуют действительности. Конечно, в первые месяцы советской власти именно польское население испытало определенные ограничения, что по контрасту с их прежним положением «ясновельможных панов», чисто субъективно воспринималось ими очень тяжело. К тому же трансформация государственного аппарата и различных управленческих структур также коснулось в первую очередь именно поляков.

Казалось бы, тот факт, что из 19 832 человек, арестованных в сентябре — декабре 1939 г. органами НКВД в Западной Украине и Западной Белоруссии, 10 557 (54,5%) были поляками, подтверждает мнение о антипольской направленности арестов. Однако если мы обратимся к инкриминируемым этим людям преступлениям, то увидим, что 4 793 были арестованы за нелегальный переход границы, 2 068 — за участие в контрреволюционных группах и организациях, 1 672 — за контрреволюционную агитацию, 326 — за массовые беспорядки и бандитизм, 143 — за террор, диверсии, вредительство, 1 104 — за шпионаж. Но более всего было арестовано за «разные» преступления — 9 184 человека⁸⁸⁸. То есть 47,7% арестованных вообще не имело никакого отношения к политическим репрессиям. Если же учесть, что нелегальный переход границы был в основном связан с неурегулированностью пограничного режима и значительной волной беженцев в связи с событиями Германско-польской войны, то количество «неполитических» арестов составит 72,1%. То есть ни о какой «антипольской» политике советских властей речь не шла. Тем более что в дальнейшем доля поляков среди арестованных постоянно снижалась, примерно соответствуя доле польского населения на этих территориях.

То же относится и к депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии. Как ныне установлено, всего в 1939—1941 гг. с этих территорий в глубь СССР было переселено около 320 тыс. человек⁸⁸⁹. Пожалуй, только депортация осадников (79,6% из них поляки) может рассматриваться как антипольская акция, да и то здесь явно преобладали социальные мотивы, а также та ненависть, которую они успели зародить среди местного населения. То есть в определенной степени это была форма смягчения советским руководством остроты национальной ненависти на новых территориях. Конечно, мера варварская, но лучше ли было допустить национальную «разборку» среди местного населения? Не говоря уже о том, что выселение — это ведь не расстрел. Конечно, для депортированных из родных мест это служило слабым утешением, но современные исследователи могли бы более объективно оценивать эти события.

В связи с оценками советской политики на присоединенных территориях, стоит обратиться к материалам доклада командующего польского подпольного Союза вооруженной борьбы (СВБ) полковника «Грота» — С. Ровецкого: «Советы имеют большую помощь местного элемента (украинцев, белорусов, еврейской бедноты), много сторонников среди молодежи, которая получила работу»; «большевики не так склонны к расстрелам людей по любому поводу или без повода, как немцы»; «не отделяются они от поляков, а перенесли борьбу на социальную почву, они смогли завоевать некоторую часть польского общества, в основном среди пролетарской молодежи и некоторой части сломленной морально интеллигенции». Ровецкий признавал «полное безразличие» белорусов и украинцев к польской государственности, но указывал и на враждебность многих новым властям на экономической почве. Он пришел к выводу, что «широкая работа против большевиков невозможна», тем более что в целях «подрыва базы» СВБ органами НКВД были выселены члены семей офицеров, фабрикантов, помещиков, крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата⁸⁹⁰. Как видим, даже такое заинтересованное лицо, как Ровецкий, подтверждает отсутствие каких-либо антипольских действий советского руководства. В этом, на наш взгляд, и заключается коренное отличие советской политики на присоединенных территориях от германской. Причем следует оговориться, что речь идет не о том, что советская политика была «лучше», нет, она просто другая и понять ее в рамках европейских традиций национальной нетерпимости просто невозможно.

Пожалуй, единственной акцией, направленной преимущественно против поляков, стали события, связанные с судьбой военнопленных Войска Польского. Как уже отмечалось, большая часть оказавшихся в советском плену рядовых польских военнослужащих, уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии была распущена по домам. С 25 сентября по 7 октября в лагеря для военнопленных НКВД, которые начали создаваться только 22 сентября, поступило 125 803 человека, что привело к значительной перегруженности лагерей⁸⁹¹. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 октября было решено распустить по домам оставшийся рядовой состав⁸⁹². Согласно приказу наркома обороны № 575118 с 9 октября началось отправление эшелонов в Барановичи и Тарнополь, распускаемых военнопленных следовало

обеспечить питанием и санобработкой⁸⁹³. К 19 октября по месту жительства были отправлены 40 769 человек. В 1939—1941 гг. были переданы Германии 43 054 человека, уроженцев Западной Польши, а немцы передали СССР 13 575 человек, уроженцев восточных польских воеводств⁸⁹⁴. Когда выяснилось, что пленных польских офицеров в подавляющем большинстве невозможно использовать в интересах СССР, 15 131 человек (в основном офицеры и полицейские) были расстреляны весной 1940 г.⁸⁹⁵ Одновременно на основании того же решения Политбюро в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии были расстреляны 7 305 человек.

Безусловно, решение судьбы пленных польских офицеров стало военным преступлением советского руководства. Однако как уже отмечалось, именно такое «простое» решение в значительной степени было предопределено всем ходом советско-польских отношений 1918—1939 гг., в том числе и гибелью около 60 тыс. советских военнопленных в польских лагерях в 1919—1921 гг. Думается, что эта трагическая тема в отношениях между нашими странами должна решаться на основе взаимности. Как нынешнее российское руководство признало ответственность прежнего советского руководства за это преступление, так и польское руководство, видимо, должно признать вину тогдашних польских властей за гибель советских военнопленных. Как заявил министр иностранных дел Польши В. Бартошевский, «в убийстве польских офицеров никто не обвиняет весь российский народ. Мы виним только непосредственных исполнителей и их политических наставников»⁸⁹⁶. Вероятно, именно эта позиция должна быть применена и к Польше. Во всяком случае объективное изучение этого вопроса и соответствующее политическое заявление польских властей скорее всего позволят закрыть эту трагическую страницу нашей общей истории.

За 20 межвоенных лет положение СССР и Польши на международной арене радикально изменилось. Если поначалу Польша была центром влияния в Восточной Европе, а Советская Россия — страной, раздираемой Гражданской войной, то в дальнейшем советскому руководству удалось консолидировать общество на основе создания мощного советского русского государства, которое могло активно отстаивать свои интересы на мировой арене. Польша же все более утрачивала свое влияние даже в Восточной Европе, а приход к власти «санационной», по преимуществу военно-бюрократической, элиты привел польское общество к состоянию застоя, не позволил решить ни экономические, ни политические проблемы. В итоге довольно заметные даже на общеевропейском фоне польские вооруженные силы не имели надежной экономической и внутривнутриполитической базы. В результате присущие польскому руководству великодержавные устремления оказались совершенно не обеспеченными. Иными словами, Польша просто не располагала ресурсами для достижения статуса великой державы и никем не воспринималась в таком качестве.

Вместо того чтобы найти выгодный компромисс и стать младшим партнером Германии, что было вполне возможно, или СССР, что было практически исключено, Варшава решила поиграть в большую политику. Если в мирный период такая игра еще могла бы дать некоторые результаты, то в условиях начала Второй мировой войны она была обречена. В результате, по точному выражению Молотова, «традиционная политика» беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась»⁸⁹⁷. Шесть лет спустя Сталин, выступая при подписании советско-польского договора о дружбе и сотрудничестве, заявил: «Старые правители Польши не хотели иметь союзных отношений с Советским Союзом. Они предпочитали вести политику игры между Германией и Советским Союзом. И, конечно, доигрались... Польша была оккупирована, ее независимость — аннулирована»⁸⁹⁸. Так завершилась вторая попытка в борьбе за влияние в Восточной Европе и за статус великой державы между Второй Речью Посполитой и Советским Союзом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990; Тойнби А.Дж. Постигание истории. Пер. с англ. М., 1991; Гумилев Л.Н. От Руси к

- России: очерки этнической истории. М., 1992; Кожин В.В. История Руси и русского Слова. Современный взгляд. М., 1997.
- 2 Подробнее см., например: История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). Кн. 1. Конец XV—XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999; Кн. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998; Кн. 3. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 9—134.
- 3 Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 22—34; Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия//Другая война: 1939—1945. М., 1996; Марков А.Д. Военно-политические аспекты присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии//Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997; Лебедева Н.С. Польша между Германией и СССР в 1939 году//Война и политика, 1939—1941. М., 1999. С. 65—84; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939—1941 гг. М., 1999. С. 169—197.
- 4 Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 1. М., 1963. С. 26.
- 5 Там же. С. 35—36.
- 6 Там же. С. 43—44.
- 7 Там же. С. 162—163; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 1. М., 1957. С. 14—13.
- 8 ДВП. Т. 1. С. 16—17.
- 9 Там же. С. 47—52.
- 10 Там же. С. 711.
- 11 ДМИСПО. Т. 1. С. 192—194; ДВП. Т. 1. С. 59—61.
- 12 ДВП. Т. 1. С. 119—204, 437—453; Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918—1921 гг. (Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание). М., 1995. С. 95—102.
- 13 ДМИСПО. Т. 1. С. 387—388, 395—396; ДВП. Т. 1. С. 371—372.
- 14 ДМИСПО. Т. 1. С. 418—419; ДВП. Т. 1. С. 458—460.
- 15 ДВП. Т. 1. С. 460.
- 16 Там же. С. 476.
- 17 Пшибыльский А. Войны польского империализма 1918—1921. Пер. с польск. М., 1931. С. 50—51.
- 18 ДВП. Т. 1. С. 565—567; ДМИСПО. Т. 2. М., 1964. С. 26—27.
- 19 ДВП. Т. 1. С. 579—581; ДМИСПО. Т. 2. С. 31—32.
- 20 ДВП. Т. 1. С. 607—609, 625—626; ДМИСПО. Т. 2. С. 36—37, 37—38, 40—43, 48—49.
- 21 ДВП. Т. 1. С. 636, Т. 2. С. 17—18; ДМИСПО. Т. 2. С. 52, 56—57, 58—63, 64—65, 68—69, 97, 164—166.
- 22 ДВП. Т. 1. С. 622.
- 23 ДМИСПО. Т. 2. С. 98—100; ДВП. Т. 2. М., 1958. С. 67—70.
- 24 ДМИСПО. Т. 2. С. 105—107; ДВП. Т. 2. С. 74—76.
- 25 ДМИСПО. Т. 2. С. 115.
- 26 Там же. С. 84—88.
- 27 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 76—84.
- 28 ДМИСПО. Т. 2. С. 205.
- 29 Там же. С. 199—200.
- 30 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 66—76; Савченко В.Н. Указ. соч. С. 102—118.
- 31 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 108—117.
- 32 Там же. С. 117—120.
- 33 ДМИСПО. Т. 2. С. 430—431.
- 34 Савченко В.Н. Указ. соч. С. 119—135; Скляр С.А. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции//Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 136—158.
- 35 ДВП. Т. 2. С. 105—106, 107; ДМИСПО. Т. 2. С. 192—194, 197.
- 36 Михутина И.В. Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994. С. 63—67; Михутина И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919—1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. С. 173.
- 37 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 10; Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.). Сборник документов в 4-х тт. Т. 4. М., 1978. С. 62.
- 38 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 101—108, 122—128, 142—143; ДМИСПО. Т. 2. С. 465—466.
- 39 ДМИСПО. Т. 2. С. 221; ДВП. Т. 2. С. 142—143, 151—152.
- 40 ДМИСПО. Т. 2. С. 282—283, 294—295; ДВП. Т. 2. С. 235.
- 41 ДМИСПО. Т. 2. С. 308, 370—371, 376—378, 388—392, 398—401, 433—434, 442—444, 496—497.

- 42 Там же. С. 404.
- 43 Там же. С. 446—447; ДВП. Т. 2. С. 312—313.
- 44 ДМИСПО. Т. 2. С. 431—432.
- 45 Там же. С. 489—491, 482—486, 503—505.
- 46 Гражданская война и интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 556—557; Манусевич А.Я. Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 32.
- 47 ДМИСПО. Т. 2. С. 508—509; ДВП. Т. 2. С. 331—333.
- 48 ДМИСПО. Т. 2. С. 511—513; ДВП. Т. 2. С. 355—357.
- 49 ДМИСПО. Т. 2. С. 543—544, 565; ДВП. Т. 2. С. 386—387, 399—400.
- 50 ДМИСПО. Т. 2. С. 521—522, 569—571.
- 51 Там же. С. 575—591.
- 52 Михутина И.В. Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919—1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. С. 165.
- 53 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 148—150.
- 54 ДМИСПО. Т. 2. С. 566—567; ДВП. Т. 2. С. 397—399.
- 55 ДМИСПО. Т. 2. С. 615—616; ДВП. Т. 2. С. 427—428.
- 56 ДМИСПО. Т. 2. С. 634—636.
- 57 Там же. С. 637.
- 58 Польско-советская война 1919—1920. Ранее не опубликованные документы и материалы. Ч. 1. М., 1994. С. 61.
- 59 ДМИСПО. Т. 2. С. 658—659; ДВП. Т. 2. С. 480—482.
- 60 ДМИСПО. Т. 2. С. 656—657, 660—663; Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). М., 1969. С. 8—51.
- 61 Военные действия на советско-польском фронте в 1920 г. с разной степенью подробности описаны в целом ряде исследований и воспоминаний, которые были использованы для написания этого раздела: Скворцов-Степанов И.П. С Красной Армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения. М., 1920; Сергеев Е.Н. От Двины до Вислы. Очерк операции 4-й армии Западного фронта в июле и первой половине августа 1920 года. (Второе наступление). Смоленск. 1923; Шапошников Б.М. На Висле. К истории кампании 1920 года. М., 1924; Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками, 1920 год. М., 1925; Пилсудский Ю. 1920 год. Пер. с польск. М., 1926; Путна В.К. К Висле и обратно. М., 1927; Шиловский Е.А. На Березине. Действия XVI армии на р. Березине в марте — июле 1920 года. М.-Л., 1928; Гай Г.Д. На Варшаву! Действия 3 конного корпуса на Западном фронте. Июль-август 1920 г. Военно-исторический очерк. М.-Л., 1928; Меликов В.А. Марна — 1914 года. Висла — 1920 года. Смирна — 1922 года. М.-Л., 1928; Егоров А.И. Львов — Варшава. 1920 год. Взаимодействие фронтов. М.-Л., 1929; Суслов П.В. Политическое обеспечение советско-польской кампании 1920 года. М., 1930; Гражданская война 1918—1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк. М., 1930; Меликов В.А. Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 года (Политико-стратегический и оперативный очерк). М., 1931; Операции на Висле в польском освещении. Сборник статей и документов. Пер. с польск. М., 1931; Ключев Л. Первая конная Красная армия на польском фронте в 1920 году. М., 1932; Зегжда Н. Южная группа Днепровской военной флотилии. М.-Л., 1940; Кузьмин Н.Ф. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; История гражданской войны в СССР. Т. 5: Конец иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Ликвидация последних очагов контрреволюции (февраль 1920 г. — октябрь 1922 г.). М., 1960. С. 63—160, 172—183; Пилсудский против Тухачевского. М., 1991.
- 62 Кузьмин Н.Ф. Указ. соч. С. 64—65; Из истории гражданской войны. Т. 3. М., 1961. С. 266—269; Пшибыльский А. Указ. соч. С. 152—153.
- 63 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 425; Из истории гражданской войны. Т. 3. С. 266—269; Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.). Сборник документов. Т. 4. М., 1978. С. 142—144.
- 64 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 67—70.
- 65 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 330—332; Пшибыльский А. Указ. соч. С. 150—151.
- 66 Польско-советская война 1919—1920. Ч. 1. С. 65—66.
- 67 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 332—336; Польско-советская война 1919—1920. Ч. 1. С. 68—69.
- 68 Директивы командования фронтов Красной армии (1917—1922 гг.) (далее — Директивы командования фронтов). Т. 3: Апрель 1920 г. — 1922 г. С. 141—143.
- 69 Там же. С. 146.
- 70 Кузьмин Н.Ф. Указ. соч. С. 71.
- 71 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 150.
- 72 УССР в период гражданской войны (1917—1920 гг.). Киев. 1966. С. 233.

- 73 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 19—20.
74 Там же. С. 154—157.
75 Михутина И.В. Польско-советская война 1919—1920 гг. С. 157—158.
76 ДМИСПО. Т. 3. М., 1965. С. 39—40, 50—51, 66—68.
77 Там же. С. 3—14, 46—49, 57—65.
78 Польско-советская война 1919—1920. Ч. 1. С. 74—76.
79 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 432—433.
80 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 16—17.
81 Там же. С. 28.
82 Там же. С. 24.
83 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 157.
84 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 342—350; Пшибыльский А. Указ. соч. С. 157—161.
85 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 160.
86 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 136
87 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 156.
88 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 141.
89 Кузьмин Н.Ф. Указ. соч. С. 136.
90 Там же. С. 137.
91 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 681—682.
92 Там же. С. 156—157.
93 Там же. С. 158—159.
94 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 449—450.
95 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 161—162.
96 Военная энциклопедия. Т. 4. М., 1994. С. 28.
97 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 161—167;
98 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 458—459.
99 Ленин В.И. ПСС. Т. 51. С. 205.
100 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 162—163.
101 Там же. С. 168.
102 Там же. С. 173—174.
103 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 162; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 177—178.
104 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 165; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 178—185.
105 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 166; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 188, 190.
106 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 191—192.
107 Там же. С. 57—58, 59.
108 ДВП. Т. 2. С. 552—553.
109 Там же. С. 565—566.
110 Михутина И.В. Указ. соч. С. 157—159.
111 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 176—177.
112 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 202, 213—214; Директивы Главного командования Красной армии (1917—1920). Сборник документов (далее — Директивы Главного командования). М., 1969. С. 703.
113 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 350—361.
114 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 197.
115 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 366—367.
116 Там же. С. 366—367.
117 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 197—198, 466—470; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 60, 61—62.
118 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 67—68.
119 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 204.
120 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 216, 218—219, 224—225.
121 ДМИСПО. Т. 3. С. 138—142, 144—150, 151—152.
122 Там же. С. 177—178; Манусевич А.Я. Указ. соч. С. 35.
123 ДВП. Т. 3. М., 1959. С. 54—55.
124 Польско-советская война. Ч. 1. С. 130—141.
125 Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 329—334.
126 Там же. С. 336—341.
127 Директивы Главного командования. С. 610—612.
128 Польско-советская война. Ч. 1. С. 142—143.
129 ДВП. Т. 3. С. 47—53.

- 130 ДМИСПО. Т. 3. С. 166—169.
131 Директивы Главного командования. С. 613—614.
132 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 210; Директивы Главного командования. С. 641—642.
133 Директивы Главного командования. С. 643—644.
134 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 209; Директивы Главного командования. С. 644.
135 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 225—226.
136 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 211; Директивы Главного командования. С. 704—705.
137 Директивы Главного командования. С. 614—615.
138 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 71—72.
139 Там же. С. 227.
140 Меликов В.А. Сражение на Висле в свете опыта майско-августовской кампании 1920 г. С. 56—57.
141 ДВП. Т. 3. С. 61; ДМИСПО. Т. 3. С. 190.
142 ДВП. Т. 3. С. 60—61.
143 Директивы Главного командования. С. 644—645.
144 Там же. С. 645.
145 ДМИСПО. Т. 3. С. 193—194, 196—197, 202.
146 Там же. С. 205—207.
147 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 382, прим.1.
148 ДМИСПО. Т. 3. С. 244—246.
149 Там же. С. 221—225; Польско-советская война. Ч. 1. С. 161—162, 164—171, 172—173, 174—176, 177, 179—181, 184, 190—193, 194—196, 200—201, 202, 204—205; Ч. 2. С. 6, 9—12, 45—47.
150 ДМИСПО. Т. 3. С. 239—242; Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 52—89.
151 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 178—182.
152 Директивы Главного командования. С. 709.
153 Егоров А.И. Указ. соч. С. 118—119.
154 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 184—204; Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 425—436.
155 Кузьмин Н.Ф. Указ. соч. С. 254.
156 ДМИСПО. Т. 3. С. 294—295.
157 Пилсудский Ю. 1920 год. С. 124.
158 ДВП. Т. 3. С. 100—101; Польско-советская война. Ч. 1. С. 155—160.
159 ДМИСПО. Т. 3. С. 253—258, 262—263, 276—277, 281—287.
160 Известия ВЦИК. 8 августа 1920 г.
161 Директивы Главного командования. С. 646.
162 Егоров А.И. Указ. соч. С. 61—65.
163 Директивы Главного командования. С. 647.
164 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 416.
165 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 251—252.
166 Там же. С. 253.
167 Директивы Главного командования. С. 647—648.
168 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 78—79.
169 Директивы Главного командования. С. 649—652.
170 О положении С. С. Каменева см.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М., 2000. С. 39—43.
171 Директивы Главного командования. С. 652—654.
172 Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920—1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия). М., 2001. С. 42—44.
173 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 295—296; Директивы Главного командования. С. 711—712.
174 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 254.
175 Там же. С. 81—82; Директивы Главного командования. С. 658, 807.
176 Егоров А.И. Указ. соч. С. 152; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 84—85.
177 Меликов В.А. Указ. соч. С. 125—127.
178 Путна В.К. Указ. соч. С. 121.
179 Директивы Главного командования. С. 655.
180 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 81—82.
181 Там же. С. 83.
182 Там же. С. 84—85.
183 Lukomski G. Walka Rzeczypospolitej o kresy polnocno-wschodnie 1918—1920. Polityka i dzialania militarne. Warszawa. 1994. S. 113.

- 184 ДМИСПО. Т. 3. С. 317—318.
- 185 Там же. С. 301—304, 306—316, 318—323, 327—337, 339, 346—347, 349—350, 358—364, 379—390, 399—401, 409—410, 423, 425—426, 428—439, 465—468.
- 186 ДМИСПО. Т. 3. С. 314—316; ДВП. Т. 3. С. 137—139.
- 187 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 108.
- 188 Там же. С. 104.
- 189 Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 31; Польско-советская война. Ч. 1. С. 196—197, 207—208.
- 190 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 90, 91—92, 261—262, 263.
- 191 Меликов В.А. Указ. соч. С. 210.
- 192 Гражданская война 1918—1921. Т. 3. С. 442—462; Пшибыльский А. Указ. соч. С. 212—214.
- 193 Какурин Н.Е., Меликов В.А. Указ. соч. С. 510—511.
- 194 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 96—98; Директивы Главного командования. С. 665—666.
- 195 Директивы Главного командования. С. 668.
- 196 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 110—111.
- 197 Директивы Главного командования. С. 668—669.
- 198 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 114.
- 199 Директивы Главного командования. С. 670; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 121—122.
- 200 Пшибыльский А. Указ. соч. С. 217—233; Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 115—116, 117.
- 201 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 275—276.
- 202 Директивы Главного командования. С. 671.
- 203 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 125—127.
- 204 Там же. С. 127—128, 129—130, 287—288, 289—290, 292—294; Директивы Главного командования. С. 672.
- 205 Директивы командования фронтов. Т. 3. С. 133—135.
- 206 Там же. С. 294—300; Директивы Главного командования. С. 722; Польско-советская война. Ч. 2. С. 111—112, 115—116, 120.
- 207 ДМИСПО. Т. 3. С. 469—479, 486—493, 520—552; Польско-советская война. Ч. 2. С. 4—5, 8—9, 12—13, 43, 54—59, 65—69, 81—85, 86—87.
- 208 ДМИСПО. Т. 3. С. 393—401; ДВП. Т. 3. С. 204—206; Польско-советская война. Ч. 2. С. 97—110.
- 209 ДМИСПО. Т. 3. С. 406—407.
- 210 Там же. С. 428—438; ДВП. Т. 3. С. 245—258.
- 211 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 90—152; Савченко В.Н. Указ. соч. С. 135—162.
- 212 Польско-советская война. Ч. 2. С. 121—153, 155—179, 181—214.
- 213 ДМИСПО. Т. 3. С. 465—468; ДВП. Т. 3. С. 305—309.
- 214 ДМИСПО. Т. 3. С. 502—514; ДВП. Т. 3. С. 531—534.
- 215 ДМИСПО. Т. 3. С. 520—552; ДВП. Т. 3. С. 618—658.
- 216 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 153—201.
- 217 Залусский З. Пути к достоверности//Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский — легенды и факты. Пер. с польск. М., 1990. С. 264.
- 218 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 34; Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919—1921 гг.? //Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 64—69; Костюшко И.И. К вопросу о польских военнопленных 1920 года//Славяноведение. 2000. № 3. С. 42—62; Дайнес В.О. Россия — Польша. Работа над ошибками//Независимая газета. 3 ноября 2000 г.; Филимошин М.В. «Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели как большевики»//Военно-исторический журнал. 2001. № 2. С. 43—48.
- 219 ДМИСПО. Т. 4. М., 1966. С. 26, 27; ДВП. Т. 4. М., 1960. С. 129, 139.
- 220 ДМИСПО. Т. 4. С. 28, 49—50.
- 221 Там же. С. 19—21, 30—33, 40—41, 42—48, 111—115, 129—131, 137—138, 224—228.
- 222 Там же. С. 192; ДВП. Т. 4. С. 336—338.
- 223 ДМИСПО. Т. 4. С. 34—36, 103—106; ДВП. Т. 4. С. 529—534.
- 224 ДМИСПО. Т. 4. С. 22—26, 80—81.
- 225 Там же. С. 12—14; ДВП. Т. 4. С. 62, 70—72.
- 226 ДВП. Т. 4. С. 203—208.
- 227 Там же. С. 334—335.
- 228 Почс К.Я. «Санитарный кордон». Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921—1929 гг.). Рига. 1985. С. 24—25.
- 229 ДВП. Т. 4. С. 312—320.

- 230 ДМИСПО. Т. 4. С. 67—69.
231 Там же. С. 71—73; ДВП. Т. 4. С. 366—369.
232 ДВП. Т. 4. С. 322—323, 357—362, 374—380.
233 ДМИСПО. Т. 4. С. 82—83.
234 Там же. С. 86—88; ДВП. Т. 4. С. 394—396.
235 ДМИСПО. Т. 4. С. 93, 98—99; ДВП. Т. 4. С. 430—431.
236 ДМИСПО. Т. 4. С. 101—102, 106—108; ДВП. Т. 4. С. 452—456, 464, 497—508.
237 ДМИСПО. Т. 4. С. 165—166.
238 Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923—
1944 г. М., 1997. С. 12—15.
239 ДВП. Т. 4. С. 572.
240 Ольшанский П.Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921—1924 г. М., 1974. С. 80—93.
241 ДМИСПО. Т. 4. С. 143—144; Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 97—98.
242 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 93—101.
243 ДМИСПО. Т. 4. С. 144—146.
244 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 101—104.
245 ДМИСПО. Т. 4. С. 148—149, 150—152; ДВП. Т. 5. М., 1961. С. 266—268, 284—285, 283—284.
246 Почс К.Я. Указ. соч. С. 48.
247 ДМИСПО. Т. 4. С. 159—161; ДВП. Т. 5. С. 448—450.
248 ДМИСПО. Т. 4. С. 170—172; ДВП. Т. 5. С. 555—556.
249 ДМИСПО. Т. 4. С. 194—212; ДВП. Т. 6. М., 1962. С. 24—28, 50—51.
250 Горлов С.А. Указ. соч. С. 78.
251 ДВП. Т. 6. С. 192—193.
252 ДМИСПО. Т. 4. С. 240—241, 244—247, 256—257; ДВП. Т. 6. С. 440—441, 541—543; Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 160—164.
253 ДМИСПО. Т. 4. С. 335—336, 353—355, 431—432; ДВП. Т. 7. М., 1963. С. 442—443, Т. 8. М., 1963. С. 106—110.
254 ДВП. Т. 7. С. 636—643.
255 Ольшанский П.Н. Указ. соч. С. 191—220.
256 ДВП. Т. 6. С. 222—226, 242; Савченко В.Н. Указ. соч. С. 152—153.
257 ДМИСПО. Т. 4. С. 292—297, 298; ДВП. Т. 7. С. 260—267.
258 ДМИСПО. Т. 4. С. 314—315.
259 Там же. С. 318—320; ДВП. Т. 7. С. 446.
260 ДМИСПО. Т. 4. С. 323—324, 325—326; ДВП. Т. 7. С. 444—448.
261 ДМИСПО. Т. 4. С. 326—327.
262 Там же. С. 467—468.
263 Там же. С. 418.
264 Почс К.Я. Указ. соч. С. 95—100.
265 Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 90—91.
266 ДМИСПО. Т. 5. М., 1967. С. 49—55, 58, 79; ДВП. Т. 9. М., 1964. С. 446—451.
267 ДМИСПО. Т. 5. С. 142—143, 144—146.
268 Там же. Т. 4. С. 462—469, 487—488, Т. 5. С. 11—13, 14—17, 19—22, 41—42, 45, 59—62, 76—77, 89—90, 91—92, 101—102, 107—108, 110—120, 121—126, 128—131, 136—142, 147—150, 156—157, 197—209.
269 Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 90—91.
270 ДМИСПО. Т. 5. С. 17—18, 151—155, 158—159.
271 15-й съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1961. Часть.1. С. 208.
272 ДМИСПО. Т. 5. С. 163—166, 177—178, 187—192, 194—195, 197.
273 Там же. С. 214—216, 229—232, 237, 238—240.
274 Системная история международных отношений. В 4-х тт. Т. 1: События 1918—1945. М., 2000. С. 119.
275 ДМИСПО. С. 284—285, 286—288, 292—296, 298—303.
276 Там же. С. 332—334, 335—342, 345—348, 352—361; ДВП. Т. 11. М., 1966. С. 640—645.
277 Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 90—91.

- 278 Климовский Д.С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения второй мировой войны). Минск. 1975. С. 15—114.
- 279 Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 93—94.
- 280 ДМИСПО. Т. 5. С. 473, 474—475, 480—481; ДВП. Т. 14. М., 1968. С. 769, прим.17.
- 281 ДВП. Т. 14. С. 47—52.
- 282 Там же. С. 452—456.
- 283 ДМИСПО. Т. 5. С. 490—496, 497—498.
- 284 Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 94—95.
- 285 ДМИСПО. Т. 5. С. 501.
- 286 Там же. С. 502—510, 514—517, 519—525.
- 287 ДВП. Т. 14. С. 714—715, 718—719, 735—736, 737, 743, Т. 15. М., 1969. С. 45—48, 83—86; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 96—98.
- 288 ДМИСПО. Т. 5. С. 528—529.
- 289 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып.5. М., 1933. С. 138—139.
- 290 Горлов С.А. Указ. соч. С. 287—313.
- 291 Климовский Д.С. Зловещий пакт. Из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск. 1968. С. 5—18.
- 292 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып.6. М., 1934. С. 10—21.
- 293 Там же. С. 18.
- 294 ДМИСПО. Т. 6. М., 1969. С. 58—62; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 100—102.
- 295 ДМИСПО. Т. 6. С. 65—69.
- 296 Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 103.
- 297 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып.6. С. 20—21.
- 298 Там же. С. 170—172.
- 299 Случ С.З. Германо-польский пакт о ненападении 1934 г. — дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе//Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984. С. 86—89; Фолькман Г.-Э. Польша в политико-экономических расчетах «третьего рейха» в 1933—1939 гг.//Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 61—74.
- 300 Климовский Д.С. Указ. соч. С. 38—39.
- 301 ДМИСПО. Т. 6. С. 103—104, 107—116.
- 302 Там же. С. 122—123.
- 303 Там же. С. 135—136, 141—146.
- 304 Там же. С. 147—148, 150—151.
- 305 ДВП. Т. 17. М., 1971. С. 37—41.
- 306 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып.10. М., 1936. С. 41—42.
- 307 ДМИСПО. Т. 6. С. 156—157.
- 308 Случ С.З. Указ. соч. С. 99.
- 309 ДМИСПО. Т. 6. С. 158—163; ДВП. Т. 17. С. 107—109.
- 310 ДМИСПО. Т. 6. С. 166—177.
- 311 ДВП. Т. 17. С. 213, 227—234.
- 312 ДМИСПО. Т. 6. С. 183—186, 187—189, 195—197; Кен О.Н., Рупасов А.И. Указ. соч. С. 105—106.
- 313 Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931—1935 гг. М., 1974. С. 18—179.
- 314 ДМИСПО. Т. 6. С. 198—202, 205—206, 211—213, 215—219, 228—230, 233—235, 258, 261—263.
- 315 Там же. С. 220—221, 225.
- 316 Там же. С. 249—250.
- 317 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып.10. С. 250—278.
- 318 ДМИСПО. Т. 6. С. 272—274.
- 319 ДВП. Т. 18. М., 1973. С. 309—312, 333—336; ДМИСПО. Т. 6. С. 267—269.
- 320 Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976. С. 214—215.
- 321 ДМИСПО. Т. 6. С. 325, 334—335.
- 322 Там же. С. 338—340.
- 323 ДВП. Т. 21. М., 1977. С. 129.
- 324 ДМИСПО. Т. 6. С. 343—345; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936—1939. М., 1987. С. 139—145.

- 325 Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939—1941. М., 1997. С. 36.
- 326 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 96.
- 327 Там же. С. 96.
- 328 Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. Пер. с англ. М., 1959; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 21—111; Крал В. План Зет. Пер. с чеш. М., 1978; Крал В. Дни, которые потрясли Чехословакию. Пер. с чеш. М., 1980; Безыменский Л.А. Разгаданные загадки третьего рейха. 1933—1941. М., 1984. С. 127—182; Мюнхен — преддверие войны. М., 1988; Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938—1939. М., 1992. С. 5—136.
- 329 ДВП. Т. 19. М., 1974. С. 153—161.
- 330 Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1981. Т. 1. С. 35—50.
- 331 Ротштейн Э. Указ. соч. С. 66
- 332 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. С. 201—208.
- 333 Там же. С. 208—209.
- 334 Там же. С. 209—212.
- 335 Там же. С. 251—259.
- 336 Там же. С. 256, 260.
- 337 Крал В. План Зет. С. 104.
- 338 Прасолов С.И. Договор о взаимной помощи между Советским Союзом и Чехословакией 1935 г. // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918—1939. М., 1968. С. 187.
- 339 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. С. 99—100, 102—110.
- 340 ДМИСПО. Т. 6. С. 356—357.
- 341 Ротштейн Э. Указ. соч. С. 104.
- 342 Крал В. Дни, которые потрясли Чехословакию. С. 294.
- 343 Новые документа по истории Мюнхена. М., 1958. С. 94—97; Документы по истории мюнхенского сговора 1937—1939. М., 1979. С. 228—230.
- 344 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 241—243, 244—252.
- 345 Там же. С. 265.
- 346 ДМИСПО. Т. 6. С. 363—364.
- 347 Там же. С. 364.
- 348 Гришин Я.Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932—1938 гг. Казань. 1999. С. 118.
- 349 Там же. С. 132.
- 350 Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955. С. 250—271.
- 351 Цит. по: Мюнхен — преддверие войны. С. 258.
- 352 Гришин Я.Я. Указ. соч. С. 149.
- 353 ДМИСПО. Т. 6. С. 356—366.
- 354 Фолькман Г.-Э. Указ. соч. С. 71.
- 355 Наджафов Д.Г. СССР в послемюнхенской Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 77.
- 356 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 100.
- 357 Там же. С. 97.
- 358 Новые документы по истории Мюнхена. С. 15—18; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 71.
- 359 ДВП. Т. 21. С. 128—129.
- 360 Там же. С. 149.
- 361 Новые документы по истории Мюнхена. С. 28.
- 362 Там же. С. 27—28; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 88—89.
- 363 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 100—103.
- 364 Ротштейн Э. Указ. соч. С. 175.
- 365 Новые документы по истории Мюнхена. С. 29; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 74, 77, 89; Степанов А.С. Перед Мюнхеном// Военно-исторический журнал. 1992. № 4-5. С. 7.
- 366 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 178.
- 367 Там же. С. 181, 183.
- 368 ДВП. Т. 21. С. 470—471; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 185—190, 192—193.
- 369 ДВП. Т. 21. С. 520—522.
- 370 Новые документы по истории Мюнхена. С. 79—82; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 205—208.

- 371 Борисов Ю.В. Против фальсификации военной истории чехословацкого кризиса 1938 года// Правда и ложь в истории дипломатии. М., 1964. С. 98—102.
- 372 Ротштейн Э. Указ. соч. С. 253.
- 373 ДВП. Т. 21. С. 498—499, 500; Новые документы по истории Мюнхена. С. 98—100, 103—105; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 231—233, 240.
- 374 ДВП. Т. 21. С. 501—509, 517—520.
- 375 Новые документы по истории Мюнхена. С. 150—152.
- 376 Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936—1939. С. 145—199.
- 377 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 319—320.
- 378 Там же. С. 344, 346—347.
- 379 Zgorniak M. Sytuacja militarna Europy w okresie kryzysu politycznego 1938 r. Warszawa. 1979. S. 112—116.
- 380 The Rise and Fall of the German Air Force 1933—1945. L., 1987. P.19—20; Wood D., Dempster D. The narrow margin. L., 1961. P.478—479; Collier B. The Defence of the United Kingdom. L., 1957. P.66.
- 381 Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933—1945. Koblenz. 1987. Bd.1. S. 15.
- 382 Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Пер. с нем. Т. 1. М., 1956. С. 27, 75—76.
- 383 Zgorniak M. Op. cit. S. 164—165.
- 384 История второй мировой войны 1939—1945 гг. М., 1974. Т. 2. С. 108, карта 4; Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 92—94; Степанов А.С. Указ. соч. С. 5, 7—8.
- 385 Zgorniak M. Op. cit. S. 284, 287—289.
- 386 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 87—90; Zgorniak M. Wojskowe aspekty kryzysu czechoslowackiego 1938 roku. Krakow. 1966. S. 100, 106—107, 127, 129, 131; Pfaff I. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei, 1934—1938: Versuch der Revision einer Legende. Kцln. 1996. Karta 5.
- 387 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 19. Л. 341.
- 388 Там же. Л. 342—342об.
- 389 Там же. Д. 18. Л. 343—344.
- 390 Там же. Л. 15.
- 391 Грылев А.Н. Накануне и в дни Мюнхена//Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами 1918—1939. С. 218—227; История второй мировой войны. Т. 2. С. 104—108; Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 112—116; Документы по истории мюнхенского сговора. С. 254—256.
- 392 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2829. Л. 144, 147; Д. 2910. Л. 195—198.
- 393 Новые документы по истории Мюнхена. С. 139—140.
- 394 Там же. С. 145.
- 395 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 314.
- 396 Там же. С. 314.
- 397 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2853. Л. 118.
- 398 Там же. Ф. 31811. Оп. 2. Д. 822. Л. 205—205об; Д. 862. Л. 12, 32.
- 399 Документы по истории мюнхенского сговора. С. 312—313.
- 400 РГВА. Ф. 29. Оп. 46. Д. 271. Л. 75—111.
- 401 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 104—105.
- 402 1941 год. Документы. М., 1998. Кн. 2. С. 557—558.
- 403 Ротштейн Э. Указ. соч. С. 272.
- 404 Там же. С. 276—277.
- 405 Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 90—91.
- 406 Мосли Л. Указ. соч. С. 93—94.
- 407 Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 85—86.
- 408 ДМИСПО. Т. 6. С. 372—373; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. С. 37—38.
- 409 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 130, прим.197.
- 410 Там же. С. 132.
- 411 Там же. С. 132—135.
- 412 Год кризиса. Т. 1. С. 75—77, 79—80, 85—86, 93—94, 117, 118; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939. М., 1963. С. 560—566; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 112—118.
- 413 Год кризиса. Т. 1. С. 130—137, 163—164, 168—177, 194—196.
- 414 ДМИСПО. Т. 7. М., 1973. С. 23—25, 34—49; ДВП. М., 1992. Т. 22. Кн. 1. С. 41—43.

- 415 Год кризиса. Т. 1. С. 207—209, 276—278.
- 416 Там же. С. 167—168, 184—186; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939: Пер. с нем. М., 1990. С. 75—85, 93—95; Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы//Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3—26.
- 417 Год кризиса. Т. 1. С. 191—192, 200—201, 210; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 85—89; Фомин В.Т. Указ. соч. С. 571—575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 120—122.
- 418 ДМИСПО. Т. 7. С. 29—30.
- 419 Год кризиса. Т. 1. С. 253—254, 272—274.
- 420 Там же. С. 272—274, 289—291; Мосли Л. Указ. соч. С. 160—196; Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 177—178.
- 421 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 216.
- 422 ДМИСПО. Т. 7. С. 57—64, 66, 68; Год кризиса. Т. 1. С. 314—315, 317—319, 324—327, 335—337, 339; Иванов А.Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158—160.
- 423 Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 109—112.
- 424 Год кризиса. Т. 1. С. 288, 293—294, 295, 296—297, 308—310; Мосли Л. Указ. соч. С. 201—212; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 109—112; Иванов А.Г. Указ. соч. С. 153—154.
- 425 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 125.
- 426 Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 43.
- 427 Grzelak C.K. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowjeckiego na Polske w 1939 roku. Warszawa. 1998. S. 116—119.
- 428 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 35.
- 429 Год кризиса. Т. 1. С. 341—342; Мосли Л. Указ. соч. С. 212—218; Иванов А.Г. Указ. соч. С. 163—164; Некрич А.М. Указ. соч. С. 289—303.
- 430 Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 42—46.
- 431 Год кризиса. Т. 1. С. 361.
- 432 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246; Известия. 4 апреля 1939 г.
- 433 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 69—70.
- 434 Год кризиса. Т. 1. С. 355.
- 435 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252—253.
- 436 Год кризиса. Т. 1. С. 371.
- 437 Там же. С. 370—372.
- 438 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
- 439 Год кризиса. Т. 1. С. 378—379; Мосли Л. Указ. соч. С. 218—221; Фомин В.Т. Указ. соч. С. 567—571.
- 440 Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 107—109.
- 441 Там же. С. 109—110; Год кризиса. Т. 1. С. 498—500.
- 442 Год кризиса. Т. 1. С. 314—315.
- 443 Некрич А.М. Указ. соч. С. 322—401; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1989; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1989; Альтернативы 1939 г. М., 1989; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Фляйшхауэр И. Указ. соч.; Севостьянов Г.Н. Указ. соч. С. 136—374; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992 и др.
- 444 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 62—64; ДМИСПО. Т. 7. С. 71—75, 78—80.
- 445 Год кризиса. Т. 1. С. 357—359.
- 446 Там же. С. 394—395.
- 447 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320—321.
- 448 Год кризиса. Т. 1. С. 437—438.
- 449 Там же. С. 389—390; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
- 450 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 57.
- 451 Год кризиса. Т. 1. С. 37—438.
- 452 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 153.
- 453 Год кризиса. Т. 2. С. 394, прим.111.
- 454 Там же. С. 435—436, 437—438, 441—442, 444, 448—449, 465—466; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа — Молотова 1938—1939 годы//Отечественная история. 2001. № 2. С. 79—80.
- 455 Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216—219; РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145—154, 159, 178—179.
- 456 ДМИСПО. Т. 7. С. 115—116; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 418.

- 457 ДМИСПО. Т. 7. С. 114—115.
- 458 Год кризиса. Т. 1. С. 496—497, 498; Т. 2. С. 112—113; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 160—161.
- 459 История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 2. С. 353; Мосли Л. Указ. соч. С. 246—248; Кимхе Д. Указ. соч. С. 59—61; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939. С. 595—596; Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 95—100.
- 460 Некрич А.М. Указ. соч. С. 310—311; Дембски С. Указ. соч. С. 78.
- 461 ДМИСПО. Т. 7. С. 112—114.
- 462 Кимхе Д. Указ. соч. С. 55—67.
- 463 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 132—137; Год кризиса. Т. 1. С. 493—495; Ушаков В.Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161—164.
- 464 Кимхе Д. Указ. соч. С. 68—90; Мосли Л. Указ. соч. С. 242—246.
- 465 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 427.
- 466 ДМИСПО. Т. 7. С. 120—121.
- 467 Там же. С. 40; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450—451; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 162—163.
- 468 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 193—198.
- 469 Там же. С. 168.
- 470 Там же. С. 182.
- 471 Там же. С. 169; Челышев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938—1941. М., 1999. С. 131—133.
- 472 Год кризиса. Т. 2. С. 192—193.
- 473 ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 386.
- 474 Мосли Л. Указ. соч. С. 258—259.
- 475 Там же. С. 278—282.
- 476 Некрич А.М. Указ. соч. С. 405.
- 477 Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 129—131.
- 478 Мосли Л. Указ. соч. С. 301; Год кризиса. Т. 2. С. 278—279, 294—295.
- 479 Цит. по: Фомин В.Т. Указ. соч. С. 86.
- 480 Год кризиса. Т. 2. С. 316—318; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. С. 76.
- 481 Мосли Л. Указ. соч. С. 301.
- 482 Малафеев К.А. Позиция французских правящих кругов на англо-франко-советских военных переговорах 1939 года//Из истории классовой борьбы и международных отношений новейшего времени. Рязань. 1974. С. 26—53; Год кризиса. Т. 2. С. 255—256, 268—269, 278—279, 292—295; Мосли Л. Указ. соч. С. 299—302; Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 76.
- 483 Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года// Вопросы истории. 1997. № 7. С. 15—16.
- 484 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 138—140, 384—385; Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 89—94.
- 485 Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 294.
- 486 Там же. С. 319—321.
- 487 Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 336—338; Год кризиса. Т. 2. С. 313—314; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 316.
- 488 Год кризиса. Т. 2. С. 323—326; Мосли Л. Указ. соч. С. 315—321; Некрич А.М. Указ. соч. С. 412—428.
- 489 Фомин В.Т. Указ. соч. С. 141—148.
- 490 Мосли Л. Указ. соч. С. 329; Кимхе Д. Указ. соч. С. 117—128.
- 491 Мосли Л. Указ. соч. С. 329.
- 492 Фомин В.Т. Указ. соч. С. 135.
- 493 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 76.
- 494 Там же. С. 79.
- 495 Год кризиса. Т. 2. С. 338; Мосли Л. Указ. соч. С. 322—347; Кимхе Д. Указ. соч. С. 129—140.
- 496 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 83—84.
- 497 Фомин В.Т. Указ. соч. С. 154—155.
- 498 Год кризиса. Т. 2. С. 339—344, 354—355; Гальдер Ф. Указ. соч. С. 84—86; Фомин В.Т. Указ. соч. С. 148—152.
- 499 Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. С. 339.
- 500 Там же. С. 359.
- 501 Там же. С. 360—364.
- 502 Там же. С. 341—343, 370—373; Проэктор Д.М. Война в Европе. 1939—1941 гг. М., 1963. С. 20—26; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1979. Bd.2. S. 92—99.
- 503 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1988. Bd.5/1. S. 950.

504 Начальный период войны. М., 1974. С. 124—132, 143—144; Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 26—31; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 10—20; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 93—104.

505 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S. 709, 718—719.

506 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 14—20; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 103; Bd.5/1. S. 712; Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. Warszawa. 1990. S. 144—145.

507 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 28, прим.2; Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны//Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 359—360.

508 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 39.

509 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 106; История второй мировой войны. 1939—1945 гг. М., 1974. Т. 3. С. 18—19; Начальный период войны. С. 109—111; Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 38—43.

510 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 42; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 104—110; Начальный период войны. С. 134—136, 148—149; Згорняк М. Указ. соч. С. 358—359.

511 Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 168—169, 189; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 112.

512 Таблицы 17 и 18 составлены по: Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 189, 207; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.5/1. S. 718—719; Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 86; Дашичев В.И. Указ. соч. С. 345; Szubanski R. *Początek pancernego szlaku*. Warszawa. 1982. S. 27.

513 Мадер Ю. Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. Сокр. пер. с нем. М., 1985. С. 18—19.

514 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 385—386.

515 Мосли Л. Указ. соч. С. 336—338, 347—351; Норден А. Так делаются войны. О закулисной стороне и технике агрессии. Пер. с нем. М., 1972. С. 104—105.

516 Норден А. Указ. соч. С. 102—103.

517 Описание германо-польской войны дано по: Типпельскирх К. История второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 21—30; Буше Ж. Бронетанковое оружие в войне. Пер. с фр. М., 1956. С. 88—107; Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 45—124; История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. С. 20—34; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd.2. S. 111—135; Jurga T. *Obrona Polski*. 1939; Гудериан Г. Воспоминания солдата. Пер. с нем. Ростов-на-Дону. 1998. С. 86—108; Манштейн Э. Утерянные победы. Пер. с нем. СПб., 1999. С. 19—70.

518 Мосли Л. Указ. соч. С. 355—356.

519 Роде Х. Начало войны в 1939 г. в Данциге — планы и действительность // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 364—378.

520 Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 201, 207; Szubanski R. *Początek pancernego szlaku*. S. 27.

521 Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 200—201, 207; Szubanski R. *Początek pancernego szlaku*. S. 27.

522 Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 200—201, 207; Szubanski R. *Początek pancernego szlaku*. S. 27.

523 Jurga T. *Obrona Polski*. 1939. S. 200—201, 207; Szubanski R. *Początek pancernego szlaku*. S. 27.

524 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 350—352; Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 628—633.

525 Цит. по: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. 1939—1945 гг. М., 1962. С. 15; Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 85—86.

526 Мосли Л. Указ. соч. С. 363.

527 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 87.

528 История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. С. 16

529 Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939 — июнь 1941). М., 1978. С. 107; Ширер У. Указ. соч. С. 633—652.

530 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 350—352.

531 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 386—387; Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 84—90.

532 *Allianz Hitler — Horthy — Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1933—1944)*. Budapest. 1966. S. 244—245; Juhasz G. Beitrage zur Ungars Aussenpolitik in den Tagen des Ausbruch des Zweiten Weltkrieges (August — September 1939)//*Akta Historica*. Vol.VIII, 1—2. S. 137—174; Желицки Б.И. Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиция венгерских политических сил (1939—1940 гг.)//Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 82—83.

533 Урбшиш Ю. Литва в годы суровых испытаний 1939—1940. Вильнюс. 1989. С. 23—24.

- 534 Типпельскирх К. Указ. соч. С. 27; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939—1941 гг. М., 1999. С. 207.
- 535 История второй мировой войны. Т. 3. С. 24—25.
- 536 Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года// Вопросы истории. 1997. № 7. С. 19.
- 537 Проэктор Д.М. Война в Европе 1939—1941 гг. С. 83.
- 538 От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны. М., 1992. С. 80—81.
- 539 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 85; Дашичев В.И. Указ. соч. С. 352.
- 540 Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1991. Кн. 1. С. 191.
- 541 От Мюнхена до Токийского залива С. 82.
- 542 Мосли Л. Указ. соч. С. 371.
- 543 Станевич М. Сентябрьская катастрофа. Пер. с польск. М., 1953. С. 226—229; Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 87; Дашичев В.И. Указ. соч. С. 352—353.
- 544 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 342; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 20—23.
- 545 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 145.
- 546 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.5/1. S. 718—719.
- 547 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 1. М., 1956. С. 47.
- 548 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 343.
- 549 Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 99—101; Начальный период войны. С. 136—138; История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 2. С. 406—407.
- 550 Кимхе Д. Указ. соч. С. 150—151; История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 2. С. 432.
- 551 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 86; Дашичев В.И. Указ. соч. С. 354.
- 552 История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. С. 27; Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938—1941. М., 1999. С. 194—196.
- 553 Цит. по: Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 86.
- 554 История второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. С. 27.
- 555 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 354.
- 556 Чельшев И.А. Указ. соч. С. 196.
- 557 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 354.
- 558 Фомин В.Т. Указ. соч. С. 101.
- 559 Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 1. С. 160—161.
- 560 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 355.
- 561 Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958. С. 35—36.
- 562 Кимхе Д. Указ. соч. С. 147.
- 563 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 388.
- 564 Станевич М. Указ. соч. С. 234—236.
- 565 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 37. Л. 163—166.
- 566 Кундюба И.Д. Советско-польские отношения (1939—1945 гг.). Киев. 1963. С. 20.
- 567 Суворов А. Брестская крепость: когда был первый бой — 22 июня 41-го? Нет, гораздо раньше// Литературная газета. 1989. 20 сентября.
- 568 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 37. Л. 178, 182, 197—201.
- 569 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 123.
- 570 Дашичев В.И. Указ. соч. С. 388—389.
- 571 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 121—123.
- 572 Там же. С. 130.
- 573 Groehler O. Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1981. Berlin. 1985. S. 227.
- 574 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 132.
- 575 Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). Serie D. Baden-Baden. 1956. Bd.7. S. 302.
- 576 Год кризиса. Т. 2. С. 337.
- 577 Правда. 30 августа 1939 г.
- 578 Год кризиса. Т. 2. С. 356—357; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 6—7.
- 579 Год кризиса. Т. 2. С. 359—360; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 14—15.
- 580 ADAP. Bd.7. S. 450—451; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 600.
- 581 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 25.
- 582 Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг.//Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18—19; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 584.
- 583 Горчаков Р. Загадка северной «Барбароссы». О малоизвестных страницах истории советско-германских отношений в канун Великой Отечественной войны//Урал. 1989. № 5. С. 148; этот приказ был передан только для лайнера «Бремен», но по техническим причинам его получили и другие суда.

- 584 ADAP. Bd.8. S. 12.
- 585 Отечественная история. 2000. № 6. С. 10.
- 586 Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18—19; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М., 1994. С. 11.
- 587 Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 19.
- 588 Парсаданова В.С. Трагедия Польши в 1939 г.//Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 24 (там же автор приводит данные об отказе СССР от этих поставок); Антосяк А.В. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии//Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 52; Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово. 1992. С. 68.
- 589 Семиряга М.И. 17 сентября 1939 г.//Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 3—18; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 25—26.
- 590 РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 125. Л. 272—276; Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 177.
- 591 РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 125. Л. 299—417.
- 592 Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 37—50; Красная армия за год до фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 19—21.
- 593 ЦХСД. Ф. 89. Оп. 74. Д. 5. Л. 1.
- 594 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 126—147; Ф. 40442. Оп. 2. Д. 128. Л. 162—190; ЦХСД. Ф. 89. Оп. 74. Д. 24. Л. 1.
- 595 РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 180. Л. 92; Д. 126. Л. 1—2.
- 596 Там же. Ф. 25888. Оп. 15. Д. 458. Л. 70—72.
- 597 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 521. Л. 9.
- 598 Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 96. Л. 51—54.
- 599 Там же. Ф. 25887. Оп. 2. Д. 69. Л. 2—7.
- 600 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4566. Л. 1—2; РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 482. Л. 81—101, 107—110; Д. 496. Л. 168—216.
- 601 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 63—65, 69.
- 602 Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997. С. 72; приказы Политуправления РККА № 352сс и № 339сс от 10 сентября 1939 г. см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 65. Л. 64, 96.
- 603 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 69. Л. 76.
- 604 Там же. Оп. 14. Д. 2338. Л. 48.
- 605 Там же. Оп. 19. Д. 69. Л. 94—100.
- 606 Там же. Л. 79.
- 607 Там же. Л. 89—91.
- 608 Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 8—9, 12—20, 23, 45, 87, 93—96, 98, 103; Ф. 9. Оп. 29. Д. 496. Л. 1—291.
- 609 Великая Отечественная. Сборник документов. Т. 2. М., 1994. С. 116—117.
- 610 РГВА. Ф. 40443. Оп. 3. Д. 297. Л. 128; Д. 298. Л. 142.
- 611 Там же. Ф. 40443. Оп. 3. Д. 298. Л. 142.
- 612 Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2318. Л. 22—24; Правда. 15 сентября 1939 г.
- 613 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 547. Л. 365—366.
- 614 Там же. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 14. Л. 63, 148; Д. 10. Л. 392—396; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1—2.
- 615 Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2338. Л. 124; Подробнее о динамике численности Красной армии в 1939—1941 гг. см.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 357—363, с учетом уточнений в вышеприведенных материалах.
- 616 Формально эти управления стали называться управлениями Белорусского и Украинского фронтов в соответствии с приказом наркома обороны № 0053 от 26 сентября 1939 г. До этого они считались полевыми управлениями БОВО и КОВО, хотя фактически являлись управлениями фронтов. Тем же приказом для управления войсками на территориях обоих округов были сформированы управления БВО и КВО, которые подчинялись Военным Советам соответствующих фронтов, см: РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 21. Л. 57.
- 617 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 1. Л. 43; Д. 193. Л. 200—202.
- 618 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 608.
- 619 ADAP. Bd.8. S. 26—27.
- 620 СССР — Германия. 1939—1941 гг. Вильнюс. 1989. Т. 1: Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 86.
- 621 Катынь: Пленники необъявленной войны. Документы. М., 1997. С. 59—63.
- 622 ADAP. Baden-Baden. 1961. Bd.8. S. 34—35.
- 623 СССР — Германия. 1939—1941 гг. Т. 1. С. 88.
- 624 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 190. Л. 1—4.

- 625 Там же. Д. 2. Л. 95—97.
626 Там же. Д. 521. Л. 30.
627 Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 70—73.
628 Там же. С. 79—81.
629 Катюнь. С. 64.
630 ADAP. Bd.8. S. 47.
631 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 349.
632 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 115.
633 Правда. 14 сентября 1939 г.
634 Невежин В.А. Указ. соч. С. 71—75.
635 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
636 Невежин В.А. Указ. соч. С. 80.
637 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 43. Л. 7—20.
638 Там же. Ф. 9. Оп. 40. Д. 62. Л. 280—285.
639 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 194.
640 Цит. по: Филоненко С.И. Воронеж — Сталинград — Берлин. История боевого пути 45-й стрелковой (74-й гвардейской Нижнеднепровской ордена Богдана Хмельницкого II-й степени) дивизии. Воронеж. 2000. С. 22.
641 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 1—3.
642 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 212. Л. 1—2.
643 Там же. Д. 526. Л. 105—106.
644 Там же. Ф. 31899. Оп. 10. Д. 200. Л. 25—26.
645 Там же. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 29—37.
646 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 80—81.
647 РГВА. Ф. 40780. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
648 Там же. Л. 37.
649 Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—5.
650 Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 70. Л. 229.
651 Там же. Л. 234.
652 Там же. Л. 236.
653 Там же. Л. 227.
654 Там же. Л. 246.
655 СССР — Германия. 1939—1941 гг. Т. 1. С. 92—93.
656 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 604, прим.217.
657 Там же. С. 94.
658 Там же. С. 95—96; ADAP. Bd.8. S. 62.
659 Правда. 18 сентября 1939 г.; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 96; ДМИСПО. Т. 7. С. 178.
660 Обстоятельства вручения этого документа см.: ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 94—95; Катюнь. С. 65—67.
661 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 96—97.
662 Внешняя политика СССР. Т. 4. М., 1946. С. 446—448; Молотов В.М. О внешней политике Советского Союза. М., 1939. С. 7.
663 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486. Л. 1—10; Д. 529. Л. 1—10; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2; Д. 5. Л. 203—204; Д. 3. Л. 28.
664 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 414. Л. 18—21, Д. 392. Л. 170—172, Д. 528. Л. 139, Д. 81. Л. 20—23; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—23, Д. 44. Л. 2—11, Д. 25. Л. 1—51; Ф. 29. Оп. 34. Д. 365. Л. 22—24, 117—119, 139—140; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 29; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 637. Л. 1, 8—9, 11—12.
665 Хорьков А.Г. Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальный период Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 166.
666 Grzelak С.К. Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowjeckiego na Polsce w 1939 roku. Warszawa. 1998. S. 201—202.
667 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 487. Л. 18; Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 74—75.
668 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 64. Л. 4.
669 Действия пограничных войск СССР см.: Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 85—86; Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 237—278.
670 Згорняк М. Указ. соч. С. 360—362; о польских разведданных по советско-германским отношениям до 1 сентября 1939 г. см.: Дембски С. Указ. соч. С. 82—89.

- 671 Катынь. С. 65; Cygan W.K. Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka 1939. Warszawa. 1990. S. 19—29; Szubanski R. Siedemnasty wrzesnia 1939. Warszawa. 1990. S. 35—39; Grzelak C.K. Op. cit. S. 214—223.
- 672 Grzelak C.K. Op. cit. S. 82—85.
- 673 Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение Польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 30.
- 674 Парсаданова В.С. Трагедия Польши в 1939 г.//Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 23.
- 675 Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года// Вопросы истории. 1997. № 7. С. 25—26.
- 676 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 101—102.
- 677 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 37. Л. 101.
- 678 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 212. Л. 12—27; Д. 235. Л. 44—47; Д. 486. Л. 1—129; Д. 487. Л. 14—47; Д. 495. Л. 3—4; Д. 521. Л. 27; Д. 526. Л. 15—260; Grzelak C.K. Op. cit. S. 251—271.
- 679 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235. Л. 44—47; Д. 239. Л. 20—22; Д. 486. Л. 1—128; Д. 495. Л. 1—10; Д. 496. Л. 53—55; Д. 498. Л. 6—41; Д. 524. Л. 1—19, 63, 123—129, 251—256, 299—302; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 164. Л. 3—19, 47, 162—172, 208, 244—246, 255—284, 299; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 610, 709—710; Cygan W.K. Op. cit. S. 31—39; Grzelak C.K. Op. cit. S. 251—271.
- 680 Еременко А.И. Помни войну. Донецк. 1971. С. 119.
- 681 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 233. Л. 1—10, 28—29; Д. 235. Л. 44—47; Д. 239. Л. 8—16, 18—19; Д. 486. Л. 1—129; Д. 497. Л. 17—21; Д. 501. Л. 4—27; Д. 504. Л. 1—13; Д. 524. Л. 251—256; Д. 525. Л. 153—160; Д. 529. Л. 153—160; Д. 530. Л. 1—16; Д. 532. Л. 1—4; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 166. Л. 59—63, 94—99, 116—117; Д. 200. Л. 36—37, 318; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 245—252; Ф. 35437. Оп. 1. Д. 1. Л. 12—29; Д. 2. Л. 1—10; Д. 6. Л. 5; Cygan W.K. Op. cit. S. 39—47; Grzelak C.K. Op. cit. S. 271—278, 331—352.
- 682 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 528. Л. 42—54; Д. 529. Л. 43—53.
- 683 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 235. Л. 44—47; Д. 486. Л. 1—129; Д. 489. Л. 7—18; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 52; Д. 152. Л. 29—42; Д. 167. Л. 6—7; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 668—669, 770; Кривошеин С.М. Междубурье. Воспоминания. Белгород — Воронеж. 1964. С. 251—252.
- 684 РГВА. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 41—61; Cygan W.K. Op. cit. S. 55—65; Grzelak C.K. Op. cit. S. 278—286.
- 685 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—2; Д. 24. Л. 3—110; Д. 27. Л. 1—24; Д. 43. Л. 7—20; Д. 44. Л. 2—11; Д. 48. Л. 2; Д. 51. Л. 1—5; Д. 54. Л. 4—7; Д. 136. Л. 3—12; Ф. 40334. Оп. 1. Д. 11. Л. 202, 243, 248—249; Д. 24. Л. 44; Д. 32. Л. 1—2; Д. 33. Л. 123, 148, 167; Д. 157. Л. 67—69; Д. 278. Л. 348—362; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 260—278; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 293—321об; Cygan W.K. Op. cit. S. 66—74, 85—90; Grzelak C.K. Op. cit. S. 286—306.
- 686 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 5—6; Д. 12. Л. 5—6; Д. 25. Л. 1—51; Д. 28. Л. 3—25; Д. 39. Л. 1—17; Д. 45. Л. 1—5; Д. 55. Л. 1—12; Д. 83. Л. 1—15; Д. 87. Л. 1—11; Д. 134. Л. 1—15; Д. 138. Л. 1—7; Д. 194. Л. 236—238; Д. 195. Л. 2—16; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 165. Л. 2—11, 238—239, 272; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 5—9, 52—62, 150—232, 323—328об; Голиков Ф.И. Об одной фальшивке немецко-фашистских генералов//Военно-исторический журнал. 1959. № 1. С. 71—84; Cygan W.K. Op. cit. S. 91—108; Grzelak C.K. Op. cit. S. 306—315, 399—405.
- 687 Катынь. С. 77.
- 688 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—23; Д. 40. Л. 2—65; Д. 84. Л. 1—6; Д. 85. Л. 1—9; Д. 90. Л. 1—7; Д. 129. Л. 1—11; Д. 130. Л. 1—7; Д. 132. Л. 5—6; Д. 133. Л. 1—4; Д. 135. Л. 1—8; Ф. 25880. Оп. 4. Д. 35. Л. 142—150; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 169. Л. 204—211, 338—350; Д. 180. Л. 3—20, 22—37, 46; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3350. Л. 260—278; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 1—3, 63—78, 90—111, 126—149; Grzelak C.K. Op. cit. S. 315—329.
- 689 ADAP. Bd.8. S. 72.
- 690 Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 449; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 98.
- 691 ADAP. Bd.8. S. 81—82.
- 692 Ibid. S. 82; СССР — Германия. Т. 1. С. 103—104.
- 693 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. С. 123.
- 694 Проэктор Д.М. Указ. соч. С. 117.
- 695 Гудериан Г. Указ. соч. С. 105.
- 696 ADAP. Bd.8. S. 85.
- 697 Ibid. S. 88.
- 698 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 28—29.
- 699 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 63.
- 700 Там же. Л. 60.
- 701 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 125.
- 702 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 60—61.

- 703 Там же. Л. 62.
- 704 Там же. Л. 62; Hass G. 23. August 1939: Der Hitler — Stalin Pact: Dokumentation. Berlin. 1990. S. 229—231.
- 705 Гальдер Ф. Указ. соч. С. 126; РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 65.
- 706 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 65—67; Гальдер Ф. Указ. соч. С. 128; Cygan W.K. Op. cit. S. 147—148.
- 707 РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 64.
- 708 Там же. Л. 72—74, 78—80, 85—91.
- 709 ADAP. Bd.8. S. 85, 88, 95; Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 449; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 121.
- 710 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 2. Л. 12—13.
- 711 Там же. Л. 14—20об.
- 712 Там же. Д. 13. Л. 13—17; Катынь. С. 85—87.
- 713 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486. Л. 129.
- 714 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 233. Л. 14—21; Д. 235. Л. 44—47; Д. 239. Л. 2—5, 15—17; Д. 496. Л. 55—56; Д. 524. Л. 254—256; Д. 530. Л. 13—15; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 166. Л. 116—119; Ф. 35108. Оп. 1. Д. 1. Л. 21—21об, 44—47; Ф. 35437. Оп. 1. Д. 1. Л. 30—39; Cygan W.K. Op. cit. S. 47—52; Grzelak C.K. Op. cit. S. 352—373.
- 715 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 212. Л. 20—27; Д. 233. Л. 10—14; Д. 235. Л. 44—47; Д. 487. Л. 42—47; Д. 524. Л. 45—50, 193—267, 254—250, 299—302; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 164. Л. 16—19, 150, 173—191, 213.
- 716 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 491. Л. 12—28; Д. 501. Л. 18—27; Д. 523. Л. 1—51; Д. 528. Л. 60—100; Д. 529. Л. 53—95; Д. 530. Л. 16—121; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 166. Л. 257—265; Д. 168. Л. 12, 28—33; Д. 200. Л. 48—49, 318; Ф. 35437. Оп. 1. Д. 6. Л. 7; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 702—704.
- 717 Кривошеин С.М. Указ. соч. С. 252—261.
- 718 Бережков В.М. Просчет Сталина//Международная жизнь. 1989. № 8. С. 19; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941 гг. М., 1992. С. 101; Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 34.
- 719 См. также: Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 108—109.
- 720 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 119. Л. 7—8.
- 721 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 489. Л. 14—28; Д. 530. Л. 21—121; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 168. Л. 28—33; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 64—115; Д. 152. Л. 51, 56—57; Д. 154. Л. 2—46; Д. 174. Л. 25; Grzelak C.K. Op. cit. S. 373—382.
- 722 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 156. Л. 15; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 68—110; Д. 152. Л. 51, 56—59; Д. 154. Л. 2—46.
- 723 РГВА. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 11. Л. 169, 207—208; Д. 31. Л. 4, 14, 16; Д. 33. Л. 137; Д. 278. Л. 348—362; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 4—6, 9—30; Д. 42. Л. 8—11; Д. 44. Л. 8—11; Д. 24. Л. 3—110; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 293—321об; Grzelak C.K. Op. cit. S. 382—399.
- 724 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 3. Л. 11—12, 21; Д. 25. Л. 1—51; Д. 39. Л. 1—17; Д. 45. Л. 1—5; Д. 55. Л. 6—12; Д. 83. Л. 1—15; Д. 195. Л. 2—16; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 165. Л. 11, 31, 240; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 5—9, 52—62, 150—232, 323—328об; Grzelak C.K. Op. cit. S. 405—407.
- 725 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 5. Л. 62, 90.
- 726 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 260—278; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 84. Л. 1—6; Д. 85. Л. 1—9; Д. 88. Л. 9; Д. 89; Д. 90. Л. 1—7, 15—16; Д. 133. Л. 1—4; Д. 195. Л. 2—16; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 167. Л. 2—11, 70; Д. 169. Л. 101, 138, 204—211, 338—350; Д. 180. Л. 3—37, 46; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 1—3, 35—50, 63—78, 90—111, 126—149; Cygan W.K. Op. cit. S. 108—117; Grzelak C.K. Op. cit. S. 407—414, 454—461.
- 727 Cygan W.K. Op. cit. S. 74—84, 119—133.
- 728 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—7.
- 729 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 11. Л. 102, 107, 114—115; Grzelak C.K. Op. cit. S. 436—454.
- 730 РГВА. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 154. Л. 13; Д. 170. Л. 35, 41, 46, 48—50; Д. 171. Л. 31, 37; Д. 172. Л. 20—23, 25, 26—28; Grzelak C.K. Op. cit. S. 426—436.
- 731 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—7, 27—28, 47—48; Grzelak C.K. Op. cit. S. 461—465.
- 732 РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 1—3.
- 733 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 527. Л. 314—315.
- 734 Там же. Д. 445. Л. 1.
- 735 Там же. Д. 417. Л. 120—121.
- 736 Там же. Д. 102. Л. 130—132; Д. 417. Л. 87—88; Д. 445. Л. 1; Д. 527. Л. 274—276; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 2. Л. 26—30; Д. 3. Л. 11—12; Д. 5. Л. 199; Д. 8. Л. 115—120; Д. 9. Л. 133—134.
- 737 СССР — Германия. 1939—1941 гг. Т. 1. С. 104—106; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 103—104
- 738 Фляйшхауэр И. Пакт Молотова-Риббентропа: германская версия//Международная жизнь. 1991. № 7. С. 129—133.
- 739 ADAP. Bd.8. S. 123—125.

- 740 Международная жизнь. 1991. № 7. С. 134—137; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 134—135.
- 741 Вокруг пакта о ненападении (Документы о советско-германских отношениях 1939 г.) // Международная жизнь. 1989. № 9. С. 93—94; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 135—136; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 586—587.
- 742 Международная жизнь. 1989. № 9. С. 94—97.
- 743 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 102. Л. 83—85.
- 744 Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 452—453; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 136—137.
- 745 Правда. 29 сентября 1939 г.
- 746 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 98—99.
- 747 Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября — конец октября 1939 г.)//Война и политика, 1939—1941. М., 1999. С. 11; Сиполс В.Я. Тайные документы «странной войны»// Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 92—95; Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. С. 131—132, 139. Лишь Л. А. Безыменский полагает, что Англия после 17 сентября 1939 г. была на грани войны с Советским Союзом, см.: Безыменский Л.А. Великая Отечественная... в 1940 году// Международная жизнь. 1990. № 8. С. 104—105.
- 748 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 103—104, 107—108.
- 749 Там же. С. 124—125; Севостьянов П.П. Перед великим испытанием. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сент. 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1981. С. 123—124.
- 750 Севостьянов П.П. Указ. соч. С. 124—125; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 130—131.
- 751 Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. С. 134—136.
- 752 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 196, 234.
- 753 Там же. С. 98—99, 103—104, 108—110, 122—123, 130—132, 143—144.
- 754 Севостьянов П.П. Указ. соч. С. 125—127.
- 755 Молотов В.М. Внешняя политика правительства. Доклад на VI сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 г. М., 1940. С. 4—6; Севостьянов П.П. Указ. соч. С. 127—131.
- 756 Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965. С. 81—106.
- 757 Стрельбицкий К.Б. Деятельность подводных лодок Черноморского флота в сентябре — октябре 1939 г.//Тайны подводной войны. Малоизвестные страницы Второй мировой войны на море 1939—1945 гг. Вып.2. Львов. 1996. С. 6—9; Стрельбицкий К.Б. В сентябре 39-го//Родина. 1996. № 7—8. С. 91—95.
- 758 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 2. Л. 21—23.
- 759 Там же. Д. 5. Л. 23—24.
- 760 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 323. Л. 41—43.
- 761 Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 2. Л. 53.
- 762 Там же. Ф. 4. Оп. 19. Д. 22. Л. 92—95, 101—105.
- 763 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 2. Л. 24—29; Д. 210. Л. 28—29.
- 764 Там же. Л. 30—31.
- 765 Там же. Л. 33.
- 766 Там же. Д. 297. Л. 60.
- 767 Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3773. Л. 341; Ф. 40334. Оп. 1. Д. 259. Л. 16; Д. 278. Л. 201, 283, 546.
- 768 Там же. Ф. 40780. Оп. 1. Д. 1. Л. 43—44.
- 769 Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 70. Л. 246.
- 770 Там же. Д. 74. Л. 149.
- 771 Там же. Л. 153.
- 772 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 283.
- 773 Там же. Ф. 40780. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.
- 774 Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 74. Л. 243.
- 775 Там же. Оп. 36. Д. 3772. Л. 354.
- 776 Там же. Л. 333.
- 777 Там же. Л. 441.
- 778 Там же. Д. 3773. Л. 352.
- 779 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 216, 243.
- 780 Пограничные войска СССР. С. 272.
- 781 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 712.
- 782 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 534.
- 783 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 212. Л. 6; Д. 526. Л. 15—16.
- 784 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 219—220.
- 785 Там же. Ф. 37464. Оп. 1. Д. 152. Л. 72.
- 786 Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 134. Л. 11.
- 787 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 5. Л. 32; Ф. 9. Оп. 40. Д. 63. Л. 47; Ф. 27880. Оп. 4. Д. 2. Л. 14—18, 51; Ф. 40334. Оп. 1. Д. 11. Л. 103; Д. 278. Л. 384.
- 788 Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 24. Л. 3—110.

- 789 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 528. Л. 78; Ф. 31899. Оп. 10. Д. 168. Л. 15.
790 Молотов В.М. О внешней политике Советского Союза. С. 9.
791 Кроме того, 24-я танковая бригада эвакуировала из района Красноброд, Юзефув, Томашув 2 немецких и 19 польских танков и танкеток: РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 325—326; Ф. 31811. Оп. 4. Д. 20. Л. 230—232.
792 Стрельбицкий К.Б. Потери противников советского ВМФ 1918—1940. Справочник. Львов. 1995. С. 14—19, 31.
793 Гриф секретности снят. С. 86; РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 24. Л. 105—106; Д. 25. Л. 44—45; Д. 188. Л. 307—308.
794 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 200—207.
795 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 11. Л. 176.
796 Там же. Д. 108. Л. 18; Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 225—227.
797 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 272. Л. 32; Д. 285. Л. 132, 144, 197; Д. 298. Л. 53, 103; Ф. 40334. Оп. 1. Д. 33. Л. 52, 71; Ф. 37464. Оп. 1. Д. 150. Л. 120—130.
798 Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну//Отечественная история. 2000. № 5. С. 53.
799 РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 31.
800 Там же. Л. 42—42об.
801 Там же. Л. 96—97.
802 Там же. Л. 43.
803 Мюллер-Гиллербанд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 33—34, 40.
804 Пограничные войска СССР. С. 280, 283.
805 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 159. Л. 5—6.
806 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 184.
807 РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 323.
808 Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 35. Л. 1055—1057.
809 Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 93—94; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 486. Л. 50—50об.
810 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 258. Л. 6.
811 Там же. Л. 7—8.
812 Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 2. Л. 68; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 322.
813 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 212. Л. 7.
814 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 258. Л. 3.
815 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.
816 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 258. Л. 1.
817 Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 322.
818 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 278. Л. 452.
819 Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 433. Л. 378—380.
820 Там же. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.
821 Бушуева Т.С. Счастье на штыках. Неизвестные документы российских архивов // Октябрь. 1993. № 11. С. 167.
822 РГВА. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 99. Л. 52—52об.
823 Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 12. Л. 55; Ф. 35084. Оп. 1. Д. 188. Л. 204; Ф. 25880. Оп. 4. Д. 2. Л. 31—32.
824 Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 35. Л. 80.
825 Там же. Ф. 40780. Оп. 1. Д. 1. Л. 32.
826 Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939—1941 гг.//Исторические сборники «Мемориала». Вып.1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 49.
827 ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 19—22; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.
828 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 743—744.
829 Там же. Л. 794.
830 Там же. Л. 795.
831 Там же. Л. 741—742; Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 28.
832 Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 102.
833 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 737. Л. 6—18; Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 460—461; ДМИСПО. Т. 7. С. 179—186.
834 РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 664. Л. 236; Д. 486. Л. 210.
835 Михутина И.В. Польско-советская война 1919—1920 гг. С. 248—249.
836 Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920—1933 гг. (Военно-политические отношения СССР — Германия). М., 2001.
837 Круглый стол «Начало Второй мировой войны (1939 год): современное состояние проблемы // Славяноведение. 2000. № 6. С. 68.
838 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 167.

- 839 ДВП. Т. 9. С. 250—254.
- 840 Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 10. С. 41—42.
- 841 Год кризиса. Т. 2. С. 321.
- 842 Вишлев О.В. Указ. соч. С. 14—16.
- 843 Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 115—117.
- 844 Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 140—142.
- 845 Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. С. 205.
- 846 Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939—1941 гг. М., 1991. С. 112—113; Фалин В.М. Указ. соч. С. 136—137.
- 847 Орлов А.С. СССР — Германия: август 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1991. С. 8—10.
- 848 Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 114—115; Орлов А.С. Указ. соч. С. 10; Марков А.Д. Указ. соч. С. 15.
- 849 Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение Польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 8—38; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. С. 82.
- 850 Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 110—116; Орлов А.С. Указ. соч. С. 9—10; Орлов А.С. Третий рейх и третий Рим (1933—1941). М., 1993. С. 153—158.
- 851 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 36; Парсаданова В.С. «Польская» политика СССР в сентябре 1939 — июне 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны. С. 53—66; Орлов А.С. СССР — Германия: август 1939 г. — июнь 1941 г. С. 10—11; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990. С. 150—160; Вишлев О.В. Указ. соч. С. 15.
- 852 Семиряга М.И. Указ. соч. С. 85—97; Случ С.З. Указ. соч. С. 30—38; Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. С. 20.
- 853 Семиряга М.И. Указ. соч. С. 96—98; Случ С.З. Указ. соч. С. 32—35; Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война: из непрочитанных страниц истории (1930—1990-е). М., 1994. С. 144; Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1995. С. 133, 208—209; Дурачинский Э. Польша в политике Москвы 1939—1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика, 1939—1941. М., 1999. С. 52; Случ С.З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну // Славяноведение. 1999. № 6. С. 39—41; Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 6. С. 20—22.
- 854 Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 110—129; Орлов А.С. Указ. соч. С. 14—15.
- 855 Бережков В.М. Просчет Сталина // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 19; Семиряга М.И. Указ. соч. С. 47—48, 96; Советское государство и право. 1989. № 9. С. 92—104.
- 856 Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 110—129; Орлов А.С. Указ. соч. С. 14—15; Бережков В.М. Указ. соч. С. 19; Волков С.В., Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 133—135, 160—163.
- 857 Волков С.В., Емельянов Ю.В. Указ. соч. С. 133—135, 160—163; Розанов Г.Л. Указ. соч. С. 110—129; Орлов А.С. Указ. соч. С. 14—15.
- 858 Системная история международных отношений. Т. 1: События 1918—1945. С. 369.
- 859 Семиряга М.И. Указ. соч. С. 47—48, 96; Советское государство и право. 1989. № 9. С. 92—104; Некрич А.М. Указ. соч. С. 209—210.
- 860 Вишлев О.В. Указ. соч. С. 14—15.
- 861 Молотов В.М. О внешней политике Советского Союза. С. 3.
- 862 Вишлев О.В. Указ. соч. С. 103—110.
- 863 История второй мировой войны. Т. 3. С. 31; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. М., 2001. С. 184, 187; Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 34, 37—38; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd.2. S. 133; Bd.5/1. S. 635; Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres. Koblenz. 1987. Bd.2. S. 196; РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 24. Л. 105—106; Д. 25. Л. 44—45; Д. 188. Л. 307—308; Д. 192. Л. 91—92, 148; Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 120; Молотов В.М. Указ. соч. С. 9; по мнению Цыгана, количество трофейных самолетов, захваченных Красной Армией, включает не только военные, но и гражданские, учебные и спортивные самолеты, см.: Суган W.K. Kresy w ogniu: Wojna polsko-sowiecka 1939. S. 144.
- 864 Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 235.
- 865 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 107.
- 866 ДВП. Т. 15. С. 437.
- 867 Там же. Т. 16. С. 388—392, 403—406, 408—411.
- 868 Марков А.Д. Указ. соч. С. 13.

- 869 Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1939—1964). (Опыт беспристрастного исследования). М., 1999. С. 39—42.
- 870 Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 402.
- 871 Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2-х тт. Смоленск. 1994. Т. 2. С. 268.
- 872 По юридическим проблемам нейтралитета см.: Kupfer J. Die Neutralität im Wandel der Erscheinungsformen militärischer Auseinandersetzungen. München. 1975.
- 873 Ширер У. Указ. соч. Т. 2. С. 10; ДВП. Т. 22. Кн. 2. С. 144, 618.
- 874 Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну//Отечественная история. 2000. № 6. С. 19.
- 875 Некрич А.М. Война, которую назвали «странной». М., 1961. С. 150.
- 876 Литва. Краткая энциклопедия. Вильнюс. 1989. С. 187.
- 877 Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 207.
- 878 Подробнее см.: Григорьянц Т.Ю. Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939—1945 гг.). (Политика германизации и колонизации «присоединенных» польских земель.). М., 1979.
- 879 Szarota T. Polen unter deutscher Besetzung 1939—1941: Vergleichende Betrachtungen//Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». München; Zürich. 1991. S. 40—55.
- 880 Катень. С. 85.
- 881 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 216—219.
- 882 Там же. Д. 504. Л. 1—4.
- 883 Там же. Ф. 40334. Оп. 1. Д. 259. Л. 2—3.
- 884 Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. С. 81.
- 885 Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 14.
- 886 Grzelak С.К. Op. cit. S. 504.
- 887 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 394. Л. 216—219; Д. 432. Л. 121.
- 888 Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939—1941 гг.//Исторические выпуски «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 77—113.
- 889 Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг.//Там же. С. 114—136.
- 890 Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг.//Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 29.
- 891 Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 37.
- 892 Катень. С. 114—123.
- 893 РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 502. Л. 201—202.
- 894 Лебедева Н.С. Указ. соч. С. 73; Лебедева Н.С. О трагедии в Катини//Международная жизнь. 1990. № 5. С. 117; Катень. С. 163—164, 209.
- 895 Лебедева Н.С. Катень: преступление против человечества. С. 215—216; Катень. С. 517—603.
- 896 Московские новости. 13—19 февраля 2001 г. С. 5.
- 897 Молотов В.М. Указ. соч. С. 3.
- 898 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3. 1 января — 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 36.